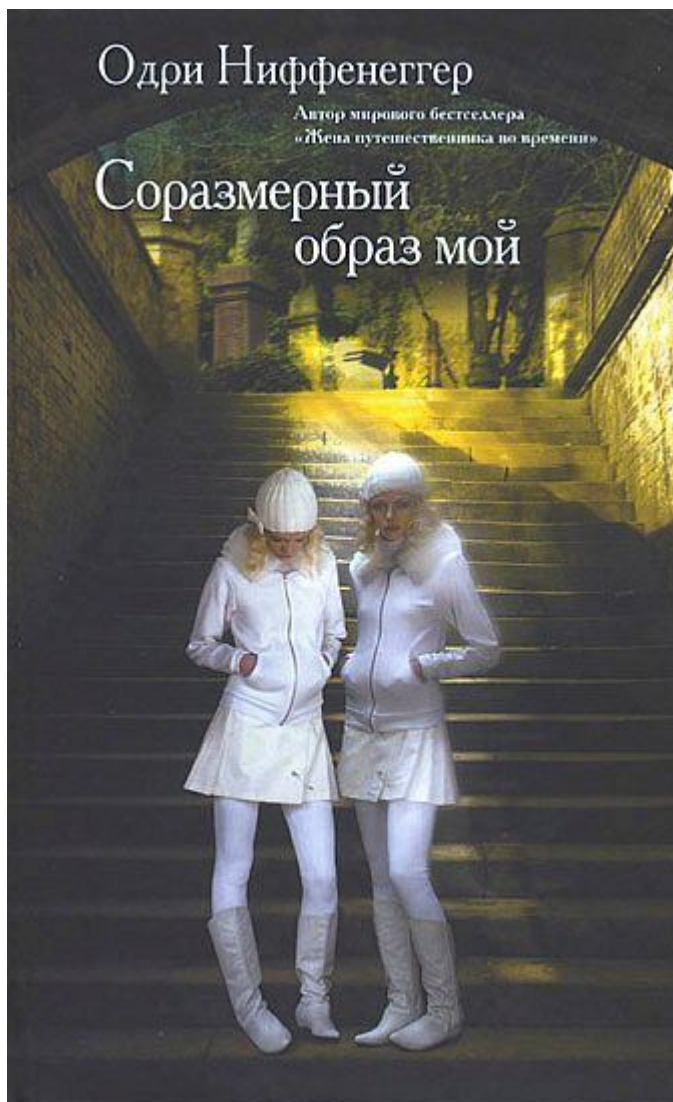

Одри Ниффенеггер Соразмерный образ мой

: Ronja_Rovardotter; OCR&ReadCheck: golma1 <http://lib.rus.ec/>
«Соразмерный образ мой»: Эксмо; Москва; 2010
ISBN 978-5-699-41481-9

Аннотация

Одри Ниффенеггер дебютировала с романом «Жена путешественника во времени», и эта книга буквально покорила мир: переводы на все языки, многомиллионные тиражи, покупка киноправ Брэдом Питтом и долгожданная экранизация в 2009 году.

В том же 2009 году Ниффенеггер выпустила не менее долгожданный второй роман — историю о призраках и семейных тайнах, о кишящем тенями прошлого мегаполисе, о любви, над которой не властна даже смерть (в самом прямом смысле).

Умирающая Элпет Ноблин завещает лондонскую квартиру своим племянницам — дочкам ее сестры-близнеца Эдвины, которая со скандалом уехала в США двадцать лет назад, и с тех пор сестры не общались. И вот Джулия и Валентина, тоже близняшки, переезжают из Мичигана в Лондон, в новый дом, который стоит у легендарного Хайгейтского кладбища. Кто оставляет им послания на пыльной крышке рояля, чье холодное дыхание ощущается в пустой квартире, кто заманил в дом Котенка Смерти?..

Одри Ниффенеггер

Соразмерный образ мой¹

Джин Пейтман, с любовью

*She said, «I know what it's like to be dead.
I know what it is to be sad».
And she's making me feel like I've never been born.
The Beatles*

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

КОНЕЦ

Элспет умерла в тот миг, когда Роберт остановился у автомата и стал смотреть, как в пластиковый стаканчик льется чайная струя. Потом он не раз вспоминал, как нес этот проклятый чай по пустому больничному коридору под лампами дневного света, возвращаясь

¹ «Соразмерный образ мой» — перефразированная цитата из стихотворения Уильяма Блейка «Тигр» («The Tyger»), включенного в цикл «Песни опыта». В тексте романа внимательный читатель найдет множество аллюзий к этому стихотворению:

Тигр, о тигр, светло горящий
В глубине полночной чащи,
Кем задуман огневой
Соразмерный образ твой?

В небесах или глубинах
Тлел огонь очей звериных?
Где таился он века?
Чья нашла его рука?

Что за мастер, полный силы,
Свил твои тугие жилы
И почувствовал меж рук
Сердца первый тяжкий стук?

Что за горн пред ним пылал?
Что за млат тебя ковал?
Кто впервые сжал клещами
Гневный мозг, метавший пламя?

А когда весь купол звездный
Оросился влагой слезной,—
Улыбнулся ль, наконец,
Делу рук своих творец?

Неужели та же сила,
Та же мощная ладонь
И ягненка сотворила,
И тебя, ночной огонь?

Тигр, о тигр, светло горящий
В глубине полночной чащи
Чьей бессмертной рукой
Создан грозный образ твой?

Цит. по: Маршак С. Я. Собр. соч. в 8 т. Т. 3. М.: Художественная литература, 1969.

Как и некоторые другие цитаты, включенные в текст романа, использованная в оригинальном заглавии цитата из Блейка перефразирована: вместо «thy fearful symmetry» (букв. «твоя зловещая соразмерность») автор использует «Her Fearful Symmetry» (букв. «ее зловещая соразмерность»).

в палату, где в окружении медицинских приборов лежала Элспет. Она успела повернуть голову, и Роберт с порога отметил, что у нее открыты глаза, — ему даже померещилось, будто она пришла в сознание.

В последние мгновения перед смертью Элспет вспомнила один весенний день, когда они с Робертом приехали в Кью-Гарденз² и, обходя лужи, гуляли по берегу Темзы. Пахло прелыми листьями; только что прошел дождь. Роберт тогда сказал: «Надо было нам с тобой завести детишек», а Элспет ему ответила: «Не говори глупостей, милый». Теперь, в больничной палате, она повторила его слова, но Роберт пошел за чаем и не услышал.

Элспет повернула голову к дверям. Она хотела позвать: «Роберт», но что-то застряло в горле. Как будто душа пыталась выбраться через пищевод. Чтобы ей помочь, Элспет собралась откашляться, но изо рта вырывалось только слабое бульканье. «Сейчас утону. Прямо на больничной койке утону...» Ее придавило каким-то беспощадным грузом, но вскоре подхватило течением; муки отступили, и теперь она разглядывала из-под потолка свое щуплое, иссохшее тело.

Роберт застыл на пороге. Чай обжигал ему пальцы, и он опустил стакан на тумбочку. С приближением рассвета черные тени сделались мутно-серыми; а в остальном ничего не изменилось. Он притворил за собой дверь.

Снял круглые очки в тонкой оправе, сбросил туфли. А потом осторожно прилег на больничную койку и свернулся калачиком вплотную к Элспет, стараясь ее не потревожить. Недели три она металась в лихорадке, но сейчас температура снизилась почти до нормальной. В тех местах, где их тела соприкасались, он кожей ощущал легкое тепло. Уйдя в мир безжизненных существ, Элспет начала терять жар. Роберт уткнулся ей в затылок и глубоко вдохнул.

А Элспет наблюдала сверху. Как все знакомо — и в то же время многое теперь казалось ей странным. Она видела, но, конечно, не чувствовала, как его удлиненные пальцы сжимают ее талию, и вообще весь он был какой-то вытянутый, даже лицо — сплошной подбородок и длинная верхняя челюсть; нос — точно клюв, глазницы впалые, каштановые волосы разметались по ее подушке. За долгое время больничные лампы отбелили ему кожу до мертвенной бледности. Одиноким худой великан, обнимающий ее крошечное безвольное тельце. Элспет вспомнила давнишнюю фотографию из журнала «Нэшнл джиографик»: мать сжимает в объятиях младенца, умершего от голода. Роберт был в неглаженной белой сорочке; из дырявых носков торчали большие пальцы. Ее разом захлестнули все сожаления, раскаяния и желания. «Нет, — подумалось ей, — ни за что не умру». Но она уже отошла и через мгновение исчезла в неизвестности, канула в небытие.

Через полчаса их обнаружила медсестра. Она постояла без слов, глядя, как моложавый рослый мужчина прикрывает собой тщедушную покойницу средних лет. Медсестра пошла за санитарями.

Между тем Лондон пробуждался ото сна. Роберт лежал, смежив веки, и слушал шум транспорта на оживленной магистрали; в больничном коридоре застучали шаги. Он знал: вот-вот придется открыть глаза, отстраниться от тела Элспет, спустить ноги, встать, заговорить. В скором времени его ожидало будущее без Элспет. Но пока он так и лежал с закрытыми глазами, втягивал в себя ее ускользящий запах и не спешил расставаться.

ПОСЛЕДНЕЕ ПИСЬМО

Письма приходили раз в две недели. Только не на домашний адрес. Каждый второй четверг Эдвина Ноблин Пул садилась в машину и ехала за шесть миль от своего дома в

² Кью-Гарденз (официальное название «Королевский ботанический сад») — одно из популярных мест отдыха лондонцев. Парк, занимающий сегодня площадь около 120 га, был основан в 1731 г. и национализирован в 1840 г. Помимо богатой коллекции растений, Кью-Гарденз известен прекрасными образцами парковой архитектуры («Пагода», «Китайская башня» и др.).

Лейк-Форесте, через два соседних городка, в Хайленд-Парк — на почту. Там у нее был абонентский ящик, причем самого скромного размера. Более одного конверта туда никогда не поступало.

Как правило, она забирала письмо и шла в кафе «Старбакс», где заказывала соевый кофейный напиток с молоком. Устраивалась с большой порцией в углу, прислонясь к стене. Если время поджимало, Эди забирала конверт в машину. Прочитав письмо, она выезжала со стоянки, располагавшейся позади лотка с хот-догами на Второй улице, останавливалась возле мусорных баков и сжигала письмо.

— Зачем ты возишь в бардачке зажигалку? — спросил как-то ее муж, Джек.

— Надоело вязаньем заниматься. Хочу устроить поджог, — отшутилась Эди.

Муж не стал докапываться.

Джек был в курсе, что ей приходят письма: для слежки за женой он нанял частного детектива. Тот установил, что она ни с кем не встречается, не звонит по телефону, не проверяет электронную почту — короче, ничего подозрительного, если не считать этих писем. Сыщик, правда, умолчал о том, что Эди, сжигая письма, всякий раз демонстративно пялилась в его сторону, а потом растирала пепел по асфальту подошвой туфельки. Однажды она вскинула руку в нацистском приветствии. Он все проклял, что взялся за это дело.

Было в Эдвине Пул нечто странное, отчего сыщику становилось не по себе; уж очень сильно отличалась она от прочих «объектов». Муж заверил, что не собирается подавать на развод, а потому не заинтересован в сборе компромата. «Просто хочу выяснить, чем она занимается, — объяснил он. — Что-то... здесь не так». Эди нисколько не смущалась постоянным присутствием детектива. И Джеку не сказала ни слова. На слежку она плевала, зная, что приставленный к ней грузный, лоснящийся от пота тьюфак не вышел умом, чтобы ее раскусить.

Последнее письмо пришло в начале декабря. Забрав его из ящика, Эди сразу поехала в Лейк-Форест, на пляж. Машину она поставила как можно дальше от дороги. День выдался неуютно-холодный и ветреный. На песке не было ни снежинки. Озеро Мичиган стало бурым, суетливые волны лизали каменистый берег. Скалы в свое время были слегка подправлены для предотвращения эрозии почвы, отчего пляж теперь напоминал театральную декорацию. На стоянке было пусто, если не считать принадлежавшей Эди «хонды-аккорд», которая стояла с включенным двигателем. Сыщик помаячил неподалеку, а потом, тяжело вздохнув, припарковался у противоположного края площадки.

Эди стрельнула глазами в его сторону. «А без зрителей никак нельзя? — Она посидела еще немного, глядя на озеро. — Могу, между прочим, сжечь, не читая». Она задумалась о том, как сложилась бы ее жизнь, останься она в Лондоне: можно ведь было отпустить Джека в Америку одного. Почему-то ее охватила неодолимая тоска по сестре-двойняшке; вытащив из сумки письмо, она поддела пальцем клапан конверта и развернула листок.

Дорогая моя Э., обещала поставить тебя в известность, что и делаю — прощай.

Пытаюсь вообразить, каково бы мне было, случись такое с тобой, но представить мир без тебя просто невозможно, хотя наши пути давно разошлись.

Наследства я тебе не оставила. Доживи за меня мою жизнь. Вот и все. А я решилась на эксперимент: все свое имущество отписала близняшкам. Надеюсь, их это порадует.

Все образуется, не волнуйся.

Прощайся за меня с Джеком.

С любовью, невзирая ни на что.

Э.

Эди сидела, понутив голову, и боялась расплакаться. Но слез не было, и она тихо порадовалась: еще не хватало распускать нюни перед соглядатаем. Она проверила почтовый штемпель. Письмо ушло четыре дня назад. Кто его отправил — непонятно. Видимо, кто-то

из медперсонала.

Она вернула письмо в сумку. Предавать этот листок огню теперь не имело смысла. Ей хотелось на некоторое время его сохранить. А может, просто — сохранить. Она вырулила со стоянки. И, проезжая мимо сыщика, ткнула вверх средним пальцем.

До дому было совсем близко; Эди задумалась о своих дочках. В голове замелькали разные сценарии, один хуже другого. За время пути она твердо решила не допускать вступления девочек в права наследства.

Когда Джек вернулся с работы, Эди лежала без света в их общей спальне.

— Что стряслось? — спросил он.

— Элспет умерла, — сообщила она.

— А как ты узнала?

Она протянула ему письмо. Скользнув по нему глазами, Джек не испытал ничего, кроме облегчения. «Умерла так умерла, — подумалось ему. — От этой Элспет один геморрой». Он лег на свой край кровати, и Эди, подвинувшись, прильнула к нему. Тогда Джек выговорил: «Сочувствую, малышка моя» — и больше они не проронили ни слова. В последующие недели и месяцы Джек не раз себя упрекал: Эди наотрез отказывалась говорить о родной сестре, не отвечала на вопросы, не строила догадок относительно завещания, составленного в пользу их дочерей, не выдавала своих чувств и вообще пресекала эту тему. Со временем Джеку пришло в голову, что в тот самый вечер Эди вполне могла ему открыться — нужно было только вызвать ее на разговор. Если бы он поведал ей то, что ему известно, неужели она все равно замкнулась бы в себе? Впоследствии это стало между ними незримой преградой.

Но до поры до времени они лежали рядом в своей общей постели. Положив голову на грудь Джека, Эди слушала, как у него бьется сердце. «Все образуется, не волнуйся... Не знаю, хватит ли у меня сил. Я думала, мы еще увидимся. Почему я тебя не провела? Почему ты запретила мне приезжать? Как мы до такого дошли?» Джек обнял ее обеими руками. «Разве оно того стоило?» Эди окаменела.

В прихожей послышались голоса близняшек. Эди высвободилась и вскочила с кровати. За все время она не проронила ни слезинки, но все равно сбегала в ванную, чтобы ополоснуть лицо.

— Молчок, — шепнула она Джеку, расчесывая волосы.

— Почему?

— Потому.

— Ладно.

Их глаза встретились в зеркале над туалетным столиком. Потом она вышла, и до него донесся ее обыденно-ровный вопрос:

— Что в колледже?

В ответ прозвучал голос Джулии:

— Ничего хорошего.

Валентина спросила:

— А что, обеда еще нет?

И Эди ответила:

— Сегодня пойдем в Саутгейт и закажем пиццу.

Джек сидел на кровати, усталый и придавленный какой-то тяжестью. Он, по обыкновению, туго соображал, что к чему, но, по крайней мере, твердо знал, что будет сегодня на обед.

КАК ЦВЕТ ПОЛЕВОЙ

Элспет Ноблин скончалась, и больше для нее ничего нельзя было сделать, кроме как распорядиться ее прахом. Похоронная процессия медленно въехала в ворота Хайгейтского кладбища: впереди катафалк, а за ним с десятков автомобилей, принадлежавших ее

собратьям-букинистам и просто знакомым. Путь лежал совсем недалеко — под гору от церкви Святого Михаила. Роберт Фэншоу дошел от «Вотреверса» пешком, вместе с Уэллсами: Марика и Мартин были его соседями сверху. На просторном кладбищенском дворе они остановились и стали смотреть, как маневрирует катафалк, чтобы вписаться в ворота и не съехать с узкой аллеи, ведущей к фамильному склепу.

Роберт обессилел и словно окаменел. Его слух не улавливал никаких шумов, как будто он смотрел кино без звука. Мартин с Марикой держались вместе, чуть поодаль от него. Поджарый, ладно сбитый, Мартин уже начал сесть; у него был короткий ежик густых волос и заостренный кончик носа. В его облике сквозило что-то нервное и колющее, беспокойное и настороженное. В его жилах текла валлийская кровь, а кроме того, он терпеть не мог ходить на похороны. Над ним высилась его жена, Марика. На голове у нее красовались асимметричные пряди ядовито-малинового цвета, в тон которым была подобрана губная помада; Марика, широкая в кости, импульсивная, представляла собой колоритное зрелище. Ее изможденное лицо не вязалось с ультрамодным обликом. Она с тревогой наблюдала за мужем.

Тот стоял, закрыв глаза. И шевелил губами. Со стороны могло показаться, будто он молится, но Роберт и Марика знали: это Мартин всего-навсего считает про себя. С неба падали жирные снежинки, которые исчезали, едва коснувшись земли. Над Хайгейтским кладбищем нависали мокрые ветви деревьев, а на грунтовых дорожках под ногами чавкала слякоть. С могил то и дело взлетали вороны: они садились на нижние сучья или, покружив в воздухе, опускались на крышу диссентерской часовни,³ в которой теперь располагалась контора кладбища.

Марике нестерпимо хотелось курить. Она не очень-то жаловала Элспет, но теперь затосковала. Элспет наверняка отпустила бы какую-нибудь колкость, съязвила бы по поводу этих церемоний. Открыв рот, Марика вздохнула, и ее дыхание на миг заклубилось не хуже сигаретного дыма.

Катафалк проследовал по Черенковой аллее и скрылся из виду. Фамильный склеп Ноблинов находился прямо за углом от зоны отдыха, ближе к середине кладбища; тем, кто пришел проститься с Элспет, предстояло отшагать по узкой, бугристой от древесных корней Колоннадной аллее, где не мог пройти катафалк. Автомобили пришлось оставить у полукруглой Колоннады, отделявшей кладбищенский двор от захоронений; нехотя выбравшись из тепла, водители и пассажиры огляделись, рассмотрели часовню (построенную, как некогда сказал кто-то из знаменитых, в стиле «похоронной готики»), кованые ворота, памятник жертвам войны и статую Фортуны, воздевшую пустые глазницы к свинцовому небу. Марика задумалась, сколько же гробов прошло сквозь хайгейтские ворота. На первых порах сюда въезжали черные повозки, запряженные лошадьми в траурном плюмаже, а следом тащились наемные плакальщицы и бессловесные статисты; теперь на смену им пришли разномастные автомобили, цветные зонты и скорбящие близкие. Кладбище вдруг увиделось Марике старинным театром, где без конца играют одну и ту же пьесу, меняя лишь костюмы и прически.

Роберт тронул Мартина за плечо, и Мартин открыл глаза с таким видом, будто его, спящего, растолкали пинками. Они пересекли двор, миновали проход в центре Колоннады, поднялись по замшелым ступенькам и оказались на кладбище. За ними плелась Марика. Остальные шли следом. На крутых каменистых тропах было скользко. Все боялись оступиться. Никто не проронил ни слова.

³ ...диссентерской часовни... — Диссентеры (*англ.* dissenters, от *лат.* dissentio — «не соглашаюсь») — в Англии одно из наименований лиц, уклоняющихся от официально принятого вероисповедания (англиканской церкви). Термин появился в связи с распространением Реформации и применялся с XVI в. для обозначения тех, кто подвергался преследованиям со стороны государственной церкви. В зависимости от характера последней диссентерами в разное время назывались представители различных конфессий, чаще всего — пуритане. В Елизаветинскую эпоху диссентерами называли всех противников англиканской церкви.

Найджел, директор кладбища, стоял возле катафалка, еще более элегантный и внимательный, чем обычно. Он встретил Роберта грустной полуулыбкой, словно говоря: «К своим у нас отношение особое, верно?» Рядом с Найджелом стоял приятель Роберта, Себастьян Морроу. Себастьян был владельцем похоронного бюро; Роберт не раз видел его в деле, но теперь у Себастьяна будто открылись запасы сочувствия и внутреннего достоинства. Он, можно сказать, дирижировал церемонией без единого жеста и слова; в нужный момент его взгляд просто останавливался на ком-нибудь из присутствующих, указывал на необходимый предмет — и все, что положено, совершалось само собой. Себастьян был в костюме цвета маренго и хвойно-зеленом галстуке. Уроженец Лондона, он появился на свет в семье выходцев из Нигерии; темная кожа выделяла его среди присутствующих и в то же время делала почти незаметным в тенистых кладбищенских зарослях.

У катафалка собрались носильщики.

Все терпеливо ждали, а Роберт в одиночку зашагал по главной аллее к родовому склепу Ноблинов, сложенному из плит известняка. Над входом была высечена только фамилия. Позеленевшую от патины медную дверь украшал барельеф с изображением пеликана, кормящего детеныша собственной кровью, — символ Воскресения. Проводя экскурсии по кладбищу, Роберт нередко демонстрировал этот барельеф туристам. Сейчас дверь была распахнута. Невдалеке, у гранитного обелиска, стояли наготове могильщики, Томас и Мэтью. Поймав его взгляд, они кивнули и приблизились.

Роджер помедлил у входа в тесный склеп. Внутри находились четыре гроба — родителей Элспет, а также бабки с дедом, — да еще клочья пыли, скопившиеся в углах. На выступе, куда предстояло водрузить гроб Элспет, белели две опоры. Вот и все. Роберту почудилось, будто из склепа, как из ледника, на него дохнуло холодом. Ему даже мнилась некая сделка: кладбище заберет у него Элспет, а взамен... трудно сказать. Но что-то определенно даст взамен.

Вместе с Томасом и Мэтью он вернулся к месту стоянки катафалка. Согласно правилам наземного погребения, Элспет хоронили в свинцовом гробу, который оказался совершенно неподъемным. Роберт подставил плечо наравне с носильщиками; когда они примерялись, чтобы опустить гроб на опоры, возникла заминка. Такому количеству людей в склепе было не повернуться, а гроб почему-то вырос до непомерной величины. В конце концов управились. В тусклом дневном свете гроб поблескивал темной дубовой обшивкой. Носильщики гуськом вышли, а Роберт остался в одиночестве и, немного сутулясь, прижался ладонями к покрытой лаком древесине, словно это была кожа Элспет, под которой в истерзанном теле все еще билось сердце. В памяти всплыли ее бледные черты, голубые глаза, то широко распахнутые в шутливом изумлении, то сощуренные в знак недовольства; маленькие груди, запредельный жар во время обострений, торчащие над животом ребрышки в последние месяцы болезни, шрамы от катетеров и операций. На него нахлынуло желание, смешанное с отвращением. Когда-то у нее были дивные волосы; ему вспомнилось, как она плакала, когда они стали выпадать целыми прядями, а он гладил ее по голому, обтянутому кожей черепу. Ему привиделся изгиб ее бедер, а вслед за тем — отеки и пролежни, которые обезображивали это тело, клетку за клеткой. А ведь ей было всего сорок четыре.

— Роберт.

Это за ним пришла Джессика Бейтс. Она, как всегда, нацепила какую-то немыслимую шляпку, но ее обычно суровое лицо смягчилось сочувствием.

— Пора. — Она накрыла его руки своими мягкими старческими ладонями.

Руки у него сильно вспотели, и, оторвав их от гроба, он заметил на безупречно гладкой поверхности два четких отпечатка. Сперва он хотел их стереть, но потом решил оставить — как знак последнего прикосновения к этой оболочке тела Элспет. Он не возражал, когда Джессика вывела его на свет, и остановился рядом с ней и со всеми остальными, дожидаясь поминальной службы.

Дни человека, как трава, как цвет полевой, так он цветет. Пройдет над ним ветер, и

нет его, и место его уже не узнает его.⁴

Мартин стоял едва ли не дальше всех. Он снова закрыл глаза. Голова его свесилась на грудь, а руки, засунутые в карманы пальто, сжались в кулаки. Марика боком прильнула к нему. Она взяла его под руку, но он, будто не заметив, начал раскачиваться взад-вперед. Марика выпрямилась и оставила его в покое.

Коль всемогущему Господу Богу нашему в неизреченной благодати Его угодно было забрать к Себе душу почившей сестры нашей, то в сей час предаем мы тело ее месту отдохновения — земля к земле, прах к праху, тлен к тлену — в твердой и непоколебимой надежде на воскресение тела и вечную жизнь, через Господа нашего Иисуса Христа, Который уничиженное тело наше преобразит так, что будет подобно оно славному телу Его, силою, которою Он действует и покоряет Себе все.

Роберт позволил себе осмотреться. Кроны деревьев облетели — до Рождества оставалось меньше месяца, — но при всем том на кладбище было зелено. В Хайгейте разрослись кусты падуба, ведущие свой род из Викторианской эпохи — от тех веточек, без которых в прежние времена не обходились надгробные венки. Эти заросли придавали местности праздничный вид, если, конечно, кто мог щелкнуть особым переключателем у себя в голове, чтобы совместить праздник Рождества и кладбище. Пытаясь сосредоточиться на словах викария, Роберт отчетливо различал тьяканье лисиц, бежавших неподалеку.

Джессика Бейтс по-прежнему стояла рядом с ним. Она безупречно держала спину и не опускала подбородок, но Роберт видел, как она устала. Джессика возглавляла Общество друзей Хайгейтского кладбища — благотворительную организацию, которая поддерживала в порядке территорию и устраивала экскурсии. Роберт тоже состоял в этом обществе, но надеялся, что Джессика и без того пришла бы проводить Элспет в последний путь. Они всегда относились друг к другу с теплотой. Когда Элспет приносила Роберту перекусить, у нее неизменно находился сэндвич и для Джессики.

На Роберта накатило паническое беспокойство: «Как мне сохранить в памяти все, что связано с Элспет?» Сейчас он помнил ее запахи, интонации, милую паузу перед его именем в каждом телефонном разговоре, каждое движение в постели, пристрастие к высоченным каблукам-шпилькам, чувственное благоговение перед антикварными книгами и полное отсутствие сантиментов при назначении цены. В тот миг он действительно знал о ней все — и страстно желал остановить время, чтобы ни одна мелочь не исчезла без следа. Но было слишком поздно; другое дело — если бы они с нею остановились вместе, но теперь он, стремительно отдаляясь, многое терял из виду. Ее образ уже расплывался. Надо бы записать... только ни к чему это. Записями ее не вернуть.

Найджел затворил дверь склепа и повернул ключ в замочной скважине. Этот ключ, по сведениям Роберта, должен был вернуться в нумерованную ячейку конторского сейфа и висеть там до следующего раза. Наступила неловкая пауза: служба закончилась, и никто не знал, что делать дальше. Джессика тронула Роберта за плечо и кивком указала на викария. Со словами благодарности Роберт вручил ему приготовленный конверт.

Потом все вместе двинулись по аллее. Вскоре Роберт обнаружил, что снова оказался посреди кладбищенского двора. Снегопад сменился дождем. Вокруг дружной стайкой вспорхнули черные зонты. Вслед за тем люди начали садиться в машины и выезжать за ворота. Работники кладбища говорили положенные слова, чьи-то руки гладили его по плечу, кто-то предложил выпить чаю или чего-нибудь покрепче; он не знал, что отвечать, и его тактично оставили в покое. Букинисты, все как один, укатили в сторону Эйнджела.⁵ Роберт

⁴ Дни человека, как трава... — Псалтирь 102:15.

⁵ Эйнджел — часть лондонского района Ислингтон, где расположено множество пабов, баров, ресторанов, а также театров; в последние десятилетия сюда переместился центр антикварной, букинистической и художественной торговли.

поймал на себе взгляд Джессики, маячившей в окне конторы. Теперь к нему направились Марика с Мартином, они все время держались особняком. Марика вела мужа под руку. Тот шел набычившись и, казалось, ненавидел брусчатку, по которой ступали его ноги. Роберта тронуло его появление на кладбище. Марика теперь вела под руки их обоих, и они, выйдя из ворот, пошли в гору по Суэйнз-лейн. На вершине Хайгейтского холма они свернули налево и через несколько минут сделали еще один поворот. Марике пришлось отпустить Роберта, потому что Мартин за ними не поспевал. Перед ними была длинная и узкая асфальтированная дорожка. Роберт отворил калитку — и они уже были дома. В окнах трехквартирного дома под названием «Вотреверс» свет не горел, а день уже клонился к вечеру, и это жилище, на взгляд Марики, выглядело еще мрачнее обычного. В холле они как-то растерялись. Марика приобняла Роберта за плечи. Она не нашлась, что ему сказать. Все положенные фразы уже были сказаны, она помолчала, и Роберт развернулся, чтобы идти к себе.

Тут послышался хриплый голос Мартина:

— Сочувствую.

Это слово прозвучало неожиданно для них обоих. Роберт не без колебания кивнул. Потом решил подождать, не последует ли что-нибудь еще. Все трое неловко переминались с ноги на ногу, пока Роберт не кивнул вторично, прежде чем скрыться за дверью своей квартиры. Мартин решил, что высказался некстати. Марика подтолкнула его вверх по лестнице. На площадке второго этажа они замедлили шаг у квартиры Элспет. К ней была прикреплена скромная табличка с одной лишь фамилией: «НОБЛИН». Марика на ходу провела по ней пальцами. Точь-в-точь как надпись над входом в склеп. И ей подумалось, что от этого впечатления теперь будет не отделаться.

Роберт, сбросив туфли, рухнул на кровать в своей аскетической полутемной спальне — как был, в промокшем костюме шерстяного сукна. Глядя в потолок, он представлял себе квартиру Элспет, находившуюся этажом выше. Ее кухню с обилием теперь уже ненужных припасов; одежду, книги, стулья, в одночасье ставшие бесполезными; письменный стол, заваленный бумагами, которые ему предстояло разобрать. И вообще ему предстояла масса дел, но не сейчас.

Горечь утраты оказалась нестерпимой. Прежде ему не доводилось хоронить тех, кого он любил, — Элспет стала первой. Другие уходили, но не умирали. «Элспет?» Само имя ее опустело, будто бы отделилось от нее и закачалось на волнах памяти у него в голове. «Как мне без тебя прожить?» Вопрос лежал не в телесной плоскости: его тело продолжало существовать, как прежде. Ключевое слово здесь было «как»: прожить-то можно, только без Элспет жизнь лишилась вкуса, настроения и ритма. Приходилось заново учиться одиночеству.

Часы показывали всего-навсего четыре. Солнце шло к закату, спальня погружалась в сумерки. Он закрыл глаза, надеясь поспать. Через некоторое время стало ясно, что поспать не удастся; тогда он встал, обулся, поднялся по лестнице и отпер дверь Элспет. Слоняясь по квартире, он нигде не включал свет. У нее в спальне он снова разулся, снял пиджак, а после некоторого раздумья и всю остальную одежду. И забрался в постель Элспет — с той стороны, где привык спать. Очки положил, как всегда, на прикроватный столик. Принял излюбленную позу — свернулся калачиком — и постепенно расслабился, согрев простыни своим теплом. Так он и заснул в ожидании прихода Элспет.

SHE'S LEAVING HOME⁶

Марика Уэллс де Грааф стояла в дверях спальни, которую на протяжении последних двадцати трех лет делила с Мартином. Держа в руке три письма, она раздумывала, куда бы положить первое. Чемоданы уже были выставлены на лестничную площадку, а поверх них

⁶ *She's Leaving Home* (англ. «Она покидает дом») — песня «Битлз».

лежало аккуратно сложенное желтое пальто-тренч. Пристроить бы куда-нибудь это письмо — и можно уходить.

Мартин был в душе. Плескался уже минут двадцать; значит, не выйдет еще битый час, даже если закончится горячая вода. Марика не собиралась выяснять, чем он там занимается. Из ванной доносилась его негромкая, оживленная скороговорка — можно подумать, там бубнило радио. «Говорит радиостанция „Дурдом“, — мысленно объявила Марика. — В эфире наши сумасшедшие, бешеные хиты».

Конверт следовало положить так, чтобы он бросался в глаза, но не сразу. Чтобы Мартин мог без проблем дотянуться, взять его в руки и вскрыть. Приходилось учитывать и то, что выбранное место будет навеки отравлено этим письмом и оттого делается для Мартина запретной зоной.

Сомнения терзали ее не одну неделю, а решения все не было. Она даже подумывала отправить этот конверт почтой, но не хотела давать Мартину лишний повод для волнений — он ведь будет ждать ее с работы. «Хоть бы оно повисло в воздухе», — подумала Марика. Тут она улыбнулась своим мыслям и пошла за шкатулкой для рукоделия.

В кабинете Мартина, стоя у компьютера, Марика пыталась унять дрожь в руках, чтобы под ярко-желтым лучом настольной лампы вдеть нитку в иголку. У них в квартире была непроглядная темень. Все окна Мартин заклеил газетами, и о наступлении утра сообщала лишь тонкая полоска дневного света за слоем клейкой ленты. Справившись наконец с ниткой, Марика сделала пару быстрых стежков по краю конверта и взгромоздилась на кабинетный стул Мартина, чтобы скотчем прилепить свободный конец нити к потолку. Несмотря на свой высокий рост, она вынуждена была потянуться вверх; голова закружилась, колени ослабли, стул дрогнул посреди темной комнаты. «Вот будет номер, если я сейчас грохнусь и сломаю шею». Она представила, как лежит на полу с расколотым черепом, а сверху на ниточке болтается это письмо. Но в следующий миг вновь обрела равновесие и слезла со стула. Письмо действительно висело в воздухе над столом. Идеально. Убрав швейные принадлежности, она задвинула стул на место.

— Там на столе письмо для Тео — брось в почтовый ящик по пути на работу, сможешь?

— Конечно...

— Вот спасибо.

Марика чуть-чуть приоткрыла дверь. Из ванной ее обдало паром. Она помедлила.

— Мартин...

— Н-н-н?

У нее помутилось в голове.

— *Tot ziens*, Мартин, — выдавила она.

— *Tot ziens*, любовь моя. — Мартин пребывал в бодром расположении духа. — До вечера.

У нее навернулись слезы. Как во сне, она поплелась через спальню; в коридоре протиснулась сквозь нагромождение коробок, затянутых пленкой, шмыгнула в кабинет, чтобы забрать письмо Мартина к Тео, выскочила в прихожую — и ступила за порог. На площадке она смешалась, положив ладонь на круглую дверную ручку. В голову пришло непрощенное: «Здесь мы стояли бок о бок, и моя ладонь точно так же лежала на дверной ручке. Только ладонь была молодая; и вообще мы тогда были молоды. Лил дождь. Мы купили еды и возвращались из магазина». Закрыв глаза, Марика прислушалась. Квартира была большая, и голос Мартина сюда не долетал. Оставив дверь приоткрытой (все равно ее никогда не запирали), Марика надела пальто и проверила часы. Она подхватила чемоданы и стала неуклюже спускаться по лестнице; на втором этаже покосилась на дверь Элспет, но не замедлила шаг. А дойдя до первого этажа, бросила одно из своих писем в почтовую корзину Роберта.

Толкнув калитку, Марика даже не обернулась на «Вотреверс». Она зашагала по тротуару, волоча за собой чемоданы. Январское утро выдалось промозглым; ночью шел

дождь. Весь район Хайгейт-Вилледж будто законсервировался: казалось, с той поры, как она в восемьдесят первом приехала сюда молоденькой замужней женщиной, не прошло и суток. Все та же красная телефонная будка торчала на Озерной площади, только озера не было и в помине; впрочем, и раньше, сколько она знала эти места, здесь были только утрамбованные дорожки да несколько скамеек, на которых дремали пенсионеры. Старик-букинист, как всегда, не спускал глаз с группы экскурсантов, которые изучали его малопонятные карты и ветхие книжки. Трусивший через площадь рыжеватый лабрадор ловко увернулся от горластого мальчугана, едва научившегося ходить. Небольшие ресторанчики, химчистки, агентства недвижимости, аптека — все пустовало, будто по округе прокатилась взрывная волна, пощадившая только молодых мам с колясками. Когда Марика опускала в почтовый ящик письмо Мартина, а следом — свое, с точно таким же адресом на конверте, ей вспомнились долгие часы, когда она гуляла здесь с Тео. «Не иначе как доставят в один день», — подумала она.

На стоянке поджидало заказанное такси. Водитель погрузил чемоданы в багажник и сел за руль.

— Хитроу? — уточнил он.

— Совершенно верно, четвертый терминал, — ответила Марика.

Их путь лежал вниз по Норт-Хилл и дальше по Грейт-Норт-роуд.

Через некоторое время, когда Марика заняла очередь к стойке авиакомпании KLM, Мартин выбрался из душа. У стороннего наблюдателя его вид мог бы вызвать нешуточные опасения: с головы до ног он сделался багрово-красным, словно его отварила в кипятке жена людоеда, чтобы удалить вредные примеси.

Мартин блаженствовал. Он наслаждался чистотой. Утренний душ был кульминацией целых суток. Горячие струи смывали все тревоги, подсказывали решение проблем, высвобождали интеллект. Кстати, дневной душ, перед чаепитием, такого удовлетворения не приносил, потому что в голову лезли ненужные мысли, да к тому же приходилось торопиться: в любую минуту могла нагрянуть Марика, работавшая на Би-би-си. А вечерний душ, уже перед сном, и вовсе был не в радость: накатывал мандраж от неизбежности ночи с Марикой, преследовал дурной запах, не давал покоя вопрос: потребует она сегодня секса или потерпит до следующего раза (в последнее время от секса по большей части удавалось отвертеться); не говоря уже о кроссвордах, и сообщениях, отправленных — и не отправленных — по электронной почте, и заботах об уехавшем в Оксфорд Тео (который, к неудовольствию Мартина, все реже делился подробностями своего быта и романтических знакомств; Марика твердила: «Ему девятнадцать лет — скажи спасибо, что он хоть что-то рассказывает», но это было слабым утешением, и Мартина преследовали мысли о смертоносных вирусах, автокатастрофах и наркотических веществах; помимо всего прочего Тео недавно приобрел мотоцикл: к целому вороху обязанностей, возложенных на Мартина, добавилось много, очень много действий ритуального характера, призванных оберегать здоровье и благополучие Тео).

Мартин принялся обтираться полотенцем. Он ревностно следил за состоянием своего тела, не упуская из виду ни мозолей, ни трещинок, ни комариных укусов, но при этом слабо представлял, как выглядит со стороны. Даже Марика и Тео существовали в сознании Мартина как сгустки ощущений и слов. Лица он запоминал плохо.

Сегодня день начался удачно. Большое число ритуалов, связанных с мытьем и уходом за собой, Мартин подчинял идее симметрии: провел бритвой по левой щеке — проведи точно так же по правой. Несколько лет назад из-за этого случился неприятный казус, когда Мартину пришлось сбрить каждый волосок на своем теле. Бритье занимало не один утренний час, и Марика буквально рыдала. Со временем он смог себе внушить, что бритье можно компенсировать счетом. Поэтому нынче утром он подсчитал движения бритвы (тридцать), необходимые и достаточные для удаления щетины, а потом, аккуратно положив станок на бортик раковины, тридцать раз сосчитал до тридцати. На это ушло двадцать

восемь минут. Считал Мартин обстоятельно, не торопясь. Поспешность до добра не доводит. Заторопишься — непременно собьешься, и начинай сначала. Все нужно делать с толком, иначе не будет чувства завершенности.

Завершенность — это когда дело сделано по всем правилам. Мартин получал (быстротечное) удовлетворение от любой соразмерности движений, задач, цифр, ополаскиваний, продуманных и бездумных действий. Но особо потакать своим желаниям тоже не следовало. Суть ведь не в том, чтобы доставить себе удовольствие, а в том, чтобы отвести неприятность.

Случалось, конечно, на чем-то заикнуться — вроде как булавочный укол, следом толчок, а потом сущие мучения: «Газ-то я выключил? Кто это подглядывает в окошко черного хода? Молоко, видно, скисло. Надо сто раз понюхать, прежде чем лить его в чай. А руки я мыл после туалета? Пойду-ка еще разок вымою, для верности. Газ-то я выключил? А штанины случайно не волочились по полу, когда я одевался? Нужно брюки снять и заново надеть, по всем правилам. Еще разок. Еще. Заново. Заново».

Чтобы побороть заикливость и снять все вопросы, требовалось самопринуждение. «Проверь газ. Вымой руки. Да получше оттирай, а то мало ли что. Мыло возьми хозяйственное. Отбеливателя плесни. Пол грязный. Нужно отдраить. Грязные участки обходи, не наступай. Лишних шагов не делай. Полотенца расстели на полу, чтобы не разносить заразу. Полотенца выстирай. Еще разок. Еще. А в спальню так заходить негоже. Что значит „негоже“? Негоже, и все. Смотри, с какой ноги входишь. И поворачивай налево с обязательным разворотом корпуса, вот так, неплохо. Уже лучше. А Марика? Ей тоже никаких послаблений. Ее это не обрадует. Неважно. Да не будет она этого делать. Нет, будет. Куда она денется? И нечего спорить, это же форменное безобразие. Да что тут такого? Вот именно, что? Откуда я знаю. Даже думать не хочу. А ну-ка, быстро: двадцать два помножить на два: сорок четыре, шестьдесят шесть, восемьдесят восемь... одна тысяча сто двадцать два...»

Дни случались хорошие, плохие и очень плохие. Сегодня день обещал быть хорошим. Мартину вспомнилась студенческая пора, когда он, поступив в Бейлиол,⁷ по средам ходил играть в теннис; партнером его был один сокурсник, с которым они встречались на лекциях по математике и философии. Бывали такие дни, когда, еще не расчехлив ракетку, он уже знал, что каждый удар будет как бальзам на сердце. Вот и сегодня у него возникло такое же чувство.

Выйдя из ванной, Мартин обвел глазами спальню. Марика приготовила ему смену одежды. Туфли стояли на полу, точно под штанинами брюк. Все вещи, должным образом сложенные, были на отведенных местах. Ни одна не соприкасалась с другой. Он оглядел паркетный пол. Там, где стерся лак, образовались проплешины; кое-где паркет вспучился от влаги, но Мартина это не волновало. Он пытался определить, можно ли ступать на этот пол босыми ногами. Сегодня, решил Мартин, можно. Остановившись у кровати, он с неспешностью начал одеваться.

С каждым предметом одежды, в который облачалось его тело, Мартин обретал все большую уверенность от соприкосновения кожи с чистой, проверенной тканью. От голода у него подводило живот, но спешить не следовало. Наконец Мартин сунул ноги в туфли. С обувью вечно была проблема. Коричневые полуботинки выступали посредниками между чистым телом и сомнительным паркетом. Даже неприятно было до них дотрагиваться. А куда денешься: хочешь не хочешь — надо завязывать шнурки. Марика не раз предлагала купить ему кроссовки на липучках, но он не мог на это согласиться по эстетическим соображениям.

Мартин носил только добротные, темные вещи; ему импонировал строгий стиль. Разумеется, дома он обходился без галстука, но выглядел так, будто только что решил его

⁷ Бейлиол — один из старейших колледжей Оксфордского университета, основан около 1263 г.

снять или, наоборот, собирался повязать перед выходом из дому. А поскольку он давно никуда не выходил, галстуки висели без пользы в платяном шкафу.

Одевшись, Мартин осторожно проследовал по коридору на кухню. Там для него был накрыт стол. В круглой чаше — хлопья для завтрака, рядом кувшинчик молока, два абрикоса. Он нажал на кнопку электрического чайника, который закипел в считанные минуты. За едой Мартину не приходилось делать над собой больших усилий (правда, для пережевывания определенных продуктов требовалось конкретное число движений челюстями). В кухне главенствовала Мари́ка, а она приказывала ему все подозрения оставлять за порогом. К газовой плите он старался не подходить, потому что никогда не знал, в какую сторону включается и в какую выключается газ: бывало, он часами держался за ручку, вертя ее туда-сюда. Но воду удобно было кипятить в электрическом чайнике, и он этим пользовался.

Рядом с его прибором Мари́ка положила газеты. Девственно чистые и явно никем не читанные. На мгновение Мартин испытал прилив благодарности: свежие газеты он любил открывать первым, но она вечно перебегала ему дорожку. Развернув «Гардиан», он прежде всего нашел кроссворд.

Сегодня был четверг, а на этот день недели Мартин всегда ставил кроссворд с научной тематикой. В данном случае он выбрал астрономию. Мартин пробежал глазами сетку — хотел убедиться, что внешне все безупречно. Конфигурация кроссворда была предметом его особой гордости: клеточки располагались в виде довольно плотной и абсолютно симметричной спиральной галактики. Вслед за тем он просмотрел вчерашний кроссворд с решениями: это была строгая и добротная криптограмма⁸ — результат деятельности его коллеги, Альберта Бимиша. Бимиш скрывался под псевдонимом Лилибет;⁹ Мартин не мог понять такой странности. Бимиша он в глаза не видел, хотя от случая к случаю беседовал с ним по телефону. Мартину он представлялся волосатым здоровяком в балетной пачке. Для себя Мартин выбрал псевдоним Бэнбери.

В поисках интересных публикаций Мартин пролистал «Таймс», «Дейли телеграф», «Дейли мейл» и «Индепендент». Сейчас он составлял кроссворд на тему развития военного дела в Месопотамии. У него не было уверенности, что редакция примет это на ура, но, как человек творческий, он испытывал потребность облечь свои тревоги в художественную форму, а в последнее время Мартина тревожил Ирак. Сегодня информационные материалы пестрели сообщениями о том, как смертник с бомбой устроил кровавую баню в одной из мечетей. С глубоким вздохом Мартин взялся за ножницы и стал вырезать полезные статьи.

После завтрака он вымыл за собой посуду (более или менее традиционным способом) и сложил газеты в аккуратную стопку (хотя от них осталось только кружево). После этого он перешел в кабинет и потянулся к выключателю настольной лампы. Стоило ему выпрямиться, как что-то задело его по лицу.

Вначале Мартин подумал, что к нему в кабинет проникла летучая мышь. Потом он увидел конверт, свисающий с потолка на тонкой ниточке. Остановившись, как вкопанный, Мартин разглядел его вблизи. Решительным почерком Мари́ки на конверте было выведено его имя. «Что же ты наделала?» У него помутилось в мыслях, и он, склонив голову набок и щитом сложив руки на груди, стал следить глазами за качающимся белым прямоугольником. В конце концов он протянул руку, легонько дернул — и нитка отлепилась от потолка. Медленно вскрыв конверт, он развернул письмо и ошупью нашел очки, которые водрузил на переносицу. «Что же ты наделала?»

⁸ *Криптограмма* — здесь род кроссворда, в котором дефиниции даются не напрямую, а с помощью аллюзий и замысловатой игры слов.

⁹ *Бимиш скрывался под псевдонимом Лилибет...* — Лилибет — женское имя, уменьшительное от Элизабет (королеву Елизавету II в детстве называли именно так). В Британии профессиональные составители газетных кроссвордов традиционно скрываются под псевдонимами.

6 января

Lieve Martin,

дорогой мой супруг, прости. Больше я так не могу. Когда ты прочтешь это письмо, я уже буду на пути в Амстердам. Я написала и Тео, чтобы поставить его в известность.

Не уверена, поймешь ли ты, но попытаюсь объяснить. Мне нужно пожить так, чтобы не оставаться вечной заложницей твоих страхов. Я устала, Мартин. Ты меня измучил. Уверена, буду по тебе скучать, но у меня появится хоть какая-то свобода. Сниму небольшую квартирку и распахну все окна, чтобы впустить солнце и воздух. Побелю стены, в комнатах расставлю цветы. Мне больше не придется входить в спальню с правой ноги и шарахаться от запаха хлорки на собственной коже и на всем, к чему я прикасаюсь. Мои вещи будут храниться в шкафах и комодах, а не в пластмассовых контейнерах, затянутых пленкой. Обивка мебели не будет протираться от непрерывной чистки. Возможно, заведу кота.

Ты болен, Мартин, но идти к врачу отказываешься. В Лондон я больше не вернусь. Захочешь повидаться — приезжай в Амстердам. Но для этого тебе придется выйти из квартиры, так что вряд ли мы с тобой увидимся.

Сколько могла, я терпела.

Всего тебе доброго, любовь моя.

Марика.

Мартин не выпускал письмо из рук. Случилось самое страшное. Это не укладывалось в голове. Она ушла. И больше не вернется. Марика. Он медленно согнулся в поясе, в коленях и осел на пол у письменного стола, подставив спину ярко-желтому лучу настольной лампы и накрыв лицо письмом. «Любовь моя. О любовь моя...» Все мысли куда-то ушли, осталась только зияющая пустота, словно океан отхлынул в преддверии цунами. *Марика.*

Марика сидела в поезде, уносящем ее из аэропорта Слипхол, и смотрела на плоскую серую местность, которая скользила за окном. Из низких туч лил дождь. «Я почти дома». Она взглянула на часы. Надо думать, Мартин уже обнаружил письмо. Достав из сумки мобильник, Марика открыла крышку. Непринятых звонков не было. Она щелчком захлопнула крышку. Косые струи дождя сбегали по оконному стеклу. «Что я наделала? Прости меня, Мартин». Но она уже знала, что, оказавшись дома, не пожалеет ни о чем, а домом ей мог теперь стать только Амстердам.

ФЕВРАЛЬ

Роберт провел специализированную экскурсию по Западному некрополю Хайгейтского кладбища для группы антикваров из Гамбурга и теперь стоял у арки главного входа, ожидая, пока туристы купят открыток и заберут вещи — тогда можно будет их выпроводить и запереть ворота. Зимой, в будние дни, экскурсии проводились только по предварительным заявкам. Он любил тихую обыденность этого несуетного времени.

Антиквары вразвалку выходили из бывшей англиканской часовни, временно приспособленной под сувенирный магазин. Роберт тряс перед ними зеленой пластмассовой коробкой для сбора пожертвований, и экскурсанты бросали туда мелочь. Эта обязанность всегда его тяготила, но пожертвования не облагались налогом, а потому весь штат Хайгейтского кладбища неукоснительно занимался поборами. Роберт проводил немцев улыбкой и повернул старинный ключ в массивном замке ворот.

Войдя в контору, он поставил коробку с пожертвованиями на стол. Офис-менеджер Фелисити, высыпая содержимое, улыбнулась.

— Говорят, среда — пустой день, а вот поди ж ты, — сказала она, протягивая руку. — Уоки-токи сдаешь?

Роберт похлопал себя по карманам макинтоша и ответил:

— Потом занесу.

— Ты уходить собрался? — уточнила Фелисити. — Дождик пошел.

— Скоро кончится.

— На входе сегодня Молли дежурит. Сможешь ей передать?

— Конечно, передам.

Роберт принял у нее пачку буклетов и взял зонт — из тех, что хранились в корзине под лестницей. Ему нужно было только пересечь Суэйнз-лейн. Молли, сухонькая старушка в зеленом комбинезоне и теплой куртке с капюшоном, безропотно сидела на складном стуле внутри мавзолея Дональда Александра Смита, первого барона Страткона-и-Маунт-Ройял;¹⁰ сооружение из розового гранита высилось во всем своем великолепии у входа в Восточный некрополь кладбища. Выглянув из полумрака, Молли приняла у Роберта буклеты и разложила их на небольшой стойке возле своего места. На обложке буклетов был изображен Карл Маркс; в этом некрополе он и Джордж Элиот¹¹ составляли звездную пару.

— Может, сходите погреться? — предложил Роберт.

У Молли был протяжный, скрипучий, сонный голос, в котором слышался легкий австралийский акцент.

— Да нет, у меня обогреватель включен. Ты уже посещение свое завершил?

— Нет еще, только что с экскурсией развязался.

— Ладно, ступай тогда.

Шагая обратно тем же путем, Роберт про себя отметил слова Молли: «посещение свое» — как будто это уже вошло в официальный распорядок кладбища. Очевидно, в том была доля истины. Ему пришло в голову, что персонал кладбища, можно сказать, потеснился, уступая место его скорби, будто она имела осязаемую форму. Люди посторонние отгораживались от чужого горя, а персоналу кладбища привычно было иметь дело с тем, кто понес личную утрату, и они говорили о смерти как о данности — Роберт только сейчас это оценил.

Морось перешла в ливень, когда Роберт приблизился к склепу Элспет. Благоговейно опустив зонт, он присел на ступеньку, спиной к медной двери. Запрокинул голову, прикрыл глаза. Менее часа назад он проходил здесь с экскурсией. Рассказывал туристам о крайних мерах, которые ввели викторианцы из страха быть похороненными заживо. К его огорчению, склеп Ноблинов стоял на одной из главных аллей, так что каждая экскурсия проходила мимо Элспет, и Роберт внутренне содрогался, когда вел праздных зевак мимо небольшого сооружения с ее фамилией. Когда здесь покоились только члены ее семейства, у него не возникало угрызений совести — с родней Элспет он никогда не был знаком. Сейчас Роберт впервые отчетливо понял, почему Джессика не терпела ни малейшего нарушения приличий на кладбище. Раньше он подкалывал ее за такие строгости. В глазах Джессики, самым главным на Хайгейтском кладбище были не экскурсии, не памятники, не потусторонние силы и не жутковатый дух Викторианской эпохи; на первом месте для нее были усопшие, а также предъявители свидетельств о захоронении. У Роберта ни шатко ни валко двигалась работа над диссертацией по истории Хайгейтского кладбища и специфике похоронных обрядов Викторианской эпохи. Джессика, большая мастерица загружать людей делами, считала, что из всего нужно извлекать пользу, и как-то раз сказала ему: «Если ты все равно здесь собираешь материал, почему бы тебе не потрудиться на общее благо?» Так он начал водить экскурсии. Само кладбище, как он понял, было ему куда интереснее, чем все научные

¹⁰ *Дональд Александр Смит, первый барон Страткона-и-Маунт-Ройял* (1820–1914) — видный финансист, политический и государственный деятель Канады и Великобритании.

¹¹ *Джордж Элиот* (1819–1880) — псевдоним выдающейся писательницы Викторианской эпохи Мэри-Энн Кросс, урожденной Эванс. В числе лучших произведений Джордж Элиот — романы «Сайлас Марнер» (1861) и «Миддлмарч» (1871–1872).

публикации.

Роберт погрузился в себя. Низкая каменная ступенька, на которой он сидел, была холодной и сырой. Его колени торчали едва ли не до уровня плеч.

— Здравствуй, любимая, — произнес он и, как всегда, поймал себя на том, что обращаться к склепу вслух по меньшей мере странно.

Дальше он заговорил про себя: «Здравствуй, это я. Ты где?» Ему представлялось, что Элспет сидит в склепе, как отшельница в келье, и с легкой улыбкой смотрит на него сквозь зарешеченное дверное окошко. «Элспет?» — мысленно позвал он.

У нее всегда был беспокойный сон. При жизни она каждую ночь металась и ворочалась, нередко перетягивая на себя все одеяла. Если Элспет засыпала без него, она всегда лежала по диагонали, раскинув руки-ноги, как будто хотела таким способом застолбить территорию — за неимением колышков. Она нередко будила Роберта ощутимым толчком или пинком, а то и молотила по нему ступнями — видно, бежала куда-то во сне. «Ты мне когда-нибудь нос сломаешь», — говорил он ей. Элспет понимала, что спать с ней в одной постели небезопасно. «Заранее извиняюсь за нанесение телесных повреждений, — отвечала она, целуя его в нос. — Тебе, между прочим, это будет к лицу. Добавит хулиганского шика».

Сейчас ответом ему была полная тишина. Дверь не составляла серьезной преграды: помимо ключа, хранившегося в конторе, у Элспет в ящике стола лежал дубликат. Ее тело покоилось в гробу на расстоянии двух шагов. Роберт гнал от себя мысли о том, что три месяца, скорее всего, не прошли бесследно.

Его в который раз поразила необратимость утраты, обобщенная и предъявленная ему в виде полной тишины, царившей в тесном помещении у него за спиной. «Есть кое-какие новости. Ты меня слушаешь?» Пока она была жива, он даже не осознавал, что события обретали для него реальные очертания лишь после того, как он рассказывал о них Элспет.

«Вчера Рош отправил письмо Валентине и Джулии». Перед мысленным взором Роберта это письмо проделало весь путь от конторы Роша в Хэмпстед до городка Лейк-Форест в штате Иллинойс: там его доставили в дом номер девяносто девять по Пембридж-роуд, а вытащила его из ящика одна из близняшек. На пухлом конверте кремового цвета с лаково-черным тиснением «Адвокатское бюро „Рош, Элдериж, Поттс и Лефли“» адрес сестер-близнецов был написан от руки кружевным почерком секретарши Констанс, служившей у Роша с незапамятных времен. Роберт представил, как одна из девочек с любопытством крутит в руках этот конверт. «Что-то меня гложет, Элспет. Мне было бы спокойнее, если бы ты хоть одним глазком посмотрела на этих девчонок. Тебе с ними не жить под одной крышей, но вдруг это какие-нибудь аферистки? Или, чего доброго, продадут квартиру каким-нибудь аферистам?» Впрочем, мысль о двойняшках как-то завораживала его воображение, а эксперимент, который задумала Элспет, вызывал необъяснимое доверие.

— Могу все имущество завещать тебе, — говорила в свое время Элспет. — А могу — девочкам.

— Пусть достанется девочкам, — отвечал он. — У меня всего предостаточно.

— Хм. Ладно, будь по-твоему. А что же я оставляю тебе?

Он сидел рядом с ней на ее больничной койке. После операции по удалению селезенки у нее резко подскочила температура. Ужин Элспет так и остался стоять нетронутым на передвижном столике. Роберт растирал ей ступни разогретым пахучим бальзамом.

— Ну, не знаю. Ты можешь заказать свою реинкарнацию?

— Говорят, двойняшки — мои копии, — улыбнулась Элспет. — Если получится, заману их в свою квартиру. Давай я оставляю тебе двойняшек, согласен?

Теперь улыбнулся Роберт.

— Это может привести к непредсказуемым последствиям. Будет, знаешь ли... тяжело.

— Брось, пожалуйста. Нет, я серьезно хочу тебе что-нибудь оставить.

— Прядь волос?

— Ох, разве это волосы? — вздохнула она, теребя редкий серебристый пушок. — Надо было раньше думать, когда на голове действительно что-то росло.

Прежде у Элспет были локоны до плеч, цвета топленого масла.

Роберт покачал головой:

— Неважно. Я просто хочу сохранить частицу тебя.

— Как викторианцы? Жаль, длинной прядки не будет. А то мог бы заказать волосяные серьги, брошку — что-нибудь в этом духе. — Она рассмеялась. — Можешь, кстати, меня клонировать.

Он сделал вид, что рассматривает такую возможность.

— Нет, клонирование еще только делает первые шаги. Представь, сотворят из тебя безобразную толстуху, вместо рук и ног — ласты. К тому же мне придется ждать, пока ты подрастешь, а тогда я уже стану пенсионером — ты в мою сторону и смотреть не захочешь.

— Уж лучше пускай будут двойняшки. Они — наполовину я, наполовину Джек. А на фотографиях от него вообще ничего нет, я сама видела.

— Откуда, интересно знать, у тебя их фотографии?

Элспет зажала рот ладонью.

— От Эди. Только никому ни слова.

Роберт не понял.

— С каких это пор вы с ней общаетесь? Мне казалось, ты ее ненавидишь.

— Я ненавижу Эди? — возмутилась Элспет. — Ничего подобного. Да, я на нее сильно рассердилась и до сих пор злюсь. Но ненависти к ней никогда не испытывала — это же все равно что ненавидеть саму себя. Просто она... она сделала одну глупость, которая испортила жизнь нам обеим. Но все равно — мы с ней близнецы. — Элспет запнулась. — Я написала ей примерно год назад — когда мне впервые поставили диагноз. Подумала, что надо сообщить.

— Ты мне ничего не рассказывала.

— Да, верно. Это сугубо личное.

Роберт убедил себя, что обижаться смешно. И смолчал.

— Ну что ты, в самом деле? — спросила она. — Если бы вдруг объявился твой отец, ты бы мне рассказал?

— Представь себе, да.

Элспет взяла в рот кончик большого пальца. Этот жест всегда казался Роберту очень сексуальным, просто неотразимым, но теперь он был не к месту. Она проговорила:

— Да, ты бы, конечно, рассказал.

— Что ты имеешь в виду: «Они — наполовину я»? Они же дочери Эди.

— Ну да. Конечно, это ее дочери. Но мы с ней — однояйцовые близнецы, так что генетически ее дети — все равно что мои.

— Ты их в глаза не видела.

— Ну и что? Я одно скажу: у тебя никогда не было близнеца и ты не можешь понять, что это значит.

Роберт помрачнел еще сильнее.

— Перестань. Ну, не дуйся.

Она хотела подвинуться к нему поближе, но капельницы не пускали. Роберт с осторожностью опустил ее ступни на полотенце, вытер руки, встал и пересел на полукружье белой простыни возле ее талии. Элспет почти не занимала места на койке. Опершись одной рукой на подушку, он склонился над ее лицом. Элспет погладила его по щеке. Прикосновение ее ладони сдирало ему кожу, как наждачной бумагой, — его пронзила почти физическая боль. Повернув голову, он поцеловал ее ладонь. Они проделывали такое не раз.

— Если хочешь, оставлю тебе дневники, — прошептала Элспет. — Из них ты узнаешь все мои тайны.

Впоследствии ему стало ясно, что весь этот разговор был затеян неспроста. Но в то время он только и сказал:

— Ну-ка, признавайся. Неужели в них есть что-то страшное?

— Не то слово. Но это дело прошлое. После встречи с тобой я жила чистой и беспорочной жизнью.

— Беспорочной?

— Ну, моногамной, скажем так.

— Ладно, хватит. — Он коснулся губами ее лба; температура ползла вверх. — Тебе надо поспать.

— А ножки мне помассировать? — Она заговорила как ребенок, требующий любимую сказку.

Он опять переместился в изножье кровати, выдавил из тюбика немного бальзама и согрел его в ладонях.

Элспет со вздохом закрыла глаза.

— Мм, — протянула она через некоторое время и выгнула подъем. — Черт возьми, до чего приятно.

Вскоре Элспет задремала, а он еще долго сидел в раздумьях, не выпуская из рук ее скользкие ступни.

Тут Роберт открыл глаза. Спыхватился, не уснул ли, часом, уж очень яркими были те воспоминания. «Где ты, Элспет? Наверное, ты осталась только у меня в голове». Роберт обвел взглядом ближайшие надгробья, которые опасно накренились. У одной могилы по обеим сторонам выросли деревья; они приподняли каменную плиту на дюйм-полтора над основанием, и теперь она буквально висела в воздухе. На глазах у Роберта из-под завесы плюща, обвившего удаленные от главной аллеи памятники, выскочила лисица. Она заметила его, на мгновение замерла, а потом исчезла в низких зарослях. До Роберта доносилась лисья перекличка — то поблизости, то на расстоянии, в кладбищенских дебрях. У лис наступил брачный сезон. День уходил. Роберт вымок до костей и продрог. Он стряхнул оцепенение.

— Спокойной ночи, Элспет.

Он и сам понял, что это глупость. Поднявшись со ступеньки, он направился в контору, ощущая себя подростком, который вдруг понял, что не сможет более молиться. Где бы ни находилась Элспет, тут ее не было.

ЗЕРКАЛЬНЫЕ БЛИЗНЕЦЫ

Джулия и Валентина Пул любили вставать рано. Это не могло не вызывать удивления, поскольку, забросив учебу, они слонялись без дела и не стремились хоть чем-нибудь себя занять. Так что у них не было причин вскакивать чуть свет — эти ранние пташки не гонялись за червячками.

В ту февральскую субботу солнце не спешило подниматься в небо. Снег, выпавший за ночь покровом в добрых двенадцать дюймов, голубел в полумраке; вековые деревья по обеим сторонам Пембридж-роуд склоняли ветви под его тяжестью. Лейк-Форест еще спал. Желто-кирпичный, вытянутый в длину одноэтажный дом, где сестры-близнецы жили со своими родителями, укутался снежным одеялом. Не слышно было ни привычного шума транспорта, ни гомона птичьих стай, ни собачьего лая.

Джулия включила отопление, а Валентина взялась готовить горячий шоколад из пакетиков. Перейдя в гостиную, Джулия щелкнула телевизионным пультом. Когда Валентина вошла с подносом в руках, ее сестра стояла перед телевизором и переключала каналы, хотя и без того знала, что они будут смотреть. По субботам выбор программы даже не обсуждался. Близнецы обожали свое единодушие, при том что не могли его выносить долее одной минуты. Джулия задержалась на Си-эн-эн. В каком-то зале для совещаний президент Буш беседовал с Карлом Роувом.¹²

¹² *Карл Роув* (р. 1950) — американский политик-республиканец, старший советник и заместитель главы администрации в аппарате Джорджа Буша-младшего.

— Бомбы на вас нет, — фыркнула Валентина.

Двойняшки, не сговариваясь, показали «фак» президенту и его помощнику, и Джулия опять стала давить на кнопки, пока не нашла «Этот старый дом». Она прибавила звук, но в меру, чтобы не разбудить родителей. Валентина с Джулией в обнимку полулежали на диване; Джулия забросила ноги на колени сестре. Под бочок к Валентине пристроилась старая кошка Муки. Сестры укрылись шерстяным пледом, согрели руки о чашки с горячим шоколадом и стали смотреть телевизор, забыв обо всем на свете. По субботам показывали четыре передачи подряд из цикла «Этот старый дом».

— Кухонные поверхности — из мыльного камня, — отметила Джулия.

— Мм, угу, — пробормотала Валентина, как околдованная.

Люстра в гостиной не горела, свет исходил только от экрана и от окна в прихожей. При более ярком освещении комната резала глаз, потому что в ее отделке использовался ядовито-зеленый цвет в густо-красную клетку, да еще с символикой гольфа. Во всем доме интерьеры отличались агрессивностью. Мебель выбиралась либо непомерно пухлая, с обивкой из ситца, либо шершаво-металлическая с матовым стеклом, либо выкрашенная в такие цвета, которыми обычно именуют сорта мороженого. Эди, дизайнер по интерьерам, любила экспериментировать у себя дома, и Джек давно перестал с ней бороться. Близнецы считали, что у их матери самый плебейский вкус на всем свете. Видимо, такое суждение было не вполне справедливым: почти все дома в Лейк-Форесте смахивали на этот, хотя денег в них вбухали больше. Сестры любили сидеть в гостиной, потому что это была папина комната, в которой безвкусица выглядела даже иронично. Джек, вообще говоря, находил некоторое удовольствие в том, чтобы потакать своему семейству, но только не в ущерб собственному комфорту.

Близняшки выглядели здесь чужеродно. На самом деле они выглядели чужеродно всюду, где им доводилось бывать.

В эту зимнюю субботу им стукнуло двадцать. Джулия была старше на шесть (очень важных для нее) минут. Нетрудно было представить, как она отодвинула Валентину локтем, чтобы стать первой.

Сестры отличались невероятной бледностью и худобой — такая худоба составляет предмет девичьей зависти и материнской тревоги. В Джулии было пять футов и полтора дюйма росту. Валентина не доросла до нее на четверть дюйма. Им достались дивные, пышные, почти белые волосы, коротко подстриженные над ушами и обрамляющие лицо прозрачной паутинкой локонов — ни дать ни взять, одуванчики с невесомыми пушинками. Шеи у них были длинные, груди маленькие, животы плоские. У каждой выпирал позвоночник — прямой столбец подкожных бугорков вдоль всей спины. Сестер нередко принимали за двенадцатилетних заморышей — хоть снимай таких в телесериале про сирот Викторианской эпохи. Их большие серые глаза были посажены так широко, что на вид это граничило с косоглазием. На сердцевидных, трогательно курносых личиках выделялись идеально очерченные губы, за которыми прятались ровные зубки. У обеих была привычка кусать ногти. Обе не признавали татуировок. Валентина считала себя неуклюжей и завидовала потрясающей раскованности Джулии. Но в действительности Валентина отличалась особой хрупкостью, и это привлекало окружающих.

Была в этих сестрах какая-то трудноуловимая особенность. Рядом с ними людям становилось не по себе, а почему — никто не мог объяснить. Близнецы, похожие как две капли воды, представляли собой зеркальное отражение друг друга. Этой зеркальной соразмерностью была отмечена не только их внешность, но и каждая клеточка их тел. Маленькая родинка на правой щеке Джулии, возле самых губ, повторялась на левой щеке Валентины; Валентина была левшой, Джулия — праворукой. Каждая сама по себе не выделялась ничем сверхъестественным. Но рентгеновские снимки подтверждали чудо: если у Джулии внутренние органы были расположены как у всех, то у Валентины — наоборот. Сердце у нее находилось справа, его желудочки и камеры размещались в обратной последовательности. У Валентины был врожденный порок сердца, который потребовал

хирургического вмешательства. Врачам пришлось воспользоваться зеркалом, чтобы видеть крошечное сердечко в привычном ракурсе. Помимо этого, Валентина страдала астмой, а у Джулии даже простуды случались крайне редко. Отпечатки пальцев Валентины почти полностью копировали рисунок кожи сестры в зеркальном отражении (даже у однояйцовых близнецов отпечатки всегда разнятся). Девушки до сих пор составляли единое целое — неделимое, но полное противоречий.

Сейчас двойняшки были предельно сосредоточены: они смотрели, как гигантский дом на берегу Атлантического океана покрывают свежей кровельной дранкой, чистят струей песка, красят. Мансардные окна подверглись реставрации, печную трубу сложили заново. Каминная ниша преобразилась.

Девушки были сами не свои до всякой старины. Их спальня выглядела как приبلудная странница, которую из жалости взял к себе этот стандартный дом. В тринадцать лет близнецы содрали со стен вызывающе цветастые обои, отнесли кукол и мягкие игрушки на благотворительную распродажу и объявили, что устраивают у себя музей. В настоящее время главным экспонатом был старый вольер для птиц, где помещалось множество пластмассовых распятий, поставленных на вязанную крючком салфетку, которая прикрывала небольшой столик, полностью заклеенный стикерами с надписью «Hello Kitty».¹³ В отделке их комнаты использовался только белый цвет. Такая спальня подошла бы сестрам дез Эссент.¹⁴

На улице заурчали снегоуборочные машины. Утро обещало быть ясным и ослепительно солнечным. Когда по экрану побежали заключительные титры четвертой передачи из цикла «Этот старый дом», близняшки выпрямили спины, потянулись и выключили телевизор. Одетые в купальные халаты с восточным рисунком, они постояли у окна, щурясь от солнца, и поглазели на Серафина Гарсию (сколько они себя помнили, он орудовал либо газонокосилкой, либо снегоочистителем), который расчищал подъездную дорожку. Завидев их, он помахал. Они помахали ему в ответ.

Тут зашевелились родители, но сестры знали, что это вовсе не предвещает их скорого подъема. По выходным Эди и Джек любили понежиться в постели. Накануне они славно повеселились в клубе «Онуэнция»; двойняшки слышали, что входная дверь хлопнула около трех часов ночи. («Все шиворот-навыворот, да? — в который раз сказала Джулия Валентине, — Это они должны о нас беспокоиться, ты согласна?») Как всегда по субботам, сестры принялись печь блинчики. Обычно они готовили целую стопку, чтобы Эди с Джеком могли, если будет аппетит, положить себе сколько душе угодно и разогреть в микроволновке. Джулия замешивала тесто, а Валентина, стоя у плиты, отливала бледно-желтые кругляши и наблюдала, как у них внутри набухают и лопаются воздушные пузыри. Ей нравилось переворачивать блинчики, подбрасывая их над сковородой. Она сделала пять штук для себя и пять для Джулии. Джулия сварила кофе. Позавтракали они за кухонной стойкой, среди африканских фиалок, рядом с банкой для печенья, сделанной в виде фигурки гнома.

После завтрака близнецы вымыли за собой посуду. Теперь можно было переодеться в джинсы и фуфайки с капюшоном и надпечаткой «Бейрат». (Так назывался местный колледж. Сестры проучились там один семестр, а потом заявили, что не желают впустую тратить

¹³ «Hello Kitty» («Привет, Кошечка») — популярная торговая марка, используемая для множества товаров. Маленькую белую кошечку по имени Хелло Китти создал владелец японской фирмы игрушек Синтаро Цудзи. Первоначально он собирался назвать ее «Kitty White» («Белая кошечка») — по имени одной из кошек Алисы, героини книги Л. Кэрролла «Алиса в Стране чудес».

¹⁴ *Такая спальня подошла бы сестрам дез Эссент.* — Жан дез Эссент — герой романа «Наоборот» (1884), принадлежащего перу французского писателя Жориса-Карла Гюисманса (1848–1907). Последний представитель некогда влиятельного и знатного рода, он удалился от ненавистного ему мира в мир грез, где все устроено «наоборот», и замкнулся в стенах своего дома, превращенного им в царство искусств и литературы.

время и отцовские деньги. Это было уже третье учебное заведение, где они недоучились. Сначала обе прошли по конкурсу в Корнелл; во втором семестре Джулия перестала ходить на лекции, а когда ее отчислили, Валентина вернулась домой вместе с сестрой. В университете штата Иллинойс они сдали летнюю сессию, но осенью Джулия отказалась приступать к занятиям.) По дорожке торопливо прошагал почтальон, который опустил корреспонденцию в дверную щель. Кипа почтовых отправок с глухим стуком упала на пол в прихожей. Близнецы устремились туда.

Джулия схватила все сразу и начала метать печатную продукцию на обеденный стол.

— «Гончарный круг», «Упаковочные коробки и емкости», университетский справочник, «Антропология», маме какое-то письмо... и нам письмо?

На имя сестер почта приходила крайне редко; всю свою переписку они вели через интернет. Валентина взяла у Джулии толстый конверт. Взвесив его на ладони, она оценила качество бумаги. Джулия выхватила письмо у сестры. Они переглянулись.

— Из какой-то адвокатской конторы. Причем из Лондона.

Близнецы ни разу не бывали в Лондоне. Они вообще не выезжали за пределы Штатов. Лондон был родным городом их матери, но ни она, ни Джек не распространялись на эту тему. Эди давно стала американкой — она адаптировалась, точнее, почти адаптировалась; семья Пул жила в том пригороде Чикаго, который со дня своего основания претендовал на звание островка Англии. Близнецы замечали, что у Эди частенько прорезался акцент, когда она злилась или старалась произвести впечатление.

— Вскрывай, — поторопила Валентина.

Пальцы Джулии разорвали плотный клапан. Она подошла к окну гостиной, и Валентина последовала за ней по пятам. Остановившись за спиной сестры, Валентина опустила подбородок ей на плечо и обхватила за талию. Со стороны они сейчас напоминали двуглавую девушку. Джулия подняла письмо повыше, чтобы Валентине было лучше видно.

Джулии и Валентине Пул
Пембридж-роуд, дом 99
Лейк-Форест, Ил, 60035 США

Уважаемые
Джулия и Валентина Пул!

С прискорбием извещаю вас о смерти вашей тетушки, Элспет Элис Ноблин. Хотя вы с ней никогда не встречались, ей была безразлична ваша судьба. В сентябре минувшего года, узнав о своей тяжелой, неизлечимой болезни, она составила новое завещание. Копия указанного документа прилагается. Вы наследуете ее имущество, за вычетом уплаты по долговым, налоговым и иным обязательствам; иными словами, все свое состояние она завещала вам, за исключением небольших сумм, завещанных родным и близким, а также благотворительным организациям. Вы сможете вступить в права наследства по достижении двадцати одного года.

Завещанное имущество может наследоваться вами при соблюдении нижеследующих условий.

Госпожа Ноблин являлась собственницей квартиры в Лондоне, расположенной по адресу: Вотрерс-Мьюз, Хайгейт, дом номер шесть. Дом примыкает к Хайгейтскому кладбищу со стороны Хайгейт-Вилледж; это весьма живописный район Лондона. Согласно воле завещательницы, вы сможете продать эту квартиру не ранее того, как обе проживете там в течение одного года.

По условиям завещания, никакая часть наследуемого имущества не может быть передана во владение сестре госпожи Ноблин, Эдвине, а также мужу Эдвина, Джеку (то есть вашим родителям). Кроме того, Эдвине и Джеку Пул запрещается входить в квартиру и обследовать находящееся в ней имущество.

Убедительно прошу уведомить меня, согласны ли вы принять наследство госпожи Ноблин на этих условиях. Если у вас возникнут какие-либо вопросы по поводу вышеизложенного, я всегда к вашим услугам.

Душеприказчиком госпожи Ноблин является Роберт Фэншоу. При условии принятия вами наследства вашей тетушки он будет вашим соседом, поскольку занимает квартиру этажом ниже. Господин Фэншоу сможет оказать вам содействие в делах, связанных с получением наследства.

С почтением,

Ксавье Рош

Адвокатское бюро «Рош, Элдеридж, Поттс и Лефли» Хэмпстед-Хай-стрит, 54-D Хэмпстед, Лондон, NW3 1QA

Джулия и Валентина переглянулись. Джулия схватила за следующую страницу. Как ни странно, почерк был разительно схож с почерком Эди.

Здравствуйте, милые Джулия и Валентина!

Надеялась, что смогу с вами познакомиться, но теперь это желание стало несбыточным. Полагаю, вы удивитесь, что я завещаю свое скромное имущество не вашей матери, а вам. Основная причина такова: я возлагаю на вас определенные надежды. Хочу посмотреть, как вы распорядитесь наследством. Мне думается, это будет интересно, а может быть, даже увлекательно.

С вашей матерью мы не общаемся вот уже двадцать один год. Она, если пожелает, расскажет вам, почему так случилось. Возможно, условия завешания покажутся вам излишне жесткими; боюсь, вам придется сделать выбор — принимать их или не принимать. У меня нет намерения вносить разлад в вашу семью. Я просто пытаюсь защитить свою историю. Смерть плоха тем, что она как будто стирает человека с лица земли. А еще она плоха тем, что не позволяет увидеть дальнейший ход событий.

Надеюсь, мои условия все же будут приняты. Отрадно создавать, что на свете есть вы. Не знаю, повлияет ли это на ваше решение, но квартира у меня довольно просторная, в ней много любопытных книг, а Лондон — фантастический город (хотя, конечно, очень дорогой). Ваша мать пишет, что вы забросили учебу в колледже, но много занимаетесь самообразованием; в таком случае вам здесь очень понравится.

Независимо ни от чего, желаю вам счастья.

С любовью,

Элспет Ноблин

В конверте были и другие листки, но Джулия, не читая, бросила их на стол и закружилась по комнате. Валентина примостилась на спинке кресла и следила, как Джулия огибает кофейный столик, диван, потом плывет в столовую и там тоже ходит кругами. «Лондон», — повторила про себя Валентина. Огромный, сумрачный образ, даже само название похоже на кличку большого черного пса. Джулия остановилась, обернулась и со смешком обратилась к Валентине:

— Просто сказка.

— Или фильм ужасов, — сказала Валентина. — А мы с тобой в нем, как эти... инженеру. Джулия кивнула и опять стала кружить по комнате.

— Для начала избавимся от предков. Потом начнем заманивать ничего не подозревающих героинь в таинственный старинный особняк...

— Это всего лишь квартира.

— Неважно. Потом...

— Серийные убийства.

— Торговля живым товаром.

— Ну, или это... как его... по Генри Джеймсу.¹⁵

¹⁵ ...по Генри Джеймсу. — Имеется в виду роман «Крылья голубки» (1902), написанный американским писателем Генри Джеймсом (1843–1916), который в возрасте 30 лет покинул США, а за год до смерти принял британское гражданство. В романе описывается любовный треугольник: небогатая английская аристократка

— По-моему, сейчас от чахотки никто не умирает.
— Еще как умирают — в странах третьего мира.
— Ну понятно, в Британии медицина национализирована.

Валентина заметила:

— Мама с папой не обрадуются.
— Естественно, — сказала Джулия.

Ее пальцы, пробежавшие по обеденному столу, нащупали россыпь крошек. Она сходила на кухню, принесла махровую салфетку и вытерла столешницу.

— А что будет, если мы откажемся? — спросила Валентина.

— Откуда я знаю? Наверняка в письме на этот счет что-то сказано. — Джулия осеклась. — Ты это серьезно? Да мы такого случая всю жизнь ждали.

— Какого случая, лапушка?

Из арочного проема между гостиной и коридором на них пристально смотрела Эди. Она еще не успела причесаться, и вообще вид у нее был довольно помятый. Лицо покраснелось, словно кто-то щипал ее за щеки.

Ей ответила Джулия:

— Нам пришло письмо.

Валентина сгребла со стола листки и передала их матери. Эди пробежала глазами обратный адрес и сказала:

— Без чашки кофе тут не разберешься.

Валентина поспешила налить ей кофе.

— Джулия, разбуди-ка папу, — распорядилась Эди.

— А...

— Скажи, что это я тебя прислала.

Джулия вприпрыжку побежала по коридору. Валентина услышала ее вопль: «Папа-а-а-а-а-а-а» — от дверей родительской спальни. «Неплохо, — похвалила она про себя. — А могла бы сразу вилами». Эди пошла за очками. Когда в столовой появился заспанный Джек, она уже прочла письмо и приступила к завещанию.

Джек Пул когда-то был хорош собой и атлетически сложен, хотя звезд с неба не хватал. Теперь его черную шевелюру густо припорошила седина. Волосы у него всегда были чуть длиннее, чем это принято у банковских служащих. На хрупкую жену и дочек он взирал с высоты своего роста. С годами его черты стали грубее, а под ремнем вырос жирок. По рабочим дням Джек с утра до ночи ходил в костюме, зато по выходным позволял себе некоторую расхлябанность. Вот и сейчас он вышел из спальни в старом терракотовом халате и растоптанных меховых шлепанцах, которые давно просили каши.

— Четыре, пять, шесть, — сказал Джек.

Это была старая присказка, слова которой затерялись в туманном детстве близнецов. То, что от нее осталось, следовало понимать как «хочу тебя съесть». Джулия принесла чашку кофе и поставила ее перед отцом.

— Ну, — проговорил он, — зачем разбудили? Где пожар?

— Это снова Элспет, — сказала Эди. — Мало того, что она все завещала девочкам, так еще хочет их переманить.

— Как ты сказала?

Джек протянул руку, и она передала ему несколько листков.

— Вот гадина мстительная, — бросил Джек без тени досады и удивления.

Они устроились рядом и стали читать вместе.

Сидя за столом, Джулия и Валентина не сводили глаз с родителей. «Кто эти люди? Что произошло? Почему тетя Элспет их возненавидела? Почему они ее возненавидели? — Сестры посмотрели друг на друга округлившимися глазами. — Мы это выясним». Закончив

чтение, Джек полез в карман халата за пачкой сигарет и зажигалкой. Он выложил их на стол, но под хмурым взглядом Валентины закурить не решился. Накрыв сигареты ладонью, Джек довольствовался сознанием, что курево все же при нем. Валентина достала из кармана фуфайки свой ингалятор, точно так же выложила его на стол и улыбнулась отцу.

Эди подняла глаза на Валентину.

— Если вы откажетесь от наследства, его практически полностью передадут в благотворительный фонд. — пояснила она.

Сестры одновременно задали себе вопрос: с какого места мать подслушивала их разговор? Эди между тем взялась читать дополнительное распоряжение. Оно предписывало какому-то субъекту по имени Роберт Фэншоу забрать из квартиры все документы, включая дневники, письма и фотографии, — по завещанию, бумаги отходили именно ему. Эди не понимала, чем так выслужился этот Роберт Фэншоу, что ее сестра доверила ему всю их историю. Но самое главное — она подстраховалась, чтобы к приезду девочек документов в квартире не было. А ведь как раз этого и страшилась Эди: что девчонки наткнутся на какие-нибудь улики, оставшиеся после Элспет.

Джек положил письмо Элспет на стол. Откинувшись на спинку кресла, он покосился на жену. Та держала завещание на расстоянии вытянутой руки и перечитывала с самого начала. «Не больно-то ты удивилась, дорогуша», — подумал Джек. Джулия и Валентина во все глаза следили за выражением лица матери. Джулия — с азартом, Валентина — с тревогой. Джек только вздохнул. Хотя сам он положил немало сил на то, чтобы выпихнуть девчонок из дому в самостоятельную жизнь, эта жизнь сводилась для него к получению образования, желательно в престижном университете «Лиги плюща»,¹⁶ где платят хорошую стипендию. Единые выпускные экзамены дочки сдали, можно сказать, успешно, хотя баллы у них оказались чрезвычайно неровными, так что их аттестаты грозили привести в замешательство членов приемной комиссии. Воображение Джека рисовало Джулию и Валентину в надежных стенах Гарварда, Йеля или, на худой конец, нью-йоркского колледжа имени Сары Лоренс; а Беннингтон, кстати, чем плох? Валентина стрельнула глазами в его сторону и, улыбнувшись, слегка изогнула почти невидимую бровь. Джеку вспомнилась последняя встреча с Элспет: дело было в аэропорту, и она рыдала, стоя в очереди. «Вы, девочки, конечно, ее не помните. Вам не представить, на что она была способна». Когда Элспет умерла, Джек испытал только облегчение. «Мог ли я предположить, мисс Ноблин, что у вас в запасе есть и другие каверзы». Он вечно ее недооценивал. Прихватив сигареты и зажигалку, Джек направился к себе в кабинет. Он плотно закрыл дверь, привалился к ней спиной и закурил. «Умерла — и слава богу». Глубоко затянувшись, он медленно выпустил дым через ноздри. Столкнуться по жизни с какой-нибудь одной из сестер Ноблин — этого более чем достаточно. В конечном счете он, по собственному убеждению, сделал правильный выбор — и благодарил судьбу. Так он и стоял, размышляя о всевозможных превратностях судьбы, пока не докурил сигарету. В столовую Джек вернулся в более спокойном, едва ли не бодром расположении духа. «Хорошая штука — никотин».

Эди неестественно прямо сидела в кресле; близнецы подались вперед, облокотились на стол, подперли головы руками, и Валентина, искоса поглядывая на Джулию, сказала:

— Мы ее в глаза не видели; с какой стати она оформила завещание на нас? Почему не на тебя?

Пока Джек усаживался в кресло, Эди молчала и только переводила взгляд с одной дочери на другую.

Джулия спросила:

— Как получилось, что мы ни разу не бывали в Лондоне?

¹⁶ «Лига плюща» — обиходное название группы старейших и наиболее уважаемых высших учебных заведений в США. «Лигу плюща» составляют университет Брауна, Колумбийский университет, Гарвард, Йель, Принстон, Корнелл и Дартмутский колледж. Иногда этот термин распространяется и на другие престижные университеты.

— Ну почему же, — возразила Эди. — Я возила вас в Лондон, когда вам было четыре месяца. Там вы увиделись с бабушкой, а через год ее не стало; и Элспет там была.

— Это правда? В самом деле?

Поднявшись со своего места, Эди направилась в спальню. Она отсутствовала всего лишь пару минут.

Валентина поллюбопытствовала:

— Пап, а ты тоже с нами ездил?

— Нет, — признался Джек. — Меня там не жаловали.

— Ага.

«Почему это?»

Тут вернулась Эди с двумя американскими паспортами. Один вручила Валентине, второй — Джулии. Открыв их, сестры принялись изучать свои физиономии. Странно, когда в паспорта вклеивают фотографии новорожденных младенцев. Штampы гласили: «Аэропорт Хитроу, 27 апреля 1984» и «Международный аэропорт О'Хара, 30 июня 1984». Сестры обменялись паспортами и сравнили фото. Если не видеть имен, то определить, где кто, было невозможно. «Ну и ряшки — картофелины с глазами», — подумала Джулия.

Сестры положили паспорта на стол и вопросительно посмотрели на Эди. У нее заколотилось сердце. «Вам не понять. Не спрашивайте. Это не ваше дело. Отстаньте». С невозмутимым лицом она выдержала их взгляды.

— А все-таки, мам, почему она не оставила наследство тебе? — продолжала допытываться Валентина.

Глаза Эди устремились на Джека.

— Понятия не имею, — сказала она. — Это надо у нее спросить.

Тут вмешался Джек:

— Маме неприятно об этом говорить.

Он собрал разбросанные по столу бумаги в одну стопку, выровнял, постукав нижним краем о столешницу, и отдал Джулии. После этого он поднялся со своего места.

— А что у нас сегодня на завтрак?

— Блинчики, — ответила Валентина.

Выйдя из-за стола, все попытались настроиться на привычную субботнюю волну. Эди налила себе еще кофе, но вынуждена была держать чашку двумя руками, чтобы не расплескать. Боится, отметила про себя Валентина, и ей самой тоже стало страшно. Джулия, пританцовывая, двигалась по коридору и держала завешание над головой, как будто переходила вброд полноводный поток. Она скользнула к себе в спальню и плотно прикрыла дверь.

На толстом ковре она запрыгала и стала молотить воздух, вскидывая кулачки над головой и беззвучно крича: «Йес! Йес! Йес!»

Той ночью близнецы устроились лицом друг к другу на кровати Джулии. Постель Валентины была смята, но пуста. Их ступни соприкасались. От сестер нежно пахло морскими водорослями и чем-то сладким — они испробовали новый лосьон для тела. До их слуха доносились обычные звуки, с которыми дом отходил ко сну. Спальню тускло освещали прикрученные к кованому изголовью голубые фонарики, оставшиеся после хануки.

Открыв глаза, Джулия увидела, что Валентина смотрит на нее в упор.

— Мышка, ты чего?

Валентина шепнула:

— Боюсь.

— Оно и видно.

— А ты?

— Нисколько.

Джулия снова закрыла глаза. «Чего бояться-то?»

— Все будет классно, Мышка. Поселимся в собственной квартире, ишачить не придется, по крайней мере первое время; будем делать что захотим. Это, типа, полная свобода, ясно тебе?

— А для чего конкретно нужна полная свобода?

Джулия перекадилась на спину. «Господи, Мышка, не будь ты такой мышкой».

— Там буду я. Там будешь ты. Что еще нужно?

— Я думала, мы вернемся в колледж. Ты же обещала.

— В Лондоне куда-нибудь поступим.

— Значит, год потеряем.

Джулия не ответила. Валентина усталилась ей в ухо. В полумраке оно выглядело потайным ходом в мозг Джулии. «Будь я букашкой, забралась бы туда и научила тебя умуразуму, а ты бы решила, что сама так поумнела».

Вслух Джулия сказала:

— Уж как-нибудь этот год перекантуемся. Не понравится — загоним эту квартиру и вернемся.

Валентина умолкла.

Через некоторое время Джулия взяла ее за руку; их пальцы переплелись.

— Нужно как следует подготовиться. Чтобы не выглядеть как тупые американцы, которые приезжают в Европу, ходят там в «Макдональдс» и орут во все горло на английском, а языки учить не хотят.

— Между прочим, в Англии все говорят на английском.

— Не придирайся, Мышка. Нам надо кое-чему научиться.

— Хорошо.

— Хорошо.

Они поворочились и легли бок о бок, соприкасаясь плечами и держась за руки. Валентина подумала: «Может, в Лондоне кровать пошире купим». Джулия, задержав взгляд на безобразном техногенном светильнике, принялась составлять в уме перечень вопросов, обязательных для выяснения перед отъездом: курс обмена, прививки, футбол, королевская семья...

Лежа в кровати сестры, Валентина не могла отделаться от мыслей об ушных ходах Джулии, о том, что в ее собственных ушах есть точно такие же ходы, только в зеркальном отражении, а потому можно приложить свое ухо к ее, Джулии, ушной раковине, поймать какой-нибудь звук — и он завибрирует, забегает туда-обратно, растерянный и одинокий. В каком же виде он долетит до меня — задом наперед? А в Лондоне как — там ведь машины ездят не по той стороне: я-то услышу правильно, а Джулия — наоборот. Может, в Лондоне вообще все пойдет в другую сторону, не так, как здесь... Буду поступать как сама решу, и никто не сможет мною помыкать... Валентина прислушалась к дыханию Джулии. Ей захотелось представить, каково это, если ты сама по себе, одна. Но она за свою жизнь не сделала ни единого шага сама по себе, а потому решила во что бы то ни стало наметить для себя план действий, но из этой затеи ничего не вышло, и она сдалась.

Эди ждала, что Джек вот-вот уснет. Обычно она старалась заснуть первой, потому что Джек храпел, но сегодня ее одолевали беспорядочные мысли, и сон не приходил. В конце концов она повернулась на бок и обнаружила, что Джек лежит с открытыми глазами и смотрит прямо на нее.

— Все устаканится, — выговорил он. — Они и раньше уезжали из дому — ничего страшного не случилось.

— Это совсем другое дело.

— Из-за Элспет?

— Скорее всего, — ответила она. — А может... уж очень это далеко. Не хочу, чтобы они там жили.

Он обнял ее за талию, и она уткнулась лицом ему в плечо. «Здесь спокойно. Здесь я в

безопасности». Джек служил ей живым щитом, надежным укрытием.

— Помнишь, когда они уехали в Корнелл? — заговорил он. — Как мы с тобой кайфовали вдвоем!

— Помню...

Для них это стало открытием: супружеская жизнь без детей закружила их, как ураган. По крайней мере, на первых порах.

— Им уже двадцать лет, Эди. Давно пора определиться. Зря мы не отправили их в разные колледжи, — сказал Джек.

Она вздохнула. «Что ты понимаешь?»

— Теперь поздно рассуждать. Элспет вырвала их у нас из рук.

— Возможно, она оказала нам большую услугу.

Эди не ответила. Тогда Джек сказал:

— Ты в их возрасте, помнится мне, жаждала самостоятельности.

— Разве можно сравнивать?

Он помолчал, давая ей возможность высказаться. Видя, что она не склонна продолжать, он зашептал:

— А что такое, Эди? Почему нельзя сравнивать?

Но она лишь стиснула зубы и закрыла глаза.

— Нет, ты объясни, — настаивал он.

Открыв глаза, она улыбнулась.

— Да что тут объяснять, Джек. — Она повернулась на другой бок. — Давай спать.

«Чуть-чуть не дожал», — подумал он. Ему не удалось разобраться, что осталось в итоге — досада или облегчение.

— Давай, — пробормотал Джек.

Они долго лежали молча, прислушиваясь к дыханию друг друга, но в конце концов Джек захрапел, и Эди осталась наедине со своими мыслями.

ОТБЕЛИВАТЕЛЬ

Изобретение интернета позволило Мартину отгородиться от внешнего мира. Точнее, интернет позволил ему свести внешний мир до уровня вспомогательной системы, подчиненной его собственному миру, который пышным цветом расцвел у него в квартире.

Мартин не ожидал, что Марика от него уйдет. Почти двадцать пять лет она безропотно мирилась с его ритуалами, неукоснительно выполняла все более строгие требования. Он не мог взять в толк, что на нее накатило. «Ты превратился в упрямого зверька, — выговаривала она ему. — Живешь, как бурундук, как земляная белка: никуда не выходишь, сидишь день и ночь в норе и вылизываешь себе одно место. Я не могу видеть закупоренные окна, не хочу при входе в собственную квартиру опускать сумку себе на ноги». Этот разговор велся на кухне. Окна, наглухо завешенные газетами, были тщательно заклеены скотчем; и он, и она сидели в носках, поверх которых шуршали полиэтиленовые пакеты. Мартин оказался безоружным: ему было нечем крыть. Он действительно жил как человек-белка, с этим не поспоришь. Но кто будет обеспечивать ему быт, если она его бросит? «Тебе пятьдесят три года, ты доктор наук, телефон и компьютер у тебя есть. Будешь жить припеваючи. Только договорись с Робертом, чтобы он мусор выносил». Через два дня Марика уехала.

Она оставила ему в морозильнике двухнедельный запас еды, распечатала список необходимых сайтов и телефонных номеров. Из универсама «Сейнсбери» ему теперь привозили продукты и моющие средства. «Маркс энд Спенсер» поставлял носки и брюки. Роберт по его просьбе отправлял письма и выносил мусор.

В общем и целом, жизнь налаживалась. Можно было никому не угождать, кроме самого себя. Он невыносимо скучал по Марике, но теперь, по крайней мере, никто не сверлил его осуждающим взглядом, не охал и не вздыхал по любому поводу, не закатывал глаза в ответ на требование выйти из комнаты и снова войти, только с другой ноги. Марика

была бы вне себя, если бы он при ней заказал на одном непроверенном сайте пять тысяч пар хирургических перчаток из латекса. Заодно он прикупил и аппарат для измерения кровяного давления, и противогаз, и армейский камуфляжный комбинезон, незаменимый, как говорилось на том же сайте, в случае химической атаки.

Иногда подворачивались и весьма выгодные сделки. Еще на одном сайте он заказал четыре пятидесятилитровые канистры отбеливателя. В тот раз к нему в дверь постучался Роберт.

— Мартин, там тебя спрашивает какой-то тип — привез море отбеливателя. Говорит, именно столько ты заказал, и требует расписаться в получении. Как по-твоему, это не опасно — держать в доме такое количество отбеливателя? На канистрах всякие грозные значки: дымящиеся ладони, меры предосторожности. Ты уверен, что это хорошая идея?

Мартин был уверен, что идея блестящая: отбеливатель имеет свойство очень быстро заканчиваться. Роберту, правда, он этого не сказал, а лишь пообещал проявлять крайнюю осторожность и попросил затащить канистры в кухню.

Чем глубже Мартин погружался в виртуальный мир, тем отчетливее понимал, что за деньги ему принесут под дверь все, что угодно. Пицца, сигареты, пиво, яйца «Счастливая несушка», газета «Гардиан», почтовые марки, электрические лампочки, молоко — все это и многое другое доставлялось по первому требованию. Он заказывал десятки книг через «Амазон», и очень скоро нераспакованные стопки перегородили всю прихожую. В прежние времена Мартин любил рыться в картографическом магазине «Стэнфордз» на Лонг-Эйкр и теперь едва не запрыгал от радости, узнав, что у этого магазина есть свой сайт. В его квартиру потоком хлынули карты и атласы, а также путеводители по незнакомым странам. Мартин настолько воодушевился, что заказал всю печатную продукцию, имеющую отношение к Амстердаму, и оклеил стены туалета картами этого города. На них он проложил маршруты, которыми, по его мнению, ходила Марика. Сам того не зная, он по наитию совершенно точно определил, что живет она в районе Йордан. Составив для нее распорядок дня, он приохотился сопровождать ее во время велосипедных прогулок по набережным каналов, а потом заходил с нею вместе в овощные лавки и покупал ее любимые экзотические овощи, хотя сам их в рот не брал. Фенхель, иерусалимские артишоки, цикорий. По его убеждению, это были несъедобные растения. В рацион Мартина входили чай, тосты, яйца, эскалопы, картофель, пиво, карри, рис и пицца. Особое пристрастие он питал к пудингу. Но в его воображении Марика бродила по уличным рынкам Амстердама и загружала корзину своего велосипеда фрезиями и брюссельской капустой. Ему вспоминались прогулки, которые они с Марикой совершали не одно десятилетие тому назад, изумительными весенними вечерами, когда их роман был в самом разгаре — даже Амстердам, казалось, умолкал, а всплески весел и крики чаек вновь и вновь отражались звукозаписью прошлого от выстроившихся вдоль канала домов семнадцатого века. У себя в спальне Мартин то и дело останавливался перед картой и нажимал указательным пальцем на ту точку, где находилась радиостанция — нынешнее место работы Марики. Закрыв глаза, он молча, одними губами повторял ее имя — ровно сто раз. Таким способом он принуждал себя воздерживаться от телефонных звонков. В каких-то случаях это помогало. Иногда все же приходилось звонить. Она не отвечала. Мартин воочию представлял, как она откидывает крышку мобильного, хмурится при виде его номера и щелчком захлопывает крышку.

Посреди домашнего бедлама сохранялся небольшой островок, подвластный здравому смыслу, — письменный стол Мартина. На него не распространялись ритуалы и принуждения; если Мартина во время работы одолевала навязчивая идея, он вскакивал из-за стола и выносил ее из кабинета. Нет, конечно, перед началом и после окончания работы соблюдался ритуал протирки, но в остальном письменный стол был оазисом спокойствия. Компьютер служил исключительно для дела, электронная почта — для переписки с редакторами и корректорами. Помимо составления кроссвордов Мартин еще выполнял переводы с редких древних языков на всевозможные современные. Он был членом одного интернет-форума, где специалисты со всех концов земного шара вели дискуссии о

достоинствах различных текстов и забавлялись тем, что высмеивали труды переводчиков, не принадлежащих к их форуму.

Впрочем, теперь интернет все чаще вторгался в пределы этого заповедного кабинетного острова, и Мартин ловил себя на том, что отслеживает на «Е-Bay» аукционы по продаже аквариумных фильтров и каждые десять минут залезает на «Амазон», чтобы проверить, как расходятся его сборники кроссвордов. Номера позиций удручали: то 673082, то 822457. Один-единственный раз его последний сборник поднялся до строчки 9326. Это были именины сердца; перед отходом ко сну Мартин решил еще разок зайти на сайт — и увидел номер 787333.

Притом что Мартин без труда находил «Young Girls Hot to Meet You!!!», а также «Big Busted!?! S*xу Moms» и массу иных возможностей утолить свою похоть и чужую алчность, ему так и не удалось разыскать во Всемирной паутине Марику. Он раз за разом гуглил ее имя, но она принадлежала к тем уникальным, неуловимым натурам, которые обитают исключительно в реальном мире. Марика нигде не публиковалась, не получала премий, засекретила свой номер телефона и никогда не появлялась в чатах или на форумах. Казалось бы, у нее на рабочем месте должна быть электронная почта, но в справочнике радиостанции ее имя отсутствовало. Если верить интернету, Марики не существовало в природе.

Месяц за месяцем исчезали без следа, и Мартин уже стал сомневаться, была ли вообще такая женщина — Марика, которая с ним жила, целовалась и декламировала голландские стихи про наступление весны. Месяц за месяцем он корпел над своими кроссвордами и переводами, до крови оттирал руки, считал, проверял — и ругал себя за то, что без конца моется, считает и проверяет. Он готовил в микроволновке замороженные полуфабрикаты, все на один вкус, и поглощал их на кухне, читая за едой. Сам стирал свои вещи, и они ветшали от избытка отбеливателя. Бывало, он слышал погоду: ливень, дождь со снегом, ветер, а то и гром. Изредка у него возникал вопрос: а что будет, если взять да остановить все часы? Виртуальный мир существовал вне времени, и Мартин считал, что в принципе можно обходиться без привязки к световому дню. От этой мысли ему становилось грустно. Без Марики он превратился в электронный почтовый ящик.

Каждую ночь, лежа в их супружеской постели, Мартин грезил о спящей Марике. С возрастом она немного раздалась, и он полюбил ощущать рядом с собой ее мягкость, теплую полноту и каждую выпуклость. Иногда она тихонько всхрипывала во сне, и теперь Мартин в темноте явственно слышал, как из неведомой амстердамской спальни к нему плывет ее посапывание. Он снова и снова твердил ее имя, пока оно, превратившись в бессмысленное сочетание звуков — ма-РИИ-ка, ма-РИИ-ка, — не вписывалось новой вокабулой в словарь одиночества. В его воображении Марика всегда пребывала в одиночестве. Он и мысли не допускал, что она могла найти кого-то другого. Даже вопросом таким не задавался. Без того, чтобы представить ее всю целиком — зарывшееся в подушку лицо, холмики ягодич под одеялом, — Мартин не мог заснуть. А заснув, то и дело просыпался от слез.

С каждой уходящей ночью ему становилось все труднее рисовать себе внешность Марики. В смятении он приколол к стенам квартиры десятки фотографий. Почему-то от этого стало только хуже. Реальные воспоминания начали вытесняться образами; его вторая половина, женщина из плоти и крови, превращалась в палитру красок на плотных бумажных прямоугольниках. Да и палитра эта со временем выцветала — ему ли не видеть. И протирать не было смысла. Марика растворялась в отбеливателе памяти. Чем больше усилий прилагал он к тому, чтобы ее удержать, тем быстрее она таяла.

НОЧЬ НА ХАЙГЕЙТСКОМ КЛАДБИЩЕ

Сидя за письменным столом, но не включая лампу, Роберт наблюдал, как под окнами исчезает в сумерках заросший сад у подъезда «Вотреверса». Дело было в июне, и дневной свет вроде как повис на деревьях, будто сад выпал из времени и превратился в свой увеличенный до предела образ. Взошла луна — почти полная. Роберт поднялся со стула,

встряхнулся и, захватив прибор ночного видения и фонарик, направился к черному ходу. На лестнице он постарался не топать — Мартину везде мерещились злоумышленники. Шагая через задний двор в сторону зеленой двери в стене, Роберт избегал ступать на гравиевую дорожку и держался хлюпающей, замшелой почвы. Он воспользовался своим ключом и прошел сквозь стену прямо на кладбище.

Там он оказался на плоской асфальтированной площадке — под ней находились Лестничные катакомбы. Ступени по обеим сторонам площадки спускались до уровня земли; в этот вечер он предпочел спуститься по западной лестнице и направился в сторону аллеи Диккенса. Фонарик зажигать не стал. Под пологом густой листвы воцарилась темнота, но ему было не впервой проделывать этот путь в потемках.

На Хайгейтском кладбище ему было милее всего ночью. В ночное время здесь не слонялись посетители, не взывали о прополке сорняки, не докучали журналисты — кладбище, никем не потревоженное, простиралось в лунном свете нежно-серым видением, каменным безбрежьем викторианской скорби. Иногда у Роберта возникало желание позвать с собой Джессику и пройти с нею вместе по сумрачным аллеям, слушая вечерние звуки — голоса зверей, перекликающиеся вдаль и умолкающие с его приближением. Но Джессика, разумеется, видела десятый сон у себя дома; узнай она о его ночных вылазках — его бы тут же лишили доступа на кладбище. В качестве оправдания он говорил себе, что совершает обход территории, защищает могилы от вандалов и гоняет самозванных охотников за вампирами, которые повадились сюда в семидесятые и восьмидесятые годы.¹⁷

Роберту и в самом деле встречались по ночам какие-то люди. Прошлым летом из чугунной ограды на юго-западной оконечности кладбища кто-то вытащил острый штырь. Пока в ограде зияла дыра, Роберт стал замечать, что на кладбище вечерами бегают дети.

В первый раз — когда он сидел среди захоронений двадцатых годов прошлого века. Расчистил для себя место на траве и затаился, приладив к объективу кинокамеры прибор ночного видения: ему хотелось заснять лисье семейство, чью нору он приметил неподалеку. Солнце закатилось за кроны деревьев, и над силуэтами домов, как раз за оградой, небо окрасилось желтым. Услышав шорох, Роберт повернул камеру в ту сторону. Но вместо лисиц в объектив попал какой-то фантом: ребенок, бегущий прямо на него. Камера чуть не выпала у Роберта из рук. Тут появился другой ребенок, бегущий вслед за первым: это были девочки в коротких платьицах, уже запыхавшиеся, но не произносившие ни звука. Они чуть было не наткнулись на него, но тут послышался мальчишеский окрик, девочки повернули к ограде, пролезли через дыру и скрылись из виду.

На другой день Роберт первым делом сообщил в контору, что в ограде образовался пролом. Вечерами ребятишки продолжали играть на кладбище и время от времени попадались на глаза Роберту, недоумевавшему, чьи же это дети, где они живут и какие могут быть игры на могилах. Недели через две-три ограду восстановили. В тот же вечер Роберт прошелся по улице и даже взгрустнул при виде троих детишек, которые стояли у ограды, держась за острые штыри, и вглядывались в кладбищенский полумрак, но не произносили ни звука.

Диссертация Роберта задумывалась как работа по истории: сквозь призму кладбища можно было рассмотреть излишества, которым предавалось викторианское общество — феноменальные, блистательные, непостижимые; Хайгейтское кладбище возникло как результат ужесточения санитарно-гигиенических норм в сочетании с углублением сословного расслоения; для викторианцев оно стало театром скорби, подмостками вечного покоя. Однако Роберт, приступив к сбору материала, увлекся личностями покойников, и его изыскания перешли в биографическое русло; он с головой уходил в любопытные байки,

¹⁷ ...гоняет самозванных охотников за вампирами, которые повадились сюда в семидесятые и восьмидесятые годы. — В 1970-е гг. лондонская пресса распространила слухи о вампире, якобы охотящемся на Хайгейтском кладбище. Шон Манчестер, местный житель, одним из первых предположил существование «хайгейтского вампира», а впоследствии заявил, что сам уничтожил все вампирское гнездо на кладбище.

увлекался тщетной скрупулезностью приготовлений к загробной жизни, в которую, мягко говоря, верилось довольно слабо. Из-за такого душевного тяготения он потерял из виду основную цель исследования.

У него в знакомцах были и великий ученый Майкл Фарадей, и Элиза Бэрроу — жертва кровавого маньяка-убийцы Фредерика Седдона; он предавался долгим размышлениям на безымянных могилах подкидышей. А однажды всю ночь напролет следил за тем, как снег укутывает Льва, каменного пса, который не покидал Томаса Сейерса — последнего боксера-профессионала, вышедшего на ринг без перчаток.¹⁸ Время от времени ему случалось выкопать какой-нибудь кустик у Рэдклифф-Холл,¹⁹ чье захоронение всегда пестрело цветущими растениями, и перенести на отдаленную непосещаемую могилу.

В Хайгейте Роберт любил наблюдать смену времен года. На кладбище всегда было зелено; у викторианцев многие деревья и кустарники символизировали вечную жизнь, а потому даже зимой неупорядоченную геометрию могил скрадывали посадки хвойных пород, кипарисов и падуба. По ночам от камня и снега отражался лунный свет, и когда Роберт с хрустом ступал по гравию, скрытому под невесомым белым покрывалом, у него самого порой возникало ощущение, близкое к невесомости. А то еще он прихватывал с собой стремянку из садового сарая «Вотреверса» и взбирался на травянистую лужайку в центре Ливанского круга. Прислонившись к трехсотлетнему ливанскому кедру или просто лежа на спине, он смотрел в небо сквозь узловатые ветви. Звезд он почти не видел — их скрывало световое загрязнение от лондонских электросетей. Зато сквозь крону ливанского кедра мелькали огоньки самолетов. В такие минуты Роберта охватывало непоколебимое чувство упорядоченности мироздания: под его телом, под травяным покровом, тихо-мирно лежали мертвые в своих тесных кельях, а над ним, в небесах, плыли звезды и крылатые машины.

Сегодня, остановившись возле семейства Россетти, Роберт задумался об Элизабет Сиддал.²⁰ Он без конца переписывал главу, посвященную ее жизни, но не потому, что находил неизвестные факты, а скорее потому, что его согревали думы о Лиззи. Роберт с нежностью провел мысленную линию ее судьбы: от скромной модистки до натурщицы художников-прерафаэлитов и обожаемой возлюбленной Данте Габриеля Россетти. Загадочные недуги, долгожданное венчание с Россетти, мертворожденная дочь. Смерть от опия. Муки совести Данте Габриеля, положившего в гроб жены единственный экземпляр своего полного собрания стихотворений. Через семь лет — ночная эксгумация при свете костра, поиски рукописи. Роберта завораживала эта история. Он постоял с закрытыми глазами, рисуя в своем воображении события тысяча восемьсот шестьдесят девятого года: тогда эта могила еще не была стиснута другими, и могильщики свободно махали заступами в неверном свете костра.

Полагая, что слишком задержался, Роберт ступил на еле заметную тропу среди

¹⁸ ...Льва, каменного пса, который не покидал Томаса Сейерса... боксера-профессионала... — Томас Сейерс (1826–1865) — знаменитый английский боксер, первый чемпион мира в тяжелом весе. Держал пса по кличке Лев, так тосковавшего после смерти хозяина, что ему поставили памятник на могиле боксера.

¹⁹ Рэдклифф-Холл, Маргерита (1882–1943) — английская писательница, автор нашумевшего романа «Колодец одиночества» (1928), который долгое время был запрещен в Великобритании из-за обращения к теме лесбийской связи.

²⁰ ...остановившись возле семейства Россетти... задумался об Элизабет Сиддал. — Элизабет (Лиззи) Элеонора Сиддал (1828–1868) — муза, любовница, затем жена известного английского художника-прерафаэлиты и поэта Данте Габриеля Россетти (1828–1882). Поэтесса, художница. Оказала большое влияние на Братство прерафаэлитов. Изображена практически на всех ранних женских портретах Данте Габриеля Россетти, также позировала Уолтеру Хоуэллу Девереллу, Уильяму Холману Ханту и Джону Эверетту Милле. В частности, изображена на картине последнего «Офелия» (1852). Покончила с собой во время депрессии, вызванной неверностью мужа, рождением мертвого ребенка и усугубленной злоупотреблением наркотическими веществами.

захоронений и пошел наугад.

Ему не давалась вера в загробную жизнь. В годы своего англиканского детства он воображал широкую, залитую холодным солнцем бескрайнюю пустоту, где витают невидимые людские души и тени мертвых домашних питомцев. Когда у Элспет не осталось надежды на выздоровление, он попытался откопать эту прежнюю веру, пробиться заступом сквозь собственный скепсис, будто вера представляла собой какие-то более ранние отложения под пластами умудренности опытом. Он перечитал трактаты медиумов, рассказы о старинных спиритических сеансах, отчеты о научных опытах с участием ясновидящих. Его разум взбунтовался. Это все история; это увлекательно; это неправда.

Приходя ночью на кладбище, Роберт всегда останавливался перед склепом Элспет или садился на единственную ступень, прислонясь к неприветливой решетке. Когда он стоял у склепа Россетти, ему было ни жарко ни холодно от того, что там не чувствовалось присутствия Лиззи или Кристины,²¹ но прийти к Элспет и обнаружить, что для него «ее нет дома», было как-то тревожно. В первые дни после похорон его так и тянуло к этому склепу в ожидании какого-нибудь знака. «Я буду тебе являться», — сказала она, узнав смертельный диагноз. «Да уж, пожалуйста», — ответил он, целуя ее в исхудавшую шею. Но она ему не являлась — разве что в мыслях: исчезала и всплывала в совершенно неподходящие моменты.

Сейчас Роберт сидел на пороге ее последнего пристанища и наблюдал, как рассвет подкрашивает деревья. Он слышал, как в Уотерлоу-парке зашевелились птицы, запели, загалдели и выплеснулись через дорогу. Вдоль Суэйнз-лейн проносились редкие автомобили. Когда в лучах рассвета уже обозначились надписи на могилах через аллею от склепа Элспет, Роберт встал и направился в дальнюю часть кладбища, туда, где были Лестничные катакомбы. Впереди маячил шпиль церкви Святого Михаила, а «Вотреверс», скрытый стеной, оставался невидимым. У одного края Лестничных катакомб Роберт поднялся по ступеням и дошел по крыше до зеленой двери. Его сморила усталость. Из последних сил он поплелся к себе домой, едва не засыпая на ходу. Между тем за окнами его квартиры кладбище принимало свой привычный вид: восход сменился дневным светом, в контору потянулись служащие, зазвонили телефоны, мир природы и мир человека закрутились в своих отдельных, но сообщающихся системах координат. Роберт заснул не раздеваясь, только сбросил прямо у кровати грязные кроссовки. Около двенадцати дня он появился в конторе кладбища, и Джессика сказала:

— Голубчик мой, на тебе лица нет. Выпей-ка чаю. Ты когда-нибудь спишь?

ВОСКРЕСНЫЙ ДЕНЬ

Лондон жарился под безоблачным июльским небом. Держа в потной руке высокий стакан джина с тоником, Роберт устроился в старом плетеном шезлонге, вынесенном на задний двор дома Джессики Бейтс. Там ее внуки готовились играть в крокет. Был воскресный день. Роберта не покидало смутное чувство, что он оказался не в том месте; у них с Джессикой было заведено проводить воскресенья на кладбище. В такую прекрасную погоду туда валом валили туристы, которые толпились у ворот, щелкали фотоаппаратами и возмущались запретами на вход в открытой одежде и с напитками. Одни сетовали на высокую стоимость экскурсии — пять фунтов, другие безуспешно требовали, чтобы их пропустили с колясками и с детьми младше восьми лет. Но сегодня гидов пришло больше, чем требовалось, и потому Роберта с Джессикой отпустили: Эдвард велел им «как следует отдохнуть, смело положиться на коллег и вообще не думать о делах». Поэтому Джессика, в свои восемьдесят четыре года не умеющая сидеть сложа руки, хлопотала на кухне, готовя обед на двенадцать персон, а Роберт (которого решительно выставили, когда он предложил

²¹ *Кристина* — Кристина Россетти (1830–1894), младшая дочь Габриеля Россетти, сестра художника и поэта Данте Габриеля Россетти. Входила в число виднейших поэтов Викторианской эпохи.

свою помощь) лениво полулежал в шезлонге и смотрел, как дети возятся с воротцами и стойкой.

Для игры в крокет трава была слишком высокой, но об этом никто не думал.

— Хотелось мне ягнят завести, чтобы щипали травку, но Джессика ни в какую, — посетовал Джеймс Бейтс, муж Джессики, который сидел в садовом кресле, кутаясь в тонкое одеяло; от одного этого зрелища у Роберта градом покатился пот.

Некогда статный, Джеймс с годами усох, а его мягкий голос теперь слегка дребезжал. Сильные линзы очков увеличивали глаза; сам он был тщедушным, но решительным. В свое время работал директором школы, а после выхода на пенсию стал архивариусом кладбища.

Джеймс любовно наблюдал за внуками. Те, споря о правилах игры, пытались разбиться на команды. Он бы дорого дал, чтобы встать с кресла, подойти к детишкам и сыграть партию вместе с ними. Со вздохом он перевел взгляд на сборник кроссвордов, лежавший у него на коленях.

— Вот этот — весьма изобретательный, — выговорил он, поворачивая открытую страницу к Роберту. — Все определения даны в виде математических уравнений, надо выразить решения буквами и вписать в клеточки.

— Угу. Не Мартин ли постарался?

— Совершенно верно. Это мне от него подарок на Рождество.

— Садист чертов.

Дети сгрудились у первых воротцев и начали гонять цветные деревянные шары. Старшие терпеливо ждали, пока самая младшая девочка сделает удар.

— Умница, Нелл, — похвалил высокий паренек.

Джеймс ткнул шариковой ручкой в сторону Роберта:

— Как подвигаются дела с наследством Элспет?

Двоюродные братья повздорили из-за шара, укатившегося за пределы площадки. Роберт без труда переключился на мысли об Элспет — она и без того не выходила у него из головы.

— Рош ведет переписку с близнецами. Их мать, родная сестра Элспет, грозилась оспорить завешание, но, думаю, Рош ее переубедил. Очевидно, у американцев это в крови — страсть к судебным тяжбам.

— Странно все-таки, что Элспет не обмолвилась нам о своей сестре-близняшке. — Джеймс улынулся. — Трудно поверить, что найдется хоть кто-нибудь, на нее похожий.

— Да... — Роберт не сводил глаз с детей, которые мирно гоняли деревянные шары. — Элспет говорила, они с Эди по характеру были совершенно разными. Она терпеть не могла, если их путали. Мы с ней однажды пошли в «Маркс-энд-Спенсер», и к Элспет привязалась с разговором какая-то женщина — оказалось, это была мать парня, с которым встречалась Эди. Элспет ей отчаянно нагрубила. Женщина пришла в ярость, а Элспет прямо раздулась — есть такие бразильские лягушки, которые раздуваются до невероятных размеров и плюют в свою жертву, чтобы тут же ее заглотить.

Джеймс посмеялся:

— Наверное, та женщина оказалась слишком крупной для такого миниатюрного создания.

— Элспет была как пушинка. Однажды я пронес ее на руках через весь Хэмпстед-хит²² — она каблук сломала.

— А уж какие у нее были высоченные шпильки.

Со вздохом Роберт представил себе гардеробную Элспет — там помещалась

²² *Хэмпстед-хит* — лесопарковая зона на севере Лондона, в административном районе Кэмден, между пригородами Хэмпстед и Хайгейт. Эта холмистая местность площадью в 320 га — не только самый обширный парк на территории Большого Лондона, но и самая высокая его точка. С целью сохранения прекрасного вида на Лондон, открывающегося с Парламентского холма, в этом районе законодательно запрещено любое строительство.

импровизированная выставка обуви. На днях он зашел туда под вечер, лег на пол и ласкал ее туфельки, пока не выплеснул накопившееся желание. Его бросило в краску.

— Ума не приложу, что делать с ее вещами.

— Ничего не делать; вот приедут двойняшки — пусть сами решают.

— А вдруг они надумают все выбросить? — усомнился Роберт.

— И то верно.

Джеймс поерзал в кресле, чтобы сменить положение. У него болела спина. Он не мог понять, почему Элспет составила завещание в пользу этих девчонок, которые, скорее всего, по приезде отправят в помойку все, что она любила.

— А ты с ними знаком? — спросил он.

— Нет. Между прочим, Элспет их тоже не знала. Она не общалась с Эди после того, как та сбежала с ее женихом. — Роберт нахмурился. — На самом деле, завещание составлено очень странно. Двойняшки получают все по достижении двадцати одного года, а до этого срока всего-то месяцев пять. Кроме того, квартира достанется им только в том случае, если их родители не будут допущены на порог.

— Это сделано в отместку, ты не находишь? А как, по ее мнению, ты должен обеспечить такое условие?

— Оно было добавлено в последний момент: Элспет не могла смириться с мыслью, что Эди и Джек будут прикасаться к ее вещам. Но она же понимала, что практического смысла в этом нет.

Джеймс опять улыбнулся:

— Как это похоже на Элспет. Но если так, то с какой стати отписывать все имущество их детям? Почему не тебе?

— Я получу то, что мне дорого. — Роберт невидящим взглядом смотрел на газон. — В том, что касалось двойняшек, она была очень скрытной. Подозреваю, она питала к ним слабость именно потому, что это двойняшки; воображала себя «тетушкой Элспет», а сама даже с днем рождения ни разу их не поздравила. Понимаете, эта идея как раз и привлекала ее своим сумасбродством. Устроить крутой поворот в жизни близнецов, чтобы они вырвались из-под родительского крыла и перенеслись в мирок Элспет. А уж как они себя здесь поведут — одному Богу известно.

— Жаль, ей уже с ними не свидеться.

— Да.

Роберту хотелось закрыть эту тему. Игра в крокет разладилась. Мальчики помладше размахивали молоточками, как саблями, а девчонки перебрасывались шаром, отнятым у Нелл, да так, чтобы ей было не допрыгнуть. Только двое старших братьев упрямо загоняли шары в воротца. Тут во дворе появилась Джессика. При виде такого беспорядка она подбоченилась, всем своим видом изображая праведный гнев.

— Так-так! — воскликнула она. — Вы что здесь устроили? — Голос Джессики взмывал вверх и падал, словно воздушный змей.

Дети остановились как вкопанные и засмутились, став похожими на котят, которые неуклюже свалились с высоты и сразу принялись вылизываться, как будто так и надо. Осторожно ступая по траве, Джессика приблизилась к Роберту и Джеймсу. Две ее подруги недавно получили перелом шейки бедра, и она временно отказалась от привычки шагать не разбирая дороги. Придвинув для себя кресло, она села рядом с мужем.

— Как там обед? — спросил он.

— Придется немного подождать — курица еще не готова. — Джессика промокнула лоб носовым платочком.

Роберт понял, что в такой зной жареная курица не полезет ему в горло. Он приложил к щеке свой стакан — кубики льда в нем почти растаяли. Джессика осмотрела его с головы до ног.

— Не нравится мне твой вид, — сказала она.

— Совсем не сплю, — ответил он.

— Мм, — в унисон протянули Джессика и Джеймс, переглядываясь.

— А почему? — спросила Джессика.

Роберт отвел глаза. Дети вернулись к игре. Почти все столпились у средней стойки, и только Нелл примеривалась к шару, застрявшему среди стеблей ириса. Замах — и ее молоточек с корнем вырвал несколько цветков. Роберт посмотрел на Джессику, потом на Джеймса, которые не спускали с него озабоченного взгляда.

— Вы верите в привидения? — спросил он.

— Конечно нет, — ответила Джессика. — Это полная чушь.

Джеймс с улыбкой переключился на кроссворд Мартина, лежавший у него на коленях.

— Ну хорошо, я понял: вы не верите в привидения.

Было время — Хайгейтское кладбище страдало от нашествий оккультистов и сатанистов. А Джессике стоило немалых усилий отвадить японских телевизионщиков и любителей эзотерики, которые жаждали устроить из Хайгейтского кладбища какой-то Диснейленд с привидениями.

— Просто я... захаживаю... в квартиру Элспет, и у меня такое чувство, будто она... там.

Уголки рта Джессики поползли вниз, как от неприличной шутки. Джеймс поднял любопытствующий взгляд.

— И что же тебе говорит это чувство? — спросил он Роберта.

Роберт помедлил.

— Оно почти неуловимо. Но вот, к примеру, с температурой воздуха в ее квартире творится что-то неладное. Допустим, сажусь я за письменный стол, начинаю разбирать бумаги — и вдруг какую-то часть тела обдает холодом. Стынут пальцы, потом холод поднимается по руке. Или затылок вдруг мерзнет... — Роберт запнулся, изучая свой стакан. — У нее в квартире даже вещи двигаются. Легкие-легкие шевеления: то занавеска, то карандаш. Замечаю боковым зрением. Прихожу — а какие-то предметы лежат не там, где я их оставил. Как-то раз книжка упала со стола на пол... — Подняв глаза, он успел заметить, как Джеймс покачал головой, а Джессика приложила палец к губам. — Да ладно. Я же понимаю.

— Роберт. Мы тебя слушаем, — сказала Джессика.

— Я сбивчиво объясняю.

— Может быть. Но если тебе от этого легче...

— Нет, нисколько.

— Ну...

Все трое умолкли.

— А ведь я однажды видел привидение, — вдруг сказал Джеймс.

Роберт покосился на Джессику. Сохраняя невозмутимость, она лишь криво усмехнулась и прикрыла глаза.

— Вы видели привидение? — переспросил Роберт.

— Видел. — Джеймс заерзал в кресле, и Джессика поправила подушку у него под поясницей. — Я тогда совсем маленьким был, лет шести. Было это — дайте подумать — году в семнадцатом. Мое детство прошло вблизи Кембриджа; а в доме, где жила в ту пору наша семья, был когда-то постоялый двор. Построили его, кажется, в тысяча семьсот пятидесятом. Дом был большой, в нем гуляли сквозняки, и стоял он на отшибе, у перекрестка дорог. Третий этаж у нас не использовался — все спальни были на втором. Даже горничная и та спала на втором этаже. Отец мой преподавал в университетском колледже Сент-Джон, и у нас в доме постоянно кто-то гостил. Обычно спальных мест хватало всем, но в тот раз гостей, видимо, приехало более обычного, потому что моего брата Сэма уложили в одной из пустующих спален наверху. — Джеймс улыбнулся сам себе. — Сэм был, как выражаются американцы, парнем сговорчивым, но в ту ночь он ревел без умолку, пока мама не поднялась к нему и не забрала его спать к себе в комнату.

— Я и не знал, что у вас был брат, — сказал Роберт.

— Сэм погиб на войне.

— Ох...

— Так вот: на следующую ночь пришел мой черед спать на третьем этаже.

— Погодите, а Сэм не объяснил, почему он плакал?

— Сэму было четыре года, — сказал Джеймс, — и я, конечно, поднял его на смех, вот он и замкнулся в себе. По крайней мере, так мне помнится. Уложили, значит, меня наверху. Помню, натянул я одеяло до самого подбородка, матушка меня поцеловала на ночь, и я остался в темноте, не подозревая, какая жуть могла выскользнуть из шкафа и вцепиться мне в горло...

Джессика заулыбалась. Роберт подумал, что ее позабавили эти причудливые детские фантазии.

— Ну и что там произошло?

— Я заснул. Но вскоре проснулся. В окно светила луна, и на моей подушке играли тени от ветвей, покачивающихся на ветерке.

— И тут вы увидели привидение?

Джеймс рассмеялся.

— Голубчик мой, эти ветви и были привидением. Деревьев-то на сотню ярдов от дома не было и в помине. Их давным-давно срубили. Я увидел призрак дерева.

Роберт задумался.

— В этом даже есть некоторая изысканность. Я ожидал услышать про вампиров.

— Оно и понятно. Видишь ли, я вот как считаю: коли случаются такие вещи, значит, они — призраки — должны быть более привлекательными, более удивительными, чем говорится в сказках.

Пока Джеймс вел свой рассказ, Роберт ненароком взглянул на Джессику. Она неотрывно смотрела на мужа, и на ее лице отражалось долготерпение, смешанное с восхищением, и еще что-то очень личное, в чем Роберт узрел квинтэссенцию долгой семейной жизни. Почему-то ему захотелось побыть одному.

— Не найдется ли у вас таблетки ибупрофена? — спросил он Джессику. — Что-то у меня голова начинает болеть — наверное, солнцем напекло.

— Конечно, сейчас принесу.

— Нет-нет, — сказал он, вставая. — Мне просто нужно ненадолго прилечь перед обедом.

— В ванной комнате на первом этаже есть аптечка — там был анадин.

Джессика с Джеймсом проводили глазами Роберта, который, будто проглотив аршин, пересек террасу и скрылся в доме.

— Непокойно мне за него, — сказала Джессика. — Бродит, как неприкаянный.

На это Джеймс ответил:

— Она умерла всего лишь восемь месяцев назад. Всему свое время.

— Ну-у, пожалуй. Не знаю. Как-то он... утратил почву под ногами, что ли, — то есть делает все, что надо, но живости в нем нет. Думаю, он и диссертацию забросил. Не смог пока найти утешения.

Джеймс встретился глазами с беспокойным взглядом жены. И улыбнулся:

— А тебе сколько потребуется времени, чтобы найти утешение?

Она протянула к нему согнутую руку, и он взял ее в свою ладонь.

Джессика сказала:

— Джеймс, милый мой, я и мысли не допускаю, что смогу найти утешение.

— Ладно, Джессика, — выговорил ее муж, — ответ принят.

Роберт постоял в тускло освещенном холле первого этажа, держа в руке две таблетки. Он проглотил их не запивая и уткнулся лбом в прохладную штукатурку стены. После безжалостного зноя это показалось блаженством. До него доносилась переключка детских голосов — крокет был заброшен ради какой-то другой игры. Оказавшись в одиночестве, он захотел вернуться на воздух, развеяться, с кем-нибудь поговорить. Выждет пару минут — и

выйдет. У него не проходило какое-то стеснение в груди: таблетки попали не в то горло. Он побоялся, как бы на штукатурке не осталось пятно его пота, и вытер это место запястьем. Закрыв глаза, Роберт представил себе Джеймса — маленького мальчика, который сидит в постели и с ужасом разглядывает тени несуществующих деревьев. «Почему бы и нет? — подумал он. — Почему бы и нет?»

ИСТОРИЯ ПРИЗРАКА

Уже почти год Элспет Ноблин была мертва, но до сих пор не постигла всех правил.

На первых порах она дрейфовала у себя в квартире. Не обладая большим запасом сил, просто разглядывала свои бывшие вещи. Задремывала и пробуждалась через несколько часов, а может, суток — она точно не знала, да это и не имело значения. Никаких определенных очертаний она не приняла и целыми днями перемещалась по полу от одного солнечного пятна до другого, напиваясь теплом, как будто сама стала воздухом — поднималась и опускалась, нагревалась и остывала.

Она обнаружила, что способна уместиться в самом тесном пространстве, и это открытие привело к первому эксперименту. Один из ящиков ее письменного стола не открывался. Видимо, застрял, потому что ключ от стола оказывался бесполезным, когда дело доходило до нижнего ящика левой тумбы. А жаль — пропадало место для хранения папок. Теперь Элспет проплыла внутрь сквозь замочную скважину. Ящик был пуст. Она даже немного огорчилась. Но почему-то внутри ей понравилось. Сжавшись до двух кубических футов, она приобрела некоторую плотность и очень скоро пристрастилась к такому состоянию. Элспет пока что оставалась бестелесной, но внутри ящика она испытывала нечто похожее на осязание: соприкосновение волос и кожи, языка и зубов. Облюбовав этот ящик, она подолгу в нем спала, размышляла — и успокаивалась. Как будто вернулась в материнское чрево, думала она, радуясь добровольному заточению.

Как-то утром она увидела свои ступни. Едва различимые, но узнаваемые; Элспет порадовалась. Вслед за тем образовались кисти рук, ноги, предплечья, груди, бедра и туловище, а под конец она уже могла крутить головой и шеей. К ней вернулось то тело, в котором она умерла, — щуплое, исколотое иглами, с разрезом для катетера, но она так обрадовалась, что ничего этого сперва не замечала. Плотность нарастала постепенно — от этого она видела себя все более отчетливо; но для Роберта по-прежнему оставалась невидимкой.

Роберт проводил много времени в ее квартире: завершал дела, бродил по комнатам, трогал разные безделушки или, взяв что-нибудь из одежды, ложился на кровать и сворачивался калачиком. Она за него беспокоилась. Худой, болезненный, подавленный. Видеть этого не могу, говорила она себе. Ее терзали сомнения: то ли обнаружить свое присутствие, то ли оставить его в покое. Он не найдет утешения, если будет знать, что ты рядом, внушала она себе.

Он и так не может найти утешения.

Иногда она до него дотрагивалась. Судя по всему, на него это действовало как ледяной сквозняк; там, где она проводила рукой, появлялась гусиная кожа. На ощупь он казался ей горячим. Теперь она различала только тепло и холод. А шершавое и гладкое, мягкое и твердое оставались для нее недоступными. Равно как и вкус, и запах. Зато к Элспет привязалась музыка: песни любимые, нелюбимые и никакие теперь звучали у нее в ушах. Спасения от них не было. Как будто в соседней квартире негромко включили радио.

У Элспет появилась привычка закрывать глаза и ласкать свое собственное лицо. Ее пальцы чувствовали вещественность, притом что остальной мир проскальзывал мимо, как будто она двигалась вдоль киноэкрана, на который направлен луч проектора. Ей больше не приходилось совершать обыденные ежедневные ритуалы: принимать душ, одеваться, подкрашиваться; она просто вызывала в памяти любимый джемпер или выходное платье — и была при полном параде. Правда, волосы, к ее огорчению, так и не отросли. В свое время

Элспет сильно переживала, когда они стали выпадать целыми прядями, а потом вместо светлых локонов начал отрастать какой-то чужой, серый с проседью пух. Причем жесткий на ощупь.

Отражения в зеркале теперь у нее не было. Это доводило ее до белого каления — она и без того чувствовала свою ущербность, а от невозможности увидеть собственное лицо ее охватывало невыносимое одиночество. Иногда она задерживалась в прихожей и поочередно вглядывалась во все зеркала, но в лучшем случае различала темное, расплывчатое облачко, словно кто-то взялся рисовать в воздухе углем, а потом стер неудачную картинку, но не до конца. Вытягивая перед собой руки, она ясно видела кончики пальцев. Наклоняясь, могла любоваться ножками в изящной обуви. Но лицо ускользало.

Быть призраком означало вот что: насильственное отчуждение от мира. Она лишилась всего. Приходилось довольствоваться делами и поступками других, чужой способностью переставлять вещи, питаться обычной едой, дышать воздухом.

Из всех сил Элспет старалась произвести какой-нибудь шум. Она кричала во все горло, но Роберт ее не слышал, даже стоя рядом. Элспет поняла, что крику взяться неоткуда — ее голосовые связки не оправдывали своего назначения. Тогда она бросила все силы на перемещение предметов.

Вначале предметы на нее не реагировали. Элспет, собирая в кулак всю свою вещественность и ярость, набрасывалась на диванную подушку или первую попавшуюся книгу — все без толку. Дергала двери, пыталась греметь посудой, останавливать стрелки часов. Видимых результатов не было. Тогда, умерив свой пыл, она решила начать с малого. И в один прекрасный день одержала победу над скрепкой для бумаг. Для этого пришлось битый час терпеливо подталкивать и тянуть, но зато удалось преодолеть расстояние в полдюйма. Теперь она знала, что ее рано сбрасывать со счетов: если она не будет лениться, то сможет повлиять на ход событий в этом мире. Элспет начала ежедневные тренировки. В конце концов ей удалось сбросить все ту же скрепку на пол. Потом она научилась шевелить занавесками и дергать за усики чучело горностая,²³ стоявшее у нее на столе. Вслед за тем пришел черед электрических выключателей. Она приноровилась чуть-чуть раскачивать дверь, как будто в комнате гулял сквозняк. К своей большой радости, смогла перелистывать книжные страницы. При жизни печатное слово было ее самой большой страстью, и теперь она снова отдавалась любимому занятию, если находила на столе открытую книгу. Оставалось только научиться снимать книги с полок.

Предметы обихода не были для Элспет материальными, равно как и она для них, но почему-то стены квартиры оказались непреодолимой преградой. На первых порах это ее не волновало. У нее даже было опасение, что на улице ее просто развеет ветром и непогодой. Но постепенно стало подступать какое-то беспокойство. Ладно бы в ее территорию включалась квартира Роберта — тогда еще можно было бы потерпеть. Она не раз хотела просочиться вниз через пол, но только растекалась лужицей, как Злая Волшебница Запада.²⁴ Проползти в щель под входной дверью тоже не получалось. Она слышала, как Роберт передвигается по дому, принимает душ, разговаривает с телевизором, врубает *Arcade Fire*.²⁵ От этих звуков ее переполняла жалость к себе и горькая обида.

Открытые окна и двери сулили свободу, но и тут был обман. Элспет обнаружила, что

²³ ...чучело горностая... — Таксидермия (изготовление чучел) входит в число увлечений автора романа.

²⁴ *Злая Волшебница Запада* — персонаж детской книги американского писателя Фрэнка Баума (1856–1919) «Волшебник страны Оз».

²⁵ *Arcade Fire* — канадская группа альтернативного рока, творческое ядро которой составляет супружеский дуэт Уина Батлера и Режин Шассан. Дебютный альбом группы, вышедший в 2004 г. и получивший широкую известность, назывался «The Funeral» («Похороны»).

любые попытки пройти сквозь них приводят к тому, что она превращается в бесформенную субстанцию, но все равно застревает в квартире.

«Почему? — размышляла Элспет, — Зачем так устроено? Я могу понять, что такое рай и ад, награда и кара, но если это — лимб, то для чего он нужен? Разве способно меня исправить это призрачное подобие домашнего ареста? Неужели после смерти все обитают в своих бывших квартирах? Если так, то куда подевались все те, кто жил здесь до меня? Или это недосмотр небесной канцелярии?»

У нее никогда не возникало особого интереса к вопросам веры. Как и все, она принадлежала к англиканской церкви: полагала, что верит в Бога, но не считала нужным строить из себя истовую прихожанку. В церковь ее заносило редко: разве что на панихиды и венчания; оглядываясь назад, она раскаивалась в таком небрежении, тем более что церковь Святого Михаила находилась практически по соседству. «Жаль, — думала она, — что я не помню свои похороны». Видимо, во время похорон она стелилась по полу квартиры бесформенным туманом. Элспет задавалась вопросом: не следовало ли ей при жизни быть более набожной? Она задавалась вопросом: неужели ей суждено навечно застрять в четырех стенах? Она задавалась вопросом: способен ли на самоубийство тот, кто уже мертв?

ЛИЛОВОЕ ПЛАТЬЕ

Эди с Валентиной в домашней мастерской Эди сообща занимались шитьем. Была последняя суббота перед Рождеством; Джулия поехала с Джеком в город, чтобы помочь ему сделать покупки. Валентина прикалывала булавками выкройку платья к большому отрезу лилового шелка, стараясь расположить детали с умом. Она собиралась сшить два одинаковых наряда и переживала, что купила маловато шелка.

— Хорошо получается, — сказала Эди.

Комната нагрелась в лучах послеполуденного солнца, и Эди клонило в сон. Она дала Валентине свои лучшие ножницы и наблюдала, как сталь рассекает тонкую материю. Какой потрясающий звук — лезвием о лезвие. Валентина выкраивала детали и передавала их Эди, а та обводила контуры портновским копиром. Куски шелка переходили из рук в руки; работа спорилась благодаря многолетней практике. Когда разметка швов были закончена, они откололи выкройку и теми же булавками скололи платье целиком. Валентина села за швейную машинку и начала аккуратно строчить шелк, а Эди быстро раскроила второе платье.

— Мам, посмотри, — сказала Валентина.

Она приложила платье к груди. Юбка прилипла к коленям; по шелку с легким потрескиванием пробежало статическое электричество. Валентина еще не втачала рукава, а половину швов только прихватила на живую нитку; Эди подумала, что такое платье сошло бы за костюм феи для рождественского представления.

— Ты похожа на Золушку, — сказала она вслух.

— Правда? — Покрутившись перед зеркалом, Валентина улыбнулась своему отражению. — Мой любимый цвет.

— Тебе идет.

— Джулия хотела розовое.

Эди нахмурилась:

— Вот и надо было сшить ей розовое. А то будете выглядеть как танцовщицы из варьете.

Встретившись взглядом с матерью, Валентина отвела глаза.

— Чего зря стараться? Она бы все равно забрала себе мое.

— А ты не давай себя в обиду, родная моя.

Держа платье перед собой, Валентина вернулась к швейной машинке. Теперь можно было вшивать рукава.

— А Элспет тобой помыкала? Или у вас ты верховодила?

Эди заколебалась.

— Мы не... у нас было по-другому. — Разложив на столе детали второго платья, она стала намечать копиром линии швов. — Мы все делали вместе. Нам было неуютно порознь. Мне до сих пор ее не хватает.

Валентина замерла, ожидая продолжения. Но Эди только сказала:

— Пришли мне фотографии квартиры, ладно? Думаю, там сохранилось много родительских вещей; Элспет любила эту тяжеловесную викторианскую обстановку.

— Обязательно пришлю. — Валентина повернулась на стуле и выговорила: — Не хочу туда.

— Понимаю. Но отец прав: нельзя же вечно жить с родителями.

— Никто не спорит.

Эди улыбнулась:

— Вот и хорошо.

— На самом деле я бы всю жизнь сидела в этой комнате и шила.

— Такое бывает только в сказках.

Валентина рассмеялась:

— Да, я — Румпельштильцхен.²⁶

— Не выдумывай, — сказала Эди.

Оставив на столе раскрытые детали, она подошла к дочери. Остановилась у нее за спиной, положила руки ей на плечи. Потом наклонилась и поцеловала Валентину в лоб.

— Ты у меня сказочная принцесса.

Валентина подняла голову и увидела перевернутое материнское лицо.

— В самом деле?

— Конечно, — ответила Эди. — И такой останешься.

— Значит, мы будем жить долго и счастливо?

— А как же иначе!

— О'кей.

Для Валентины это был миг откровения, в память врезалось: «Мы будем жить долго и счастливо? — А как же иначе!» Эди опять взялась за кройку, а Валентина втачала один рукав. Когда вернулись Джек и Джулия, они застали такую сцену: Валентина стояла в лиловом платье, а Эди сидела перед ней на корточках с полным ртом булавок, ровняя подол. Валентине стоило больших усилий не сорваться с места: ей хотелось закружиться, как на карусели, чтобы юбка раздулась колоколом. «Надену это платье на бал, — подумала она, — и принц пригласит меня на танец».

— Дай примерить, — потребовала Джулия.

— Нет, — процедила Эди сквозь частокол булавок — Валентина и рта раскрыть не успела. — Это для нее. Твое будет готово позже.

— Ладненько, — согласилась Джулия и побежала упаковывать купленные Джеком подарки.

— Учись, — сказала Эди Валентине. — Надо просто открыть рот и сказать «нет».

— Ладненько, — согласилась Валентина.

Она закружилась по комнате, и юбка раздулась колоколом. Эди рассмеялась.

СВЯТКИ

Войдя к себе в комнату, Джек застал там близняшек, которые смотрели видео. Часы пробили полночь: обычно в такое время дом уже спал.

— Что-то знакомое, — сказал Джек. — Это что у вас?

²⁶ *Румпельштильцхен* — в германском фольклоре гном, научивший принцессу рукоделию, но взамен потребовавший ее первенца.

— «Грязь и ярость», — ответила Джулия. — Документальный фильм про *Sex Pistols*. Вы с мамой нам на Рождество подарили.

— Ага.

Дочери заняли весь диван, поэтому Джек опустился в мягкое кресло. На него сразу накатила усталость. Джек всегда любил Рождество, но за ним наступали пустые и какие-то безрадостные дни. Настроение портилось еще и от того, что на днях девочки уезжали в Лондон. Как время летит. Через пять дней стукнет им двадцать один год — и прости-прощай.

— Как идут сборы? — поинтересовался он.

— Нормально, — ответила Валентина и выключила звук. — Только у нас будет перегруз багажа.

— Немудрено, — сказал Джек.

— Нам нужны адаптеры — ну, знаешь, чтобы там включать компьютеры и все такое. — Джулия подняла взгляд на Джека. — Можешь завтра отвезти нас в город?

— Конечно. Поужинаем в «Хевен-эт-севен». Мама с удовольствием присоединится.

Вот уже не одну неделю Эди ходила за близнецами по пятам, чтобы запомнить каждое движение, сохранить каждое словечко.

— Супер! По пути в «Уотер-тауэр» заскочим. Нам сапоги нужно купить.

Валентина не сводила глаз с Джонни Роттена, который молча шевелил губами. «Как придурочный. А свитерок у него — что надо». Они с сестрой основательно подготовились к переезду в Лондон: проштудировали путеводитель «Lonely Planet» и романы Чарльза Диккенса, составили списки вещей и сделали не одну попытку отыскать свое новое жилье через «Google Earth». Они без конца строили догадки касательно отношений тети Элспет с таинственным мистером Фэншоу и не уставали радоваться, что у них теперь есть счет в банке Ллойда, куда поступила кругленькая сумма. Почти все дела были завершены; от этого создавалось ощущение странной пустоты и удручающей безвестности. Валентина хотела либо уехать прямо сейчас, либо не уезжать вовсе.

Джулия сверлила взглядом отца.

— Как ты себя чувствуешь?

— Прекрасно. А что?

— Не знаю — ходишь, как в воду опущенный.

«Растолстел до безобразия, все время вздыхаешь. Что с тобой творится?»

— Да нет, все в порядке. Праздники.

— А-а.

Джек попытался представить свой дом/брак/быт без двойняшек. Они с Эди не касались этой темы долгие месяцы, и теперь ему в голову лезли навязчивые мысли: от фантазий о супружеском блаженстве до воспоминаний о последней отлучке девочек из дому и тревоги за Эди.

Перед смертью сестры она несколько месяцев ходила сама не своя. Чтобы выяснить причину ее рассеянности, отсутствующего взгляда и притворно-веселых отговорок, Джек нанял частного детектива. Но сыщик только и мог, что следовать за ней по пятам, — он не дал Джеку ни одного ответа. После смерти Элспет рассеянность Эди сменилась глубокой скорбью. Джеку никак не удавалось привести ее в чувство. Несмотря на все старания, его слова уходили как в песок. Теперь он даже не представлял, что с ней станет, когда их дом опустеет.

Каждый раз, когда девочки уезжали учиться, все поначалу складывалось наилучшим образом. Джек и Эди упивались свободой: спать ложились за полночь, в постели не сдерживались, придумывали внезапные развлечения, слегка злоупотребляли спиртным. Но вслед за этим всегда наступало какое-то уныние. Вот и сейчас, через считанные дни, вокруг них неизбежно сомкнется пустота. Будут вдвоем садиться за ужин и заполнять томительную вечернюю тишину фильмами на DVD, редкими прогулками по пляжу или вечеринками в клубе. Другой вариант — разойтись по разным комнатам, и тогда он будет шариться в

интернете или читать Тома Клэнси, а Эди — слушать какую-нибудь аудиокнигу и заниматься рукоделием. (Сейчас она слушала «Возвращение в Брайдсхед»²⁷ — по мнению Джека, гарантированный способ заработать депрессию.)

Сегодня он лишний раз сказал себе, что с отъездом близняшек все надежды рухнут. Он и так был им благодарен, что они столько времени жили с ним под одной крышей. Еще он был благодарен Эди и Элспет — за то, что они все устроили таким образом, чтобы Джулия с Валентиной выросли в этом нелепом, уютном доме, чтобы его называли папой, чтобы девочки сидели вечерами у него в комнате и смотрели, как Джонни Роттен беззвучно хрипит «God Save the Queen»; у внезапно захлестнувшей его благодарности было горькое послевкусие; выбравшись из кресла, он пробормотал «спокойной ночи» и поспешил выйти, чтобы не пустить слезу и не выпалить что-нибудь необдуманное, о чем впоследствии придется жалеть. Он перешел в спальню: Эди уснула, свернувшись калачиком, и в свечении радиочасов ее кожа приобрела голубоватый оттенок. Бесшумно раздевшись и даже не почистив зубы, Джек лег в постель и будто сорвался в пропасть от осознания, что все хорошее в его жизни кончилось.

Валентина выключила телевизор. Близняшки встали, потянулись.

— Что-то он совсем расклеился, — сказала Валентина.

— Оба они, типа, близки к суициду, — отозвалась Джулия. — Не представляю, что с ними будет, когда мы отвалим.

— Может, нам лучше остаться?

Джулия не скрывала досады.

— Когда-нибудь все равно придется от них съехать. Чем скорее мы уберемся, тем скорее они утешатся.

— Возможно.

— Будем звонить каждое воскресенье. Захотят — в гости приедут.

— Это все понятно. — У Валентины вырвался вздох. — Слушай, поезжай одна, а я останусь с ними.

Джулии словно вlepили пощечину. «Тебе лучше с мамой и папой, чем со мной?»

— Ну уж нет!

Она умолкла, глотая обиду. Валентина смотрела на нее с легкой издевкой.

— Мышка, нам обеим нужно...

— Да знаю я. Успокойся. Поедем вместе. — Прижавшись к Джулии, она обняла ее за плечи.

Потом они выключили свет и по пути к себе в комнату покосились на дверь родительской спальни.

НОВЫЙ ГОД

Роберт остановился в кабинете Элспет. Назавтра ожидалось прибытие близнецов. Он принес с собой внешний дисковод и несколько коробок из универсама «Сейнсбери», которые сейчас стояли возле громоздкого письменного стола Викторианской эпохи, открытые и пустые.

Элспет, сидя на столе, не спускала глаз с Роберта. Ох, любимый мой, вид у тебя безрадостный. У нее не было ощущения времени. Когда она умерла — пару месяцев назад? Пару лет? Но сейчас что-то затевалось: до этой поры Роберт почти ничего не менял у нее в квартире. Только выбросил продукты и аннулировал ее кредитки. Почта ей больше не приходила. Он закрыл ее бизнес и разослал личные уведомления постоянным клиентам. В квартире скапливалась пыль. Даже солнечный свет потускнел в сравнении с тем, что она

²⁷ «Возвращение в Брайдсхед» (1945) — роман британского писателя Ивлина Во о судьбе семьи землевладельцев, созданный в годы Второй мировой войны.

помнила; окна давно не мыли.

Роберт принялся разбирать ящики ее письменного стола. Канцелярские принадлежности и счета оставил на местах. Забрал несколько пачек фотографий и записную книжку, в которой она чиркала карандашом, болтая по телефону. Подошел к стеллажам и начал бережно снимать с полок конторские книги, служившие ей дневниками; их он протирали от пыли и укладывал в коробки. *Открой*, приказала ему Элспет. *Вот эту открой*. Но Роберт, конечно, не услышал.

Он работал молча. Элспет обиделась; ведь иногда он разговаривал с ней, находясь у нее в квартире. Фотоальбомы, обувная коробка с письмами, записные книжки перекочевывали в картонную тару. Элспет хотела к нему прикоснуться, но передумала. Роберт подключил переносной винчестер к ее компьютеру и скачал ее рабочие документы. Потом стер все, кроме системных файлов и приложений. Элспет стояла у него над душой. *Непонятно, почему мне так жалко этот компьютер. Умерла так умерла*. Роберт отсоединил и убрал винчестер.

С коробкой в руках он стал расхаживать по квартире; Элспет не отставала ни на шаг. *В спальню*, беззвучно заклинала она. Дойдя до спальни, он пару минут постоял на пороге. Элспет проплыла мимо и уселась на кровать. Она неотрывно смотрела на него: было что-то особенное в том, как он стоял перед нею, сидящей на кровати, и еще был этот свет, который по-особому заливал комнату душноватым теплом. *Сейчас он подойдет ко мне и поцелует*. Забывшись, Элспет стала ждать. У них такое бывало не раз.

Роберт открыл дверь ее гардеробной. Опустив коробку на пол, выдвинул один из ящиков. Выбрал какие-то маечки, два-три бюстгальтера и несколько пар самых соблазнительных трусиков — все это легло в коробку. Потом он оглядел ее туфли. *Возьмет розовые замшевые, на шпильках*, подумала Элспет, — и оказалась права. Роберт подвинул оставшиеся туфли, чтобы на полке не зияло пустое место. *Письма не забудь*. Он выдвинул ящик с джемперами и понюхал каждую вещь по отдельности. Выбрал ничем не примечательный синий кашемировый свитерок — она сообразила, что ни разу не сдавала его в химчистку. Из другого ящика Роберт скопом забрал все секс-игрушки. *Одну оставил*, подсказала Элспет, но ящик уже был задвинут.

Привстав на цыпочки, Роберт достал какую-то коробку с самой верхней полки. Элспет улыбнулась. Не зря она полагалась на его методичность. Эту коробку Роберт опустил на пол рядом с той, в которую сложил одежду.

Потом настал черед ванной комнаты. Все туалетные принадлежности полетели в мусорное ведро, и только добравшись до ее противозачаточного колпачка, Роберт помедлил. *Нашел чему умиляться*, подумала Элспет. Колпачок тоже отправился в ведро.

Прикрыв дверь ванной, Роберт в задумчивости постоял у кровати. Потом лег. Элспет примостилась рядышком, стараясь его не задеть, а сама думала: что, если мы больше не увидимся? Он забирал все вещи, которые она ему дарила; он освобождал квартиру. «Не стесняйся, милый. Здесь только ты и я». Так она подбадривала его, когда он расстегивал ремень, а потом сама взялась за молнию у него на брюках. И представила, что лежит, обнаженная, рядом с ним; так оно и было.

Иногда он имитировал ее ласки, но сегодня обошелся с собой грубее, настойчивее. Элспет наблюдала за выражением его лица. Для этого ей пришлось сесть в постели и склониться над ним; он закрыл глаза. Она коснулась его волос. Приблизилась щекой к его губам, чтобы согреться учащенным дыханием. Какое тепло, какая плотность. Она отдала бы все на свете, чтобы в эти минуты побыть с ним живой. Элспет знала, что ее прикосновения холодят его кожу: всякий раз, когда она пыталась его погладить, он вздрагивал и сжимался в комок. Тогда она опустила на колени и стала смотреть.

В постели ее всегда поражала изменчивость его лица. Желание, сосредоточенность, боль, настойчивость, веселость, отчаяние, облегчение: можно подумать, все крайности его души мелькали перед ней живыми картинками. Сегодня на первый план вышла решимость, следом — угрюмая мольба; действие замедлилось, и Элспет начала беспокоиться. *Хотя бы*

получи удовольствие. За нас обоих. Она видела, как двигались его руки, обхватившие пенис, как выгнулись пальцы ног, как дернулась вбок его голова в тот миг, когда наступила разрядка. Его тело обмякло. Роберт открыл глаза и сквозь Элспет уставился в потолок. *Я здесь, Роберт.*

У него из глаза выкатилась слеза, которая застыла на середине щеки. *Не надо, милый, не плачь.* Элспет никогда не видела его слез — ни в больнице, ни после своей смерти. *Черт побери. Я не хочу, чтобы ты страдал.* Наклонившись, она смахнула с его щеки эту каплю. Роберт вздрогнул и повернул голову.

Я-здесь-я-здесь-я-здесь. Она огляделась в поисках предмета, который могла бы сдвинуть с места, и легко качнула занавеску. Но Роберт уже сел, вытер руки, застегнул молнию и ни разу не посмотрел по сторонам. Она попыталась встряхнуть коробку с эротическим бельем и игрушками из секс-шопа, но потерпела неудачу. Обессилив, Элспет замерла посреди спальни. Роберт скрылся в ванной, привел себя в порядок и вышел с мусорным мешком, в котором лежали ее вещи. Опустив мешок на пол, он стал расправлять простыни. Элспет между тем сидела на кровати; дождавшись, когда Роберт окажется прямо перед ней, она уперлась руками ему в грудь, ее пальцы скользнули ему под рубашку и легко пробежались по коже. Он отпрянул.

— Элспет? — вырвался у него призывный шепот.

Роберт. Она медленно гладила его тело: спину, бедра, ноги, пенис, живот, руки. У него закрылись глаза, голова склонилась набок. Ей оставалось только гадать, что он чувствует — может быть, скольжение кубиков льда? Она вдавила в него ладони, и у него вырвался судорожный вздох. *Какой же ты теплый,* думала она, улавливая его ощущения: ее бестелесный холод был полной противоположностью его чудесному, струящемуся теплу. Элспет убрала руки. На ладонях остался жар его тела. Она внимательно посмотрела, не исходит ли от них свечение. Роберт сложил руки на груди и ссутулился; его пробрал озноб. *Ох, милый, прости.*

— Элспет, — зашептал он. — Если это ты... подай мне знак... сделай что-нибудь... о чем знает только Элспет...

Она прижала кончик пальца к его переносице, между бровями, и неспешно провела линию до кончика носа, через губы, к подбородку. Потом еще раз.

— Да, — выговорил он. — Боже мой.

Он снова сел на кровать, поставил локти на колени, обхватил голову руками и уставился в пол. Переполняемая восторгом, Элспет присела рядом. *Наконец-то!* Ее пьянила радость. *Теперь ты понял, что я здесь!*

Роберт застонал. Элспет покосилась на него: крепко зажмурившись, он ритмично бил себя по лбу кулаками.

— Я... схожу... с ума. Черт!

Он встал и, сложив у дверей коробки и мешок для мусора, поспешил вернуться в кабинет. Элспет двинулась за ним, отказываясь верить. *Постой, Роберт, нельзя же так...*

Коробки одна за другой переключивались по коридору на лестничную площадку, откуда Роберт спускал их по лестнице к себе в квартиру. Элспет, не выходя за порог, прислушивалась к его шагам: в нижнюю квартиру, обратно на лестницу и вверх. Она ни разу не посторонилась, чтобы его пропустить, а когда он проходил сквозь нее, увязывалась за ним следом, ловя его бормотанье:

— Джессика говорит, я утратил почву под ногами — так оно и есть! Ты, говорит, себя загубишь. Черт побери, все к тому идет... Надеяться не на что — ее уже не вернуть... О господи, Элспет.

Дверь захлопнулась. Элспет снова осталась в одиночестве. *Слезы,* потребовала она — точно так же, как призывала к себе джемпер. Дотронувшись до щек, она и впрямь почувствовала влагу. *Надо же, я плачу.* Она помедлила, удивляясь новому достижению. И развернулась лицом к своей затихшей квартире.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ЗЕРКАЛЬНЫЕ БЛИЗНЕЦЫ

Сойдя по трапу авиалайнера, Джулия и Валентина Пул проследовали в здание аэропорта Хитроу. Их белые лаковые туфельки абсолютно синхронно, как в киномюзикле, ступали по ковровой дорожке. В тот день сестры надели белые гольфы, белые гофрированные юбочки на четыре дюйма выше колена, гладкие белые тенниски и белые шерстяные жакеты. У каждой свисал с шеи длинный белый шарф; каждая везла за собой матерчатый чемодан на колесиках. У Джулии чемодан был розовый в желтую клетку; его украшала мордочка обезьяны из японского мультика, которая с издевкой поглядывала на идущих сзади. На зелено-голубом чемодане Валентины виднелось изображение мышки. Вид у мышки был печальный и робкий.

Над аэропортом синело утреннее небо. Близнецы шли бесконечными коридорами, на дорожках-транспортерах стояли с правой стороны, следовали за сонными пассажирами по пандусам и ступенькам. Ожидая у стойки паспортного контроля, они держались за руки и позевывали. Когда подошла их очередь, сестры достали свои девственно чистые паспорта.

— Надолго в Британию? — спросила усталая женщина в форме.

— Навсегда, — ответила Джулия. — Мы квартиру в наследство получили. У нас есть где жить, — Она улыбнулась Валентине; та ответила такой же улыбкой.

Женщина внимательно изучила их визы, проштамповала паспорта и махнула рукой в сторону Британии.

«Навсегда, — повторила про себя Валентина. — Я навсегда поселюсь с Джулией в этой квартире, которую мы даже не посмотрели, в окружении чужих людей — навсегда». Она стиснула руку Джулии. Джулия подмигнула.

В черном, холодном такси тянуло сквозняком. На заднем сиденье, с трудом найдя, куда поставить ноги среди многочисленных чемоданов, Валентина и Джулия задремали, но по-прежнему держались за руки. Лондонские улицы то мелькали за окнами, то застывали в неподвижности; другие водители проносились мимо, подчиняясь непостижимым правилам дорожного движения. Перед отъездом Джулия и Валентина сдали на права, но, пока такси пробиралось сквозь пробки по извилистым улицам, Джулия поняла, что водить здесь машину будет проблематично — даже для нее, не говоря уже о Мышке. Мышка всегда боялась заблудиться и вообще избегала незнакомых мест. А самое главное — машины у них не было. Джулия решила, что будет ездить на такси и на общественном транспорте. Рядом покачивался красный двухэтажный автобус. Пассажиры, все как один, выглядели усталыми и безрадостными. «Что скисли? В Лондоне живете, не где-нибудь! Вдыхаете тот же воздух, что королева и Вивьен Уэствуд!»²⁸

Такси миновало станцию метро. Оттуда валом валил народ. Джулия посмотрела на часы: четыре пятнадцать. Пришлось перевести на десять пятнадцать. Водитель свернул на Хайгейт-роуд, и Джулия решила, что теперь уже близко. Она покосилась на Валентину: та сидела прямо и смотрела в окно. Переулок поднимался круто в гору. «Swain's Lane».

— Что-то романтическое, типа «Lovers' Lane»?²⁹ — поинтересовалась Валентина.

²⁸ *Вивьен Уэствуд* (р. 1941) — одна из виднейших британских модельеров; известна также благодаря своим многолетним личным, творческим и деловым отношениям с Малькольмом Маклареном, который был менеджером панк-группы *Sex Pistols*.

²⁹ *Lovers' Lane* (букв. «переулок влюбленных»; перен. «укромное местечко», «места для поцелуев») — сеть магазинов романтических подарков в Детройте, Чикаго и других городах США. Также название музыкальной группы, выступающей в стиле лаундж. Кроме того, так назывался фильм ужасов (1999), снятый режиссером Дж. С. Уордом.

— Нет, скорей что-то свинское, мисс, — ответил таксист. — По этой дороге раньше свиней гоняли.

Валентина вспыхнула. Джулия достала помаду, мазнула по губам, не глядя в зеркало, и предложила тубик Валентине, которая проделала то же самое. Они оглядели друг дружку. Джулия стерла лишнюю розовую точку в уголке рта Валентины.

По радио передавали какую-то шифровку — перечисление названий и цифр: «Тэмуорт одно, Бертон Альбион Дэгенем и Редбридж одно; Барнет ноль, Уокинг ноль; Эксетер-сити ноль, Харфорд Юнайтед одно, Олдершот два...»

— Футбол, мисс, — очки в турнирной таблице, — объяснил таксист, когда Джулия обратилась к нему с вопросом.

Добравшись до вершины холма, они поехали по узкой улочке между парком с одной стороны и кирпичными зданиями — с другой. В середине квартала высилась церковь, и такси остановилось на полпути к ней, возле безликой оштукатуренной постройки.

— Приехали. «Вотреверс-Мьюз».

С водителем рассчитывалась Джулия. Ее убило, что поездка на такси обошлась им в сто двадцать фунтов. Тем не менее она дала водителю десять процентов на чай.

— Благодарю вас, — сказал таксист.

Валентина открыла дверь, и в лицо ей ударил холодный, промозглый ветер.

— Хоть убей, не вижу, — обратилась она к Джулии.

Церковь была слева, а на оштукатуренной постройке значился номер семьдесят два. В промежутке шла узкая асфальтовая дорожка, которая круто спускалась в сумрак. Над ней маячила внушительная кирпичная стена, ограждавшая территорию церкви. Но Валентина не увидела ничего похожего на жилой дом.

— Вот там, наверное, — предположил таксист. — Вам помочь?

Чудом удерживая невообразимое количество чемоданов, он двинулся по дорожке. Джулия и Валентина шли следом, везя свои небольшие матерчатые чемоданчики. Дорожка огибала оштукатуренную постройку, за которой оказалась высокая каменная стена с железными штырями по верху. На стене выросла целая березовая рощица. От запаха мокрой земли Валентину охватила тоска по дому. А Джулия уже отпирала тяжелую деревянную калитку массивным ключом. Калитка бесшумно распахнулась, и Джулия исчезла за стеной. Водитель поставил чемоданы аккуратным рядком; Валентина топталась возле них на асфальте, не решаясь войти. Таксист бросил на нее любопытный взгляд водянисто-голубых глаз. Худощавый и далеко не молодой, он был одет в ярко-зеленый вязаный кардиган и коричневые клетчатые брюки.

— Вам плохо, мисс? — спросил он.

— Нет-нет, все отлично, — сказала Валентина, хотя на самом деле ее почему-то затошнило.

— Что ты там копаешься, Мышка? — закричала Джулия.

Ее голос звучал глухо, будто издалека.

— Из Америки? — спросил таксист.

— Тетя оставила нам в наследство квартиру, — ответила Валентина и почувствовала себя идиоткой. «Ему-то какое дело?»

— А-а, — сказал водитель.

Похоже, его любопытство было полностью удовлетворено. Валентина это оценила. Он не стал отпускать никаких комментариев по поводу их сходства. Видимо, счел это невежливым. Или просто не заметил. Ей грело душу, когда люди не замечали.

— Мышь!

Водитель мягко улыбнулся:

— Ступайте, вас зовут.

Улыбнувшись ему в ответ, Валентина поплелась вперед со своим чемоданчиком.

Джулия стояла у входа, взявшись за дверную ручку. Она ждала, пока Валентина пройдет по склизким, замшелым камням, которыми была вымощена аллея. При виде темной

громады «Вотреверса», черных окон и причудливых кованых решеток Валентину затрясло. В воздухе то ли собиралась, то ли уже висела изморось. Таксист шлепал сзади. Джулия распахнула дверь.

Они вошли в холл. Здесь было тепло и сухо, не то что под открытым небом, и к тому же безлюдно. Стены, выкрашенные в серовато-розовый цвет, сразу вызвали у Валентины ассоциацию с мозгами. На плотно закрытой двери справа белела рукописная табличка с фамилией Фэншоу. На небольшом центральном столике стояли три почтовые корзины; сбоку притулился зонтик. Слева изгибалась лестница, ведущая наверх. Валентина подумала, что здесь не хватает только склянки с ярлычком «Выпей меня».³⁰

— Можете поставить прямо здесь, — распорядилась Джулия, обращаясь к водителю.

А Валентина добавила:

— Спасибо вам.

Со словами «Ну что ж, всего вам доброго» таксист исчез. Валентина даже взгрустнула.

— Вперед, — скомандовала Джулия.

Она взлетела по лестнице, словно избавилась от земного тяготения. Валентина поспешила за ней, храня внешнее спокойствие.

На следующей площадке лежал выцветший персидский ковер. Лестница вела выше, но близнецы остановились как вкопанные. Бледно-зеленая карточка на дверях гласила «Ноблин» — фамилия, похоже, была отпечатана на допотопной пишущей машинке. Джулия вставила ключ в замочную скважину. Ей пришлось покрутить его туда-сюда, пока замок не поддался. Она посмотрела через плечо на Валентину. Та взяла ее за руку, и они вместе вошли в свой новый дом.

Прихожая сплошь состояла из зонтиков и зеркал. Близнецы отразились восемнадцатикратно в восемнадцати ракурсах, их отражения пошли отражаться дальше, дальше и дальше. Их это напугало; они стояли неподвижно и уже не понимали, где кто. Потом Джулия повернула голову; половина отражений сделала то же самое; непонятного стало вдвое меньше.

— Жуть какая, — выговорила Джулия, чтобы нарушить гнетущую тишину.

Валентина поддакнула:

— Уху.

Выставив перед собой руку, она, как незрячая, двинулась по коридору в сторону большой темной комнаты.

Элспет дремала в ящике. Ее разбудили голоса.

Когда Джулия следом за Валентиной вошла в главную комнату, у нее возникло полное ощущение, будто они погрузились на дно водоема. Все предметы виделись смутными, расплывчатыми пятнами; одна лишь Валентина была тоненькой тенью, движущейся во мраке. Джулия слышала какой-то грохот (это Валентина споткнулась о стопку книг), но потом в комнату хлынул свет — Валентина отдернула шторы на высоких, широких окнах. Свет оказался холодным, серым и каким-то крупитчатым. В комнате было ужасающе пыльно.

— Гляди, Джулия — сова!

Птица свисала с высокого потолка, где раньше была люстра, от которой осталось небольшое отверстие с торчащей наружу проводкой. Сова расправила крылья и выпустила когти, готовясь спикировать на какую-то мелкую зверушку. Потянувшись вверх, Джулия боязливо тронула птичью ногу, отчего чучело медленно закружилось в воздухе.

— Не соваться: сова! — сказала она, и Валентина рассмеялась.

Стоя в дверях, Элспет приглядывалась к близнецам. *Ах, как же я соскучилась. Больше*

³⁰ «Выпей меня» — надпись на бумажном ярлычке, привязанном к горлышку склянки, которую нашла Алиса, героиня известных повестей Льюиса Кэрролла, на столике в кроличьей норе. Аллюзии к произведениям Л. Кэрролла пронизывают весь текст романа (сходство Роберта с кроликом, маленькая дверь, ведущая в дивный сад, белая кошечка и многое другое).

всего на свете хотела с вами повидаться — и вот вы здесь. В нетерпении, смешанном с тревогой, она обхватила себя за плечи.

Как и предсказывала Эди, квартира была обставлена тяжеловесной резной старинной мебелью. Обтянутые бледно-розовым бархатом диваны со множеством утопленных пуговиц покоились на звериных лапах. У стены стоял миниатюрный рояль (обеим близняшкам медведь на ухо наступил), а перед ним лежал необъятный персидский ковер с рисунком из хризантем; мягкий на ощупь, он когда-то был винно-красным, но выцвел до грязно-розового. Казалось, вся комната лишилась яркости. Джулия даже подумала, не убраны ли все цвета в потайное место, например в какой-нибудь шкаф: приоткроешь дверцу — и они польются обратно, чтобы раскрасить покинутые вещи. Потом ей вспомнилась Спящая красавица в башне замка, где сто лет царила неподвижность и даже придворные приросли к полу. Эди и Джек предпочитали современную мебель. Джулия провела пальцем по крышке рояля, оставив блестящую черную дорожку в слое пыли. Валентина чихнула. Близняшки не сговариваясь посмотрели в сторону двери, словно боялись выволочки за нарушение тишины.

Сделав шаг вперед, Элспет приготовилась заговорить, но сообразила, что ее даже не видно.

В квартире повсюду были книги: на стеллажах во всю стену, на столах, на полу. Валентина опустилась на колени и начала собирать тома, о которых споткнулась, — островок бестиариев и травников.

— Смотри-ка, Джулия: мантикора.³¹

Близнецы направились обратно в коридор. Элспет не отставала.

Они прошли через столовую, где лишь для виду стоял стол со стульями и громоздился буфет; в углу сиротливо жалась бугристая оттоманка. Сквозь огромную застекленную дверь крошечного балкона проникал унылый дневной свет. Поверх стены плюща близнецы рассмотрели высокую церковь.

В соседней комнате, судя по всему, должна была находиться гостиная, но Элспет устроила в ней кабинет. Здесь стоял огромный резной письменный стол, а перед ним тяжеловесное офисное кресло образца пятидесятых годов. На столе возвышался замызганный компьютер, в беспорядке валялись кипы бумаг и, как везде, книги, стояло устройство для считывания кредиток, а сбоку — изящная белая с золотом чашка с засохшими остатками чая на дне и следами абрикосовой помады по краю. На стеллажах теснились справочные издания и многотомный Оксфордский словарь английского языка. На этом фоне странно выглядели две полки — пустые, без единой пылинки. В кабинете было не повернуться из-за множества расплюснутых картонных коробок, пузырчатых упаковочных пакетов и этажерок с папками; с высоты картотечного шкафа на девушек взирало маленькое чучело горностая. Создавалось впечатление, что здесь пытались навести порядок, но без видимого успеха. Присев за письменный стол, Валентина потянула на себя средний ящик. Его содержимое составляли бланки счетов, мятные пастилки, скрепки, круглые конторские резинки и визитные карточки:

ЭЛСПЕТ НОБЛИН

Антикварные и букинистические книги

Покупка, продажа

enoblin@bookish.uk.com

³¹ *Мантикора* — мифическое чудовище с головой человека (часто — с рогами), туловищем льва и хвостом дракона или скорпиона. Считается, что в ранних древнегреческих источниках образ этого существа основывается на искаженном описании каспийского тигра; эта гипотеза подтверждается тем, что его греческое название восходит к древнеиранскому сложному слову, означающему «людоед». У средневековых авторов мантикора ассоциировалась с дьяволом. В романе канадского писателя Робертсона Дэвиса «Мантикора» (1972) главный герой видит во сне сивиллу, которая ведет за собой мантикору, и этот сон исследуется с позиций юнгианского психоанализа.

— Как ты считаешь, это ее собственная библиотека или книги на продажу? — спросила Валентина. — Интересно, у нее магазин-то свой был?

— По-моему, тут и был ее магазин, — ответила Джулия. — Ни на одной квитанции нет адреса. Могу поспорить — здесь она и жила, и работала. К тому же в завещании указана только эта недвижимость.

— Плохо, что мама ничего о ней толком не знала. Нелепость какая-то — почему они не общались?

Валентина поднялась из-за стола, чтобы рассмотреть горностаю. Чучело равнодушно сверлило ее глазками-бусинами.

— Как ты думаешь, у него было имя? — спросила Валентина.

А про себя подумала: «Даже как-то обидно, что мы не знаем».

«Маргарет, — подсказала Элспет. — У нее было имя: Маргарет».

— Вылитый Джордж Буш. — С этими словами Джулия пошла обратно в столовую, и Валентина последовала за ней.

В дальнем конце столовой была дверь на пружине, открывающаяся в обе стороны. Она вела в кухню — по американским меркам, старомодную, оснащенную неказистой техникой, будто рассчитанной на кукольный домик. Агрегаты подбирались компактные, долговечные, белого цвета. Единственной новой вещью была, очевидно, посудомойка. Валентина открыла кухонный шкаф и обнаружила внутри стиральную машину. Из дверцы шкафа выскочило замысловатое складное приспособление из бельевых веревок и металла.

— Не иначе как сушилка, — сообразила Джулия, возвращая ее в первоначальное положение.

Электрические розетки были какой-то несуровой формы. Все кухонное оборудование имело странноватый, чужеродный вид. Близнецы обменялись недоуменными взглядами. Валентина повернула кран, из которого с недовольным урчаньем потекла вода. После некоторого колебания Валентина подставила руки под ржавую струю. Теплая пошла не сразу.

Как отметила Элспет, близнецов ставили в тупик самые обыкновенные вещи. Их американский акцент резал ей слух. *Совсем чужие; я такого не ожидала.*

За кухней находилась тесная каморка. Она тоже была забита до отказа картонными коробками и пыльной мебелью. К ней примыкала крошечная, убогая ванная. Близнецы решили, что это комната прислуги. В этой же части квартиры были двери черного хода, пожарной лестницы и почти пустой кладовки.

— О-о-о, — протянула Джулия. — Рис.

Назад в коридор («Нам должны приплачивать по двести баксов за каждый такой проход», — сказала Валентина) — и в спальне. Их было две, соединенные великолепной ванной комнатой, облицованной белым мрамором. В каждой спальне был свой камин, приоконный диванчик и встроенный книжный шкаф необычной конфигурации.

Еще одна спальня — где, видимо, при жизни спала Элспет — выходила окнами в сад и на Хайгейтское кладбище.

— Ты только посмотри, Джулия. — Валентина остановилась у окна, любуясь видом.

Небольшой сад, разбитый на заднем дворе «Вотреверса», отличался строгой простотой. Если перед домом, среди клочковатой травы, в беспорядке сплетались ветвями кусты и деревья, то садик у черного хода был устроен почти в японском стиле: сбегаящие вниз гравийные дорожки, каменная скамья, скромные растения.

— Надо же, январь, а в саду так зелено, — удивилась Джулия.

У них в Лейк-Форесте снегу выпало по колено.

В кирпичной стене, отделявшей садик от кладбища, виднелась деревянная дверь, выкрашенная в зеленый цвет.

— Интересно, она хоть когда-нибудь открывается? — спросила Валентина.

Плющ вокруг двери был подстрижен аккуратным прямоугольником.

— У меня точно откроется, — заявила Джулия. — Будем с тобой ходить на пикники.

— Мм.

За стеной простиралось Хайгейтское кладбище, необъятное и беспорядочное. Сверху близнецы могли бы видеть его как на ладони, но мешали густые заросли; хотя листва давно облетела, плотная сетка голых ветвей скрывала от глаз аллеи. Джулия и Валентина увидели только вершину какого-то большого мавзолея и несколько склепов. По направлению к кирпичной стене двигалась группа посетителей; люди остановились — видимо, разговор зашел об одной из могил. Потом группа продолжила путь, и вскоре ее загородила стена. В воздух взмыла воронья стая. Даже сквозь закрытое окно близнецы слышали хлопанье сотен крыльев. Тут неожиданно выглянуло солнце, и темно-серый кладбищенский сумрак расцветился желтыми и бледно-зелеными пятнами. За окном, как оказалось, белели надгробья, словно окантованные серебром: похожие на зубы, они обнажились среди плюща.

— Как в сказке, — сказала Валентина.

Поначалу мысли о кладбище сводили ее с ума. Ей чудились миазмы, осквернители могил, загробные ужасы. Вместо этого перед ней предстали зеленые покровы, замшелые камни и слегка шуршащие ветви деревьев. На дорожке появились все те же люди: теперь они удалялись в ту сторону, откуда пришли.

— Наверняка туристы, с экскурсоводом, — сказала Джулия.

— И нам бы не помешало. Сходить на экскурсию.

— Сходим. — Джулия огляделась. В спальне Элспет стояла огромная, небрежно застеленная ворсистым пледом деревянная кровать с изумительным расписным изголовьем и множеством подушек. — Решено: спать будем здесь.

Валентина обвела взглядом спальню. По сравнению с другими эта действительно выглядела более просторной, уютной и светлой.

— Ты уверена, что нам подойдет комната с видом на кладбище? Согласись, есть тут какой-то недобрый знак. Если бы это было в кино, то по ночам здесь бродили бы всякие зомби, а из-под камней вылезала бы нечистая сила и карабкалась по веткам плюща, чтобы схватить нас за волосы и превратить в таких же зомби. К тому же в этой комнате спала тетя Элспет. Что, если она скончалась в этой постели? Мы как будто сами напрашиваемся — понимаешь, о чем я?

Джулия чуть не задохнулась от досады. У нее на языке вертелось: «Дура ты, Валентина», но, когда у Мышки начинался мандраж, такие слова не помогали.

— Что ты, Мышка, — заворковала она. — Разве ты забыла: скончалась она не здесь, а в больнице. Адвокат маме так и сказал, вспомни.

— Н-ну, да, — протянула Валентина.

Плюхнувшись на мягкую кровать, Джулия похлопала рядом с собой ладонью. Валентина подошла к сестре и присела рядышком. Обе повалились на спину, свесив на пол голенастые белые ноги. Джулия вздохнула. Ей захотелось на секунду смежить веки, потом еще, ненадолго, всего лишь на минутку...

— Разница во времени, — пробормотала Валентина, но Джулия не услышала.

Очень скоро Валентина тоже забылась сном.

Элспет приблизилась. *Как выросли, совсем взрослые. Прямо не верится, что вы здесь. Жаль только, что так поздно... Как же я раньше не сообразила, ведь никаких препятствий не было. Но теперь об этом поздно жалеть, да и обо всем остальном тоже.* Склонившись над кроватью, Элспет осторожно погладила спящих девушек. Очки, свисавшие на цепочке, задела Валентину за плечо. Элспет разглядела маленькую родинку возле правого уха Джулии — в точности воспроизведенную у левого уха Валентины. Приложив голову к груди одной близняшки, потом другой, она послушала, как бьются их сердца. У Валентины под ребрами вместо четкого ритма слышались тревожные шумы с каким-то присвистом. Посидев на кровати рядом с Джулией, Элспет погладила ее по голове: светлые волосы едва шевельнулись, будто из закрытых окон потянуло легчайшим сквознячком.

Похожи — и такие непохожие. Элспет видела в Джулии с Валентиной ту же самую необычность, ту же одинаковость, которая роднила ее с Эди, приводя в замешательство

посторонних. Ей вспомнилось все, что она узнала о близняшках из писем Эди. *Валентина, тебе не обидно, что Джулия всегда верховодит? А подружки у вас появились? А возлюбленные? Не пора ли вам начать одеваться по-разному?* Элспет рассмеялась. *Пристаю, как назойливая мамаша.* Ей полегчало. *Они здесь!* Ей захотелось их приветить, спеть песенку, насмешить, чтобы хоть как-то выразить свою благодарность за то, что они развеяли ее посмертную тоску. Но вместо этого она лишь бережно поцеловала каждую в лоб и по-кошачьи устроилась на подушках, чтобы охранять их сон.

Примерно через час Валентина зашевелилась. Перед самым пробуждением ей приснился короткий сон. Она еще маленькая, и в ушах у нее звучит голос Эди, который зовет ее вставать, потому что сегодня нужно выезжать в школу пораньше — дороги завалило снегом.

— Мам?

Валентина резко привстала, но все вокруг оказалось чужим. До нее не сразу дошло, где она. Джулия еще спала. Валентина хотела позвонить матери, но их мобильники не были рассчитаны на межконтинентальную связь. На ночном столике стоял домашний телефон, но, сняв трубку, Валентина поняла, что его отключили. Ни позвонить, ни ответить. На нее нахлынуло одиночество, впрочем, не лишенное приятности, как бывает с каждым, кому редко удается побыть одному. «Если сейчас уйти, пока Джулия еще спит, меня никто никогда не найдет. Я просто исчезну». Она осторожно соскользнула с кровати. Джулия не шелохнулась. К спальне тети Элспет примыкала гардеробная — комнатка без окон со встроенным комодом и зеркалом в человеческий рост. Валентина мельком посмотрела на свое отражение: как всегда, больше похожа на Джулию, чем на себя. Потянув наугад один из ящиков комода, она увидела вибратор и в смущении толкнула ящик обратно. А Элспет, слегка насторожившись, стояла у порога. У нее на глазах Валентина примерила красные туфли на платформе. Они были ей великоваты — примерно на полразмера. Джулии пришлось бы в самый раз. Сняв с вешалки серую каракулевую шубку, Валентина набросила ее на плечи. *Мышь в овечьей шкуре*, подумала Элспет. Валентина повесила шубку на место и решила вернуться в спальню. Элспет позволила ей пройти сквозь себя. Поежившись, Валентина растерла себе предплечья.

Тут проснулась Джулия и сразу повернула голову к Валентине.

— Мышка, — хрипло позвала она.

— Я здесь, — Валентина снова прилегла на кровать. — Не замерзла? — Она укрыла их обоих ворсистым пледом и запустила пальцы в волосы Джулии.

— Нет. — Джулия закрыла глаза. — Сон какой-то дурацкий приснился.

Валентина ждала, но продолжения не последовало.

После затянувшейся паузы Джулия спросила:

— Ясно?

— ...Ясно.

Они улыбнулись друг дружке; их щеки тронул оранжево-тыквенный румянец — в цвет пушистого пледа.

Элспет не сводила с них глаз: укутанные пледом, две фигурки выглядели как одна. Она с самого начала подозревала, что они не должны отказаться от завещания, но теперь у нее голова кружилась от радости: она поняла, что они никуда отсюда не денутся. *Только вообразите все приключения, которые вас — нас — ждут! Путешествия, рестораны... А сколько здесь книг! Музыка; наверное, гости.* И Элспет покружилась по комнате. Переделась из красного шерстяного джемпера и коричневых вельветовых штанов в бутылочно-зеленое платье с открытыми плечами, которое когда-то надевала на бал в Оксфорде. Напевая себе под нос, она выплыла из спальни в коридор и принялась танцевать по стенам и потолку — била чечетку не хуже Фреда Астера. *Всегда хотела такое отчебучить. Ха-ха.*

— Слышала? — встрепелась Валентина.

— А? Нет, — ответила Джулия.

— Мыши, что ли?

— Зомби.

Они рассмеялись. Джулия выбралась из кровати и потянулась.

— Чемоданы надо внести, — вспомнила она.

Дойдя с ними до порога, Элспет нетерпеливо переминалась с ноги на ногу, пока близнецы затаскивали в квартиру свой багаж; она млела от неизведанной прежде радости, когда они развешивали одежду в ее гардеробной, относили в ванную свои шампуни и ставили на зарядку ноутбуки. В гостевую спальню после недолгих пререканий затащили швейную машинку Валентины и оставили там собирать пыль.

Элспет была в восторге. *Какие же вы красавицы,* думала она — и сама не могла понять, что ее так удивляет. *Вы — мои.* У нее шевельнулось чувство, похожее на любовь к этим девочкам — совершенно чужим.

— Ну вот, дело сделано, — сказала Джулия, когда все чемоданы опустели, а последние свитера и щетки для волос нашли свое место.

— Ага, — согласилась Валентина, — вроде бы.

МИСТЕР РОШ

На другое утро Валентину и Джулию ожидал Ксавье Рош, их присяжный поверенный. На самом деле он был поверенным Элспет, а к близнецам перешел по наследству, вместе с ее имуществом. На протяжении многих месяцев он посылал им бумаги на подпись, инструкции, ключи, а также лаконичные сообщения по электронной почте.

Доехав до Хэмпстеда на такси, они вышли из машины у офисного центра, построенного в псевдотюдоровском стиле. Фирма «Рош, Эдридж, Поттс и Лефли» размещалась над турагентством. Близнецы поднялись по узкой лестнице и оказались в тесной приемной: они увидели перед собой какую-то дверь, голый письменный стол, вертящийся стул, два неудобных кресла и журнальный столик с газетой «Таймс». Десять минут они томились в креслах, но к ним никто не вышел. В конце концов Джулия, не выдержав, приоткрыла дверь. И жестом подозвала Валентину.

В соседнем помещении стоял еще один письменный стол, за которым сидела подтянутая немолодая секретарша, работавшая на громоздком бежевом компьютере. Контора была отделана в стиле, который Элспет окрестила раннетэтчеровским. На взгляд близнецов, обстановка поражала скудостью; они впервые столкнулись с британской привычкой соединять значительность и скромность, дороговизну и самоуничижение. Секретарша провела их в следующий кабинет, отделанный в том же стиле, но с большим количеством книг, и сказала:

— Прошу вас, садитесь. Мистер Рош прибудет с минуты на минуту.

Когда появился мистер Рош, они поразились еще раз: он напоминал персонажей Диккенса, но не тех, которые приходили на ум двойняшкам. Это был глубокий старик. От природы невысокого росточка, к старости он совсем усох и передвигался с трудом, опираясь на трость; пока он ступал по ковру и деликатно пожимал обеими руками, близнецам хватило времени, чтобы рассмотреть его зачес, лохматые брови и хорошо сшитый, но слишком просторный костюм.

— Барышни Пул, — без тени иронии произнес он. — Рад с вами познакомиться.

У него были темные глазки и крупный нос. Джулия подумала: «Смахивает на мамино гнома — банку для печенья». Элспет иногда называла его «мистер Бес», но, разумеется, не в лицо.

— Предлагаю расположиться за круглым столом, вы не против? — сказал он, переступая мелкими шажками.

Валентина выдвинула для него стул, и близнецы стоя ждали, пока он усядется.

— Здесь будет удобней и не так официально, как за письменным столом, вы не находите? Констанс принесет нам чаю. Вот спасибо, дорогая моя. Ну, рассказывайте о своих

приключениях. Чем занимались после перелета?

— В основном спали, — ответила Джулия. — Слишком большая разница во времени.

— А Роберт Фэншоу к вам не навещался?

— Вообще-то, нет. Мы же только вчера прилетели, — сказала Джулия.

— Да-да, значит, сегодня объявится, не иначе. Он жаждет встречи. — Мистер Рош с улыбкой задержал взгляд на одной из сестер, потом на другой. — Удивительное сходство по материнской линии. Можно подумать, я перенесся на двадцать лет назад и сижу за столом с Элспет и Эди.

Он налил им чаю. Валентина спросила:

— Вы уже тогда были с ними знакомы?

Впрочем, мистер Рош был так стар, что вполне мог бы похвалиться знакомством с королевой Викторией.

Он улыбнулся:

— Милое дитя, мой отец служил поверенным у вашего прадеда. А дедушку вашего, в бытность его младенцем, я качал на коленках. Ваши матушка с тетей в детстве сживали вот на этом ковре, играя в кубики, пока я беседовал с их родителями, как сейчас — с вами. — (Близнецы тоже заулыбались.) — Прискорбно, что Элспет не дожила до этой встречи. Поверьте, она мечтала, чтобы вы переехали сюда жить, и весьма прилично вас обеспечила. Надеюсь, вам понятны условия завещания?

— Мы должны прожить в квартире ровно год и только после этого сможем ее продать, — отбарабанила Джулия.

— Мама с папой не имеют права к нам приезжать, — добавила Валентина.

— Что вы, что вы, — возразил мистер Рош. — Я искренне надеюсь, что родители будут к вам приезжать; Элспет имела в виду совсем другое. Она всего лишь указала, что они не должны заходить в квартиру.

— Но почему? — спросила Валентина.

— Ах. — Мистер Рош сокрушенно развел руками и запрокинул голову. — Элспет ни с кем не советовалась. Вы матушке своей задавали этот вопрос? Полагаю, она не горела желанием отвечать. — Мистер Рош не сводил глаз с близнецов; Джулия подумала, что он явно ждет какой-то реакции. — При составлении завещания люди порой действуют вопреки здравому смыслу. Чего только не придумывают, забывая о последствиях.

Он умолк, давая им возможность высказаться. Близнецы поерзали на стульях, смешавшись под его пристальным взглядом. Наконец Джулия выдавила:

— Неужели?

Но мистер Рош только опустил глаза и достал какую-то папку.

— К делу, — сказал он. — Позвольте объяснить, куда вложены ваши средства.

В течение получаса близнецы ловили каждое его слово, хотя мало что понимали. Раньше они зарабатывали на карманные расходы, присматривая за детьми, да еще как-то раз устроились в летний скаутский лагерь для девочек в штате Висконсин, но и вообразить не могли, какими суммами будет оперировать мистер Рош.

— А в общей сложности это сколько? — спросила Джулия.

— Порядка двух с половиной миллионов фунтов, включая стоимость квартиры.

Джулия стрельнула глазами на Валентину:

— На эти деньги можно жить целую вечность.

Валентина помрачнела.

Мистер Рош едва заметно покачал головой:

— В Лондоне — едва ли. Вы будете поражены здешней дороговизной.

Валентина спросила:

— А мы имеем право работать?

— Ваши визы не предусматривают такой возможности, но мы, безусловно, вправе это оспорить. А по какой специальности?

— Сейчас трудно сказать, — ответила Валентина. — Мы хотим продолжить учебу.

— На самом деле учебу мы закончили, — встряла Джулия.

Переводя взгляд с одной на другую, мистер Рош только и сказал:

— А-а.

— Мы еще хотели спросить, — начала Джулия. — По какой причине тетя Элспет составила завещание в нашу пользу? Нет, мы, конечно, очень благодарны и все такое, но просто непонятно: даже в гости ни разу не приехала, а все состояние — нам.

Мистер Рош немного помолчал.

— Элспет не отличалась особой... душевностью, но для нее много значили семейные узы. — Потом он добавил: — И вот результат, а причину назвать не могу.

«„Не могу“ или „не хочу“?» — одновременно подумали близнецы.

— Есть ли у вас еще какие-нибудь вопросы?

— Мы не разобрались, как включается отопление, — сказала Валентина. — Ночью в квартире было холодновато.

— Роберт вам покажет; он — человек весьма практического склада, — ответил мистер Рош. — Передайте ему от меня поклон и скажите, что я просил его позвонить — нужно обсудить кое-какие детали.

Они распрощались. С порога Джулия обернулась и увидела, что он стоит, опираясь обеими руками на трость, и смотрит им вслед изумленным взглядом.

По возвращении в «Вотреверс» они застали прежнюю тишину и мрачность. В холле Джулия сказала:

— Постучаться к нему, что ли?

— К кому?

— Да к этому — к Роберту Фэншоу. Спросим, где отопление включается.

Валентина пожала плечами. Джулия постучалась в нижнюю квартиру; за дверью негромко бубнил телевизор. Выждав, она постучала еще раз, настойчивее, но к двери никто не подошел.

— Ну и ладно, — сказала она, и близнецы побежали вверх по лестнице.

СОСЕД СВЕРХУ

Мартин поставил телефон к себе на кровать. Кровать была островом. Вокруг кровати плескалось море заразы. Сжавшись в комок, Мартин сидел на кровати вот уже четыре часа. К счастью, при нем находился комплект предметов первой необходимости: телефон, бутерброды с сыром и потрепанный том Плиния. Мартин жаждал выбраться из кровати. У него лопался мочевого пузырь, да и работа совсем не двигалась. В кабинете ждал компьютер. Но Мартин подозревал — нет, знал, — что ночью случилась жуткая катастрофа. Пол в спальне внезапно покрылся грязью. Микробы, дерьмо, блевотина — кто-то проник в квартиру и загадил ее мерзкой слизью. «Почему? — спрашивал себя Мартин. — Почему случаются такие ужасы? Возможно ли это? Нет, такого не бывает. Но что же мне делать?»

Можно подумать, он задал эти вопросы вслух, потому что ему тут же пришел ответ: «Сосчитай назад от тысячи до одного, римскими цифрами. Рукой держись за изголовье». Как же он сразу не додумался! Начал Мартин бойко, но, дойдя до DCCXXIII, сбился — и все пошло насмарку. Ведя новый отсчет, он стал сомневаться — каким-то дальним отделом мозга, — на кой это нужно. В результате опять сбился и опять начал заново.

Тут зазвонил телефон. Мартин не стал снимать трубку, пытаясь сосредоточиться на римских цифрах. Прожужжало еще три гудка, после чего включился автоответчик. «Здравствуйте, вы позвонили Мартину и Марике Уэллс. Сейчас нас нет дома. Вы можете оставить сообщение». Сигнал. Пауза.

— Мартин? Слушай, возьми трубку, я знаю, что ты там. Ты же не выходишь из дому. — Голос Роберта. — Мартин.

Щелчок. Мартин понял, что сбился со счета — уже в который раз. Он швырнул телефон в угол спальни. Ударившись о стену, аппарат загудел. Мартина охватил ужас.

Теперь придется менять телефон. Ведь корпус, упав на пол, сделался заразным. В спальню проникали косые лучи послеполуденного света. Выбраться из кровати не было никакой возможности. На него опять накатило безумие.

Зато его осенила другая мысль. В самом деле: кровать можно подвинуть. Даром что она широкая, дубовая, антикварная. Перебравшись к изножью, Мартин стал раскачивать свое лежбище, чтобы подъехать к ванной и туалету. Деревянные ролики скребли по паркету, кровать двигалась с черепашьей скоростью. Но все же двигалась. Мартин взмок: он полностью мобилизовался и почти ликовал. Дюйм за дюймом он проехал через всю спальню и, ступив на туалетный коврик, обрел свободу.

Через пару минут, благополучно облегчившись и приступив к мытью рук, он услышал голос Роберта, который звал его по имени. Пришлось дожидаться, пока Роберт дойдет до спальни, а потом сказать: «Я здесь». Из-за двери до Мартина донесся какой-то грохот: не иначе как Роберт возвращал кровать на постоянное место.

Потом Роберт остановился под дверью.

— Эй, ты там не умер?

— У меня все нормально. Только телефон, вроде, разбился. Сделай одолжение, выдерни его из розетки.

Роберт отошел от двери и тут же вернулся, держа в руках телефонный аппарат.

— Нет, Мартин, телефон цел.

— Все равно, он... он побывал на полу.

— И подцепил заразу?

— Вот именно. Можешь его вынести? Я новый закажу.

— Мартин, я тебе его в два счета продезинфицирую, не возражаешь? Это уже который по счету? Третий за месяц. Я тут слушал передачу по «Радио-четыре»: в Британии свалки задыхаются от выброшенных компьютеров и мобильных. Зачем же выбрасывать вполне исправный телефон?

Ответа не было. Мартин мыл руки. Горячая всегда шла не сразу. Для мытья он использовал карболовое мыло. От него щипало кожу.

— Ты выходить собираешься? — спросил Роберт.

— Всему свое время.

— Помощь не нужна?

— Телефон вынеси.

— Ладно.

Мартин затих. Роберт постоял еще с минуту и ушел. Хлопнула входная дверь. «Сочувствую». Это слово так и кружилось в голове, пока Мартин не заменил его другим, более секретным рефреном. Вода наконец-то прогрелась почти до кипятка. День предстоял долгий.

Спустившись к себе, Роберт набрал служебный телефон Марики. Она просила не делать этого без крайней нужды, но на звонки по мобильному не отвечала и сама никогда не перезванивала. Марика подвизалась на одной из самых элитных голландских радиостанций — VPRO. Роберту так и не довелось посетить Нидерланды. В его представлении Голландия связывалась с полотнами Вермеера и сектой квакеров.

Непривычные голландские гудки; незнакомый женский голос. Роберт попросил к телефону Марику, и голос отправился на поиски. Стоя у себя в гостиной, Роберт прижимал трубку к уху и слушал студийный гомон. До него долетали обрывки разговора: «Nee, ik denk van nie...» — «Vertel hem dat het onmogelijk is, hij wil altijd het onderste uit de kan hebben...» Ему представилось, что трубка лежит у Марики на письменном столе, словно полудохлая личинка. Он вообразил, как решительно направляется в ее сторону Марика: простое лицо под сеткой морщинок, усталые зеленые глаза, вызывающе красная помада, в уголках рта — напряжение, мешающее улыбке. Роберт вообразил ее в оранжевом свитере, из которого она не вылезала уже много зим. У Марики безостановочно двигались пальцы: крутили сигарету или карандаш, смахивали воображаемые пылинки с лацкана собеседника, поправляли

бесформенную прическу. От этого мельтешения Роберт выходил из себя.

Наконец она взяла трубку.

— *Hallo?*

У Марики был знойный голос. Роберт не раз говорил Мартину, что она сможет грести деньги лопатой, если устроится в «Секс по телефону». На Би-би-си, где Марика работала до отъезда, она читала дневные сводки дорожных происшествий; нередко у проходной появлялись какие-то мужчины, искавшие с ней знакомства. Теперь, перейдя на VPRO, она стала популярнейшей радиоведущей, которой доверяли программы о гуманитарных катастрофах, глобальном потеплении и печальных случаях из жизни животных.

— Марика, это Роберт.

По волнам телефонного эфира до него донеслось ее недовольство. После некоторой паузы она отозвалась:

— Здравствуй, Роберт. Как поживаешь?

— Я-то нормально. А твой муж — ненормально.

— И чего ты от меня хочешь? Я здесь, он там.

— Хочу, чтобы ты приехала домой и его приструнила.

— Нет, Роберт, это исключено. — Прикрыв трубку рукой, Марика сказала что-то в сторону и вернулась к разговору с Робертом. — Ноги моей там не будет. А он даже за почтой не желает спуститься, так что в обозримом будущем вряд ли мы с ним увидимся.

— Хотя бы позвони ему.

— Зачем?

— Уговори попринимать лекарство. Поддержи морально. Черт, ну не знаю, что еще. В твоих же интересах прочистить ему мозги.

— Нет. Это пройденный этап. И не надо ерничать, Роберт. Он безнадежен.

Роберт уставился в окно «Вотреверса» на запущенный парадный сад, который уходил от дома в горку, как пустая эстрадная сцена. В тот момент, когда Марика заявила о своем полном равнодушии к Мартину, из дверей «Вотреверса» вышли близнецы, которые направились по аллее в сторону калитки. Они были одеты в однотонные нежно-голубые пальто и шапочки; каждая держала сиреневую муфту. Одна из девушек принялась на ходу крутить муфту на ленте, другая указала куда-то на крону дерева, и обе расхохотались.

— Алло, Роберт, ты меня слышишь?

Одна близняшка шла чуть впереди; Роберту они мерещились двуглавым, четвероногим, двуруким существом. Калитка затворилась. Роберт прикрыл глаза, и на внутренней стороне его век появился остаточный образ: мерцающий во тьме девичий силуэт. Видение его околдовало. Можно было подумать, каждая из них — это Элспет в молодости, ее первоначальная версия, прежде ему неведомая. «Какие молоденькие. И какие странные. Господи, на вид лет двенадцати, не более».

— Роберт?

Он открыл глаза; близнецы исчезли.

— Прости, Марика. Что ты сказала?

— Пора заканчивать. Время поджидает.

— А... ну что ж. Извини за беспокойство.

— Роберт, у вас там что-то стряслось?

Немного подумав, он ответил:

— Мне только что явилось чудо.

— Ох, — выдохнула Марика. — Что же это было? Ты где сейчас? — Впервые за все время разговора она проявила хоть какой-то интерес.

— Приехали двойняшки Элспет. Сейчас прошли через сад. Что-то в них есть... необычное.

— Впервые слышу, что у Элспет были дети.

— Не у Элспет, а у Эди с Джеком.

— Пресловутая Эди. — Марика вздохнула. — Мне никогда не верилось в ее

существование; я подозревала, что Элспет ее выдумала.

Роберт улыбнулся.

— А у меня были сомнения насчет Джека. Легендарный жених, сбежавший с роковой близняшкой в Америку. Выходит, эта парочка и в самом деле существует.

Марика прикрыла трубку ладонью. Вернувшись к разговору, она сказала:

— Мне правда нужно идти, Роберт. — Она помолчала, — Девочки похожи на Элспет?

— Приезжай — увидишь.

Она засмеялась.

— Так и быть, позвоню ему, но в Лондоне ноги моей не будет. Пойми, Роберт, мне там всегда было неудобно.

Марика прожила в Лондоне двадцать шесть лет. Из них двадцать пять — с Мартином. Роберт даже представить не мог, чего ей это стоило. Зато он легко представил ее среди голландцев — рослых, крепко сбитых людей, владеющих пятью языками, любителей селедки, которая продается у них с маленьких тележек прямо на улицах. В Лондоне у Марики всегда был какой-то тревожный, ущербный вид. Роберт подумал, что с возвращением в родной город она, возможно, вновь обрела то, чего была лишена долгие годы.

— Он тебя ждет, Марика. — Молчание; легкое потрескивание в трубке. Роберт смягчился. — Они невероятно похожи на Элспет. Разве что волосы еще светлее. И сами, на первый взгляд, помягче. Эдакие котятки.

— Котятки? Она тут определенно ни при чем. Ну ничего, в вашем доме котятки будут очень кстати. Считаю, что вы, два бирюка, завели себе котят. Все, Роберт, меня торопят. Спасибо за звонок.

— Ну счастливо, Марика.

— Давай.

Марика немного постояла у себя в кабинете, сжимая в руке телефонную трубку. Времени было всего три часа с минутами; она покривила душой — ее никто не торопил. Самое время сделать один звонок. У Мартина был определитель номера, так что звонить она могла только на мобильный. Ей стало совестно. Год назад, после своего бегства, она звонила ему раз в две-три недели. А теперь — за два месяца даже не вспомнила. Приложив трубку к уху, она считала гудки. Мартин всегда отвечал после седьмого; да, так и вышло.

— Алло?

Можно было подумать, его оторвали от важных дел; она не знала, чем он занимается, но сочла за лучшее не спрашивать.

— *Hallo*, Мартин.

— Марика...

Она только крепче прижала трубку. Ей всегда было приятно слышать, как он произносит ее имя. Но сейчас она погрузилась. Не выпуская трубки, Марика присела на корточки возле письменного стола, чтобы видеть только стены своей крошечной выгородки и звукоизоляцию потолка.

— Как дела, Марика? — Можно было подумать, они разговаривали не далее как вчера.

— Все отлично. Повышение получила. У меня теперь есть помощник.

— Неплохо, звездный статус. — Он помолчал. — Мужчина, женщина?

Она посмеялась.

— Женщина. Зовут Анс.

— Так-так, это хорошо. Не хочу, чтобы тебя обхаживал какой-нибудь Адонис, — тут Мартин понизил голос, — с за-вид-ной тех-ни-кой... ре-чи.

— Не волнуйся, на радио со стороны не берут, здесь все свои. Молодняк только и знает, что трепаться с ровесницами — на меня ноль внимания.

Марике, как ни странно, льстило, что Мартин представляет ее в окружении поклонников. Она слышала, как он закурил сигарету и выдохнул дым.

— Я, между прочим, курить бросила, — сообщила она.

— Не верю. Куда же ты будешь руки девать? У тебя пальцы с ума сойдут без сигаретки. — В голосе Мартина звучала нежность, но от Марики не укрылось, что он старается замаскировать ее небрежностью. — Давно бросила?

— Шесть дней, двенадцать часов и... — она сверилась со временем, — тринадцать минут тому назад.

— Что ж, прекрасно. Буду ревниво за тобой следить. — На этом месте оба замолчали.

Марика лихорадочно подыскивала какую-нибудь другую тему.

— Что сейчас переводишь? Все тех же, как их, ассирийцев?

Время от времени Мартин делал переводы для Британского музея и в последнем разговоре упомянул арамейские надписи, которые были у него в работе.

— Нет, их я уже сдал. Сейчас перевожу настоящее сокровище: подборку стихов, приписываемых современнице Августа, некой даме по имени Марцелла. Если это подлинные вещи, жди сенсации: женское творчество той эпохи до нас не дошло. Но есть в них какой-то изъясн. Увы, подозреваю, что Чарльз ввели в заблуждение.

— Какой еще изъясн? Уж наверное Чарльз отдавал их на экспертизу.

— На перевод они, по-моему, ложатся хорошо. Однако стиль грешит мелкими неточностями. Вот ты, например, прелестно, очаровательно говоришь на современном английском, но задумай ты написать сонеты и выдать их за шекспировские, тебя поймут на мелочах: на неуместном употреблении архаичных идиом, на отсутствии тонкостей, присущих литераторам той эпохи. Сдается мне, эти стихи вышли в двадцатом веке из-под пера какого-нибудь французика, досконально изучившего латынь девятнадцатого века.

— Разве это не списки со списков? Может быть, огрехи вкрались по вине переписчиков...

— Понимаешь, эти стихи обнаружили в библиотеке Геркуланума, поэтому их объявили подлинными. Сегодня же позвоню Чарльзу. Пусть подвергается...

На пороге кабинета возник начальник Марики, который в недоумении огляделся и застучал ее сидящей на корточках. Задрав голову, Марика одними губами произнесла: «Мартин». Бернард вытаращил глаза и даже не подумал выйти; его редкие седые волосы топорщились, как у карикатурного злодея, посаженного на электрический стул. Бернард указал на часы. Марика поднялась на ноги и сказала:

— Давай заканчивать, Мартин. У меня эфир.

Мартина словно толкнули: беседовать с Марикой было так спокойно, так естественно и привычно, что он почти забыл... ведь раньше такие разговоры у них велись изо дня в день — он забыл, что скоро придется заканчивать. Когда еще дождешься ее звонка? Мартин пришел в смятение.

— Марика...

Она выжидала. Под взглядом Бернарда ей было неловко. Она сделала круговое движение рукой. *Знаю, знаю. Сейчас иду.* Бернард укоризненно поднял густые брови и ушел к себе в кабинет.

— Когда ты в следующий раз позвонишь, Марика, скоро?

— Скоро. — Она и сама была не против. Но знала, что этого не будет. — *Groetjes*, любовь моя.

— *Doeg! Ik hou van je...*

Оба замолчали. Марика дала отбой.

Мартин остался стоять у себя в кабинете с мобильником в руке. Его захлестнул ураган эмоций. «Она сама позвонила. Сказала „любовь моя“. Надо было устроить ей допрос с пристрастием, а я все о своих делах. Обещала скоро позвонить. Скоро — это когда? Но ведь она пообещала лишь потому, что я нажал. Ладно, позвонила сегодня — позвонит еще. Вот только когда? Составлю список вопросов: позвонит — задам. Курить бросила, надо же. Может, и мне попробовать? Вместе легче; вот позвонит — прямо так ей и скажу. А когда она позвонит? — Достав из пачки очередную сигарету, Мартин закурил. — Она мне позвонила. Минуту назад мы еще разговаривали». Он прижал мобильник к щеке. От трубки исходило

тепло. У Мартина всколыхнулась нежность к этому телефону, который принес в дом голос Марики. С мобильником в одной руке и сигаретой в другой он зашагал в кухню. Оттуда сразу же вернулся в кабинет. «Она позвонила. Сказала, что снова позвонит. Позвонила. Когда будет следующий раз? Может, и мне бросить курить...»

Марика захлопнула телефон и убрала его в карман. Закончив материал, которого ждал Бернارد, она отправила файл по электронной почте. Компьютер звякнул: «Динь», подтвердив, что сообщение преодолело расстояние в четыре метра между их столами. Кто-то напомнил:

— Эфир через пятнадцать минут.

Она кивнула и направилась в студию, но по пути завернула в туалет, где прислонилась к стене и дала волю слезам. Он нисколько не меняется. Лучше бы она ему не звонила. В телефонном разговоре слишком узнаваем был прежний Мартин. Ополоснув лицо, Марика побежала в студию, где получила немой упрек от звукооператора. В ближайшие месяцы она больше не собиралась звонить Мартину.

СЛЕЖКА

Целый год Роберт с нетерпением ждал прибытия близнецов. В уме он вел с ними долгие беседы: рассказывал о Лондоне, о Хайгейтском кладбище, об Элспет, советовал хорошие рестораны, приплетал, когда было к слову, свою диссертацию и всякую всячину. Весь долгий год в ожидании их приезда он намечал интересные пункты: «Прежде всего, кошка Дика Уиттингтона.³² Им будет любопытно... Свожу их в Почтовый парк, в медицинский музей Уильяма Хантера при университете Глазго, в архитектурный музей Джона Соуна.³³ Перед заходом солнца покатаемся на колесе обозрения „Лондонское око“». Все это он проделывал вместе с Элспет. На Рождество посетим с ними «Дом Денниса Северса».³⁴ И Музей найденшей.³⁵ Роберт уже видел себя экскурсоводом близнецов по лондонской жизни, их незаменимым проводником, учителем британского английского. Естественно было предположить, что они станут обращаться к нему с бытовыми затруднениями и вопросами, а он, как и положено дядюшке, будет давать им советы и

³² ...кошка Дика Уиттингтона... — Согласно легенде, мальчик-сирота по имени Дик (Ричард) Уиттингтон служил поваренком у богатого лондонского купца. Как-то раз он отдал на продажу команде хозяйского корабля свою кошку — единственное, что у него было. Время шло; не выдержав побоев, Дик сбежал, но за городской чертой услышал призывный звон колоколов, в котором ему послышалось: «Воротись, Уиттингтон, лорд-мэр великого Лондона». Вернувшись в город, Дик узнал, что его кошку продали за баснословные деньги некоему мавританскому правителю, чьи владения опустошали крысы. Уиттингтон женился на хозяйской дочке, унаследовал флотилию тестя, а впоследствии троекратно становился мэром Лондона. Самые ранние письменные источники этой легенды датируются 1605 г.

³³ *Архитектурный музей Джона Соуна* — лондонский дом-музей видного архитектора сэра Джона Соуна (1753–1837), спроектированный им самим.

³⁴ «Дом Денниса Северса» — уникальный интерьерный музей-театр в Лондоне, позволяющий экскурсантам погрузиться в атмосферу быта XVIII–XIX вв. Посетителей проводят в полной тишине по освещенным свечами комнатам, будто бы только что покинутым обитателями. При этом воссоздаются драматические картины жизни одной британской семьи.

³⁵ *Музей найденшей* — лондонский музей, посвящен истории приюта для подкидышей, основанного известным филантропом Томасом Корамом в 1739 г. Идея создания этого воспитательного дома нашла широкий отклик среди деятелей искусства. Композитор Георг Гендель и многие выдающиеся художники оказывали ему финансовую поддержку. Со временем в приюте сформировалась прекрасная коллекция картин, большей частью полученных в дар от самих создателей — У. Хогарта, Т. Гейнсборо, Дж. Рейнольдса и др. По сути дела, приют стал первой публичной картинной галереей в Британии. В настоящее время три основные экспозиции посвящены Томасу Кораму, Джорджу Генделю и Уильяму Хогарту.

поможет освоиться в Лондоне. Роберт сгорал от нетерпения. Подготовил столько остроумных изречений, взлелеял столько надежд и ожиданий, что теперь, когда Джулия с Валентиной появились в доме, он как-то оробел.

Раньше он думал, что сразу поднимется к ним наверх, постучит в дверь и представится. Но от их смеха и топота шагов он впадал в ступор. Ему оставалось только следить, как они приходят и уходят, вышагивают через сад в одинаковых нарядах, тащат домой пакеты с продуктами, цветы, какую-то нелепую лампу. «На что им сдалась эта лампа? У Элспет полно всяких ламп».

Они сами раз-другой в день стучались к нему в квартиру. Роберт обмирал: прекращал работу, застыл с ложкой у рта; из холла доносились их приглушенные разговоры. «Открой им дверь, — приказывал он себе. — Не будь таким идиотом».

Его смущала их спаянность; вдвоем они казались возвышенными и неприкосновенными. Каждое утро он следил, как они движутся по скользкой дорожке в сторону калитки. В них угадывалась такая самодостаточность и в то же время такая зависимость друг от дружки, что он, еще не перемолвившись ни с одной ни единым словом, уже чувствовал себя лишним.

Тогда он решил за ними проследить.

Они привели его на Понд-сквер, а оттуда, через Хайгейт-Вилледж и по Джексонз-лейн, к станции метро «Хайгейт». Он держался позади, давая им скрыться из виду, а потом начал нервничать, что вот-вот придет поезд метро и похитит их у него из-под носа. По эскалатору он неся через ступеньку. В половине одиннадцатого на станции было немногочисленно. Они остановились у той платформы, откуда поезда шли в южном направлении; Роберт затаился поодаль, но с таким расчетом, чтобы войти в тот же вагон. Они сели у средних дверей, а он — по диагонали, футах в пятнадцати. Одна из близняшек изучала карманную схему линий метро. Другая, откинувшись на спинку сиденья, читала рекламные объявления.

— Смотри-ка, — обратилась она к сестре, — отсюда можно слетать в Трансильванию за один фунт с носа.

Роберт вздрогнул, услышав их мягкий американский акцент, так не похожий на уверенный оксбриджский выговор Элспет.

Смотреть в их сторону он избегал. Ему вспомнилось, что у его матери была кошка Плакса: когда ее возили к ветеринару, она всякий раз утыкалась Роберту головой под мышку и так «пряталась». Вот и Роберт не смотрел в сторону близнецов, чтобы оставаться незамеченным.

Они вышли из вагона на «Набережной» и сделали пересадку на Районную линию. Доехали до станции «Слоун-сквер», вышли на поверхность и стали неторопливо углубляться в Белгрейвию, то и дело останавливаясь, чтобы свериться с путеводителем. Роберт никогда не бывал в этой части Лондона, и вскоре ему стало не по себе. Он не спускал с них глаз и ощущал себя упертым маньяком, который, ко всему прочему, выделяется из толпы. По тротуарам спешили стильные молодые транжиры обоего пола; они помахивали плотными пакетами из дорогих магазинов и на ходу болтали по беспроводной гарнитуре, выпуская изо рта белые облачка тумана. Можно было подумать, это сплошь актеры, репетирующие роль. По сравнению с ними близнецы выглядели наивными малолетками.

Свернув в боковую улочку, двойняшки вдруг оживились, прибавили шагу и стали крутить головами, чтобы отыскать нужный номер дома.

— Это здесь, — сказала одна из сестер.

Они вошли в небольшой шляпный бутик «Филип Трисси»,³⁶ где битый час примеряли

³⁶ *Филип Трисси* (р. 1967) — ведущий британский модельер-шляпник. Его работы отличаются оригинальностью и некоторой экстравагантностью. Среди его клиентуры — звезды экрана и подиума, представительницы титулованной знати и королевской семьи. Его именные бутики открыты во многих столицах мира, в том числе и в Москве. В мае — июле 2007 г. персональная выставка Филипа Трисси состоялась в Мраморном дворце (Санкт-Петербург), а сам дизайнер провел мастер-классы и выступил с публичными лекциями в рамках Дней британской культуры.

шляпки. Роберт наблюдал за ними с противоположной стороны улицы. Близнецы по очереди надевали шляпку за шляпкой, вертясь перед невидимым Роберту зеркалом. Продавщица с улыбкой предложила им огромную ярко-зеленую спираль. Одна из девушек водрузила ее на голову, и все трое пришли в восторг.

Роберт пожалел, что не курит: по крайней мере, у него был бы предлог топтаться на тротуаре без определенной цели. «Пива, что ли, выпить? У них, похоже, надолго». Близнецы разглядывали оранжевый пластиковый диск, который напомнил Роберту нимбы-тарелки на средневековых картинах. «Надо бы какую-нибудь маскировку придумать. Хоть бороду накладную. Хоть рабочий комбинезон». Близнецы вышли из бутика без покупок.

Под его взглядом они прошли по всему Найтсбриджу: изучали витрины, лакомились блинчиками, глазели на покупателей. Во второй половине дня они спустились в метро. Предоставив их самим себе, Роберт отправился в Британскую библиотеку.³⁷

Оставив вещи в ячейке камеры хранения, он поднялся в читальный зал гуманитарных наук. Там было многолюдно; Роберт отыскал свободный стул между остроносой дамой, обложившейся материалами по Кристоферу Рену,³⁸ и лохматым пареньком, который, похоже, изучал особенности домашнего хозяйства в эпоху короля Иакова.³⁹ Заказывать книги Роберт не стал; он даже не подошел проверить, выполнен ли предыдущий заказ. Положив ладони на стол, он закрыл глаза. «Что-то мне не по себе». Уж не грипп ли начинается, подумал он. У Роберта внутри назревал какой-то раскол: его раздирали противоречивые чувства — стыд, веселость, удовлетворение, замешательство, отвращение к себе самому и неодолимое желание проследить за близнецами на следующий день. Открыв глаза, он постарался взять себя в руки. «Шпионить не годится. Рано или поздно они заметят». Роберт представил увещевания Элспет: «Что за малодушие, дорогой. Когда они в следующий раз к тебе постучатся, возьми да открой дверь». Потом ему подумалось, что Элспет подняла бы его на смех. Застенчивость была ей неведома. «Не смейся надо мной, Элспет, — мысленно взмолился Роберт. — Прекрати».

У него на столе зажглась предупредительная лампочка. Роберт понял, что пора освобождать место. Оглядевшись, он встал и вышел из читального зала. Домой поехал на метро. Шагая по садовой аллее к «Вотреверсу», он увидел, что в окнах второго этажа горит свет, и сердце у него запрыгало от радости. Но потом он спохватился: это всего-навсего близнецы. «Сегодня не в счет. Завтра постучусь к ним в квартиру и представлюсь по всей форме».

На следующее утро он шел за ними по Бейкер-стрит, а потом не пожалел двадцати фунтов, чтобы побродить на приличном расстоянии от них по Музею мадам Тюссо, где близнецы всласть поиздевались над восковыми фигурами Джастина Тимберлейка и членов королевской семьи. На другой день они прошли по Тауэру, а потом смотрели кукольное

³⁷ *Британская библиотека* — национальная библиотека Великобритании, основанная в 1973 г. Вначале ее фонды размещались в библиотеке Британского музея и в ряде других библиотек, но в 1978 г. для нее был построен крупный библиотечный комплекс в районе вокзала Сент-Панкрас (Лондон). Собрание Британской библиотеки насчитывает более 25 млн. книг, сотни тысяч периодических изданий, микрофильмов, редких рукописей и электронных ресурсов. В библиотеке хранится Национальный архив звукозаписей, имеются нотный, картографический и филателистический отделы.

³⁸ *...обложившейся материалами по Кристоферу Рену...* — Сэр Кристофер Рен (1632–1723), величайший английский архитектор, построивший в Лондоне более 50 соборов (в том числе и собор Святого Павла) и примерно столько же зданий светского характера. Занимался также астрономией и геометрией. Стал первым президентом Королевского научного общества.

³⁹ *...в эпоху короля Иакова.* — Иаков (Джеймс) I Стюарт (1566–1625), он же король шотландский Иаков VI с 1567 по 1625 г. Приверженец абсолютизма; его постоянные конфликты с английским парламентом стали причиной восстания против его преемника, Карла I.

представление на набережной Темзы. Роберт стал отчаиваться. «Неужели вам не придумать ничего более увлекательного?» Дни сливались в бесконечную череду: Нилз-ярд,⁴⁰ «Хэрродз»,⁴¹ Букингемский дворец, Портобелло-роуд, Вестминстерское аббатство, Лестер-сквер. Намерение близнецов стало ему понятным: кружить по самым людным местам, выискивая кроличью нору, сквозь которую можно попасть в настоящий город, скрытый от глаз. Они пытались создать свой собственный Лондон, полагаясь на «Rough Guide» и «Time Out».

Роберт появился на свет в Ислингтоне. И безвыездно жил в Лондоне. Его личная лондонская топография сплелась в клубок эмоциональных ассоциаций. Названия улиц вызывали в памяти подружек, одноклассников, скучные и бесцельные прогулы уроков, редкие встречи с отцом, который водил его куда-нибудь пообедать, а потом в зоопарк; полулегальные дискотеки в пакаузах Восточного Лондона. Он стал воображать себя соучеником близнецов — как будто они втроем ходили в специализированную частную школу, где полагалось носить необычную форму и ездить на экскурсии. Роберт уже не задумывался над своими действиями и не опасался разоблачения. Невнимательность близнецов его даже пугала. У них не было столь необходимого молодым женщинам умения сливаться с городской толпой. Прохожие глазели на них во все глаза, и близнецы, судя по всему, это замечали, но принимали как должное, будто постоянное внимание окружающих было для них естественным.

Они указывали путь, а он шел следом. На кладбище Роберт стал бывать реже. Когда Джессика поинтересовалась причиной, он ответил, что сидит дома и работает над диссертацией. Она бросила на него недоуменный взгляд; впоследствии, обнаружив у себя на автоответчике множество сообщений, он понял: Джессика решила, что он ее избегает.

Потом настало такое время, когда двойняшки перестали выходить в город. Одна из них ненадолго выбегала за продуктами. Роберт встревожился: «Надо подняться к ним и узнать, в чем дело». У него уже сложилось такое ощущение, будто он сошелся с ними накоротке, хотя за все время они не перебросились ни словом. Он скучал. Ругал себя, что прикипел к ним. Но сделать первый шаг не отваживался. Целыми днями он безвылазно просиживал у себя в квартире: прислушивался, ждал, беспокоился.

НЕДОМОГАНИЕ

В то утро Валентина почувствовала недомогание, и Джулия сбегала в «Теско экспресс» за куриным супом, солеными крекерами и кока-колой — по их общему мнению, именно так надлежало питаться больным. Как только за Джулией закрылась дверь, Валентина выбралась из кровати, доплелась до туалета, где ее стошнило, вернулась в спальню и легла на бок, подтянув колени к подбородку и дрожа от озноба. Она принялась изучать синие с золотом узоры ковра. И вскоре задремала.

Кто-то, склонившись над ней, внимательно разглядывал ее лицо. Прикосновений она не чувствовала — только постороннее присутствие и участие. Валентина открыла глаза. Ей померещилось что-то темное, неясное, маячившее у нее в ногах. Тут вернулась Джулия, и Валентина окончательно проснулась. В изножье кровати было пусто.

Очень скоро Джулия вошла в спальню с подносом в руках. Валентина села. Опустив поднос на столик, Джулия протянула ей стакан кока-колы. Валентина позвякала кубиками льда и прижала стакан к щеке. Сделала крошечный глоточек, потом другой, побольше.

⁴⁰ *Нилз-ярд* — площадь в Лондоне с многочисленными кафе, к которой примыкают улицы (в частности, Нил-стрит) с дорогими магазинами и фирменными бутиками.

⁴¹ «*Хэрродз*» — известный универсальный магазин в Лондоне. Расположен неподалеку от Гайд-парка в здании постройки 1905 г. Специализируется на высокой моде, но предлагает и широчайший спектр других товаров и услуг. С 1985 г. принадлежит Мохаммеду Аль-Файеду (р. 1933).

— В комнате творилось что-то странное, — сказала она.
— Ты о чем? — не поняла Джулия.
Валентина попробовала объяснить.
— В воздухе повисла какая-то расплывчатая тень. Она обо мне беспокоилась.
— Надо же, какая милая, — сказала Джулия. — Я тоже о тебе беспокоюсь. Супа хочешь?
— Попробую. Налей мне пустого бульона, без лапши, безо всего.
— Как скажешь.
Джулия пошла на кухню. Валентина огляделась. Спальня как спальня, ничего особенного. Утро было солнечное, и вся мебель казалась теплой и невинно-чистой. «Приснилось, наверное. Хотя странно как-то».
Вернувшись из кухни, Джулия протянула ей бульон в кружке. А вслед за тем пощупала Валентине лоб — в точности как это делала Эди.
— Да у тебя жар, Мышка. — Валентина отхлебнула бульона. Джулия присела у нее в ногах. — Врача нужно.
— Ерунда, это грипп.
— Мышка, ты же понимаешь, без доктора не обойтись. Маме бы дурно сделалось. А вдруг у тебя случится астматический приступ?
— Да, в самом деле... Может, маме позвонить? — Они звонили домой только вчера, но нигде не было сказано, что нельзя звонить дважды в неделю.
— У них сейчас четыре часа утра, — заметила Джулия. — Позвоним, только позже.
— Ладно. — Валентина протянула Джулии кружку. Та вернула ее на поднос. — Спать хочу.
— О'кей. — Джулия задернула шторы и вышла, унося с собой поднос.
Успокоившись, Валентина опять свернулась калачиком. Она закрыла глаза. Кто-то сидел рядом и гладил ее по волосам. Заснула она с улыбкой.

ДЖУЛИЯ И ВАЛЕНТИНА В ПОДЗЕМЕЛЬЕ

Валентина не любила подземку. Там было темновато, суматошно и грязно; всегда полно народу. Она не выносила толчеи, чужого дыхания на своей шее, запаха мужского пота. Но хуже всего для Валентины было спускаться в подземелье. Оттого, что метро называли подземкой, ей делалось совсем тошно. Когда было возможно, она старалась ездить на автобусе.

Она скрывала эту боязнь от Джулии, но та догадалась. Теперь перед каждым выходом в город Джулия раскладывала на столе карту лондонского метро и составляла маршруты с таким расчетом, чтобы запланировать не менее трех пересадок.

Валентина молчала. И, поспевая за Джулией, спускалась по бесконечным эскалаторам в чрево подземки. Сегодня им предстояло ехать в Роял-Альберт-холл на цирковое представление. Их путь начинался со станции «Арчуэй». На «Уоррен-стрит» близнецам нужно было делать пересадку с Северной линии на линию «Виктория»; их подхватило людской волной и понесло по длинному кафельно-белому переходу. Валентина схватила Джулию за руку. Остерегаясь карманников, она мысленно проверила застежку сумочки. Интересно знать, видят ли в них американок, подумалось ей. Толпа текла, как сироп.

Ее внимание привлек шедший впереди человек.

Рослый, с волнистыми каштановыми волосами, закрывавшими уши. Белая сорочка, заправленная в вельветовые брюки, в руке толстая книга в мягкой обложке. Открытые сандалеты на босу ногу. Широкой, разболтанной походкой он напоминал не то лабрадора, не то ленивца. Была в нем какая-то мягкотелость и бледность. Валентине захотелось узнать, что он читает. На эскалатор близнецы ступили следом за ним; эскалатор оказался из числа самых длинных, на которых у Валентины возникало ощущение, будто мир накренился и давит на них какой-то неведомой, враждебной силой тяжести. В конце концов они вышли на

платформу нужной линии.

Валентина попыталась разобрать заглавие книжки. Оканчивалось на «-ение». Кафка? Нет, слишком толстый том.⁴² У его владельца были небольшие очки в тонкой золотой оправе, добродушное лицо, волевой подбородок и удлиненный тонкий нос, которым он упирался в страницу. Глаза карие, с тяжелыми веками и густыми ресницами. Приближался поезд. Он остановился у платформы, двери переполненных вагонов открылись, но никто не вышел и не смог войти. Мужчина с книгой только поднял глаза — и вернулся к чтению.

Джулия завела рассказ о происшествии, которое видела в то утро: старушка переходила улицу, и ее сбил мопед. Валентина старалась не слушать. Джулия знала, что она боится переходить через дорогу. Валентина всегда упрямо ждала зеленого человечка, даже если вблизи не было транспорта, даже если Джулия перебежала на другую сторону и махала ей с противоположного тротуара.

— Замолчи, Джулия, — взмолилась Валентина. — Иначе я вообще перестану выходить из дому — пакеты с продуктами сама будешь таскать.

Джулия удивилась и, к радости Валентины, умолкла.

Следующий поезд прибывал через одну минуту. Народу в нем оказалось поменьше, и близнецам удалось втиснуться. Джулия стала пробиваться в середину вагона, а Валентина, держась за стойку, осталась у дверей. Когда поезд дернулся вперед, Валентина подняла глаза и увидела все того же человека — его прижало к ней. Он поймал ее взгляд, и она отвернулась. От него пахло травой, как будто он только что косил газон, и мужским потом, и чем-то другим, что Валентина не смогла распознать. Бумагой? Землей? Запах оказался довольно приятным, и она втягивала его, как витаминный напиток. Ей царапал ногу чей-то пакет. Валентина опять подняла глаза. Мужчина не сводил с нее взгляда. Она покраснела, но не отвернулась. Он спросил:

— Не любите метро, да?

— Не люблю, — ответила Валентина.

— Я тоже, — сказал он. У него был приятный низкий голос. — Чрезмерно интимный транспорт.

Валентина кивнула. Она наблюдала за губами незнакомца. У него был большой рот; верхняя губа, немного кроличья, открывала слегка торчащие зубы, не знавшие вмешательства ортодонта. Валентина вспомнила, как они с Джулией не один год ходили к доктору Вайссману, который исправлял им прикус. Интересно, какие бы у них были зубы, если бы тогда не вмешалась медицина?

— Вы Джулия или Валентина? — спросил незнакомец.

— Валентина, — ответила она — и тут же обругала себя за легкомыслие.

Как он узнал их имена? Поезд затормозил у очередной станции; Валентина потеряла равновесие. Незнакомец придержал ее за локоть и не отпускал до остановки поезда. «Вокзал „Виктория“», — объявил бестелесный женский голос.

— Мышка! Приехали! Пересадка, — раздался поверх толпы голос Джулии.

Валентина оглянулась на незнакомого пассажира.

— Мне выходить, — сказала она ему.

В его взгляде было что-то ободряющее — можно подумать, они вместе ехали в этом поезде не один час.

— А дальше вам куда? — спросил он.

К ним проталкивалась Джулия. Валентина сделала шаг из вагона.

— В цирк, — ответила она как раз в тот момент, когда Джулия оказалась рядом.

Он улыбнулся. Двери закрылись; поезд тронулся. Валентина немного постояла, глядя через стекло. Незнакомец поднял руку и после секундного раздумья помахал.

⁴² Валентина попыталась разобрать заглавие книжки. Оканчивалось на «-ение». Кафка? Нет, слишком толстый том. — Имеется в виду повесть Ф. Кафки «Превращение» (1915).

— Кто это был? — спросила Джулия.

Она взяла сестру за руку, и они вместе с людской рекой устремились по переходу на Районную линию.

— Понятия не имею, — ответила Валентина.

— Ничего такой, — сказала Джулия.

Валентина кивнула. «Он знает наши имена, Джулия. Но у нас с тобой здесь нет знакомых. Откуда ему известно, как нас зовут?»

Роберт проводил взглядом Валентину и Джулию. Выйдя на следующей станции, «Пимлико», он дошел до галереи «Тейт» и в глубоком волнении опустился на ступеньку крутой лестницы. «Чего ты боишься?» — спросил он себя, но ответа не нашел.

ПОТОП

Время было очень позднее, третий час ночи; близнецы спали. Накануне вечером похолодало. Они так и не выяснили, как регулируется отопление, — вот и на этот раз, когда воздух сделался донельзя промозглым, оно их подвело. У них дома, в Америке, всегда было жарко, а здесь они весь вечер шупали радиаторы и не могли понять, почему в доме не топят. Пришлось укрыться целой кипой одеял. В комодѣ обнаружилась грелка, которую они положили в ноги. Валентина свернулась на своем краю постели, как зародыш. Ее большой палец не был засунут в рот; он неприкаянно торчал возле губ, словно она его долго сосала и этим утомила, да так, что он выбрался наружу. Джулия прильнула к сестре со спины и положила руку ей на бедро. Такая поза во сне была для них совершенно естественной — как отголосок внутриутробной жизни.

Выражение лица у них было разным: Валентина спала чутко, наморщив лоб и зажмурив глаза. Джулия во сне гримасничала. Под тонкими скорлупками век глазные яблоки бегали туда-сюда. Ей снилось, как она пришла на озеро в родном Лейк-Форесте. По пляжу носились дети. С радостными воплями они ныряли в невысокие волны. Почувствовав на коже брызги озерной воды, Джулия поежилась. Потом ей приснился дождь. Дети побежали к своим родителям, которые торопливо собирали игрушки и флакончики с защитным лосьоном. Дождь полил стеной. «А где машина?» — подумала Джулия и тоже бросилась бежать...

Ей в лицо плеснули водой. Еще не проснувшись, она прикрыла щеку ладонью. Тут проснулась Валентина; она села и покосилась на Джулию. С потолка на одеяло тонкой струйкой текла вода и просачивалась на грудь Джулии.

— Ой, Джулия, просыпайся!

Перед тем как проснуться, Джулия всхрипнула. Ей потребовалось не меньше минуты, чтобы осознать происходящее. К тому времени как она выбралась из-под одеяла, Валентина уже сбегала в кухню, притащила огромную суповую кастрюлю и подставила ее под струю. Вода забарабанила по дну. Постель промокла насквозь. Штукатурка над кроватью вспучилась и начала крошиться. На глазах у растерянных близнецов кастрюля наполнялась водой. В ней плавали куски штукатурки, похожие на ошметки творага.

Валентина села в кресло у кровати.

— Что скажешь? — спросила она. На ней были свободные белые трусы и маечка на тонких бретельках; руки и ноги покрылись гусиной кожей. — Дождя нет. — Запрокинув голову, она разглядывала потолок. — Может, кто-то собирался принять ванну и забыл выключить воду?

— Тогда бы вот там была протечка, разве нет? — Джулия подошла к ванной и щелкнула выключателем. Потом внимательно осмотрела потолок. — Абсолютно сухо, — сообщила она Валентине.

Они переглянулись; в кастрюлю ручейком текла вода.

— Ничего себе, — сказала Джулия. — Не знаю, что и думать. — Она накинула старый купальный халат — розовый шелковый балахон, купленный в благотворительном магазине

«Оксфам». — Сбегаю наверх, посмотрю.

— Я с тобой.

— Нет, ты здесь останься: вдруг кастрюля переполнится.

Мысль была своевременная: вода и в самом деле стремительно прибывала.

Джулия вышла из квартиры и побежала по лестнице. До этого случая она ни разу не поднималась на третий этаж. На площадке громоздились стопки газет, в основном «Гардиан» и «Телеграф». Дверь была приоткрыта. Джулия постучалась. Ответа не было.

— Есть кто-нибудь дома? — позвала она.

Но услышала лишь какое-то абразивное шарканье, словно в глубине квартиры ритмично шкурили деревянную поверхность наждачной бумагой. Оттуда же доносился приглушенный мужской голос.

Джулия задергалась. Познакомиться с соседями они так и не удосужились. Теперь она пожалела, что не взяла с собой Валентину. Что, если тут окопались сатанисты, маньяки-педофилы или садисты, расчленяющие любопытных девушек бензопилой? Продаются в Британии бензопилы, или они бывают только у американских серийных убийц? В нерешительности Джулия медлила, держась за дверную ручку. Ей представлялось, что их квартира уже затоплена полностью, что мебель тети Элспет покачивается на волнах, а Валентина плавает из комнаты в комнату, пытаясь спасти что-нибудь из вещей. В конце концов она распахнула дверь и вошла, на ходу повторив: «Есть тут кто-нибудь?»

В потемках Джулия сразу наткнулась на скопище коробок, загромоздивших прихожую. Было такое ощущение, что ее обступило множество предметов, сваленных в опасной близости один от другого. Дальше по коридору в одной из комнат горел свет, но в прихожую проникал только слабый отблеск. Ее босые ноги ступали по липкому и шершавому деревянному полу. В коридоре между штабелями коробок были оставлены узкие проходы. Коробки доставали до трехметрового потолка. Джулия подумала, что такие горы запросто могут обрушиться на голову и убить. Она двигалась ощупью, как незрячая. В нос шибали запахи жареного лука и мяса. Тянуло сладковатым табаком. Воняло какой-то сложной бытовой химией — похоже, на основе хлорного отбеливателя. Гнилыми фруктами — лимонами? Мылом. Определить, из чего складывался этот смрад, было не так-то легко. У Джулии защипало в носу. «Умоляю, Господи, не дай мне чихнуть», — подумала она — и громко чихнула.

И шарканье, и бормотанье смолкли разом. Джулия остолбенела. Минула, как ей показалось, целая вечность, прежде чем эти звуки возобновились с прежней настойчивостью. У Джулии бешено заколотилось сердце; она оглянулась, чтобы проверить, не захлопнулась ли входная дверь, но прихожая исчезла в темноте. «Были бы хлебные крошки, — подумала Джулия. — Или веревочка. Я же отсюда не выберусь».

Коробки у нее под рукой закончились, а дальше была закрытая дверь. За ней, очевидно, располагалась главная спальня, как у них с Валентиной. Звуки сделались громче. Джулия прокралась дальше по коридору. Оказавшись под дверью последней каморки, она заглянула внутрь.

Хозяин квартиры сидел на корточках, спиной к Джулии. Пола касались только его ступни. Он драил пол жесткой щеткой. Джулии показалось, что это артист, изображающий муравьеда. Из одежды на нем были только джинсы. С потолка свисала яркая лампа — слишком яркая для такого тесного помещения; почти все пространство занимала огромная кровать. Повсюду валялись книги, одежда и всякий хлам. К стенам были приклеены карты и фотографии. В такт движениям швабры хозяин декламировал что-то на непонятном языке. У него был мелодичный голос, и Джулия уловила в его непонятной речи скорбь и горячность. Она даже заподозрила в нем религиозного фанатика.

Пол был черным от воды. Человек потянулся к ведру и окунул туда щетку, чтобы она впитала пенистую жидкость. Джулия не сводила с него глаз. Через некоторое время до нее дошло: он без конца трет одно и то же место. По краям комнаты паркет оставался сухим.

Джулия совсем растерялась. Нужно было начинать разговор, но она не знала, как

подступиться. Потом обругала себя, что трусит хуже Мыши, и это ее подхлестнуло.

— Извините, пожалуйста, — негромко выговорила она.

Хозяин как раз сунул руку в ведро, но от неожиданности дернулся, ведро опрокинулось — и мыльная вода разлилась по всей комнате.

— Ой! — вырвалось у Джулии. — Ой, простите, простите! Давайте я...

Через растекающуюся лужу она ринулась в ванную и выскочила с охапкой полотенец. Человек по-прежнему сидел на корточках, не спуская с нее изумленного, полуобморочного взгляда. Джулия пыталась остановить потоп, используя полотенца как мягкие запруды или мешки с песком. Ей пришлось, бормоча извинения, бежать в ванную за новой кипой. Мартин проглотил язык — настолько его заворожили эти решительные действия и неустанные извинения. Ее розовый халат разошелся, волосы растрепались. Она стала похожа на маленькую девочку, которая в одной пижамке кружится на чертовом колесе. Глядя на ее голые ноги, Мартин порадовался, что к нему нагрянула эта очаровашка в одних трусиках и старом халате; притом что она явилась без приглашения, видеть ее было приятно. Гложущая тревога отступила. Мартин вытер руки о штаны. Джулия осушила лужи, собрала все полотенца и бросила их на дно ванны. Довольная собой, она вернулась в спальню и увидела, что Мартин по-прежнему сидит на корточках, сложив руки на груди и глядя на нее снизу вверх.

— Мм, привет, — сказал Мартин.

Он подал ей руку, Джулия ухватила за нее и потянула вверх. Она заметила, что рука у него кровит. Мартин ожидал, что они просто обменяются рукопожатием, и сам удивился, когда оказался на ногах. Джулия, в свою очередь, удивилась, что Мартин в такой хорошей форме. Перед ней стоял подтянутый мужчина средних лет в роговых очках, сбившихся набок. Острые колени и локти делали его угловатым. Волосной покров на груди отсутствовал. Джулия отметила некоторую впалость грудной клетки. Она покраснела и подняла глаза. У него были короткие, тронутые сединой волосы. И доброжелательный вид.

— Меня зовут Мартин Уэллс, — представился он.

— Я — Джулия Пул, — сказала Джулия. — Ваша соседка снизу.

— Ах да. И вам... стало одиноко?

— Нет, понимаете, у нас протечка... Наша кровать стоит точно под этим местом, и с потолка хлынула вода, ну, мы и... в общем, проснулись.

Мартин бросило в краску.

— Виноват. Я вызову мастеров. Ремонт — за мой счет.

Джулия обвела глазами ведро, щетку, мокрый пол.

Потом озадаченно посмотрела на Мартина.

— А что вы делаете? — спросила она.

— Уборку, — ответил Мартин. — Пол мою.

— Руки у вас до крови растрескались, — сказала ему Джулия.

Мартин покрутил перед собой руки. От долгих часов бултыхания в моющем растворе ладони покрылись кровоточивыми трещинами. Кожа стала блестящей, багрово-красной. Он покосился на Джулию. Та оглядывала спальню и задержала взгляд на штабелях коробок, выстроившихся вдоль стен.

— А в коробках у вас что?

— Вещи, — ответил он.

Джулия забыла о приличиях:

— Так и живете?

— Да.

— Видно, у вас пунктик насчет чистоты. Как у Говарда Хьюза.⁴³

⁴³ ...пунктик насчет чистоты. Как у Говарда Хьюза... — Говард Хьюз (1905–1976) — американский промышленник и авиатор, известный своими экстравагантными выходками и увлечениями. Отличался чрезвычайной брезгливостью. В итоге лишился рассудка и несколько десятилетий жил затворником. О судьбе Г. Хьюза повествует фильм М. Скорсезе «Авиатор» с Л. ди Каприо в главной роли.

Мартин не нашелся что ответить и еще раз выдавил:

— Да.

— Прикольно.

— Мм, нет, вовсе нет. — Мартин сходил в ванную, достал из шкафчика тюбик крема и смазал руки. — Это болезнь.

Лоснящимся от крема пальцем он поправил очки. Джулия поняла свою бестактность.

— Простите.

— Ничего страшного.

Повисла неловкая пауза; они избегали смотреть друг на друга.

Джулия занервничала. «Точно: псих». А вслух сказала:

— Пойду к себе. А то Валентина беспокоится.

Мартин кивнул.

— Извините за эту протечку. С утра первым делом позвоню и вызову мастеров. Я бы и сам спустился, но...

— Но что?

— Я из квартиры не выхожу.

Джулия испытала разочарование, хотя минуту назад готова была спастись бегством.

— Как, вообще никогда?

— Это из-за... моего заболевания. — Мартин улыбнулся. — Не смотрите на меня так. Лучше сами приходите ко мне в гости — милости прошу. — Он повел Джулию среди лабиринта коробок. Остановившись в прихожей, подождал, пока Джулия откроет входную дверь и выйдет на площадку. — Надеюсь скоро вас увидеть. Зайдете на чашку чая? Может, прямо завтра?

С ярко освещенной лестничной площадки Джулия едва могла разглядеть Мартина, который так и остался в темной прихожей.

— Зайду, — сказала она. — Непременно.

— И сестре передайте мое приглашение.

У Джулии разыгрались собственнические чувства. Он увидит Валентину — и чего доброго переметнется к ней. Так бывало не раз.

— Ну не знаю, она, наверно, не сможет.

Улыбнувшись, Мартин уточнил:

— Тогда до завтра? Приходите к четырем.

— О'кей. Приятно было познакомиться, — сказала Джулия и побежала вниз по ступенькам.

Перед ее возвращением Валентина опорожнила кастрюлю. С потолка еще капало, постель превратилась в мокрое месиво. Близнецы стояли рядом, оценивая масштабы бедствия.

— Ну, что там стряслось? — спросила Валентина.

Джулия рассказала, но когда встал вопрос о Мартине, затруднилась его описать. Валентина пришла в ужас от его приглашения.

— Какой-то жуткий тип, — сказала она. — Никогда не выходит из дому?

— Откуда я знаю? Разговаривает супервежливо. Ну да, он, конечно, шизанутый, но ты же знаешь, среди англичан много таких безобидных чудаков.

Близнецы принялись снимать с кровати одеяла и постельное белье. Оттащив все это в ванную, они попытались отжать воду.

— Пледы можно выбрасывать.

— Да что ты, это всего лишь побелка. Отойдет. Надо только замочить. — Валентина вставила затычку в сток ванны и пустила теплую воду.

— Короче, я обещала прийти на чай; надумаешь — присоединяйся. По крайней мере, познакомишься. Сосед, как-никак.

Валентина пожала плечами. На кровати оставалась только кастрюля, в которую стекали последние капли. Близнецы перешли в гостевую спальню (которая тоже успела отсыреть) и легли спать, размышляя о предстоящем ремонте и чаепитии.

ДЕЛИКАТНАЯ ТЕМА

Близняшек, каждую по-своему, тяготила девственность.

Джулия пыталась экспериментировать. В старших классах она целовалась с мальчишками и/или позволяла им вольности в автомобилях, в родительских спальнях одноклассниц, когда эти самые родители уезжали за город, однажды — в женском туалете рестораника «Нейви пизэр» и несколько раз на пороге стандартного дома Джека и Эди, который она с радостью променяла бы на большой викторианский особняк с открытой верандой, где можно сидеть с мальчиком на подвесной скамье и лакомиться мороженым, слизывая его друг у друга с губ на глазах у Валентины, которой оставалось бы только шпионить за ними из темной гостиной. Но веранды у них не было, и нежности оказывались такими же стандартными, как этот дом.

В разных укромных местах — на пляже, позади навеса в Уэст-парке после катания на коньках, в музыкальном классе школы — Джулия давала отпор самым настойчивым. Она хорошо запомнила реакцию каждого из отвергнутых — от смущения до неприкрытой злобы. «А че ты вообще сюда приперлась?» — вспыхнул мальчишка в музыкальном классе, и она не нашла что ответить.

На что она надеялась? Чего ждала от этих подростков? И почему всегда пресекала то, чего хотелось им?

Валентина пользовалась бóльшим успехом и отказывала не столь решительно. В школе на Валентину западали, с одной стороны, мальчишки-тихони, а с другой — наглецы, которые мнили себя восходящими рок-идолами. Если Джулия выбирала тех, кто не проявлял к ней ни малейшего интереса, и начинала их добиваться, то Валентина с мечтательным видом игнорировала всех подряд — и покоряла сердца. Она даже удивлялась, если одноклассник, сидевший позади нее на алгебре, признавался ей в любви, когда она отстегивала от стойки свой велосипед, а редактор школьной газеты приглашал ее на выпускной в качестве своей девушки.

«Пусть они сами за тобой побегают», — говорила Валентина, когда Джулия обижалась на такую несправедливость. Но Джулия была нетерпелива и болезненно переживала недостаток внимания. Эти качества способны убить любой романтический порыв, особенно если рядом постоянно находится твоя невозмутимая копия.

Для Валентины секс представлял определенный интерес, а мальчишки, с которыми что-то могло бы получиться, — нет. Стоило ей внимательно присмотреться к очередному воздыхателю, как он оказывался неотесанным, скучным, глуповатым. Привыкшая к глубинному единению с Джулией, она не подозревала, что любые отношения начинаются с облака надежды и безумства иллюзий. Можно было подумать, Валентина слишком долго прожила в браке и забыла, что такое флирт. Мальчишки, ходившие за ней хвостом по школьным коридорам в Лейк-Форесте, теряли свой пыл при встрече с ее вежливым недоумением.

Так и получилось, что близняшки остались девственницами. В школьные и студенческие годы их ровесницы одна за другой уходили во взрослый мир секса, и только Джулия с Валентиной задержались в стане неискушенных. «Как у вас было?» — спрашивали они у подруг. Те отвечали уклончиво. Секс был историей для двоих: кто не вписался, того вычеркивали.

Близнецы переживали из-за своей девственности — и поодиночке, и сообща. Но главная проблема заключалась в том, что заниматься сексом вместе не было никакой возможности. Одна из них неизбежно должна была вырваться вперед, а другая — отстать. Им предстояло найти себе разных парней, из которых каждый захочет проводить время

только с одной; каждый пожелает занять самое важное место в жизни Джулии или Валентины. Каждый будет вбивать между ними клин, отчего в скором времени образуется брешь: целыми часами напролет Джулия будет теряться в догадках, где находится Валентина и чем занимается, а Валентина, поворачивая голову, будет видеть рядом с собой не Джулию, а своего парня, готового услышать то, что способна понять только Джулия.

Это была деликатная тема, их потаенная страна. Она требовала безусловной верности, а потому близнецы оставались непорочными — и ждали.

ЖЕМЧУЖИНЫ

Джулия появилась у дверей Мартина ровно в четыре; Валентина застеснялась и не пошла. Чуть свет к ним действительно явился штукатур, чтобы начать ремонт спальни, поэтому Джулия сочла, что и сама должна сдержать слово.

Она решила надеть джинсы и белую блузку. Когда Мартин открыл дверь, Джулия потеряла дар речи: он встретил ее в костюме и при галстук. На руках у него были латексные хирургические перчатки, которые делали его похожим на дворецкого из телесериала.

— Прошу, входите, — сказал он и повел ее через всю квартиру на кухню, где, как ни странно, оказалось вполне уютно, хотя окна были заклеены газетами. — Мы всегда едим здесь, — сообщил Мартин. — В столовой громоздятся коробки. — Он сказал это с таким выражением, будто сам недоумевал, откуда они там взялись.

— У вас есть семья? — Джулия не понимала, как можно выйти замуж за такого психа.

— Да, у меня жена и сын. Жена в Амстердаме, сын в Оксфорде.

— Понятно. У нее сейчас отпуск?

— Можно и так сказать. Я точно не знаю, когда она вернется, поэтому и затеял кое-какую перестановку на свой вкус. Сейчас как раз в процессе.

Стол был накрыт на троих. Джулия села поближе к двери черного хода, на случай бегства.

— Валентина не смогла прийти. Ее подташнивает, — сказала Джулия, почти не погрешив против истины.

— Как жаль. Ну ничего, в другой раз, — сказал Мартин.

Он был горд собой: ему удалось весьма оперативно накрыть приличный чайный стол. Сэндвичи с рыбным паштетом, огурчиком и кресс-салатом; кекс «Виктория». Он вытащил на свет фарфоровый сервиз, доставшийся от тещи, налил в кувшинчик молоко, положил в сахарницу кусочки рафинада. Получилось, по его мнению, вполне элегантно — не хуже, чем у Марики.

— Какой предпочитаете сорт чая? — спросил он.

— «Эрл Грей»?

Нажав на кнопку электрического чайника, он снял крышку с заварочного и бросил туда чайный пакетик.

— Не по правилам, но лень возиться.

— А как по правилам?

— Ну, прогреть чайник, взять нормальную заварку... Но, по мне, вкус один, а чаю я пью очень много, так что на ритуалы времени жалко.

— У нашей мамы тоже всегда чай в пакетиках, — заверила его Джулия.

— Значит, так тому и быть, — веско сказал Мартин.

Вода вскипела (вообще говоря, чайник закипал три-четыре раза — нужно было убедиться, что он работает), и Мартин заварил чай. Вскоре они уже прихлебывали его из чашек и ели сэндвичи. На Мартина снизошла благодать. Он и не догадывался, как много теряет от того, что питается в одиночку. Джулия заметила, что он сияет. «Может, он и псих, но не злобный».

— А скажите, мм, давно вы здесь живете? — поинтересовалась Джулия.

— Лет двадцать с небольшим. Когда поженились, сначала жили в Амстердаме, потом

перебрались в Сент-Джонс-Вуд. А эту квартиру купили перед рождением Тео.

— И вы всегда... сидели в четырех стенах?

Мартин покачал головой.

— Нет, это у меня ухудшение. Прежде я ходил на работу в Британский музей — делал переводы с древних и классических языков. А теперь базируюсь дома.

Джулия улыбнулась:

— Значит, теперь вам доставляют Розеттский камень⁴⁴ и прочие древности прямо на дом?

Не далее как на прошлой неделе близнецы побывали в Британском музее. Джулия вспомнила, как Валентина едва не разрыдалась над древним человеком из Линдоу.⁴⁵

— Нет-нет, сами артефакты почти никогда не требуются. Мне приносят зарисовки и фотографии — этого вполне достаточно. А теперь, когда все стало доступно в цифровом формате, дело еще больше упростилось. Думаю, настанет время, когда можно будет провести соответствующим предметом у сканера — и компьютер сразу исполнит перевод на мотив григорианских песнопений. Но до той поры переводом будут заниматься такие, как я. — Помолчав, Мартин застенчиво спросил: — Вы кроссворды решать любите?

— У нас не очень хорошо получается. Мама иногда решает из «Нью-Йорк таймс». Она и нас пыталась приучить, но мы только с понедельничными справляемся.

— Ваша тетушка Элспет была до них большой охотницей. Я ей к каждому дню рождения составлял особую криптограмму.

Джулия собиралась расспросить про Элспет, но поняла, что Мартин на самом-то деле хочет, чтобы она расспросила его о кроссвордах, и вежливо поинтересовалась:

— Вы составляете кроссворды?

— Совершенно верно. Для «Гардиан», — сказал Мартин, будто раскрасневшая личность супергероя.

По мере сил Джулия изобразила надлежащее восхищение:

— Вау! Нам и в голову не приходило, что кто-то специально занимается их составлением. Ну, печатаются в газете и печатаются, так ведь обычно думают?

— Это недооцененный вид искусства. — («Спроси ее — пусть расскажет о себе, ты же ей слова не даешь сказать».) — А вы чем занимаетесь?

— Трудно сказать. Мы еще в поиске.

Сделав небольшой глоток чаю, Мартин недоуменно посмотрел на Джулию:

— Вы говорите о своей персоне в первом лице множественного числа?

Джулия нахмурилась:

— Вовсе нет, я имею в виду нас с Валентиной. Мы еще не нашли такую профессию, которая нам обеим была бы по душе.

— Разве вам с нею обязательно посвящать себя одной и той же профессии?

— Да! — Джулия осеклась, вспомнив, что разговаривает не с Мышкой, а с чужим человеком. — То есть, мы хотим найти такое дело, которым можно заниматься вместе. Не исключено, что у нас будут немного разные, но смежные профессии.

⁴⁴ *Розеттский камень* (тж. Росеттский) — найденная вблизи небольшого египетского города Розетта (ныне Рашид) базальтовая плита с параллельным текстом на греческом и древнеегипетском (иероглифическим и демотическим письмом) языках, датируемая 196 г. до н. э. Дешифровка иероглифического текста Розеттского камня Ф. Шампольоном положила начало изучению древнеегипетской иероглифической письменности.

⁴⁵ *Человек из Линдоу* — выставленное в Британском музее мумифицированное тело человека, умершего в эпоху железного века; было обнаружено в торфяном болоте Линдоу-мосс в графстве Чешир. Журналисты дали ему прозвище Пит Марш (по созвучию с англ. *peat marsh* — «торфяное болото»). Одна из самых сенсационных археологических находок 1980-х гг. Исследования показали, что человек был оглушен ударом в голову и задушен, а затем брошен в болото; в желудке у него обнаружены остатки пыльца омылы — признак некоего религиозного обряда. На этом основании был сделан вывод о том, что у кельтов существовала практика человеческих жертвоприношений.

— И какие же устремления у каждой из вас?

— Ну, Валентина любит одежду. Любит перешивать вещи, понимаете? Например, она могла бы взять ваш костюм, сделать на спине разрез, посадить на корсет, добавить тюрнюр и всякое такое. Она вроде как раба Александра Маккуина.⁴⁶

Покосившись на нетронутый прибор, Джулия попыталась представить, чем сейчас занимается ее сестра; Мартин вообразил себя в тюрнюре и усмехнулся.

— А вы?

— Ну... Не знаю. Я люблю новое узнавать. Так, наверное.

С этими словами Джулия принялась разглядывать тарелку. По краю синела кайма из व्यонков. «Почему у меня такое ощущение, будто я на краю норы?»

— Еще чаю? — предложил Мартин.

Джулия кивнула. Он наполнил ее чашку.

— Вы еще очень молоды, верно? Мой сын тоже не решил, чем хочет заниматься. Учится на математическом, но без души. Думаю, в конце концов остановится на финансах, а в свободное время будет путешествовать во всякие экзотические уголки. Все его увлечения так или иначе сопряжены с опасностью.

— Например?

— Например, мотоцикл; вдобавок он, по-моему, занимается скалолазанием, но этого пока никто не подтвердил и не опроверг. Может, и к лучшему, что я не знаю.

— Беспокоитесь о нем?

Мартин рассмеялся. Ему давно не было так легко.

— Деточка, я беспокоюсь обо всем. Да, в особенности о Тео. Таков родительский удел. О Тео я тревожусь с момента зачатия. Наверное, ему от этого ни жарко ни холодно, но так уж я устроен.

Джулия вспомнила, как Мартин драил пол. «Ты как пес — вылизываешь одно и то же место».

— Значит, вы подсели на чистоту?

Откинувшись на спинку стула, Мартин сложил руки на груди.

— Вы очень проницательны. Да, это так.

Он в упор посмотрел на Джулию, она — на него. Между ними пробежала искра узнавания. «Он чокнутый, — подумала Джулия, — но я его понимаю. Может, он и не окончательный псих. Так, живет себе в прострации, как во сне».

— Итак, вы любите узнавать новое, — напомнил Мартин. — В какой области?

Джулия попыталась выразить это словами:

— В любой. Мне интересно, как устроены вещи, которые скрыты от глаз, — вот, например, в Британском музее мне очень понравилось, но еще лучше было бы пройти по кабинетам, по хранилищам, заглянуть во все шкафы и... сделать открытие. И о людях мне хочется все знать. Вы, наверное, сочтете это нахальством, но мне интересно, почему у вас всюду горы коробок, что в них спрятано, почему окна заклеены газетами и с каких пор, что вы чувствуете, когда занимаетесь мытьем, и почему не хотите себе помочь?

Не сводя глаз с Мартина, Джулия про себя думала: «Сейчас он меня выставит». Они долго — так ей показалось — сидели в неловком молчании. Наконец Мартин улыбнулся:

— Вы — типичная американка, верно?

— Это эвфемизм? Надо понимать «типичная грубиянка»? Да, я такая. Уж извините.

— Нет-нет, не извиняйтесь. Это я должен извиняться. Еще чайку?

— Спасибо, не надо. Если в меня влить еще кофеина, я и вовсе сорвусь с катушек. Наверное, это уже случилось, — сказала Джулия.

Мартин в очередной раз подлил себе чаю.

— Вас и в самом деле это интересует? — уточнил он. — Если я отвечу на все ваши

⁴⁶ Александр Маккуин (р. 1969) — британский модельер, прозванный «хулиганом английской моды».

вопросы, то потеряю свою загадочную ауру и вы больше не придете ко мне в гости.

— Почему же, приду. — («Ну и фрукт, никогда таких не встречала. Ты от меня так просто не отделаешься».)

Мартин открыл рот, но заколебался, а потом спросил:

— Вы курите?

— Курю, — ответила Джулия.

Мартин приободрился. Выйдя из-за стола, он вернулся с пачкой сигарет и зажигалкой. Вытряхнув из пачки одну сигарету, протянул ее Джулии. Она поднесла сигарету к губам, он щелкнул зажигалкой — и на Джулию накатила жуткая приступ кашля. Мартин вскочил и подал ей стакан воды. Отдышавшись, Джулия выдавила:

— Что это за дрянь?

— «Голуаз». Без фильтра — прошу прощения. Я не хотел вас убивать.

Она отдала ему зажженную сигарету.

— Курите сами, а я от вашего дыма буду кайф ловить.

Глубоко затянувшись, Мартин выпустил изо рта колечки дыма. Джулия подумала, что никогда в жизни не видела на чужой физиономии такого неприкрытого блаженства. Тут до нее дошло, чем он смог зацепить девушку, чтобы она согласилась стать его женой. Он просто-напросто смотрел на нее с таким выражением. На Джулию никто раньше так не смотрел. Она смутилась.

Мартин сказал:

— Любопытному на днях прищемили нос в дверях. — Он сделал еще одну затяжку.

— Это понятно. Но мне всегда кажется, что я просто лопну, если не узнаю — неважно что.

— Вам прямая дорога в науку.

Как зачарованная, Джулия следила за перышками дыма, которые вырывались у него изо рта при каждом слове. «Я-то думала, папа — заядлый курильщик, а этот тип ему даст сто очков вперед».

— Нет, я долго без движения сидеть не могу. Мне нужно прямо сейчас выяснить одно, потом другое.

— Тогда — в журналистику.

Джулия засомневалась:

— Возможно. А как же Валентина?

От нее не укрылось, что Мартин, прежде чем закурить, снял хирургические перчатки. Они лежали комом возле его блюда.

— Вам не кажется, что лучше было бы каждой найти свое собственное призвание?

— Но нас двое — мы все делаем вместе.

— Хм.

У Джулии возникло неприятное чувство, будто кто-то прокрался к Мартину до нее и выложил мнение Мышки.

— Что? — с обидой переспросила она.

— Жаль, что вам не довелось познакомиться с Элспет. Она бы поведала много интересного про то, что значит быть двойняшкой.

Джулия вся обратилась в слух:

— Например?

— Хотите кекса? — предложил Мартин; Джулия помотала головой. — А я, пожалуй, возьму кусочек. — Он аккуратно отрезал тонкий ломтик и положил себе на тарелку, но есть не стал, продолжая курить. — Элспет считала, что единение близнецов возможно только до определенной черты, за которой уже наступает утрата индивидуальности. Ей казалось, что они с вашей мамой переступили эту черту.

— Как это?

Мартин покачал головой:

— Она мне не сказала. Спросите у Роберта — если кому-то она и открылась, то ему

одному.

— У Роберта Фэншоу? Мы его даже не видели.

— Вот так раз. Мне казалось, он первым делом побежит с вами знакомиться. Странно, честное слово.

— Сколько раз мы к нему стучались — его вечно дома нет. Может, он в отъезде, — предположила Джулия.

— Да мы с ним утром виделись. Это он организовал у вас ремонт потолка. — Мартин усмехнулся. — Последними словами клял меня за эту протечку. — Загасив сигарету, Мартин аккуратно натянул перчатки.

— Ха. Интересное дело... Я хочу сказать, что он за человек?

Джулия выждала, пока он прожевал и проглотил маленький кусочек кекса.

— Если коротко, он был очень предан Элспет. По-моему, ее смерть выбила его из колеи. Но он славный малый и ко мне относится с пониманием, невзирая на все перипетии.

— А у вас еще... то есть нам готовиться к тому, что потолок так и будет все время рушиться?

Мартин пришел в замешательство.

— До вашего приезда такое случилось всего один раз. Всеми силами постараюсь этого больше не допускать.

— А это поддается контролю?

— Есть небольшая свобода маневра. Почти всегда.

От сигаретного дыма у Джулии закружилась голова.

— Можно мне в ванную?

— Конечно. — Мартин указал на кухонную каморку для прислуги. — Вот там.

Неуверенно поднявшись, Джулия протиснулась среди коробок. На дне ванны тоже лежали коробки. «Живет, как на складе». Она воспользовалась туалетом, плеснула в лицо водой и почувствовала себя лучше. Вернувшись на кухню, она спросила:

— А что в этих коробках? Можно подумать, вы только что переехали.

Мартин проявил терпение.

— Так и быть, мисс Пандора Пул. В знак особого расположения позволяю вам открыть заветный ящик.

— То есть любую коробку?

— Наверное, так. Я и сам не всегда могу припомнить, что где, поэтому выбор не играет роли.

Они вышли из-за стола. «Прямо как на Пасху, — подумала она. — Или на Рождество».

— Хотя бы подскажите.

— Нет, — сказал он. — Тут, по существу, ничего интересного.

Они перешли в столовую. Джулия запрокинула голову, разглядывая башню из коробок. Мартин предложил:

— Может, выберете из верхнего ряда? Чтобы остальные не переставлять.

По ее указке Мартин осторожно снял одну из коробок и передал ей в руки. Коробка, словно мумия, была обмотана клейкой лентой, и Мартину пришлось сходить за перочинным ножом. Джулия поставила коробку на пол, сама опустилась на колени и взрезала скотч. Когда она снимала крышку, Мартин отшатнулся, будто опасаясь взрыва.

В коробке оказались обрезки пластика. Вначале Джулия подумала, что больше ничего там нет, но, порывшись, обнаружила несколько мелких пакетов, обернутых в полиэтилен и заклеенных скотчем. Она вопросительно посмотрела на Мартина. Тот стоял в дверях, нервно дергая пальцы перчаток.

— Дальше нельзя? — спросила она.

— Почему же? Вскройте какой-нибудь пакетик.

Еще немного покопавшись в обрезках пластика, она вытащила совсем маленький сверток. Медленно развернула. И увидела сережку — одиночную жемчужину, изящно

оправленную в серебро.⁴⁷ Она протянула находку Мартину. Тот наклонился, чтобы рассмотреть поближе.

— Ах, — протянул он. — Это вещица Марики. Она потом заберет. — Он не стал выхватывать у нее сережку.

— Как, по-вашему, вторая серьга тоже здесь? — спросила Джулия.

Мартин кивнул. Джулия пошарила в коробке и нашла примерно такой же сверток. Зажав украшения в кулаке, она поднялась с колен. Подошла к Мартину и протянула ему руку. Он подставил сложенные ковшиком ладони в хирургических перчатках и принял у нее серьги. Вслед за тем она собрала обрезки пластика в ту же коробку и вернула ее на вершину башни. Видеть другие предметы ей расхотелось. Вернувшись на кухню, они неловко потоптались у стола. Мартин бережно опустил серьги в чашку, предназначенную для Валентины.

— Иногда какая-нибудь вещица становится... слишком значимой... приходится ее отделять и убирать подальше. — Мартин пожал плечами. — Вот что хранится в этих коробках — чувства. Только овеществленные. — Он посмотрел на Джулию, — Вы ведь именно это хотели узнать?

— Да. — Такой подход казался ей вполне разумным. — Спасибо вам.

— Еще вопросы есть?

Она уставилась в пол.

— Извините. Я не хотела... вы очень добры... — Она прикусила язык, чтобы не расплакаться.

— Что вы, что вы, все хорошо, деточка. — Мартин большим пальцем взял ее за подбородок, чтобы посмотреть ей в лицо. — Никаких обид.

Она заморгала.

— К чему такая печаль?

— Мне показалось, я и вправду как Пандора.

— Ничего подобного. Но теперь, наверное, вам пора домой.

— Можно мне еще когда-нибудь зайти? — Джулии приспичило выяснить это немедленно.

— Конечно, — сказал Мартин. — Это будет просто замечательно. Кстати, вы очень похожи на свою тетушку. Непременно заходите. В любое время, — добавил он.

— Хорошо, — сказала Джулия, — обязательно приду. Спасибо.

Сквозь штабеля коробок они пробрались к выходу. Мартин провожал Джулию взглядом, пока та, уменьшаясь в размерах, бежала вниз по лестнице. Прежде чем исчезнуть из виду, она задержалась и помахала. Он услышал, как этажом ниже открылась и захлопнулась дверь, как голос Джулии выкрикнул: «Ау, Мышь!» — и на этот зов ответил другой голос. «Господи», — пробормотал Мартин и притворил свою дверь.

ЭЛЕКТРИЧЕСКАЯ НАТУРА

Был унылый субботний вечер в середине февраля. В окна хлестал косой дождь; Элспет понадеялась, что он хотя бы частично сомет копоть с оконных стекол. Джулия с Валентиной ужинали перед телевизором. *Заработают себе авитаминоз*, сокрушалась Элспет, *зелени вообще не едят*. Сегодня они поглощали консервированный куриный суп и тосты с арахисовым маслом, запивая это нежирным молоком. Близнецы вечно приклеивались к телевизору (Джулия шутила: надо ведь как-то язык учить), но сегодня, видимо, был особый

⁴⁷ *И увидела сережку — одиночную жемчужину, изящно оправленную в серебро.* — Аллюзия к картине нидерландского художника Яна Вермеера Дельфтского «Девушка с жемчужной сережкой» (около 1657 г.) и роману современной американской писательницы Т. Шевалье «Девушка с жемчужной сережкой» (1999), в котором воспроизводится история создания картины в контексте семейной жизни художника. Роман был экранизирован П. Уэббером в 2003 г., роль главной героини исполнила Скарлетт Йоханссон.

случай. Показывали «Доктора Кто».

Над ними зависла Элспет: легла на живот и опустила подбородок на сложенные перед собой руки. *Неужели других передач нет?* Фантастику она презирала; с начала восьмидесятых не посмотрела ни одной серии «Доктора Кто». ⁴⁸*Да ладно, все лучше, чем ничего.* Она неотрывно смотрела на Джулию с Валентиной, а те неотрывно смотрели на экран. Медленно прихлебывая суп из фаянсовых кружек, они погрузились в происходящее. Элспет случайно скосила глаза и поймала тот миг, когда доктор Кто выходил из «Тардиса» и пробирался в неисправный космический корабль.

Кого я вижу — Дэвид Теннант! Элспет ринулась к телевизору и уселась на расстоянии вытянутой руки от экрана. На борту космического корабля доктор Кто и его спутники обнаружили французский камин восемнадцатого века. В очаге горел огонь. *Мне бы сюда камин,* размышляла Элспет. Чтобы обогреться, она неловко подбиралась к пламени газовой плиты — в тех редких случаях, когда близнецы что-нибудь готовили. Между тем доктор Кто, присев у камина, завел беседу с парижской девочкой из тысяча семьсот двадцать седьмого года, находившейся по другую сторону очага. *Как печально — сходить с ума по Дэвиду Теннанту после собственной смерти. Нелепая постановка, честное слово.* Девчушка оказалась будущей мадам де Помпадур. Механические андроиды, составлявшие экипаж космолета, хотели похитить ее мозг.

— Киберстимпанк или стимкиберпанк? ⁴⁹ — спросила Джулия.

Таких слов Элспет не знала. Валентина встрепенулась:

— Гляди, какая у нее прическа. Как думаешь, из наших волос такая получится?

— Это парик, — фыркнула Джулия.

Доктор считывал мысли мадам де Помпадур. Опустив руки ей на голову, он закрыл ладонями личико и осторожно зажал пальцами детские уши. *Надо же, какие длинные пальцы,* восхищалась Элспет. Она положила свою маленькую ладонь поверх руки Дэвида Теннанта. Экран оказался приятно теплым на ощупь. Элспет нажала сильнее, вдавив руку на дюйм внутрь.

— Фу ты, помехи какие-то, — заметила Валентина.

На тыльной стороне ладони доктора проступили темные очертания женской руки. Он отпустил мадам де Помпадур, но черная рука не исчезала. «Как ты это сделала?» — спрашивал доктор. Элспет решила, что он обращается к ней, но мадам де Помпадур уже начала отвечать. *Не иначе как я прожгла экран. А если щекой?* Она целиком протиснулась в телевизор и оказалась с другой стороны экрана. Внутри было чудесно: тепло, уютно. Но не прошло и пары секунд, как близнецы увидели, что экран погас. Телевизор сдох.

— Зараза, — рассердилась Джулия. — На вид совсем новый телик.

Поднявшись с дивана, она защелкала кнопками, но без толку.

— Может, на него гарантия есть? — предположила Валентина. — Интересно, где она его купила?

В магазине «Джон Льюис», припомнила Элспет, *но гарантия, по-моему, истекла.* Выбравшись из телевизора, она остановилась перед экраном в надежде, что он засветится. *Какое чудо — они меня увидели!* Во всяком случае, мою руку. Она ждала, что на экране вот-

⁴⁸ «Доктор Кто» — популярный научно-фантастический телесериал, выходит на канале Би-би-си с 1963 г.

⁴⁹ *Киберстимпанк или стимкиберпанк?* — Термин «стимпанк» (от англ. steam — «пар») возник во второй половине 1980-х гг. по аналогии с модным тогда киберпанком: в произведениях этого жанра моделируется альтернативный вариант развития человечества, при котором были в совершенстве освоены технология паровых машин и механика. Как правило, подразумевается стилизация под Англию XIX в. и эпоху раннего капитализма с характерным городским пейзажем и контрастным социальным расслоением. Типичные произведения раннего стимпанка — «Врата Анубиса» (1983) Тима Пауэрса, «Подземный левиафан» (1984) и «Гомункулус» (1987) Джеймса Блейлока, «Адские машины» (1987) К. У. Джетера. К предшественникам жанра относят и «Машину пространства» (1976) Кристофера Приста.

вот замелькает картинка, но он упрямо чернел перед ней. *Подумать только. Я устроила замыкание. Значит, во мне бежит электричество? А вообще говоря, из чего я сделана?* Она внимательно рассмотрела свои руки — на вид ничего особенного, руки как руки. Тогда Элспет подплыла к торшеру, что стоял в углу. Он был выключен. Ее пальцы нащупали патрон. Лампа начала слабо светиться. *Черт побери, вот это удача.* Элспет обернулась через плечо на близнецов, но те ничего не замечали.

— Может, попросимся к этому типу, к верхнему соседу — нам только досмотреть, — предложила Валентина, которая разрывалась между нежеланием знакомиться с Мартином и страстью к этому сериалу.

— Да у него, по-моему, и телика нет. Там такой бардак, что сразу не определишь.

Они в нерешительности смотрели друг на дружку.

— Давай хотя бы скрэббл⁵⁰ поищем.

Валентина встала; Джулия пошла из комнаты следом за ней. Элспет, не отпуская лампочку, явственно чувствовала разрядку напряжения. *Скрэббл в гостевой спальне — в платяном шкафу,* подумала она. Стоило ей отпустить лампочку, как свечение угасло. Она слышала, как близнецы роются у нее в кабинете. *Пора мне взяться за ум. Надо было читать большие книжки о призраках. У Ле Фаню⁵¹ и уже с ним наверняка нашла бы полезные сведения. Может, и в Википедии что-нибудь есть. Интересно, у меня получится включить компьютер? Нет, боюсь, испорчу.* Элспет опять пробралась в неисправный телевизор, еще хранивший тепло.

Что со мной творится? Совсем оупела — можно подумать, смерть подрезала мой ай-кью баллов на пятьдесят. Раньше я умела размышлять. А теперь болтаюсь в воздухе и ставлю опыты на предмет сущности бытия. И сама себя жалею.

Когда телевизор остыл, Элспет вылезла и устремилась в гостевую спальню. Шкаф был приоткрыт. На верхней полке, под коробкой с «монополией» и старой доской для криббиджа,⁵² виднелся комплект скрэббла. Забравшись на ту полку, Элспет обогнула игры сзади. И принялась толкать коробку. Но все напрасно: такая тяжесть оказалась ей не по силам. *Будь оно проклято.*

Она перенеслась в кабинет — посмотреть, чем заняты близнецы. Те, устроившись на полу, склонились над старым номером журнала «The Face».⁵³ Элспет потеряла терпение. *Что за пустышки! Сидите в квартире среди множества великолепных изданий — и кто же вас заинтересовал? Моррисси.⁵⁴*

— Прекрати, — сказала Валентина.

— В смысле?

— Прекрати на меня злиться. Я не виновата, что телик испортился.

— С чего мне злиться? — Джулия опустила журнал на пол и посмотрела на

⁵⁰ *Скрэббл* — настольная игра, в которую могут играть от двух до четырех человек, выкладывая на доске слова (по принципу кроссворда) из имеющихся у них фишек с буквами. Российский аналог — игра «Эрудит».

⁵¹ *Ле Фаню*, Шеридан (1814–1873) — ирландский писатель, автор готических и детективных романов.

⁵² *Криббидж* — настольная игра, сходная с нардами.

⁵³ «*The Face*» — популярнейший в свое время гляцевый журнал, известный как «библия моды восьмидесятых». Его основатель, Ник Логан, в 1970-е гг. работал в журнале «New Musical Express». Журнал «The Face» выходил с 1980 по 2004 г.

⁵⁴ *Моррисси*, Стивен Патрик (р. 1959) — музыкант и поэт, икона альтернативного рока Британии, солист группы *The Smiths*, вернувшей моду на гитарный рок. Родоначальник направления, известного как брит-поп. Пользуется скандальной репутацией; избегает общения с прессой. Свое отношение к публичной жизни сформулировал в двух фразах: «Я никого не люблю» и «Когда я общаюсь с людьми, я нервничаю».

Валентину. — Скучища, это правда, но злиться не на что.

— Правда? А мне вдруг показалось... что ты на меня сердишься.

— Ничего подобного.

— Ну и хорошо.

Они продолжили чтение. Элспет уселась в двух шагах и не сводила с них взгляда. Валентина подняла голову и недоуменно огляделась. Не заметив ничего особенного, она вернулась к журналу. Джулия перевернула страницу.

Ну, что ж, подумала Элспет, лед тронулся.

Тут Валентина сказала:

— Холодно здесь. Давай спать ложиться.

Джулия отложила журнал и щелкнула выключателем. Элспет, оставшись одна в темноте, слушала, как близнецы чистят зубы. Когда в квартире стало тихо, она подошла к своему письменному столу и дотронулась до лампы, ввернутой в настольный светильник. Лампа вспыхнула.

БЕЛОЧКИ

Уже не первый день Мартину слышались какие-то звуки на чердаке. Между его потолком и крышей что-то суеилось, постукивало, царапалось. Мартин вызвал Роберта. Роберт вызвал дератизатора, который представился Кевином.⁵⁵

Согласно договоренности, Кевин прибыл чуть свет в понедельник. Он оказался человеком необъятных габаритов, как в высоту, так и в ширину; весу в нем было не менее ста двадцати кило. Пока Мартин с Робертом вели его через затемненные помещения со штабелями коробок, он не проронил ни слова. Мартин ломал голову: как такая туша протиснется сквозь небольшой лаз в потолке гардеробной — другого пути на чердак не было.

Кевин потянул вниз складную стремянку, вынул фонарь и, ворча себе под нос, вдавился в квадратное отверстие. Роберт и Мартин слышали, как тяжелые сапоги грохочут от балки к балке. От одного вида открытого лаза Мартину стало дурно. Не ровен час, оттуда могла выскочить какая-нибудь тварь. Как пить дать, блохастая; да еще Кевин на себе принесет блох. Сколько можно копать на чердаке? Мартину сделалось совсем тошно. Роберт сказал:

— Чего тебе тут мучиться? Ступай в кабинет, покури. А я его подожду.

Мартин помотал головой. Сапоги теперь грохотали издалека: шаги кружили по периметру.

— Ты сам-то на чердак поднимался? — спросил Роберт.

— Марика поднималась, когда мы только сюда переехали. А потом крыша стала протекать, но ты вселился позднее. Там ведь только доски и рубероид, больше ничего. — Мартин думал лишь о том, как уговорить Кевина снять сапоги, прежде чем спускаться с крыши. «Это, конечно, вряд ли выйдет».

Шаги над головой стали приближаться; Кевин заполнил собой весь лаз и ступил на стремянку. Мартин вперился взглядом в его сапоги. Роберт спросил:

— Что-нибудь нашли?

— Ничего там нету, — сообщил Кевин. — Под стрехой все чисто.

— Вот так раз, — сказал Роберт. — Значит, они сверху бегают, а не под стрехой.

— Это да, это бывает.

Проводив его до садового крыльца, Роберт снова поднялся на третий этаж. Мартин

⁵⁵ Роберт вызвал дератизатора, который представился Кевином. — Аллюзия к прозвищу популярного американского теле- и радиоведущего Кевина Рэдича, известного как Kevin the Rat, т. е. Кевин Крыс (родился в год Крысы). Жена Рэдича, Ким Уандерли, также пользуется широкой известностью: она ведет рубрику дорожных происшествий на радио.

драил пол в гардеробной.

— Что скажешь? — спросил Роберт.

— Вопрос, конечно, интересный, — ответил Мартин.

— Мой дед так говорил.

Тут Мартин любопытствовал:

— Почему ты до сих пор не познакомился с племянками Элспет? Они здесь уже полтора месяца.

Прислонясь к дверному косяку, Роберт поразмыслил.

— Сам не знаю. Дел много. Зато я у них ремонт организовал. — Понаблюдав за действиями Мартина, он посоветовал: — Ты воды столько не лей, а то затопишь им гардеробную — все туфельки Элспет погибнут.

— Девочки прелестны. Точнее, одна из них. Другую еще не видел. А эта — в Элспет пошла.

— В каком смысле?

— Та же обезоруживающая прямота. Элспет, конечно, более тонко использовала это качество; Джулия, по-моему, слегка развязна. Но при всем том — милейшее создание. Бояться нечего.

Роберт невнятно фыркнул; Мартин профессионально перевел это как «слушай, отцепись».

— Насчет этих шумов. Ты уверен, что там живые твари? Я заметил, что самый большой дуб нависает прямо над крышей. Не вызвать ли нам садовника, чтобы ветви подпилить? Это в любом случае не повредит.

— Согласен.

У Мартина не было сомнений, что под крышей кишат паразиты, но он прекрасно понимал, что сейчас, после ухода крысобоя, который не обнаружил ничего подозрительного, ему лучше помалкивать. Мартин был убежден в существовании двух миров: вещественного и чувственного. Раньше он пытался втолковать это Роберту, но тот не проявлял понимания и всякий раз советовал ему подлечиться, да еще напускал на себя суровый, едва ли не заносчивый вид. Мартин приостановил работу, внимательно посмотрел себе под ноги и сверился со своими чувствами относительно этого пола. Позыв к чистоте был удовлетворен. Мартин выпрямился в полный рост, а потом подхватил ведро и щетку.

— Как продвигается диссертация? — осведомился он у Роберта.

— Прекрасно. Сегодня иду в Королевское медицинское общество. Надо помочь доктору Желлиффу — он пишет брошюру о врачах, похороненных на Хайгейтском кладбище.

— Надо же, как интересно, — мечтательно протянул Мартин.

Среди тех радостей, которых он был лишен в своем затворничестве, одно из первых мест занимало посещение самых обычных библиотек. Роберт открыл было рот, чтобы ответить, но передумал.

— Ну, привет доктору, — сказал Мартин. — И обязательно зайди познакомиться с близняшками.

Роберт загадочно улыбнулся:

— Обязательно. Прямо сейчас.

Выйдя от Мартина, он стал спускаться по лестнице. На площадке второго этажа задержался у двери, на которой сохранилась карточка Элспет. Его рука уже поднялась, чтобы постучать, но тут же опустилась, и он пошел к себе.

ПРИМРОУЗ-ХИЛЛ

День был пасмурный, холодный. Пахло дождем. Джулия с Валентиной брели вверх по

Примроуз-Хилл.⁵⁶ Они закутались, чтобы не простыть, и разругались от ходьбы в горку. Джулия на ходу заглядывала в «Суперминисловарь британского сленга», купленный в «Оксфаме».

— «Пузодер», — вычитала Джулия.

Валентина задумалась.

— Что-то из еды. Пирог с мясом и почками?

— Нет, пирог с мясом и почками так и будет «пирог с мясом и почками».

— Ну, рагу какое-нибудь.

— «Блюдо из остатков отварной капусты и картофеля, обжаренных на сковороде», — прочла Джулия. — А вот еще: «порожняк».

— «Ерунда, пустой разговор».

— Отлично. «Эттапять» нашей Мышке. Теперь ты меня поспрашивай. — Джулия передала книжечку Валентине.

Они поднялись на вершину холма. Под ними, как на ладони, простирался Лондон. Им было невдомек, что в годы Второй мировой войны как раз на этом месте нередко останавливался Уинстон Черчилль, обдумывая стратегические планы. Близняшек разочаровала панорама города. Вот в Чикаго действительно был обалденный вид: поднимаешься на башню Центра Джона Хэнкока⁵⁷ — и голова кружится, повсюду небоскребы, огромное озеро. А с Примроуз-Хилл виднелся по-февральски унылый Риджентс-парк в окружении нескончаемых приземистых домишек.

— Холодно, блин, — сказала Джулия, запрыгав на месте и обхватив себя за плечи.

Валентина нахмурилась.

— Не говори «блин». Это ругательство.

— О'кей. Здесь весьма прохладно. Колотун. Холодрыга чертова.

Джулия пустилась в пляс. Она кружилась, подпрыгивала и раскачивалась из стороны в сторону. Валентина, сложив руки на груди, следила за ее ужимками. Сестра то и дело на нее натыкалась.

— Давай, Мышь. — Джулия потянула Валентину за варежку.

Взявшись за руки, они стали отплясывать тустеп, но через пару минут Валентина выдохлась. Она уперлась руками в коленки и захрипела.

— Тебе плохо? — встревожилась Джулия.

Валентина покачала головой, и у нее слетела шапочка.

Джулия подняла ее и натянула Валентине на голову. Вскоре Валентина отдышалась. Джулия подумала, что могла бы десять раз сбегать по этой горке вверх-вниз и не выбиться из сил, как Валентина после двухминутного танца.

— Получше стало?

— Ага. — Они пошли вниз. Ветер, как по заказу, прекратился. Валентина почувствовала, что стеснение в груди отпустило, — Надо узнать, как тут вызывают врача.

— Ага.

Некоторое время они шагали молча и думали об одном и том же: «Мы обещали маме сразу же найти врача, не дожидаясь, пока у Валентины начнется приступ. Но мы тут всего полтора месяца, это считается „сразу“. И потом, если спуститься с Хайгейтского холма, внизу есть больница; случись что — обратимся в отделение скорой помощи. Но у нас даже страховки нет, так что все равно придется маме с папой сказать. А как подступиться к Национальной службе здравоохранения? Может, адвокат тети Элспет посоветует».

⁵⁶ *Примроуз-Хилл* — один из наиболее уважаемых районов Лондона, отделяющий центр британской столицы от пригородов. Расположен на холме высотой примерно 78 м. С 1842 г., согласно решению правительства, является общедоступным местом отдыха. На Примроуз-Хилл сохранилась застройка Викторианской эпохи.

⁵⁷ *Центр Джона Хэнкока* — 100-этажный небоскреб в Чикаго.

— Надо позвонить мистеру Рошу, — выпалили они хором и рассмеялись.

Джулия сказала:

— Вот невезуха.

— Мне уже лучше, — отозвалась Валентина.

В этот миг у нее — не в первый раз за последнее время — возникло такое ощущение, будто за ней следят. Нельзя сказать, что оно ее не покидало: на вершине холма она ничего такого не чувствовала. Валентина огляделась по сторонам: на улице никого не было, только молодая женщина с коляской, в которой спал ребенок. Равнодушные узкие фасады смотрели занавешенными окнами. Близнецы спустились по ступенькам к Риджентс-каналу; вода была спокойной, по берегам тянулись широкие дорожки. Дома виделись отсюда в странном ракурсе: они нависали где-то сверху, образуя прозрачную улицу. С неба то и дело падали холодные, тяжелые капли дождя. Валентина все время оглядывалась. Откуда-то появился мальчишка-подросток на велосипеде; он проехал мимо, не удостоив их взглядом. Но кто-то шел с ними в ногу по нависающей улице. Валентина слышала хруст гравия.

От Джулии не укрылось ее волнение.

— В чем дело?

— Сама знаешь.

Джулия собиралась повторить то же самое, что твердила ей днями напролет: «Не сходи с ума, Мышь». Но вдруг она тоже услышала эти шаги. И подняла голову. Ничего особенного: стена, перила, домишки. Она остановилась, Валентина тоже. Шаги скрежетали: *раз, два, три, четыре*, потом прекратились. У воды любой звук усиливался, но теперь усилилось отсутствие всяких звуков, и только канал лизал свои бетонные бока. Джулия и Валентина стояли лицом друг к другу и прислушивались, склонив головы набок. Они выжидали — и шаги выжидали точно так же. Близнецы развернулись и заспешили в обратную сторону. Шаги помедлили, а затем продолжили свой путь, стихая по мере удаления.

Сестры вернулись к ступенькам. Поднялись на улицу. Вдалеке они увидели торопливо удаляющуюся мужскую фигуру в длинном пальто. Валентина помрачнела. Джулия предложила:

— Хочешь, вернемся домой?

«Хочу, но не в том смысле».

— Нет, не хочу, — сказала Валентина вслух. В квартире ей становилось просто невыносимо. — Давай сходим в Музей Виктории и Альберта, посмотрим наряды королевы Каролины.⁵⁸

— Давай, — согласилась Джулия.

Они остановились: Джулия сверялась с путеводителем. Валентина была начеку, но теперь их оставили в покое.

Элспет почувствовала, что стоит на пороге открытия. Ее мысли давно занимала призрачность. *Существует равновесие между эстетикой и практической стороной дела. Я постоянно суежилась, пытаюсь делать то, что делают живые, возилась с предметами и так далее. Но ведь я способна делать то, что живым не под силу: могу летать, проходить сквозь стены, задуть телевизор. Я — не то чтобы материя; значит, я — энергия.* Теперь Элспет сокрушалась, что в свое время считала ворон на уроках физики. Ее познания в области естественных наук были почерпнуты из телевикторин и кроссвордов. *Если я — энергия, какой отсюда вывод?* Она не понимала, почему Валентина ощущает ее присутствие, а Джулия — нет. Но Элспет действовала с удвоенной силой: в квартире следовала за Валентиной по пятам, включала и выключала свет. Валентина жаловалась Джулии на старую проводку и беспокоилась, как бы в доме не случился пожар. В отсутствие

⁵⁸ ...посмотрим наряды королевы Каролины. — Королева Каролина (1768–1821) — урожденная Каролина фон Брауншвейг-Люнебург, жена короля Георга IV, известная своими вольными нравами.

близнецов Элспет придумывала себе упражнения: отбросить тень, поднять в воздух листок с рецептами из магазина «Теско» (ни с тем ни с другим она не справлялась).

Ее воображение рисовало великолепную картину: *Сброшу с полки все книги, разобью окна, сяду за рояль и буду наяривать «Кленовый лист»*.⁵⁹ Но ее сил не хватало даже на то, чтобы извлечь один-единственный звук. Она ходила по клавишам рояля, что есть мочи топая желтыми ботинками «доктор Мартенс». Клавиши проседали на пару миллиметров; ей начинал мерещиться шепот струн, но в действительности до этого не доходило. Куда лучше подчинялись ей двери: если петли были хорошо смазаны, она могла навалиться и толкать изо всех сил — дверь закрывалась.

А значит, нужно было продолжать. *Если бы я столько тренировалась при жизни, смогла бы поднять «мини-купер»*. Результат достигался медленно, но верно. Самое зримое воздействие оказывали взгляды в упор, направленные на Валентину.

Валентину это нервировало. Она, видимо, улавливала все настроения Элспет. Но даже если Элспет лучилась радостью и улыбками, Валентина поживалась. Начиная озираться, вставала, разминалась, откладывала книгу, переходила с чашкой чая в другую комнату. Порой Элспет увязывалась за ней, порой отставала. Справедливости ради Элспет пыталась смотреть в упор и на Джулию, но та и бровью не вела.

Как-то утром Элспет зашла в столовую, когда двойняшки завтракали. Валентина как раз объясняла:

— ...Ну, не знаю, это... типа... привидение, что ли; понимаешь, какое-то чужое присутствие. Словно рядом кто-то есть. — Она обвела взглядом залитую утренним солнцем комнату. — Вот и сейчас появилось. А минуту назад не было.

Джулия покорно склонила голову набок и замерла, пытаясь услышать привидение. Но потом сдалась, покачала головой и бросила:

— Не-а.

Сделай что-нибудь, приказала себе Элспет. Ее порадовало, когда Валентина произнесла слово «привидение». Элспет зашла за спинку кресла Джулии, нависла сверху и обвила руками ее плечи, дотянувшись пальцами до области сердца. Джулия, негромко охнув, пробормотала:

— Мамочки!

Элспет ее отпустила, и Джулия съежилась в ознобе.

— Что такое? — забеспокоилась Валентина.

— Сквозняком потянуло. Неужели не чувствуешь?

Покачав головой, Валентина ответила:

— Это и есть привидение.

Элспет пробежала пальцами вверх по руке Валентины. Обнять ее, как Джулию, она не решалась — у Валентины могло не выдержать сердце. Валентина потеряла руку:

— И правда, немного дует.

Обе замерли в ожидании. *Сейчас — или никогда*. Элспет оглядела комнату в поисках чего-нибудь легкого. Ей удалось слегка качнуть чайную ложку, лежащую у Валентины на блюдечке. Близнецы это заметили; они переглянулись и опять уставились на ложку. Элспет зажгла настенный светильник. Но комнату освещало солнце, и близнецы этого не оценили, поэтому Элспет снова занялась ложкой.

— Что скажешь? — спросила Валентина.

— Откуда я знаю? — ответила Джулия. — Сама-то как думаешь? — («Не буду ее доставать».)

— Что-то странное творится.

— Призраки?

⁵⁹ «Кленовый лист» («Рэг кленового листа») — одно из самых известных произведений американского композитора и пианиста Скотта Джоплина (1868–1917), «короля рэгтайма».

Валентина пожала плечами. Элспет пришла в восторг: *Это нас сближает.*

— Они радуются, — сказала Валентина.

— С чего ты взяла? — спросила Джулия.

— Потому что меня вдруг охватила радость, хотя на самом деле мне совсем не радостно. Это пришло как бы снаружи.

— Во всяком случае, призрак у нас не злобный. Не то что в «Полтергейсте»⁶⁰ — помнишь, там дом перенесся на кладбище, — сказала Джулия, в сомнении глядя на Валентину.

— По-твоему, это прилетело с кладбища? — Валентине представилось, как липко-прозрачный сгусток мертвечины карабкается по кладбищенской стене, перепрыгивает на их сторону и лезет в квартиру. — Фу. — Она вскочила, готовясь бежать.

— Это уж слишком, — сказала Джулия. — Пошли гулять. — Она видела, что Мышь опять чудит; ей двигаться нужно, пешком ходить.

Валентина выговорила:

— Мы уходим, призрак. Сделай одолжение, не увязывайся за нами, я этого терпеть не могу.

О чем ты говоришь? Я же никогда не выхожу из квартиры. Элспет проследила, как близнецы оделись, и пошла за ними к выходу. Валентина с некоторой враждебностью в голосе бросила: «Счастливо оставаться, призрак» — и захлопнула дверь прямо перед носом Элспет. Та постаралась не обижаться.

КОТЕНОК СМЕРТИ⁶¹

Следующим вечером начался снегопад. Валентина и Джулия осторожно ступали по обледенелой дорожке, что вела от Саут-Гроув к «Вотреверсу». Снегу намело всего с полдюйма, но они вышли из дому в кожаных туфельках на гладкой подошве, а дорожка шла круто вниз, ухватиться было не за что, и спуск оказался делом рискованным. Они размышляли вслух, кто обязан скалывать лед — соседи или они сами. Стена церкви Святого Михаила накрывала дорожку тенью. В небе светила полная луна, и Хайгейт-Вилледж превратилась в сверкающую волшебную страну. Джулия курила. Рыжий огонек сигареты плыл у нее перед носом, подпрыгивая от каждого шага. Валентина кипела: теперь в постели будет разить табаком, а наутро Джулия обдаст ее дурным запахом изо рта. Но она стиснула зубы. У Валентины было подозрение, что, скажи она хоть слово, Джулия вообще будет дымить круглые сутки — просто ей назло. Тут Джулия затянулась поглубже, раскашлялась и поневоле остановилась. Валентина смотрела мимо ее сотрясающейся от кашля фигурки — и в этот миг ей на глаза попало маленькое белое существо, карабкавшееся сквозь заросли плюща по церковной стене. Величиной оно было с белочку, но Валентина не слышала, чтобы в Лондоне водились белки-альбиносы. Ей померещилось привидение, и горло сдавил ужас. Зверек добрался почти до самого верха и вроде как завис в воздухе, будто остановленный

⁶⁰ «Полтергейст» (1982) — популярный фильм ужасов, поставленный Тоубом Хупером по сценарию Стивена Спилберга.

⁶¹ *Котенок Смерти* — прозвище, под которым в США известен призрак в обличье черного котенка, якобы обитающий в подвалах Капитолия. Другое его прозвище — Демон-Кот (*англ.* Demon Cat, сокращенно — DC, по созвучию с сокращенным наименованием округа Колумбия, где расположены правительственные здания). По слухам, сначала он предстает перед людьми в виде маленького безобидного существа, но если подойти ближе, вырастает в черного рычащего зверя величиной с тигра. Котенок Смерти, как принято считать, является людям перед различными потрясениями: слухи о его появлении ходили, в частности, перед кризисом 1929 г., который привел к Великой депрессии, а также перед убийством Джона Ф. Кеннеди. Местом его постоянного обитания считается подвальное помещение, называемое «Крипта» (*англ.* Crypt). Помимо этого, образ летающего черного котенка, спутника смерти, использован в японском шестисерийном анимэ «Момо, маленькая богиня смерти» (2006).

взглядом. Джулия откашлялась и распрямила плечи.

— Гляди, — прошептала Валентина, указывая пальцем на стену.

Белое существо взобралось наверх, его силуэт четко обозначился в лунном свете, и близнецы поняли, что это кот — правда, совсем маленький, еще котенок. Он потянулся и сел, презрительно взирая на них сверху вниз. На верхней кромке пятиметровой стены котенок выглядел несоразмерно крошечным.

— Ничего себе, — вырвалось у Джулии. — Разве кошки на такое способны? Они же не обезьяны.

Валентине вспомнился белый тигр, которого она когда-то видела в цирке. Зверь мягко опускал лапу на плечо дрессировщика, словно приглашая его к танцу. А еще тот тигр ходил по канату, натянутому в трех метрах над ареной.

— Это Вечный Кот, — выговорила Валентина. — Как по-твоему, он живет на кладбище?

— Нет, это Котенок Смерти, — объявила Джулия. — Привет, Котенок Смерти!

Она позвала «кис-кис-кис», как обычно подзывают кошек, но котенок съежился и исчез за стеной. С той стороны до их слуха донесся шорох плюща.

Придя домой, Валентина выставила на балкон столовой старую треснувшую чашку, полную молока, и блюдечко консервированного тунца. Джулия заметила это лишь на следующее утро, за завтраком.

— Это еще зачем?

— Для Котенка Смерти. Хочу его приманить.

Джулия вытаращила глаза:

— Ты скорее енота приманишь. А то и лисицу.

— Они по стенам не лазают.

— Енот куда хочешь залезет, — возразила Джулия, жуя подсушенный хлеб с маслом.

За целый день тунец и молоко привлекли разве что пару любопытных птиц. Валентина не раз проскальзывала на балкон, но до ужина чашка с блюдцем оставались нетронутыми.

— Только муравьев разведешь, — фыркала Джулия.

— Сейчас зима. У муравьев спячка, — отвечала Валентина.

Ближе к ночи она вылила молоко в раковину и заново наполнила чашку; тунца тоже заменила свежим. Вернув чашку и блюдце на балкон, она легла спать.

Наутро, распахнув застекленную балконную дверь, Валентина произвела осмотр. К ее радости, кто-то полакомился угощением: тунец был слизан полностью, а молока осталась ровно половина. Спеша управиться до пробуждения Джулии, Валентина убрала на балконе. Поздно вечером она опять выставила на балкон чашку и блюдце, погасила свет и уселась на пол в столовой.

До ее слуха доносились перемещения Джулии. Сначала та просто двигалась: раздевалась, мыла лицо, чистила зубы. Потом заматалась по квартире в поисках Валентины.

— Мышь?

Шаги Джулии застучали по коридору и остановились в прихожей.

— Мышка?

Валентина затаилась, будто играла в прятки. Джулия зашагала обратно по коридору и оказалась у дверей столовой. «Теплее, теплее».

— Мышь! Ты где? — Распахнув дверь, она увидела Валентину, сидящую у балкона в озерце лунного света. «Горячо». — Ты что тут делаешь?

— Ш-ш-ш. Котенка жду, — прошептала Валентина.

— А-а... Можно и мне с тобой?

Валентина не поняла, как такое может быть: шепот Джулии производил больше шума, чем ровный голос.

— Давай, — ответила она. — Только тихо.

Близнецы теперь сидели бок о бок. Часов у них не было. А время шло.

Растянувшись на полу, Джулия вскоре уснула. В комнате было холодно, на полу — еще

холоднее. На ночь Джулия переделалась в тренировочные штаны и джемпер с картинкой группы *Wilco*, украденный ею у Люка Бреннера, парня, по которому она сходила с ума в старших классах. Лежать ей было неудобно, и Валентина подумала, что надо бы принести для нее одеяло и подушку. Сама Валентина была полностью одета, но все равно руки, ноги и кончик носа нещадно мерзли. Горячий чай был бы очень кстати. Валентина встала и вышла.

Вернувшись с чаем, охапкой подушек и парой одеял, она увидела, что Джулия не спит. При появлении Валентины она приложила палец к губам. В комнате слышалось шуршанье, будто что-то живое ползло сквозь ворох сухой листвы. Валентина так и осела на пол вместе с подушками, бесшумно поставив перед собою чай. Она втянула полную грудь воздуха и впиалась глазами в чашку и блюдечко. Джулия заулыбалась и тоже устремила взгляд на чашку и блюдечко. Она обожала, когда Валентина сгорала от нетерпения.

Джулия покосилась на сестру, которая поблескивала глазами в полутьме. В тот день Валентина не стала мыть голову, и ее волосы, свисавшие сосульками, выглядели темнее обычного.

Шорох приблизился, затем прекратился. Близнецы замерли. Повисла пауза, а потом белый котенок спланировал со стены прямо к ним на балкон.

У него было махонькое, тощее тельце, ребра торчали наружу. Зато ушки оказались огромными, как у летучих мышей. Короткая шерстка свалаялась. Однако в его облике не было ничего жалкого — наоборот, он излучал решимость. И ничего сверхъестественного в нем тоже не было. С деловитым видом он сразу побежал к блюду и стал заглатывать рыбу. Близнецы заметили, что бока у него ходят ходуном. Валентина вспомнила, как на побережье Флориды видела выброшенную на берег медузу. Котенок был таким худым, что ей померещилось, будто у него просвечивают все внутренности. Оказалось, это кошечка. Валентина сидела как замороженная.

Насытившись, кошечка стала умываться. Изредка она поглядывала на близнецов (точнее, в их сторону: Валентина была далеко не уверена, что их видно, потому что луна скрылась за облаками). Вскоре она спрыгнула с балкона и зашуршала прочь.

Джулия протянула руку, и Валентина хлопнула ее по ладони.

— Классно, Мышка. Хочешь ее прикормить?

Валентина улыбнулась.

— Я возьму ее в дом. Ты ахнуть не успеешь, как она будет в ошейнике сидеть у меня на коленках.

— А тебе не кажется, что она слегка... диковата? Наверняка к чистоте не приучена.

Валентина стрельнула глазами на сестру:

— Она еще маленькая. Приучим.

Эта сцена повторялась изо дня в день. Валентина сбегала в супермаркет «Сейнсбери», где купила кошачий корм и кювету. Каждый вечер она поджидала Котенка Смерти. Садилась на удалении от балконной двери и просто смотрела, что будет. На шестую ночь она оставила приоткрытой дверь и попыталась заманить кошечку внутрь, но только отпугнула. Пришлось все начинать сначала. Животное и вправду было диким и не поддавалось на эти уловки.

— Пора бы ей уже сидеть у тебя на коленках, — съязвила Джулия.

— Ты сама хоть что-нибудь сделай, — обиделась Валентина.

Джулия призадумалась и в тот же вечер принесла в столовую катушку ниток из шкатулки для рукоделия, оставшейся от Элспет. Дождавшись, пока котенок утолит голод, она выкатила катушку на балкон. Котенок насторожился. Джулия дернула за нитку. Котенок осторожно вытянул лапку. Вскоре он уже прыжками носился по балкону. Но как только Джулия втянула катушку через порог, котенок поднял голову, заметил человеческое присутствие — и стрелой сиганул с балкона в заросли плюща.

— Молодец, постаралась, — сказала Валентина.

Втайне она злорадствовала, что у Джулии тоже не вышло заманить кошечку в квартиру, но теперь ей так хотелось приручить этого дикого зверька, что все остальное не имело почти никакого значения.

В конечном счете ни Валентине, ни Джулии не удалось привлечь Котенка Смерти в дом. Как-то в четверг, уже в конце февраля, Валентина выложила в плошку кошачий корм и с подносом в руках приблизилась к балконному порогу; до ее слуха донесся легкий топоток и шорох плюща. Из приоткрытой двери тянуло холодом. На балконе резвился и скакал Котенок. Катушка дергалась и прыгала, повинувшись невидимой руке: то дрожала прямо перед кошачьим носом, то улетала в другой конец балкона, то оказывалась в острых зубках. Валентина остолбенела. Зазывно покачиваясь, катушка остановилась между порогом и створкой двери. Котенок топтался в нерешительности. А потом изготовился и прыгнул. Не рассчитав силы, он влетел в комнату. Дверь закрылась.

Валентина и Котенок, в равной мере изумленные, уставились друг на друга. И опомнились в одно и то же мгновение. Валентина опустила поднос на пол. Котенок, скользя по паркету, заметался в поисках лазейки. Валентина поспешно затворила дверь столовой и прислонилась к ней спиной.

— Это кто же к нам пришел? — заговорила она. — Это кто у нас такой?

Катушка замерла на полу. Замерла вся комната, и только Котенок, сбившись с ног, распластался на паркете и пополз под оттоманку. Валентина слушала или, точнее, ощущала комнату всем своим телом, пытаясь понять, есть ли там кто-нибудь еще. Но ее била дрожь, и она не могла уловить ничего, кроме холода и кошачьего страха. Со стороны коридора кто-то стал ломиться в дверь. У Валентины подкосились ноги.

— Мышка?

Это была всего лишь Джулия. Валентина выдохнула и слегка приоткрыла дверь.

— Заходи быстрее, — шепнула она.

Джулия протиснулась в столовую и поспешно захлопнула дверь.

— Неужели ты ее поймала? — просияла Джулия.

— Нет, — выдавила Валентина. — Ее поймало привидение.

Она приготовилась к издевкам, но от Джулии не укрылось, что сестру и без того трясет. Джулия щелкнула выключателем, и в комнату пролился мягкий свет люстры.

— Присядь-ка, — сказала Джулия, пододвигая ей изящный стул из обеденного гарнитура, и Валентина послушно села. Джулия огляделась. — Если привидение такое ловкое, где же кошечка?

— Под оттоманкой.

Опустившись на четвереньки, Джулия с осторожностью приподняла бахрому. Прямо перед ней стоял дикий зверь, который скалился и шипел, сверкая зелеными глазами.

— Нет, это без меня, — бросила она.

Валентина улыбнулась.

— Проголодается — и вылезет; ты рыбу подвинь поближе.

Джулия так и сделала.

— Эй, — вспомнила она, — а как привидение-то исхитрилось?

Она сочла за лучшее притвориться, будто тоже верит в чудеса. Ей было даже приятно думать, что от призрака может быть хоть какая-то польза.

— Точно так же, как и ты, только кошечка его не видела, вбежала в комнату, а привидение тут же захлопнуло дверь.

— Выходит, привидение за нами следит? — У Джулии по спине почему-то побежали мурашки. — Иначе как бы оно узнало, что мы хотим заманить кошечку в дом? А катушка у тебя была на балконе или в шкатулке?

— Нет, она тут была.

— Так-так.

Джулия стала расхаживать по комнате, заложив руки за спину. Валентине вспомнился фильм про Шерлока Холмса, который они в детстве сто раз смотрели по девятому каналу. Холмс без конца мерил шагами комнату. Валентина ждала, что Джулия вот-вот скажет: «Элементарно, Ватсон». Но Джулия села на пол и хмуро уставилась на оттоманку.

— Как думаешь, призрак еще тут?

Валентина огляделась. Спрятаться было особенно негде: из мебели в столовой имелось лишь самое необходимое.

— Кажется, тут, — выговорила она. — Но призрак — это, скорее, ощущение, — по крайней мере, до сегодняшнего дня так было. Я ведь его в глаза не видела. А сейчас уже и не чувствую.

Элспет стояла на краю обеденного стола. На ней было голубое шифоновое платье для коктейля, туфли на шпильках и чулки в сеточку. Ей доставляло удовольствие ходить по гладкой столешнице, не оставляя следов. А еще она страшно гордилась, что изловила кошечку, да еще на глазах у Валентины. *Вот так-то! Ай да я! Пусть попробуют теперь сказать, что они в меня не верят.*

Под оттоманкой Котенок Смерти кипел от злости. Рыба стояла совсем близко, но нельзя же было утолять голод на глазах у врага. Через некоторое время Джулия, устав таращиться на оттоманку, пошла спать. Валентина принесла в столовую кошачью кювету, надеясь, что Котенок не станет гадить на пол. Она выключила свет и тоже ушла в спальню. Элспет запаслась терпением и осталась сидеть на столе.

— Кис-кис-кис, — звала она, понимая, что Котенок ее не слышит.

Через полчаса тишины Котенок выбрался из-под оттоманки, повертел головой и начал бродить по комнате, ища выход. Элспет спрыгнула со стола и пересела на оттоманку. Дождавшись, когда Котенок уймется и примется за еду, она стала его гладить. Он не почувствовал.

ЭКСКУРСИЯ ПО ХАЙГЕЙТСКОМУ КЛАДБИЩУ

В начале марта, прохладным воскресным днем, Джессика стояла перед воротами Восточного некрополя, оценивая посетителей, собравшихся у главного входа на западной стороне. Группа была ничем не примечательная: американская пара в устрашающих кроссовках, вооруженная серьезными фотокамерами; скромный лысеющий человек с биноклем; трое молодых японцев в бейсболках и мешковатых джинсах; мамаша с коляской обтекаемой формы и толстяк с необъятным рюкзаком за спиной, пружинисто и энергично вышагивавший туда-обратно.

По Суэйнз-лейн пронесся черный фургон. На борту золотыми буквами, как на цирковых афишах, было написано одно слово: «БЕЗРАССУДСТВО».

«Вот уж действительно», — подумала Джессика и посмотрела на часы. Без четверти три. Она оглянулась на свою добровольную помощницу, милую пухленькую американку Кейт, беседующую с владельцами могил о недавнем ремонте стены Восточного некрополя. Снова переведя взгляд на группу, собравшуюся у входа, Джессика заметила, что к экскурсантам присоединились две девушки, одетые во все белое. Взявшись за руки, они стояли поодаль. На них были белые фуфайки с меховой опушкой по капюшонам, белые мини-юбки, леггингсы и сапожки. Белые вязаные шапочки почти сливались с волосами. Девушки стояли к Джессике спиной, но ей и не требовалось видеть лица, чтобы распознать в них близнецов. «Какие душеньки». У нее сразу возникли вопросы: не смутит ли их кладбищенская слякоть и сколько им лет — уж не меньше ли шестнадцати?

Стоя у ворот, Джулия и Валентина переминались с ноги на ногу и дрожали от холода. Джулия не понимала, куда все запропастились: поблизости не наблюдалось никакого движения. За сторожевой будкой виднелся широкий двор, обнесенный полукругом колоннады. Кто-то невидимый говорил по радиотелефону. По другую сторону дороги находилась вторая половина кладбища, с могилой Карла Маркса, — более открытая, больше похожая на типичное американское кладбище. В путеводителе говорилось, что Западный некрополь интереснее, но туда пускают только с экскурсией. Окна квартиры близнецов как раз выходили на Западный некрополь.

Джессика перешла на другую сторону Суэйнз-лейн, прошагала сквозь группу собравшихся и отперла массивные ворота. Ее одежда была выдержана в фиолетовых и

розовато-лиловых тонах, а на голове красовалось пленившее Валентину фетровое сооружение с широкими полями и развесистым черным пером, прихваченным лентой. Валентина и Джулия поначалу решили, что перед ними титулованная особа, возможно, какая-нибудь герцогиня, которая прибыла на кладбище для торжественного разрезания ленточки или посещения родственной могилы, но задержалась, чтобы оказать добровольную помощь. Это впечатление не сразу развеялось и после того, как она заговорила.

— Входите же, дорогие мои. Все прочли объявление? Хорошо. Весь багаж оставьте, пожалуйста, в конторе. К величайшему сожалению, дети младше восьмилетнего возраста на территорию Западного некрополя не допускаются. Фотосъемка разрешена только для личных целей. Сюда, пожалуйста; будьте любезны занять места перед Памятником жертвам Второй мировой войны, который находится вон там, в дальнем конце двора, и мы тотчас же к вам присоединимся.

Близнецы послушно уселись на скамейку и стали ждать.

Роберт вышел из конторы с билетным ящичком, мысленно пытаясь разгадать одно слово из кроссворда, к которому только что привлек его Джеймс. Он присоединился к Джессике, и они вместе прошли через двор. При виде близнецов у него подвело живот. Ощущение это напомнило ему страх сцены; впрочем, он быстро понял, что это чувство вины.

— С них плату не бери, — сказал он Джессике.

— Это еще почему?

— У них здесь родственная могила.

— Быть такого не мо... Ой, — спохватилась она, присмотревшись внимательнее. — Понимаю. — Они шли не останавливаясь. — А ты-то как, справишься? Или попросим Кейт взять эту группу?

— Ни в коем случае. Рано или поздно мне все равно придется с ними познакомиться.

Близнецы следили за их приближением. Джулия толкнула локтем Валентину.

— Это не тот ли хмырь, который к тебе приставал в метро? — шепнула она.

Валентина кивнула. Она смотрела, как Роберт отрывает билеты, а Джессика получает по пять фунтов с человека. Близнецы сидели с краю, в конце шеренги скамеек. Рассчитавшись с четой американцев, Джессика закрыла ящичек и подмигнула близнецам. Джулия протянула ей десять фунтов, но Джессика с улыбкой покачала головой. Американка бросила в их сторону неприязненный взгляд. Джулия сжала Валентине руку.

— Добро пожаловать на Хайгейтское кладбище, — провозгласила Джессика. — Роберт будет вашим гидом. Он — из когорты самых знающих экскурсоводов, специалист по Викторианской эпохе; в настоящее время пишет диссертацию об этом кладбище. Вся наша работа проводится на основе добровольного участия: ежегодно мы должны собирать более трехсот пятидесяти тысяч фунтов, просто чтобы не закрывать кладбище. — Джессика флиртowała со слушателями, поигрывая зеленой коробкой. — По окончании экскурсии вы увидите у ворот нашего волонтера с этой коробочкой, и любая оказанная вами помощь будет неоценимой.

Роберт увидел, что экскурсанты неловко заерзали. Пожелав им приятной экскурсии, Джессика удалилась в контору. Ее охватил взволнованный трепет. С чего бы это? Стоя у окна конторы, она наблюдала за тем, как Роберт собирает группу перед лестницей Колоннады. Он поднялся на две ступени и обратился к экскурсантам, глядя сверху вниз и выразительно жестикулируя. С того места, где находилась группа, можно было видеть только зеленые заросли и эту лестницу. «Девчушки как две капли воды похожи на Элспет. Поразительная штука — жизнь. Надеюсь, Роберт не ударит в грязь лицом. Он, правда, слегка побледнел».

Роберт старался отогнать ненужные мысли. Ему казалось, он наблюдает за собой со стороны, как бы разделившись на двух Робертов, один из которых преспокойно ведет экскурсию, а второй немеет от нервного напряжения, не в силах сообразить, что сказать близнецам. «Черт побери, тебе же не семнадцать лет. Ты ведь не обязан с ними заговаривать».

Они сами заговорят с тобой. Жди».

— В начале девятнадцатого века, — начал Роберт, — лондонские кладбища были неимоверно переполнены. Обычай кладбищенского захоронения существовал сотни лет. В город стекались люди: шла промышленная революция, заводам и фабрикам требовалась рабочая сила. Хоронить покойных было уже негде, но люди все равно умирали. На рубеже девятнадцатого века население Лондона достигло миллиона человек, а к середине столетия превысило два миллиона. Церковные погосты не могли угнаться за неумолимой поступью смерти. Кроме того, от них исходила угроза здоровью людей. Грунтовые воды подвергались заражению, вспыхивали эпидемии тифа и холеры. Из-за плотности захоронений приходилось даже извлекать трупы, чтобы освободить место для новых могил. Если вы читали в школе Диккенса, то поймете, о чем я говорю: из земли торчали локти, а расхитители могил воровали покойников для продажи медицинским училищам. Это было вопиюще. В тысяча восемьсот тридцать втором году парламент принял закон об учреждении частных, коммерческих кладбищ. В течение последующих девяти лет было открыто семь кладбищ, расположенных кольцом по тогдашней периферии города. Их прозвали «великолепной семеркой»: Кензал-Грин, Уэст-Норвуд, Хайгейт, Нанхед, Бромптон, Эбни-Парк и Тауэр-Хэмлетс. Кладбище Хайгейт было открыто в тысяча восемьсот тридцать девятом году и стало самым желанным местом захоронения в Лондоне. Давайте поднимемся по лестнице, и вы увидите этому подтверждение.

Близнецы, державшиеся сзади, при подъеме видели только чужие ноги. Когда они оказались наверху, Роберт уже стоял в окружении группы. Им открылось плотное скопление больших покосившихся надгробий, на которые наступали деревья и кустарники. На Валентину вдруг нахлынуло отчетливое чувство узнавания. «Я здесь бывала!.. Но не взаправду; может, во сне видела?» Над их головами покружила ворона, которая, устремившись через двор, опустилась на конек крыши двух часовен. Валентина подумала: «Каково это — по-хозяйски летать над кладбищем; какие мысли закрадываются в воронью голову? Странно ведь — мало того, что людей закапывают в землю, так еще и каменной плитой сверху придавливают». Ей пришло в голову, что не каждому хочется быть зарытым вместе с другими.

Роберт продолжал:

— Мы стоим на вершине Колоннады. Посмотрите, пожалуйста, в сторону часовен, вот туда, откуда мы пришли: там две часовни — англиканская и диссентерская, уникальным образом соединенные в одном здании. Мы с вами находимся в Западном некрополе, первоначальной части Хайгейтского кладбища. Он занимает семнадцать акров, два из которых отведены диссентерам, то есть баптистам, пресвитерианцам, сандеманианцам и другим протестантским сектам. К тысяча восемьсот пятьдесят четвертому году Хайгейтское кладбище приобрело такую популярность, что потребовалось его расширить, поэтому Лондонская похоронная компания купила двадцать акров земли по другую сторону Суэйнз-лейн для создания Восточного некрополя. В связи с этим возникла одна трудность. Каким образом после отпевания в англиканской часовне можно было доставить гроб в Восточный некрополь, не выходя за пределы освященной территории? Освятить Суэйнз-лейн было невозможно, поэтому на помощь пришла типично викторианская изобретательность: под улицей прорыли подземный ход. В конце службы пневматический лифт опускал гроб в туннель, там его принимали носильщики и доставляли на другую сторону, где он возносился на поверхность в восточной части кладбища, трогательным образом наводя на мысль о Воскресении Христовом.

Джулия подумала: «Лопается от самодовольства, как будто сам все это изобрел». Поежившись от какого-то уныния, холода и сырости, она скосила глаза на Валентину: та с восторгом внимала каждому слову гида.

Роберт обвел взглядом экскурсантов. Многие уже нацелили фотоаппараты и хотели двигаться дальше. Он поймал на себе взгляд Валентины и повернулся к ближайшей могиле.

— Здесь покоится Джеймс Уильям Селби, который в свое время был знаменитым

извозчиком. Он любил ездить с ветерком и не боялся непогоды. Кнут и рожок — символы его профессии, а перевернутые подковы говорят нам, что удача не вечна. В тысяча восемьдесят восьмом году Селби принял пари, что доедет от Лондона до Брайтона менее чем за восемь часов. Доехал за семь часов пятьдесят минут, сменив семь упряжек лошадей. Он выиграл тысячу фунтов, но через пять месяцев скончался. Мы полагаем, что выигрыш его, возможно, и был истрачен на создание этого прекрасного памятника. Будьте осторожны на аллее — она сегодня в скверном состоянии.

Роберт повернулся и стал подниматься в горку. Ему было слышно, как следом тянутся экскурсанты. Каменистую аллею порядком развезло, изрыло корягами и выбоинами. Фотоаппараты щелкали у него за спиной, как насекомые в компьютерной игре. Желудок у него крутило, как маслобойкой. «Что, если я оставлю их всех в зоне отдыха, а сам отойду в кусты и суну два пальца в рот?» Но Роберт мужественно шагал дальше. Он показал им могилу в готическом стиле с пустым каменным стулом, означающим, что хозяин ушел и никогда больше не вернется. Потом они подошли к гробнице сэра Лофтуса Отвея,⁶² огромному семейному мавзолею, некогда имевшему большие окна верхнего света:

— ...Через них можно было посмотреть вниз и увидеть фобы. Эти стекла, подчеркну, использовались не для того, чтобы подглядывать: в Викторианскую эпоху многие люди не допускали мысли, что их закопают на шесть футов, поэтому здесь можно увидеть большое количество наземных захоронений...

Он рассказал им о добровольной организации «Друзья Хайгейтского кладбища», усилиями которой был спасен Хайгейт.

— Перед Первой мировой войной в штате кладбища состояло двадцать восемь садовников. Здесь было чисто, просторно и благостно. Но все дееспособные мужчины ушли на войну, и прошлого было уже не вернуть. Территория стала зарастать, места для новых могил не осталось, финансирование было прекращено... и в семьдесят пятом году Западный некрополь закрыли для посещения, оставив его фактически на откуп сатанистам, безумцам, вандалам, Джонни Роттену...

— А кто это? — поинтересовался один из молодых японцев.

— Вокалист *Sex Pistols*, жил когда-то неподалеку, в районе Финчли-Парк. Итак, вы, очевидно, заметили, что кладбище окружено, так сказать, шикарными районами; их население не могло мириться с осквернением могил и наплывом нежелательных элементов. Местные жители объединились и выкупили кладбище Хайгейт за пятьдесят фунтов. Затем они постарались привести его в надлежащий вид. С этой целью была разработана система, которую сами они называли «управляемое запустение». Этот термин надо понимать в прямом смысле: здесь не пытались наводить полный порядок и воссоздавать то, что было сделано в правление королевы Виктории. Те, кто ухаживает за кладбищем, не скрывают разрушительного воздействия времени и природы, но и не дают этому процессу заходить так далеко, чтобы он стал опасным. В каком-то смысле это музей, но одновременно и действующее христианское кладбище.

Роберт взглянул на часы. Нужно было как-то поторопить группу — Джессика только вчера прочла ему нотацию на тему: «Своевременное завершение экскурсии».

— Сюда, пожалуйста.

Он повел их в более быстром темпе в зону отдыха, затем начал рассказывать историю Элизабет Сиддал Россетти. Как всегда, Роберту пришлось бороться с искушением рассказать группе все, что известно ему самому; на это потребовались бы не одни сутки, туристы свалились бы с ног от усталости и голода. «Они хотят получить общее впечатление. Не утомляй их лишними подробностями». Роберт подвел группу к одному из своих любимых мест: к надгробью с барельефом, изображающим плакальщицу — женщину, сидящую ночью

⁶² Сэр Лофтус Отвей (1781–1855) — генерал кавалерии, был виднейшим командующим британских вооруженных сил.

у гроба.

— До изобретения современного медицинского оборудования людям нелегко было определить, действительно ли человек мертв. Казалось бы, смерть — штука явная, но история знает немало случаев, когда покойник привставал, садился и возвращался к жизни, так что многие викторианцы просто содрогались при мысли, что их могут заживо похоронить. Будучи людьми практичными, они пытались найти решение этой проблемы. Для этого было придумано устройство с колокольчиками на шнурах, которые уходили под землю, в гроб, чтобы в случае пробуждения погребенный мог дергать за шнур, призывая на помощь. Правда, у нас нет сведений, что кого-то спасли благодаря такому приспособлению. Зато в завещаниях встречались странные пункты: например, чтобы покойника обезглавили во избежание нежелательного возвращения к жизни.

— А как насчет вампиров?

— Что насчет вампиров?

— Говорят, на этом кладбище жил вампир.

— Нет. Была кучка жаждущих внимания глупцов, которые утверждали, будто видели вампира. Впрочем, существует мнение, что писателя Брэма Стокера⁶³ вдохновила на создание Дракулы эксгумация, проведенная здесь, в Хайгейте.

Валентина и Джулия тянулись в хвосте группы. Они воспринимали происходящее совершенно по-разному. Джулии хотелось оставить группу и побродить без понукания. Она терпеть не могла лекций и лекторов, а Роберт раздражал ее до зуда. «Тебе лишь бы молоть языком. Валяй дальше!» Валентина слушала рассказ Роберта вполуха, потому что с той минуты, когда он был представлен экскурсантам, у нее в голове крутилось: «Ты — Роберт Фэншоу, любовник Элспет. Вот почему ты нас узнал». Ей становилось не по себе при мысли о том, что он, скорее всего, наблюдал за ними и раньше, без их ведома. «Нужно сказать Джулии. — Валентина мельком посмотрела на Джулию. — Нет, лучше потом. Она не в духе».

Свернув на боковую дорожку, Роберт повел их дальше, вверх по склону, остановился у входа на Египетскую аллею. Там он подождал, пока подтянется американская пара: они то и дело отставали, потому что пытались сфотографировать абсолютно все. «Не получится, ребята: здесь пятьдесят две тысячи могил». Один из японцев сказал: «Вау!» Он растянул это слово, так что получилось «вааауууу». Роберту нравилась театральность Египетской аллеи: она напоминала декорации для оперы «Аида».

— Кладбище Хайгейт не только выполняло функции христианского кладбища, но и являлось деловым предприятием. Для того чтобы оставаться подобающим последним приютом для видных усопших викторианцев, ему необходимо было иметь то, без чего не бывает престижного района: красивый вид. В конце тридцатых годов, когда открылось кладбище Хайгейт, в обществе существовала мода на все египетское, поэтому здесь и возникла Египетская аллея. Ее вход оформлен в подражание луксорскому храму.⁶⁴ Первоначально он был цветным, да и сама аллея не была такой темной и мрачной. Она была открыта небу, над ней не нависали, как сейчас, кроны деревьев... В склепах на этой аллее помещаются от восьми до десяти покойных. Внутри устроены полки для фобов. Обратите внимание на опущенные вниз факелы; замочные скважины тоже перевернуты. В нижней части дверей сделаны отверстия для выхода газов.

— Газов? — переспросил тихий мужчина с биноклем.

— При разложении трупов выделяются газы. Раньше внутрь ставили свечи, чтобы газы

⁶³ Брэм Стокер (1847–1912) — ирландский театральный критик и писатель, автор романа «Дракула» (1897).

⁶⁴ Ее вход оформлен в подражание луксорскому храму. — Луксор — южный район города Фивы, где находится всемирно известный храм, построенный по приказу фараона Аменхотепа III (правил в 1390–1333 г. до н. э.) на берегу Нила.

выгорали. Ночью это выглядело, наверное, жутковато.

Они прошли всю Египетскую аллею и остановились на другом конце; близнецы даже на ярком солнце прижимались друг к другу, чтобы согреться. Роберт посмотрел на них и вдруг вспомнил, как почти на том же месте стояла Элспет, запрокинув голову и подставив лицо солнцу. «Эх вы...» Он запнулся. Все ждали, когда он продолжит рассказ. «Не смотри на них. Не думай о ней». Роберт на какой-то миг уставился в землю, а потом взял себя в руки.

— Мы стоим в Ливанском круге. Это был самый привилегированный участок на всем кладбище. Он получил свое название от огромного ливанского кедра, который высится над мавзолеями. Сейчас дереву примерно триста лет, но даже во время основания Хайгейта оно, наверное, выглядело внушительно. Земля эта первоначально находилась во владении епископа Лондонского. Когда начали обустройства Ливанский круг, вокруг этого дерева была произведена вырубка; кедр стоит на тогдашнем нулевом уровне. Только представьте, чего стоило срыть такой слой земли с помощью техники тысяча восемьсот тридцатого года. Вначале сделали внутренний круг, и он оказался столь популярен, что двадцать лет спустя начали строить внешний. Здесь можно проследить, как менялась мода в архитектуре: от египетского стиля до неоготики.

Роберт провел их сквозь круг. «Легче не становится». Он посмотрел на часы и решил пропустить несколько могил.

— Это мавзолей Мейбел-Вероники Бэттен⁶⁵ и ее возлюбленной, Рэдклифф-Холл... Здесь у нас колумбарий. Название происходит от латинского *columba*, что означает «голубка»: первоначально так назывались ячейки, где держали голубей. Пройдите, пожалуйста, за мной вверх по ступеням... Сюда. Вот могила Джорджа Вумвелла,⁶⁶ хозяина знаменитого зверинца. Вначале у него были только два удава, приобретенные у некоего матроса...

Роберт пропустил миссис Генри Вуд,⁶⁷ псевдоегипетскую гробницу семьи Картеров⁶⁸ и могилу Адама Ворта⁶⁹ и провел посетителей по вершине Круга, чтобы они могли полюбоваться видом церкви Святого Михаила. Потом он попросил их остановиться между Террасными катакомбами и огромной гробницей семейства Бир. Близнецы поняли, что перед ними тот самый мавзолей, который виден из окна их спальни. Они отошли назад, чтобы

⁶⁵ Мейбел-Вероника Бэттен (1856–1916) — английская певица и светская красавица.

⁶⁶ Джордж Вумвелл (1777–1850) — хозяин знаменитого в Викторианскую эпоху передвижного зверинца, занимавшего в переездах 15 железнодорожных вагонов. Вумвелл был известен как оборотистый делец. Однажды он был приглашен ко двору принца Альберта, чтобы установить причину гибели собак принца. На вопрос, что бы он хотел получить в награду за свои услуги, Вумвелл ответил: «Что можно дать человеку, у которого есть все?» Тогда принц Альберт подарил ему дубовый гроб, который Вумвелл стал показывать на ярмарках вместе со своим зверинцем, но за отдельную плату. Над могилой Вумвелла на Хайгейтском кладбище установлена статуя его любимца, льва Нерона. Джордж Вумвелл упоминается в одном из рассказов А. Конан-Дойля.

⁶⁷ Миссис Генри Вуд (урожд. Эллен Прайс, 1814–1887) — английская писательница, автор назидательного романа-мелодрамы «Ист-Линн» (1861), который был переведен на многие языки мира и лег в основу одноименной пьесы. Его сюжет нередко повторяется в любовных романах. В 1867 г. стала владелицей и главным редактором журнала «Аргоси».

⁶⁸ ...псевдоегипетскую гробницу семьи Картеров... — Говард Картер (1873–1939) — знаменитый английский археолог и египтолог, открывший гробницу Тутанхамона. Говард был младшим из восьми детей Сэмюэля и Марты Картер.

⁶⁹ Адам Ворт, т.ж. Уорт (1844–1902) — американский преступник немецкого происхождения. Вращался в высшем свете. Получил прозвище «Наполеон преступного мира». Похоронен на Хайгейтском кладбище в нищенской могиле под именем Генри Дж. Реймонда. По признанию А. Конан-Дойля, Адам Ворт послужил прототипом профессора Мориарти.

посмотреть поверх Катакомб, но смогли увидеть только окна Мартина — их собственные были не видны.

— Юлиус Бир был немецкий еврей, который приехал в Лондон без гроша в кармане и сделал состояние на фондовой бирже...

Валентине пришло в голову, что она никогда по-настоящему не думала о смерти. Дома, в Лейк-Форесте, было просторное и аккуратное кладбище. Там, на скромном участке под одинаковыми плитами из розового гранита, покоились родители Джека. Близнецы никогда не видели своих дедушек и бабушек. «Мы вообще не знали никого, кто умер. Трудно представить, что меня — или Джулии — может не быть на свете». Горло сдавил спазм: то ли от одиночества, то ли от тоски по дому. Валентина наблюдала за Робертом. Он ее игнорировал, намеренно уделяя все свое внимание мужчине с биноклем. «Он знал Элспет. Жил с ней. Он мог бы нам о ней рассказать».

— ... Юлиусу Бире не удалось обеспечить себе положение в высшем свете, поскольку он был не только иностранцем и евреем, но и нуворишем, а не наследником фамильного состояния. Поэтому он возвел этот огромный мавзолей на самом видном месте. Если вам случится прогуливаться по крыше Террасных катакомб, что любили делать в воскресные дни викторианские дамы, то мавзолей Бира будет загораживать панораму.

Валентине пришла на ум зеленая дверь у них на заднем дворе. Она вообразила, как они с Джулией, в кринолинах, дефилируют над сотнями гниющих тел, лежащих в темных, жутких катакомбах. «Эти викторианцы, конечно, умели придумывать себе развлечения».

Роберт провел их по дорожкам мимо участка диссентеров; он показал им могилу Томаса Сейерса, на которой терпеливо несет вахту его каменный пес Лев, но пропустил сэра Роуланда Хилла, создателя Единой пенниевой почты.⁷⁰ Мимо семейного мавзолея Ноблинов он прошел без комментариев. А через пятьдесят метров, повернувшись к экскурсантам, чтобы продолжить рассказ, увидел, что потерял Джулию и Валентину. Взявшись под руки, они совещались перед Ноблинами. Роберт оставил группу у могилы Томаса Чарльза Дрюса⁷¹ и поспешил назад, к близнецам.

— Хэлло, — выдавил он.

Они замерли, как кролики перед удавом.

— Вы Роберт Фэншоу, верно?

Джулия не поверила своим ушам. «Что?»

У Роберта засосало под ложечкой.

— Да. Совершенно правильно.

Валентина и Роберт обменялись взглядами, смысл которых остался для Джулии загадкой.

— Давайте поговорим после экскурсии, хорошо? — сказал он, повел их назад, к группе, и занял место перед экскурсантами.

Он скомкал рассказ об эксгумации Томаса Чарльза Дрюса, ни словом не упомянул Элизу Бэрроу, жертву убийства,⁷² и даже Чарльза Крафта и его знаменитого собачьего шоу.⁷³ Дойдя до Элизабет Джексон⁷⁴ и Стефана Гири,⁷⁵ он уже взял себя в руки, после чего

⁷⁰ ...сэра Роуланда Хилла, создателя Единой пенниевой почты. — Роулэнд Хилл (1795–1879) — британский учитель и социальный реформатор, сделавший почту доступной массам за счет введения единого почтового сбора с помощью марки достоинством в один пенни на письмо внутри Британии и из Британии в Ирландию.

⁷¹ Томас Чарльз Дрюс — торговец с Бейкер-стрит, умерший в 1864 г. Потомки, надеявшиеся на наследство, утверждали, что Дрюс был на самом деле герцогом Портлендским, который якобы вел двойную жизнь. В 1907 г. потребовалась эксгумация тела, и было доказано, что в могиле покоится именно Дрюс.

⁷² ...Элизу Бэрроу, жертву убийства... — Элиза Бэрроу была отравлена в 1907 г. хозяином снимаемой ею квартиры, которому доверила управление своими денежными делами.

⁷³ ...Чарльза Крафта и его знаменитого собачьего шоу. — Чарльз Альфред Крафт (1852–1938) —

стал подгонять группу к выходу по Черенковой аллее. У ворот их ожидала Джессика с зеленой коробкой в руках.

— Я сейчас пройду назад с близнецами — покажу им могилу, — сказал ей Роберт.

Он втайне надеялся, что Джессика не разрешит, но она лишь улыбнулась и махнула рукой в сторону захоронений.

— Не задерживайся, — сказала Джессика. — Ты же знаешь, мы сегодня не в полном составе.

Когда Роберт шел к Валентине и Джулии, он увидел их в обрамлении арки над ступенями Колоннады, — две белые статуи, светящиеся на темном фоне. Ему показалось неслучайным, что он встречается с ними именно здесь.

— Ну, что ж, пошли, — сказал он.

С настороженным любопытством они последовали за ним. Ведя их по ступеням и дорожкам, он чувствовал на себе их взгляды. Близнецы испытывали все большую неловкость: во время экскурсии Роберт Фэншоу казался говорливым и услужливым, а сейчас будто язык проглотил. Молчание нарушали звуки самого кладбища: скрежет гравия у них под сапожками, шепот и завывание ветра в кронах деревьев. Птицы, машины. У Роберта хлопали фалды пальто, и Валентина вспомнила удаляющуюся фигуру, которую видела тогда, у канала. Ей стало страшно. «Никто не знает, что мы здесь». Потом она вспомнила герцогиню, оставшуюся у ворот, и успокоилась. Они подошли к мавзолею Ноблинов.

— Итак, — заговорил Роберт и тут же узрел в этом нелепую пародию на самого себя, экскурсовода по Хайгейтскому кладбищу, — это фамильный склеп. Он принадлежит вам, и вы можете приходить сюда, когда пожелаете, в часы работы кладбища. Мы оформим для вас пропуск как для родственников. Ключ найдете в столе у Элспет.

— Ключ от чего? — спросила Джулия.

— От этой двери. Кроме того, у вас есть ключ от двери между нашим задним двориком и кладбищем — правда, администрация кладбища просит ею не пользоваться.

— А вы пользуетесь?

— Нет. — У него екнуло сердце.

— Мы о вас все время думали, — сказала Валентина. — Удивлялись, почему нам никак не встретиться. Решили, что вы, наверное, в отъезде или...

— Мартин сказал, что это не так, — вклинилась Джулия.

— Поэтому мы растерялись: ведь мистер Рош говорил, что вы нам поможете...

Валентина подняла взгляд на Роберта, но тот, уставившись под ноги, долго молчал.

— Простите, — только и сказал он.

Он не мог заставить себя посмотреть в глаза двойняшкам, и они прониклись к нему жалостью, хотя обе затруднились бы объяснить причину. Джулия была поражена, что этот человек — совсем недавно сверх меры многословный, жаждущий рассказать им о кладбище столько, сколько никому никогда не понадобится, — сделался вдруг безмолвным и несчастным. Волосы упали ему на лицо, весь он как-то сжался. А Валентина подумала: «Он просто очень застенчивый — робеет перед нами». Поскольку Валентина и сама была застенчива, да еще постоянно терпела насмешки бойкой сестры; поскольку она никогда не видела, чтобы внешне обычный человек вдруг проявил такую неуверенность в себе; поскольку в этом зрелище было что-то глубоко личное и, наконец, поскольку присутствие Джулии придавало ей смелости, Валентина шагнула к Роберту и положила руку ему на

британский бизнесмен, основавший «Собачье шоу Крафта».

⁷⁴ *Элизабет Джексон* — женщина, зверски убитая и расчлененная 4 июня 1889 г. в Лондоне. Убийца не был найден. Высказывались предположения, что она стала одной из жертв пресловутого Джека-потрошителя.

⁷⁵ *Стефан Гири* (1797–1854) — британский архитектор и предприниматель, один из проектировщиков Хайгейтского кладбища: по его проекту создавались Египетская аллея и Готические катакомбы.

локоть. Роберт посмотрел на нее поверх очков.

— Ничего страшного, — сказала она.

Он безотчетно почувствовал, что к нему вернулось нечто утраченное.

— Спасибо, — ответил он.

Произнес он это тихо, но с таким напряжением всех чувств, что Валентина тотчас влюбилась, хотя сама того не понимала, потому что ей не с чем было сравнивать. Они могли бы стоять так до бесконечности, но Джулия сказала:

— А-а... может, пойдем назад?

И Роберт ответил:

— Да-да, я обещал Джессике не задерживаться.

Валентине показалось, что мир на мгновение остановился. Теперь вращение Земли продолжилось, и они пошли бок о бок по Колоннадной аллее.

Джулия задала Роберту вопрос о его диссертации, и ответ растянулся на весь путь до кладбищенских ворот. Когда они проходили мимо конторы, из дверей выпорхнула Джессика — Роберт догадался, что она их поджидала. Взяв близняшек за руки, она произнесла:

— Элспет была нам всем очень дорога. Чудесно, что мы наконец с вами познакомились. Надеюсь, вы часто будете сюда приходить.

— Обязательно, — сказала Джулия.

Ее привлекала возможность побывать за кулисами, посмотреть, что делается на кладбище после ухода экскурсантов. Валентина встретила глазами с Джессикой и улыбнулась. Роберт, стоя чуть позади Джессики, не сводил с них глаз.

— До свидания, — сказала Валентина, когда они с Джулией выскользнули за ворота.

На лице Валентины Роберт прочитал нечто, вызвавшее у него тревогу: отражение его собственных чувств. Он понял это, но предпочел не углубляться.

— До свидания, дорогие мои, — сказала Джессика.

Повернув ключ в замке, она стала смотреть вслед близнецам, идущим по Суэйнз-лейн. «К чему так волноваться? — упрекнула она себя. — Они прелестные девочки». Роберт скрылся в конторе. Она застала его за подсчетом мелочи, которую он складывал в пластиковые мешочки.

— Как прошло? — спросила она его.

— Все отлично, — сказал он, не глядя на Джессику.

Она собиралась расспросить его подробнее, но в это время по радиотелефону прохрипел запрос Кейт: у Восточного входа закончились билеты. Джессика схватила книжечку билетов и оставила Роберта наедине с его мыслями. Остаток того воскресного дня вобрал в себя потоки экскурсантов с гидами, подсчет корешков билетов и закрытие конторы. О Роберте она не вспоминала до тех пор, пока не столкнулась с ним у Западных ворот, которые нужно было запереть.

Фил и некоторые из гидов помоложе направлялись вверх по холму, чтобы выпить по пинте пива в баре «Гейт-хаус».

— Может, присоединишься? — спросил Фил у Роберта.

— Нет, — ответил Роберт.

Пиво было бы очень кстати, но поддерживать беседу не было желания. Ему хотелось прокрутить в голове вторую половину дня, пережить ее заново, совсем по-другому, и прийти к каким-то иным выводам.

— Нет, мне что-то нездоровится. — Он повернулся и зашагал прочь, встревожив остальных своим внезапным уходом.

— Что его гложет? — спросила Кейт у Джессики.

Джессика покачала головой.

— У нашего Роберта никогда толком не узнаешь, — ответила она. — Возможно, это из-за Элспет.

Все согласились, что да, возможно, из-за Элспет. Они поднялись в горку, зашли в «Гейтхаус» и немного посудачили о Роберте, но вскоре эта тема себя исчерпала и разговор

перешел к вещам более злободневным: какие странности наблюдались у сегодняшних экскурсантов и кто больше знает малоизвестных кладбищенских историй. Кейт предложила подбросить Джессику домой, и они единодушно решили, что с Робертом определенно не все в порядке и что причиной всему Элспет. Поставив на этом точку, они обсудили назначенные на понедельник похороны.

Роберт пришел домой и, прихватив стакан, бутылку виски и ключ от зеленой двери, вернулся на кладбище. Далеко он не пошел, а просто сел под стеной и налил себе виски. Так он просидел до темноты, безучастно глядя на вершину мавзолея Бира. Потом нетвердым шагом вернулся к себе и лег спать.

ДЫХАНИЕ

Шли дни, но ничего не происходило. Джулия с Валентиной пытались приручить кошечку, соблазняя ее вкусной едой и шариками из алюминиевой фольги, и подолгу беседовали с ней, пока она скептически глядела из-под стула. Когда близнецы уходили гулять или отправлялись в постель, Элспет с нею играла, радуясь хоть какой-то компании, даром что это был злобный белый котенок. Со временем дикарка успокоилась, и ее стали выпускать в другие комнаты. Изредка она разрешала себя погладить. К негодованию Элспет, острые коготки изодрали переплет «хогартовского» издания «К маяку»⁷⁶ и спинку кожаного дивана. Валентина была в восторге от успехов своей подопечной и ожидала, что вскоре наступит, как она сказала Джулии, «полное кошачье блаженство».

Роберта близнецы так и не увидели, хотя нередко слышали, как он принимает душ или смотрит телевизор. Он окопался у себя в квартире и корпел над главой, посвященной Хайгейтскому кладбищу как природному заповеднику. Правда, на кладбище он бывал ежедневно и записывал поучительные сведения о флоре и фауне, почерпнутые от Джессики и Молли. Они таскали его по аллеям, тыкали пальцами в скромные полевые цветы, которые упорно не желали расцветать, сыпали латинскими терминами, сокрушались над засильем сорняков, предавались воспоминаниям о былой ухоженности кладбища и умилялись при виде редких паучков. Теряясь от своего невежества, Роберт едва поспевал за своими престарелыми наставницами, когда те устремлялись в самые нехоженые уголки. Любой его осмысленный вопрос они встречали одобрительными улыбками. Благодаря этим изнурительным прогулкам он отвлекался от мыслей о двойняшках и даже стал лучше спать.

Джулия как-то заглянула к Мартину, но тот вежливо попросил ее зайти через неделю, отговорившись срочной работой. Закрыв за ней дверь, он тут же вернулся в ванную, где драил одну из кафельных плиток пола зубной щеткой с неразбавленным отбеливателем. До дня рождения Марики оставались считанные дни; Мартин ломал голову, как бы до нее дозвониться и на какой адрес отправить подарок. Этими раздумьями он терзался не первый день, но все без толку. Ответ могло подсказать только наведение чистоты.

Элспет прекратила — во всяком случае, на время — донимать близнецов и теперь держалась в стороне. Если тебя невзлюбили, зачем навязываться и доказывать, что ты есть, коль скоро девочки не скрывали своего скептического (Джулия) и враждебного (Валентина) отношения. Элспет замкнулась в себе, но не бросала своих упражнений и выжидала. От этого Валентина испытала внезапное чувство свободы. Роберт больше не ходил за ними по пятам, и на улице Валентина перестала ощущать страх преследования: она успокоилась и снова полюбила пешие прогулки.

Близнецы любили ходить по магазинам, но покупки делали редко. Элспет обеспечила

⁷⁶ ...«хогартовского» издания «К маяку»... — «К маяку» (тж. «На маяк») — роман виднейшей английской писательницы-модернистки Вирджинии Вульф (1882–1941), выпущенный в 1927 г. Издательство «Хогарт пресс», основанное В. Вульф и ее мужем Леонардом, просуществовало с 1917 по 1946 г. и завоевало известность публикациями философско-психологической прозы (включая романы и эссе самой В. Вульф), трудов по психоанализу и произведений русской классики в английских переводах.

их всем необходимым, и ее квартира стала для них не то местом археологических раскопок, не то шляпой фокусника: при желании там, казалось, можно было найти любую нужную вещь. Они жили тем, что осталось от жизни Элспет, как черные археологи на развалинах Трои.

Сегодня их путь лежал в «Харви Николс». Продавщицы мгновенно распознали в них праздных зевак и обслуживали еле-еле, но тем не менее близнецы с полным удовольствием перемерили все коллекции Прада и Стеллы Маккартни. В примерочной Валентина выворачивала каждую вещь наизнанку, изучая обработку швов и фактуру тканей. Джулия смотрела на нее и радовалась ее радости. У Валентины давно зрела одна задумка (даже не задумка, а потребность), и позднее, когда они поднялись в кафе, чтобы выпить чаю, она призналась Джулии:

— Хочу поступить в колледж «Сентрал Сент-Мартинс».

— В колледж? Это еще зачем?

— Чтобы выучиться на модельера. — Валентина попыталась изобразить самоуверенную улыбку, как будто преподносила сестре драгоценный подарок. — Там учился сам Александр Маккуин.

— Ха. А мне куда деваться?

— Не знаю.

Валентина помолчала. А про себя добавила: «И знать не хочу. Сама думай». Она сомневалась, что имеет право снять деньги с их счета без согласия Джулии. Консультацию мог дать мистер Рош. Ей не хотелось идти на конфликт, поэтому она предложила:

— Может, станешь моим менеджером?

Джулия надулась:

— Тоска смертная.

— Не хочешь — не надо.

Они замолчали, глядя в разные стороны. Под высокими потолками кафе сидели бесчисленные мамы с колясками, мирно позвякивали столовые приборы, то тут, то там слышался женский смех. Валентина подумала, что наконец-то бросила перчатку — прямо так и представила: тяжелая рыцарская перчатка упала между ними на столик среди чайных принадлежностей. «Я всегда шла на попятный — хватит». Вслух она выговорила:

— Все равно рано или поздно придется что-то делать. Ты же обещала, что мы здесь пойдем учиться, как только обживемся.

Джулия испепелила ее взглядом, но ничего не ответила.

Официант принес счет. Джулия расплатилась.

— Вернемся домой — найдем в интернете Университет искусств, — сказала Валентина. — Наверняка и для тебя что-нибудь подберем.

Джулия пожала плечами. Они молча прошли через магазин и оказались на тротуаре Найтсбриджа. Валентине казалось, метро будет сразу налево, но Джулия стремительно зашагала направо. Они приблизились к станции «Гайд-парк корнер». Валентина сказала: «Вот же метро», но Джулия пропустила это мимо ушей. Они пересекли Мейфэр и стали плутать немыслимыми зигзагами — Джулия впереди, Валентина, едва поспевая, сзади. Валентина знала: так будет продолжаться до тех пор, покуда Джулия не соизволит заговорить, а до этого они будут нестись наобум, как угорелые.

В час пик улицы были запружены. Погода стояла ясная, хотя и прохладная. Валентина узнавала какие-то магазины, площади, названия улиц, но у нее в голове не было ни карты Лондона, ни каких-либо ориентиров — в отличие от Джулии, она не делала зарубок на память. На Валентину накатила паника. Ей захотелось улизнуть и сесть в метро на первой попавшейся станции — в центре Лондона они попадают на каждом шагу. «Надо ее бросить и ехать к дому». На такую меру — повернуться к Джулии спиной в разгар ссоры — Валентина не отваживалась ни разу в жизни. От мысли, что ей придется ехать на метро одной, Валентина содрогнулась: она никогда не заходила в подземку без Джулии.

Тут ей на глаза попала знакомая красно-бело-синяя вывеска: «Оксфорд-серкус».

Перейдя Риджент-стрит, близнецы угодили в давку перед входом в метро. Толпа бурлила водоворотами, и поначалу близнецы пытались бороться с течением. Джулию поразили каменные лица: как будто эти люди ежедневно давились на этом самом месте в половине седьмого; очевидно, так оно и было. Валентина держалась сзади: Джулия слышала ее затрудненное дыхание. Она протянула руку за спину, и Валентина ухватилась за нее, как за соломинку.

— Не дрейфь, Мышка, — сказала она.

Их несло в нужную сторону. Теперь двигаться стало полегче.

Валентине казалось, они тонут. Когда ее сдавливали со всех сторон, у нее перехватывало дыхание. Теперь она и думать не могла о поездке на метро. Ей хотелось только одного: выбраться из толпы. В нее впивались локти и рюкзаки. Где-то поблизости шумели машины и автобусы. Люди выражали неудовольствие себе и другим, но до Валентины все звуки доносились словно через стенку.

Толпа текла ко входу в метро. Джулия пробивалась вперед, Валентина — назад. Ладонь Валентины выскользнула из цепкой руки Джулии.

— Мышь!

Валентина потеряла равновесие и навалилась боком на прохожих. Веселый мужской голос воскликнул: «Эй, полегче! Тут девушка упала! Не напирайте!» — но это не возымело действия. Как будто в «яме» перед сценой на рок-концерте. Чьи-то руки подхватили Валентину и поставили в вертикальное положение. «Все нормально, птичка?» — спросил кто-то рядом. Она только мотала головой, не в силах выдать ни звука. Джулия, скрытая от глаз, кричала ее по имени. Валентина пыталась отдышаться. Горло сдавил спазм; вдыхать приходилось очень медленно. Она едва передвигала ноги; толпа гнала ее вперед.

Джулии удалось выбраться; ее охватила паника.

— Валентина!

Ответа не было. Пришлось снова нырнуть в людской водоворот, но там удалось разглядеть только те лица, которые плыли рядом. «Огосподибожемой». Впереди мелькнули светлые волосы — Джулия устремилась в ту сторону. «Осторожно». Валентина тоже заметила Джулию и провела рукой по горлу: «Дышать не могу». Джулии удалось обхватить ее за туловище; она принялась расталкивать людей локтями.

— Пропустите! У человека приступ астмы!

Толпа расступалась с трудом. Никто не видел, что происходит. В конце концов двойняшки выбрались на тротуар Оксфорд-стрит.

Валентина, едва дыша, прислонилась к ярко освещенной витрине дешевого обувного магазинчика. Джулия порылась у нее в сумочке.

— Где у тебя ингалятор?

Валентина только покачала головой: «Не знаю». Вокруг них столпилась кучка сочувствующих.

— Вот, держите мой. — Длинноволосый паренек со скейтбордом под мышкой протягивал им аэрозольный тубик.

Валентина подышала. Спазм слегка отпустил. Она кивнула подростку, а тот слегка выставил руку вперед, словно готовясь ее подхватить. Не спуская глаз с Валентины, Джулия сама начала глубоко дышать, показывая ей пример. Валентина еще несколько раз втянула спасительный спрей, прижала руку к груди и задышала свободнее.

— Спасибо, — с трудом выдавила она, возвращая ингалятор владельцу.

— Не за что, всегда пожалуйста.

Зеваки разошлись. Валентине хотелось спрятаться. Ей хотелось в тепло. Джулия сказала: «Сейчас такси поймаю» — и убежала. Минула, как показалось Валентине, целая вечность, пока до нее не донеслось: «Мышь! Сюда!» — и она с благодарностью втиснулась в теплую берлогу кеба. Рухнув на сиденье, Валентина высыпала содержимое сумочки на колени и, откопав ингалятор, сжала его в руке, как оружие. В ней нарастало отчаяние. «С ума сойти. Не могу же я до конца жизни оставаться Мышкой». Валентина покосилась на

Джулию, которая равнодушно смотрела в окно на медленный поток транспорта. «Думаешь, я без тебя не проживу? Думаешь, не найду сил от тебя уйти?» Мимо проплывали незнакомые здания. Лондон оказался бескрайним и безжалостным. «А вдруг бы я умерла в этой давке?...» Интересно, как бы Джулия стала оправдываться по телефону перед родителями?

Джулия как почувствовала.

— Тебе лучше?

— Угу.

— Надо будет врача вызвать.

— Угу.

В молчании они доехали до «Вотреверса».

— Давай залезем на этот сайт, хочешь? — предложила Джулия, как только они переступили порог.

— Да ну его, — бросила Валентина. — Не хочу.

ДНЕВНИКИ ЭЛСПЕТ НОБЛИН

Валентине и Джулии не давала покоя одна пустая полка в кабинете Элспет. Поскольку кабинет был забит до отказа всевозможными книгами, безделушками, канцелярскими принадлежностями и другими вещами, полезными и бесполезными, зияющая пустота этой единственной полки оставалась загадкой. Что-то ведь там хранилось. Но что? И кто забрал содержимое? Полка была двенадцати дюймов в высоту и восемнадцать дюймов в ширину. В книжном шкафу, ближайшем к письменному столу Элспет, это была третья полка снизу. В отличие от прочих, ее сравнительно недавно кто-то протер от пыли. Кстати, в столе был один запертый ящик, к которому они так и не смогли подобрать ключ.

Содержимое той полки перекочевало к Роберту вместе с другими вещами Элспет, которые он забрал из ее квартиры; все это хранилось в коробках, составленных у кровати. К содержимому коробок он не прикасался, если не считать джемпера и пары туфель, которые нашли приют в одном из ящиков его собственного письменного стола. Время от времени он выдвигал этот ящик, любовно поглаживал ее вещи, а затем убирал их на место и возвращался к работе.

Коробки специально были поставлены так, чтобы кровать загораживала их от глаз, иначе он смотрел бы на них днями напролет. У него возникла мысль перетащить их в гостевую спальню, но это было бы не по-человечески. Ему еще предстояло изучить их содержимое. При жизни Элспет он горел желанием сунуть нос в ее дневники. Он хотел узнать все, выведать ее сокровенные тайны. Но потом долго не решался прикоснуться к этим записям, не говоря уже о том, чтобы перенести их к себе. Теперь они были под рукой, но он к ним не притрагивался. С ним остались воспоминания, и он не хотел их нарушать или опровергать. Как историк, он прекрасно знал, что любые документальные свидетельства обладают взрывной силой. Потому-то коробки, как шашки динамита, лежали в неприкосновенности у него в спальне, и Роберт заставлял себя не смотреть в их сторону.

С ДНЕМ РОЖДЕНИЯ

Наступило 12 марта — хмурая, пасмурная суббота; в этот день Марике исполнялось пятьдесят четыре. Мартин проснулся в шесть часов и валялся в постели, мысленно разрываясь между счастливым предвкушением (она будет ждать поздравления и непременно ответит на его звонок) и тревожными сомнениями насчет уместности своего знака внимания (он составил для нее невероятно трудный кроссворд-криптограмму, в котором первая и последняя буквы каждой дефиниции складывались во множественные анаграммы ее полного имени, а решение сводилось к анаграмме строчки из стихотворения Джона Донна

«Прощание: запретная грусть»⁷⁷). Этот кроссворд вместе с подарком он загодя передал Роберту, который пообещал отправить его экспресс-почтой. Мартин решил выждать до двух часов дня, а уж потом сделать телефонный звонок. В Амстердаме это три часа: она как раз отобедала и будет пребывать в благодушном субботнем настроении. Он выбрался из постели и принялся за рутинные утренние дела, сравнивая себя с единственным ребенком, ожидающим пробуждения родителей в рождественское утро.

Марика проснулась поздно, в растерзанных чувствах; через жалюзи к ней на подушку падал робкий солнечный свет. «У меня сегодня день рождения». *Lang zal ze leven, hieperderpiep, hoera*. Никаких определенных планов у нее не было, разве что пригласить подруг на кофе с пирожными. Она не сомневалась, что ее поздравит Мартин, а возможно, и Тео, хотя Тео иногда забывал — будто нарочно использовал свою рассеянность как защитную броню. Она всегда сама ему звонила накануне отцовского дня рождения; уж не делал ли Мартин того же самого ради нее? Мартина, кстати, она недавно видела во сне; очень *aangename* был сон, об их старой *gezellig* квартирке в Сент-Джонс-Вуд. Как будто она моет посуду, а Мартин подходит сзади и целует ее в шею. Воспоминание или мечта? Она явственно представляла его руки у себя на плечах, а губы — у основания шеи. Ну-ну. После расставания с Мартином она подвергала свои эротические фантазии строгой цензуре. Если он пытался пролезть в ее мысли, то быстро получал пинка, но сегодня утром, по случаю дня рождения, она не стала сдерживать воспоминания-мечты.

Бандероль доставили около полудня. Марика положила ее на кухонный стол и пошла искать перочинный нож, потому что пакет был почти полностью залеплен скотчем и увещеваниями: «не бросать». Как будто из дурдома. Но он у меня и есть дурик, родной мой. В розовой коробочке лежала пара небесно-голубых лайковых перчаток. Марика примерила. Нежные, как дыхание, они идеально подошли ей по размеру. Она пробежала лайковыми пальцами по невидимому пушку на руке. Перчатки скрадывали узловатость суставов и возрастные пигментные пятна. Казалось, она получила в подарок новые руки.

В приложенном конверте были письмо и кроссворд; в конвертике поменьше — ответы. Марике захотелось начать со второго; она не умела решать кроссворды, и Мартин это знал. У нее и в мыслях не было всерьез браться за те шедевры криптографии, что он составлял для нее каждый год, и оба они понимали: эти поздравительные кроссворды — не что иное, как символ постоянства, наравне с броскими узорчатыми свитерами, которые Марика вязала для Мартина к его дням рождения. На этот раз ответами служили две строфы из стихотворения Джона Донна:

Как циркуля игла, дрожа,
Так будет озирать края,
Не двигаясь, твоя душа,
Где движется душа моя.

Но если ты всегда тверда
Там, в центре, то должна вернуть
Меня с моих кругов туда,
Откуда я пустился в путь.⁷⁸

Марика заулыбалась. Теперь она развернула письмо, и в ее лайково-голубую ладонь

⁷⁷ ...стихотворения Джона Донна «Прощание: запретная грусть». — У Донна — не «Прощание: запретная грусть» («Valediction: Forbidding Mourning»), а «Прощание, запрещающее грусть» («Valediction Forbidding Mourning») — именно под таким названием это стихотворение переведено И. Бродским.

⁷⁸ Перевод с англ. И. Бродского.

упал крошечный пакетик. Чтобы его вскрыть, пришлось снимать перчатки. Вначале ей показалось, что он пуст: она его потрясла, но безрезультатно. Тогда она сунула внутрь указательный палец: в пакетике лежали две жемчужины в серебряной оправе. Они переключались к ней на ладонь. «Мои сережки». Марика подошла с ними к окну. Ей представилось, как Мартин сутками мучительно роется в коробках, разматывает слой за слоем полиэтиленовые саваны — и все ради того, чтобы отыскать ее серьги. *Lieve Martin*. Она сжала их в кулаке, закрыла глаза и позволила себе взгрустнуть. «Как далеко...»

Потом она вскинула голову и обвела взглядом свою однокомнатную квартиру. В семнадцатом веке здесь был сеновал над постоянным двором. Наклонный потолок, массивные балки, оштукатуренные стены. В одном углу стоял ее футон, в другом, за занавеской, висела одежда. Стол с двумя стульями, тесная кухонька, вид на кривой проулок, букет фрезий на подоконнике. И еще удобное кресло и торшер. Больше года это райское местечко служило ей крепостью и кельей, многообещающим тайным гамбитом игры в прятки. Стоя у окна с сережками в руке, Марика вдруг заметила, что в ее уютном жилище витает одиночество. Каморка на одного. Камера-одиночка. Она тряхнула головой, чтобы прогнать эти мысли, и развернула письмо.

Lieve Marijke!

С Днем рождения, Госпожа моего сердца. Печально, что не могу увидеться с тобой в этот день; печально, что не могу тебя обнять. Вместо этого посылаю тебе ласковые руки, которые прильнут к твоим, скользнут к тебе в карман, когда ты пойдешь улицами своего города, будут тебя согревать и напоминать о лазурных небесах (здесь тоже пасмурно).

Твой любящий муж,

Мартин.

«Великолепно, — подумала Марика. И разложила на столе перчатки, сережки, кроссворд и письмо — почти как натюрморт. — Одно плохо: сейчас он позвонит и все испортит».

Мартин стоял у себя в кабинете с телефонной трубкой в руке, дожидаясь, чтобы электронные часы на компьютере показали четырнадцать. Он заранее надел костюм, повязал галстук. И теперь затаил дыхание. Как только на дисплее высветилось 14:00:00, он выдохнул и нажал на единицу — кнопку ускоренного набора.

— *Hallo*, Мартин.

— Марика. С днем рождения.

— Спасибо. Спасибо.

— Тео звонил?

Марика рассмеялась:

— Думаю, он еще не проснулся. Как твои дела? Что нового?

— Дела идут. Все прекрасно. — Мартин взял сигарету и покосился на шпаргалку, лежащую на письменном столе. — А ты как? Не закурила еще?

— Нет, не закурила. Чувствую себя отлично, чего и тебе желаю. Обоняние прорезалось. Я уж позабыла, что у всего есть запах — у воды, у фрезий. Кругом столько приятных ароматов. А те перчатки, что ты мне прислал, — они пахнут первым зимним днем.

— Понравилась?

— Все понравилось. Даже не верится, что ты раскопал мои сережки.

— У американцев появилось новое словечко: «переподарок». Мне вначале показалось, в этом есть какое-то жлобство — посылать тебе на день рождения твои собственные побрякушки, но раз уж я их нашел...

Мартин вспомнил прикосновение Джулии, когда та передавала ему серьги. А Марика вспомнила, по какому случаю Мартин купил ей эти сережки, — по случаю рождения Тео.

— Это очень хорошо, я была так счастлива... и письмо, и кроссворд...

— Неужели решила? — поддразнил он.

— *Ja*, села и тут же разгадала — буквально за двадцать минут.
Они рассмеялись.
Потом оба удовлетворенно помолчали.
— Как будешь отмечать? — спросил он после паузы.
— Наверное, приглашу куда-нибудь на кофе с пирожными Эмму и Лизе. Я тебе о них рассказывала.
— Да-да. А вечером куда пойдешь?
— Никуда — дома поужинаю.
— Одна? — Мартин воодушевился. — Это не годится. Знаешь что: разреши мне пригласить тебя на ужин.
Марика нахмурилась:
— Мартин...
— Нет, ты послушай. Выбери ресторан — из самых лучших. Закажи столик, надень красивое платье и захвати с собой мобильник. Я тебе позвоню, ты закажешь какие-нибудь деликатесы — и мы с тобой проведем этот вечер почти что вместе.
— Мартин, в такие рестораны с мобильниками нельзя. И потом, как это — ужинать в одиночку: на меня все будут пялиться.
— Я тоже сяду за стол. Будем ужинать вместе. Просто в разных городах.
— Ох, Мартин... — Она не устояла. — На каком языке будем говорить?
— По твоему желанию. *Nederlands? Français?*
— Нет, нет, на каком-нибудь малоизвестном, для интимности...
— На языке пали?⁷⁹
— В таком случае беседа не затянется.
Мартин расхохотался.
— Когда надумаешь, сообщи. В котором часу встречаемся?
— В половине восьмого по твоему времени?
— Отлично, буду как штык. Мобильник поставь на зарядку. — Он подумал, что мог бы и не напоминать.
— Да знаю я.
— *Tot ziens.*
— *Tot straks.*
Мартин повесил трубку. Во время разговора он не отходил от письменного стола, нависая над телефоном. Теперь он с улыбкой расправил плечи — и схватился за сердце.
— Ох!
На пороге стояла Джулия — темная фигурка в тусклом свете.
— Извините, я не нарочно.
Потупившись, он смежил веки, будто хотел закрыться от нее крылом; выждал, чтобы унять сердцебиение.
— Ничего страшного. Давно вы тут стоите?
Он поднял на нее глаза. Она вошла в комнату и стала всего лишь собой.
— Нет. Не очень. Вы жене звонили?
— Да.
— Понравились ей перчатки?
Мартин кивнул.
— Проходите на кухню, будем чай пить. Да, перчатки ей очень понравились. Спасибо за такой удачный выбор.
Он двинулся за ней, протискиваясь между штабелями коробок.
— Вообще-то их Валентина выбрала. Она в одежде лучше меня разбирается.

⁷⁹ *На языке пали?* — Пали — мертвый священный язык одного из буддистских канонов, в некоторых чертах сходный с санскритом.

Джулия плюхнулась в обеденное кресло и стала смотреть, как Мартин накрывает на стол. «Галстук нацепил, чтоб жене позвонить». Почему-то Джулию это слегка задело.

— Вы с Валентиной — как старые супруги. Все поровну: и таланты, и обязанности.

Не сводя с нее глаз, Мартин подставил под кран электрический чайник. В ней произошли неуловимые изменения. «Что-то неладно. Какая-то она не такая».

— Вас кто-то ударил?

У Джулии на скуле проступал синяк.

Она прикрыла его рукой:

— У вас лед есть?

Порывшись в морозильнике, Мартин вытащил завалявшийся пакет зеленого горошка.

— Вот.

Джулия прижала пакет к щеке. Мартин продолжил готовить чайный стол. Пока он не наполнил чашки, ни один из них не произнес ни звука.

— Шоколадное печенье? — предложил он.

— Спасибо, с удовольствием.

— Рассказать не хотите?

— Нет. — Джулия уставилась в чашку, пряча лицо за спасительным горошком. — Она не нарочно.

— Какая разница?

— Вы давно женаты? — спросила Джулия.

— Двадцать пять лет.

— А когда она уехала?

— Один год, два месяца и шесть дней тому назад.

— Вернется?

— Нет. Не вернется.

Поставив локти на стол, Джулия зарылась лицом в холодный пакет и смотрела искоса.

— И что?..

— Секунду.

Мартин пошел в кабинет за сигаретами и зажигалкой. Еще не войдя в кухню, он уже придумал ответ.

— Я поеду к ней в Амстердам. — Он закурил и ухмыльнулся, воображая изумление Марики.

— Вот здорово, — сказала Джулия. — А когда?

— О, э-э, в скором времени. Как только смогу выходить из дому. Через недельку-другую.

— Ну, то есть никогда?

— Никогда не говори «никогда».

— Короче, я тут кое-что почитала. От вашей болезни есть лекарства. И психотерапия тоже помогает.

— Да, я это знаю, Джулия, — мягко сказал он.

— И что?..

— Один из симптомов этого заболевания — отказ от лечения.

— А-а.

Сжав пакет двумя руками, она принялась дробить замороженные комья. Синяк, на взгляд Мартина, потемнел еще больше, зато припухлость начала спадать. От горохового скрежета Мартин чуть не лез на стену.

— Это не ваша забота, крошка моя. Рано или поздно я уеду в Амстердам.

Джулия одарила его улыбкой:

— Ну да. Понятно. — Она попеременно отхлебывала чай и прижимала к щеке заморозку.

— Помощь не нужна?

— В каком смысле? А, нет, ерунда, просто саднит немного.

— И часто у вас с сестрой такое бывает?

Джулия криво усмехнулась:

— С детства не бывало. Раньше мы и дрались, и кусались, и плевались, и за волосы друг друга таскали, но потом выросли, что ли.

— А вам не опасно возвращаться домой? — спросил Мартин.

Джулия расхохоталась.

— Что вы! Валентина мне сестра-близняшка, а не чудовище какое-нибудь. Вообще-то она тихая.

— Ну-ну. В тихом омуте черти водятся.

— Значит, ее черт попутал.

Попыхивая сигаретой, Мартин думал о Марике. Что она наденет? Он представлял, как она подкатит на такси, войдет в ресторан, там цветы, белые скатерти. А Джулия думала о Валентине, которая заперлась в гардеробной. Джулия долго топталась под дверью и слушала ее рыдания. «Надо мне идти».

Она поднялась из-за стола.

— Схожу проверю, как она там.

— Возьмите на дорожку. — Мартин вручил ей пачку шоколадного печенья. — В знак примирения.

— Спасибо. А горошек не одолжите? У нас льда нет.

— Берите так. Он и гроша не стоит. — Мартин тоже встал, заулыбался и стал пробираться мимо коробок. «Горошку на грошик в дорожку для крошек... Не молчи». — Почему-то я считал, что у американцев пунктик насчет льда — все напитки со льдом и прочее. У вас в морозильнике должен быть склад крошечных айсбергов, разве нет?

— Испарились. К слову, мы наполовину англичанки. Наверное, мы не совсем уж типичные американки, так ведь?

— Вы совершенно не типичны, поверьте, — сказал Мартин.

Улыбнувшись на прощанье, Джулия поспешила вниз. «Горошку на грошик... — Мартин посмотрел на часы. — Нужно убить три часа и двадцать восемь минут. Как раз успею принять душ».

Марика сидела в ресторане «Шлейцер» за длинным столом, пряча мобильник под скатертью. Она объяснила свою чрезвычайную ситуацию метрдотелю, и тот любезно проводил ее в небольшой зал для частных торжеств. Там он зажег свечи, с профессиональной сноровкой убрал лишние приборы и оставил ее одну в зале на двадцать персон. Для порядка она пробежала глазами меню, хотя в этом ресторане всегда заказывала одно и то же.

Телефон зазвонил как раз в тот момент, когда официант принес ей бокал вина.

— Мартин?

— Привет, Марика. Ты где?

— У «Шлейцера». В банкетном зале.

— Как ты одета?

Марика потупилась. Она пришла в брюках и сером свитере.

— На мне знакомое тебе красное платье с голой спиной, босоножки на шпильках и мои серьги. — Серьги действительно были у нее в ушах. — Что у тебя на ужин?

— Э-э-э, по такому случаю я выбрал на закуску сикх-кебаб из баранины, а в качестве основного блюда — седло благородного оленя «уазэн» с соленьями. И недурственное мерло.

— Мечта гурмана. И где ты якобы сидишь?

— В «Синнамон-клубе».

— Не тот ли это индийский ресторан при библиотеке?

— Точно.

— Никогда там не бывала.

— Я тоже; решил на пробу сходить. — Прижимая мобильник щекой к плечу, Мартин

вскрывал коробочки с замороженными полуфабрикатами. Цыпленок «тиikka-масала» и «сааг-алоо». В «Синнамон-клубе» навynos не торговали. — А ты, как обычно, заказала морского леща?

— Угадал.

Тут подошел официант, чтобы принять заказ. Марика вернула ему меню и посмотрела на свое отражение в ресторанном окне. Ее лицо в нежном пламени свечей выглядело почти молодым. Она обменялась улыбками сама с собой.

— Тео звонил? — спросил Мартин.

— А как же! Только я была уже в дверях, мы совсем коротко поговорили.

— Какие у него новости?

— Живет отлично. Собирается приехать на каникулы. Кажется, у него новая девушка, — ответила Марика.

— Какие же это новости? Толком-то рассказал что-нибудь?

— Зовут Амрита. Тоже студентка, из Бангладеш. У ее родителей фабрика по производству кухонных полотенец или что-то в этом роде. Тео сказал, красотка, причем необычайно способная. Готовит — пальчики оближешь, так и сказал.

— Втюрился. К чему же, интересно, у нее способности? — Мартин включил микроволновую печь, и его ужин стал ездить по кругу.

— К математике. Он что-то объяснял, но я в этом не разбираюсь. Ты потом его сам спросишь.

Мартину вдруг стало легко, тревога на время отступила.

— Замечательно. У них будут общие темы для разговора. — Они с Марикой познакомились на курсах русского языка; им всегда нравилось обсуждать тонкости перевода, наблюдать, как один язык перетекает в другой. — Я опасался, как бы он не взял в жены какую-нибудь воспитательницу детского сада — этакую веселушку.

— Не торопись его женить.

— Да, верно. — Он подлил себе вина. — Не стоит примерять на себя чужую жизнь: слишком уж быстро она пролетает. Еще пара минут — и мы начнем выбирать имена для его детишек.

Марика рассмеялась:

— Я уже выбрала: мальчики — Джейсон, Алекс, Дэниел; девочки — Рейчел, Мэрион, Луиза.

— Шестеро?

— А что такого? Не нам же их воспитывать.

Ей принесли деликатесы. Мартин достал из микроволновки свои. Жратва выглядела совершенно бесцветной, и Мартин пожалел, что сидит дома, а не в «Синнамон-клубе». Потом он подумал: «Чушь. Какая разница, где ужинать, — лишь бы вместе».

— У тебя вкусно? — спросил он.

— Божественно. Как всегда.

Когда официант убрал со стола посуду, Марика, потягивая бренди, попросила:

— *Diz-me coisas porcas.* — («Поговори со мной грязно».)

— На португальском? Душа моя, тут без пары словарей не разберешься.

Он поспешил в кабинет, схватил португальско-английский словарь и направился в спальню. Там он сбросил туфли и залез под одеяло. Немного поразмыслив, Мартин быстро пролистал словарь, чтобы вдохновиться.

— Я готов, начали. *«Estamos a sair do restaurante. Estamos num táxi a descera Vijzelstraat. Somos dois estranhos que partilham um táxi. Sentados tão afastados um do outro quanto possível, cada um olhando pela sua janela. Vai ser uma longa viagem. Olho de relance para ti. Reparo nas tuas belas pernas, collants de seda e saltos altos. O vestido subiute até às coxas, terá sido quando entraste no táxi, ou talvez o tenhas puxado para cima deliberadamente? Hmm, é difícil dizer...»* — («Мы выходим из ресторана. Берем такси, едем по Вейзельстраат. Мы не знакомы, но едем в одном такси. Отодвинулись друг от друга, каждый смотрит в окно.

Поездка будет долгой. Я поглядываю в свою сторону. Замечаю твои стройные ноги, шелковые чулки и высокие каблуки. Твое платье поползло вверх — вероятно, когда ты сидела в такси; а может, ты поддержнула платье нарочно?.. Хм, трудно сказать...»)

В полном одиночестве Марика сидела за длинным столом со стаканом бренди в руке и прижатым к уху мобильником, но мыслями она была в прошлом и одновременно — в такси, петляющем по улочкам Амстердама. «Хочу тебя. Хочу, чтобы у нас все было как раньше».

— Марика? Ты плачешь?

— Нет, что ты. Давай дальше...

«Говори, не умолкай, пока не сядут батарейки, до самого рассвета, до нашей встречи, любимый мой».

ПОЧТОВЫЙ ПАРК

На следующий день погода выдалась мягкая; в такие дни люди со скорбной улыбкой говорят: «Глобальное потепление». Роберт проснулся ни свет ни заря от перезвона церковных колоколов и подумал: «Для пикника в Почтовом парке лучше погоды не бывает».

Собравшись с духом, он поднялся на второй этаж и пригласил близнецов. К полудню он уже приготовил сэндвичи, минеральную воду, яблоки и бутылку «пино бланк» — все это было уложено в старую корзину для пикника, взятую у Джессики и Джеймса. Он решил, что добираться лучше автобусом, отчасти чтобы избавить Валентину от лишнего спуска в метро, а отчасти чтобы познакомить близнецов с автобусными маршрутами. К тому времени, как они оказались у неприметной калитки, все трое успели проголодаться, а близнецы совсем сбились с толку.

Роберт занес корзину в парк и поставил на скамью.

— Вуаля, — объявил он. — Почтовый парк.⁸⁰

Он не предупредил заранее, что их ждет; близнецы представляли себе нечто похожее на Сент-Джеймс или Риджентс-парк и теперь в недоумении озирались по сторонам. Между какой-то церковью и невразумительного вида домишками тянулась полоса зелени. Там было чисто, тенисто и пусто. Журчал крошечный фонтанчик, стояло восемь деревянных скамеек, купами росли деревья и папоротники, в дальнем конце виднелся невысокий павильон, а к стенам домишек прислонялись старинные надгробные плиты.

— Это что — кладбище? — не поняла Джулия.

— Здесь был когда-то погост, это правда.

Валентина изумилась, но ничего не сказала. Парк действовал на нее как-то удручающе, и она не могла взять в толк, зачем Роберт привел их именно сюда.

— А почему называется «Почтовый парк»? Не вижу, чтобы тут гуляли почтальоны. Или почтальонши, — сказала Джулия.

— В старину поблизости находилось почтовое ведомство. Почтовые служащие ходили сюда перекусить.

Валентина подошла к доске, прибитой к церковной стене: «Цеховая попечительская церковь Святого Ботольфа за Старой Заставой». Она вопрошающе обернулась к Роберту, но тот лишь улыбнулся и пожал плечами. Тогда она направилась в сторону павильона.

— Теплее, — сказал Роберт.

Джулия уже стояла там, и Валентина поспешила к ней присоединиться. Стены павильона были облицованы прекрасными белыми изразцами с синими надписями:

⁸⁰ *Почтовый парк* — парк в лондонском Сити, неподалеку от собора Святого Павла. Открыт в 1880 г. В начале XIX в. на месте этого сквера находилось церковное кладбище, к которому впоследствии примкнули два соседних. В тот период в Лондоне из-за острой нехватки мест захоронения появилась практика укладывать тела покойных ярусами под открытым небом, пересыпая их слоями земли. Вследствие этого в настоящее время уровень почвы в Почтовом парке заметно выше, чем на прилегающих улицах. В 1900 г. усилиями Джорджа Фредерика Уотта и его жены Мэри в Почтовом парке был создан Мемориал героическому самопожертвованию.

Элизабет Боксолл, 17 лет, уроженка Бетнал-Грин, скончалась от увечий, спасая ребенка из-под копыт лошади. 20 июня 1888.

Фредерик Альфред Крофт, контролер. 31 год. Спас душевнобольную от самоубийства на вокзале Вулидж-Арсенал. Но сам погиб под колесами поезда. 11 января 1878.

Близнецы бродили вдоль павильона, читая надписи. Похоже, они исчислялись сотнями.

Дэвид Селвз, 12 лет, уроженец Вулиджа, удерживал на воде своего тонущего друга и пошел с ним ко дну. 12 сентября 1886.

— У вас сдвиг по фазе на почве кладбищ, вы это знаете? — бросила Джулия Роберту. Его, очевидно, покоробили ее слова.

— Здесь увековечена память простых людей, которые пожертвовали собой ради спасения других. Мне думается, это прекрасно.

Он повернулся к Валентине. Та кивнула:

— Красивые надписи.

Она не понимала, с чего вдруг Джулия так окрысилась. Им обоим всегда были интересны такие вещи. Правда, изречения выглядели очень странно: скупые фразы, наводящие на мысль о физических страданиях, а по бокам орнаменты — цветы, листочки, короны, якоря. Эти украшения никак не вязались со словами «утонул», «раздавлен», «сгорела», «разбилась».

Сара Смит, артистка миманса из театра «Принсиз», умерла от тяжелых ожогов, когда в костюме из марли сбивала пламя, охватившее ее партнера. 24 января 1863.

Ошеломленная этими будничными трагедиями, Валентина пошла обратно и опустилась на скамью. На всякий случай она достала ингалятор и два раза пшикнула в рот. Джулия и Роберт проводили ее взглядами.

— У нее астма? — спросил Роберт.

— Угу. Но сейчас, по-моему, у нее просто нервы разыгрались. — Джулия нахмурилась. — Зачем вы нас сюда притащили?

— Это было одно из любимейших мест Элспет. Если бы ей довелось устроить для вас обзорную экскурсию, она бы непременно привезла вас сюда.

Они двинулись в сторону скамьи, где сидела Валентина.

— Подкрепимся?

Роберт извлек из корзины сэндвичи и питье. Сидя рядом на скамье, все трое молча жевали.

— Как самочувствие? — обратился Роберт к Валентине.

Та, покосившись на Джулию, ответила:

— Все нормально. Угощение очень кстати, спасибо вам. — («Скажи что-нибудь хорошее, Джулия».)

— Да, вкусно. А что мы едим?

— Сэндвичи с креветками и майонезом.

Близнецы стали разглядывать начинку сэндвичей.

— То-то я чувствую, морепродуктами отдает, — сказала Джулия.

— У вас это называется «сэндвич с креветочным коктейлем». Хотя при чем тут коктейль — ума не приложу.

Джулия усмехнулась:

— Мы сейчас учим британский английский. В нем логики еще меньше.
— Вы бывали в Америке? — поинтересовалась Валентина.
— Конечно, — ответил Роберт. — Несколько лет назад мы с Элспет летали в Нью-Йорк. Заодно посетили Гранд-Каньон.

Близнецы удивились.

— А к нам почему не заехали? — спросила Джулия.

— Мы собирались. Но в конце концов решили, что лучше не надо. Были какие-то вещи, которыми она со мной не делилась. Возможно, предчувствуй она близкую смерть... — Роберт пожал плечами. — О прошлом она помалкивала.

Близнецы переглянулись и пришли к молчаливому согласию, что Валентина должна кое о чем его попросить.

— Но у вас остался ее архив, правильно? Так что вам теперь все известно, да? — Опустив сэндвич, Валентина сделала вид, что ей по большому счету все равно.

— У меня действительно остался ее архив. Но я к нему не приступал.

— Как же так? Почему? — Джулия не смогла скрыть возмущение. («Умолкни, Джулия. Предоставь это мне».) — Разве вам не интересно?

— Мне страшно, — произнес Роберт.

— Ох. — Валентина посмотрела на Джулию: та, похоже, готова была мчаться домой, чтобы с головой зарыться в бумаги Элспет, хотел того Роберт или нет. — Мы как раз собирались у вас спросить, ну, не станете ли вы возражать, если мы с вашего разрешения ознакомимся с ее записями? Понимаете, мы живем в ее квартире, пользуемся ее вещами, а сами ничего о ней не знаем... понимаете, нам просто интересно. Узнать.

Не дав Валентине договорить, Роберт покачал головой.

— Не обессудьте. Я понимаю, что вы — родня, и в другой ситуации охотно передал бы вам все записи. Но Элспет запретила мне это делать. Вы уж извините.

— Так ведь она умерла, — сказала Джулия.

Повисло молчание. Валентина, сидевшая рядом с Робертом, незаметно для Джулии взяла его за руку. Их пальцы сплелись. Валентина сказала:

— Ну, все. Сделаем вид, что этого разговора не было. Простите нас.

Джулия закатила глаза. Ее фингал слегка уменьшился в размерах; она замазала его тональным кремом, но от одного вида этого пятна Валентина сгорала со стыда. Она пыталась угадать, заметил что-нибудь Роберт или нет.

— Это не мое решение, — сказал он. — А поскольку содержание этих записок мне неизвестно, я даже не могу объяснить, почему вам лучше их не читать. Но для Элспет вы обе много значили, и она бы не стала чинить вам препятствия без особых на то причин.

— Да ладно, ладно, — сказала Джулия. — Проехали.

Полоска неба над парком подернулась тучами и стала ронять капли дождя.

— Давайте-ка собираться, — сказал Роберт.

Пикник обернулся полным провалом — городской идиллии, которую он с утра рисовал в своем воображении, не получилось. Друг за другом, в разной степени подавленности, они вышли за калитку. Но в автобусе Джулия сидела одна, а Валентина с Робертом — позади, и он предложил Валентине руку. Она вложила в нее свою ладонь, и до самого Хайгейта они ехали в удивленном, молчаливом умиротворении.

ЛЮДИ-БЕЛОЧКИ

Мартину снилось, что он в метро. Кружит по кольцевой, а в вагоне все места развернуты лицом к проходу. Сперва он ехал в одиночестве, а потом в вагон набилось полно народу, и он поймал себя на том, что изучает свои колени, чтобы только не таращиться в пах мужчине, которого прижало к нему. Где выходить, он точно не знал, но коль скоро это была кольцевая линия, уехать в неизвестность он не мог, а потому сидел на месте ровно и пытался вспомнить, куда направляется.

Напротив Мартина, через проход, раздавались какие-то звуки — треск, хруст, чавканье, — которые делались все громче по мере того, как поезд набирал скорость. Мартин изводился: звуки его нервировали, как зубовой скрежет. Что-то подкатилось к нему по полу и стукнуло по ноге. Он посмотрел вниз. Там лежал грецкий орех.

Поезд остановился на станции «Монумент»,⁸¹ где многие вышли. Теперь Мартину стало видно, что делается напротив. Через проход от него сидели две юные особы в стоптанных белых кроссовках и медицинских халатах; у каждой на коленях стоял продуктовый пакет. У девиц были глаза навывкате и выпирающие верхние челюсти.

Обе смотрели настороженно, как будто приготовились оборонять свое добро от грабителей. Каждая запускала в недра пакета черпак ладони, доставала грецкие орехи и разгрызала своими исполинскими зубами.

— Че пялишься? — сказала одна из них Мартину.

По вагону со стуком поскакали орехи. А пассажиры — ни сном ни духом. Мартин только покачал головой, не в силах вымолвить ни слова. К его ужасу, девицы подсели к нему. Та, что заговорила первой, наклонилась к его уху.

— Мы — люди-белочки, — прошептала она. — И ты такой же.

ДЫХАНИЕ

— Надо тебе к врачу, — сказала Джулия.

Валентина кивнула и захрипела.

Легко сказать. В том, что касалось Национальной службы здравоохранения, близнецы пребывали в блаженном неведении. Роберт, пытаясь ввести их в курс дела, старался не раздражаться.

— Нельзя просто прийти в поликлинику и требовать, чтобы тебя приняли, — втолковывал он Валентине, когда близнецы подкараулили его на первом этаже. Он держал в руке пачку писем и размахивал ими для пущей убедительности. — Нужно выяснить, кто из врачей общей практики принимает первичных пациентов, дозвониться к нему в приемную и записаться на получение талона. После этого придется заполнить гору бланков и рассказать регистратору обо всех прошлых заболеваниях. Вот тогда, и только тогда, можно будет записаться на прием к врачу.

Валентина начала что-то говорить, но закашлялась.

Джулия погрозила Роберту пальцем, как будто он лично изобрел Национальную службу здравоохранения.

— Не пойдет, — сказала она. — Мышке нужно к врачу прямо сейчас.

— Ну, отправляйтесь тогда в больницу Уиттингтона, там есть отделение скорой помощи.

На том и порешили. Роберт отправился с ними.

Больница Уиттингтона занимала большую территорию у подножья Хайгейт-Хилл, на другой стороне парка Уотерлоу. Туда они дошли пешком. В весеннем воздухе плыла холодная сырость, и на подходе Валентина уже дышала глубокими, судорожными всхлипами.

После короткого опроса и короткого ожидания за Валентиной пришла молодая медсестра-пакистанка. Джулия и Роберт слушали ее низкий, успокаивающий голос, пока она уводила Валентину за двойную дверь, соединяющую приемный покой с отделением скорой помощи. Сами они принялись заполнять бланки, прибегнув к помощи медрегистратора, европейского вида мужчины с бульдожьей челюстью.

⁸¹ «Монумент» — мемориальная колонна (высотой более 60 м) в лондонском Сити, воздвигнутая в 1670-е гг. в память жертв Большого пожара 1666 г. недалеко от того места, где вспыхнул пожар. Авторство проекта иногда приписывают великому архитектору Кристоферу Рену.

— Аллергия есть?

— На тетрациклин, плесень и сою, — отчеканила Джулия.

— Хронические заболевания?

— Понимаете, — начала Джулия, — у нее *situs inversus*.

Регистратор, сидевший до этого с убийственно скучающим видом, обратил внимание на Джулию и вопросительно поднял брови.

— Мы с ней зеркальные близнецы. У нее сердце вот здесь. — Джулия положила руку на грудь, с правой стороны, — а печень, почки и что там еще — как у меня, только наоборот.

Переважив эту информацию, регистратор бойко застучал по клавишам.

— Я ничего такого не знал, — сказал Роберт.

— Теперь знаете, — раздраженно бросила Джулия. — Вам-то какая разница, вы же не доктор.

— В том смысле, что вы зеркальные близнецы. Я думал, вы просто однояйцовые. То есть зеркальные близнецы, видимо... диаметрально противоположны?

Джулия пожала плечами.

— Мы довольно симметричны, но по лицам не видно. Это можно заметить по направлению роста волос, по родинкам и по рентгеновским снимкам — вот на них действительно все видно, потому что моя сестра — зеркальноотраженная. У нее асимметричный пролапс митрального клапана, — добавила она, обращаясь к регистратору.

— И что сие значит?

— У нее один клапан неправильно сформировался, — пояснила Джулия. — Потому-то я так беспокоюсь, когда у нее затрудняется дыхание. Это дополнительная нагрузка на сердце, от нее могут быть большие неприятности.

— Не могу поверить, что вы, прожив в Лондоне без малого три месяца, не удосужились прикрепить ее к специалисту! — Роберт вдруг разволновался и заговорил на повышенных тонах.

Джулия парировала:

— Мы собирались, просто не успели: нам же никто не объяснил, как это делается. Не думайте, что мы такие легкомысленные. — Понимая, что эти отговорки ничего не стоят, Джулия начала злиться.

Когда с бумажной волокитой было покончено, они вернулись в кресла для посетителей.

У Валентины нашли бронхит. Чтобы не подниматься в гору пешком, они взяли такси, и Валентина всю дорогу содрогалась от кашля, полулежа в объятиях Джулии. Войдя в холл «Вотреверса», близнецы сразу двинулись вверх по лестнице, и Роберт последовал за ними.

— Нет, — отрезала Джулия. — Мы сами. Спасибо. — Не церемонясь, она отвернулась.

Роберт попытался возражать:

— Но ей потребуется...

— Все, что потребуется, я сделаю. Это моя обязанность. — Джулия не спускала глаз с Валентины, которая с трудом одолевала лестницу, отдыхая на каждой ступеньке.

— Давайте рецепты, я хотя бы за лекарствами схожу, — предложил Роберт.

Джулия заколебалась. Это могло стать ощутимым подспорьем — до аптеки «Бутс» ей бы пришлось ехать на автобусе.

— Хорошо. Вот.

Она протянула Роберту рецепты с таким видом, будто делала ему большое одолжение. Он вышел через парадную дверь — доверенный по особым поручениям. «Сама буду за ней ухаживать. Без тебя обойдусь», — твердила про себя Джулия. Войдя в квартиру следом за сестрой, она даже не стала снимать пальто, а наполнила грелку горячей водой и побежала в спальню, где еле-еле раздевалась Валентина.

— А Роберт где? — спросила Валентина, словно пропустила мимо ушей их разговор.

— В аптеку пошел, — ответила Джулия.

Ни слова не говоря, Валентина легла в постель. Джулия дала ей грелку, настроила

увлажнитель воздуха, принесла начатую Валентиной книгу, заварила чай; она занималась этими делами самозабвенно и даже радостно, напевая себе под нос и успокаиваясь. Когда она пришла в спальню с чайным подносом в руках, оказалось, что Котенок свернулся у изголовья Валентины, а сама она крепко спит. Котенок вытянул лапку и покровительственно положил ее на плечо Валентине, с подозрением косясь на Джулию. «И ты туда же? — подумала Джулия. — Каждый из нас готов наложить на нее лапу. — Она опустила поднос на прикроватный столик. У нее в голове промелькнуло: — А если бы заболела я, вы бы так же со мной носились?» Эта мысль ее раздосадовала. Она ведь никогда ничем не болела; к чему задаваться пустыми вопросами?

У Валентины при каждом вдохе клокотало в горле. Джулия села у окна с чашкой чая, согнав с места Элспет, которая неотлучно присутствовала в комнате: теперь она вскочила и остановилась у кровати, нервно кусая ногти. В этот день тревожно было всем: людям, кошкам и призракам.

За обеденным столом Эди пила кофе, положив рядом с собой телефон; нельзя сказать, что она не сводила с него глаз — просто держала при себе, потому что с минуты на минуту ожидала звонка. В столовую вошел Джек с воскресным номером «Таймс» под мышкой. Он рассортировал толстый выпуск по рубрикам — для себя и для нее. Эди протянула руку, и он отдал ей раздел «Бизнес». Она тут же раскрыла биржевые сводки и принялась водить пальцем по столбикам цифр, время от времени цокая языком. Задремезжал телефон. Эди отпила кофе, будто совершенно не торопилась отвечать, и пропустила три звонка. Джек перешел в спальню, чтобы взять параллельную трубку.

— Мам?

— Привет, Джулия, — сказала Эди.

— Валентина? — осведомился Джек.

— Привет, пап, — сказала Валентина. Она попыталась скрыть свое состояние, но от этого только раскашлялась.

— Боже, — сказала Эди. — Мне это совсем не нравится.

— Ерунда, это бронхит, — сказала Джулия. — Мы сегодня к врачу ходили.

— Мне уже лучше, — сказала Валентина.

Бросив трубку на стол, она побежала в ванную, чтобы откашляться. Джулии было видно, как она облокотилась на раковину и зажала рот, чтобы приглушить кашель.

— Тебе выписали антибиотики? Ты принимаешь отхаркивающую микстуру, которую назначила доктор Брукс?

Эди и Джулия вели неторопливую и подробную беседу о том, что можно и нужно сделать в такой ситуации, чтобы излечить Валентину от бронхита. Наконец к телефону вернулась и сама Валентина.

— Мы тут познакомились с Робертом Фэншоу, — сообщила она, чтобы только сменить тему.

— Не прошло и года, — вставил Джек. — Где, интересно, его носило столько времени?

— Он помог нам записаться к врачу, — сообщила Джулия.

— Ага, — сказала Эди. — Так-так. И каков он из себя?

— Зануда, — сказала Джулия. — Станный какой-то, с закидонами. Был бы он нашим ровесником — стал бы, наверно, готом — знаешь таких? — в пирсингах и татуировках.

— Ничего подобного, — сказала Валентина. — Он добрый. Немножко застенчивый, по Элспет тоскует, это сразу видно. Очки носит, как у Джона Леннона. — Она хотела сказать что-то еще, но из-за кашля вынуждена была отойти.

— Валентина в него втюрилась, — сообщила Джулия.

Валентина провела пальцем по горлу: «Вот так уже надоела, Джулия».

— Ей бы кого-нибудь помоложе, — заметил Джек. — Он ведь наш ровесник?

— Да нет, я бы не сказала. Ему лет тридцать пять.

Валентина вернулась к телефону.

— И вовсе я в него не втюрилась. Но он добрый.
«Приплыли», — подумала Эди, но сочла за лучшее промолчать. Разговор перешел на погоду, кино, политику. Когда на обоих концах дали отбой, Валентина вскипела:
— Теперь будут докапываться. Кто тебя тянул за язык?
— Я нарочно, чтобы не заикливались на твоей болезни, — ответила Джулия.
— И вообще это неправда.
Джулия только хохотнула.
Эди и Джек одновременно повесили трубки.
— Не бери в голову, — сказал Джек. — Она же сама говорит, что это выдумки.
Эди фыркнула:
— Значит, есть все основания для беспокойства.
Он обнял ее за талию:
— Приступ у нее сильнейший.
— Надо бы нам туда наведаться. Не в квартиру, а просто в Лондон. Остановимся где-нибудь поблизости...
Эди прижалась к его груди. Ей нравилось, что Джек такой большой, а она рядом с ним такая хрупкая. От него исходило спокойствие.
Он погладил ее по голове:
— А если бы твоя мамаша увязалась за нами через океан и поселилась напротив?
— Не сравнивай.
— Без нас разберутся. Оставь их в покое.
Эди покачала головой, но улыбнулась. «Вот так, просто улыбайся и будь моей Эди, мне больше ничего не нужно». Он поцеловал ее в макушку:
— Все устаканится.

Роберт и Джессика пили чай на втором этаже кладбищенской конторы. Джессика пригвоздила Роберта Многозначительным Взглядом, и он запасся терпением, чтобы выдержать очередную Нотацию. Ему грозили нравоучения «О недопустимости замедления экскурсии, вызванного бесконечными съемками на видео» или даже «О борьбе с вульгарной привычкой держать руки в карманах», но на деле все обернулось по-другому.
— Не кажется ли тебе, — начала Джессика, — что она для тебя чуть-чуть молода?
— Чуть-чуть?
— Абсурдно молода?
— Возможно, — сказал Роберт. — А как это определить?
— Возраст — не самое главное: я знаю множество людей, которые к двадцати одному году стали совершенно зрелыми личностями, но эти девочки еще очень зелены. Мои были такими в шестнадцать.
— В этом есть своя прелесть, Джессика.
Она отмахнулась:
— Ты прекрасно понимаешь, к чему я веду. Странно, что после Элспет, которая была такой лапушкой, умницей, а не какой-нибудь вертихвосткой, тебя потянуло к Валентине.
— Кое-кто, по-моему, считал, что для Элспет я слишком молод.
— Разве я такое говорила?
— Конечно. Причем именно здесь, в конторе, как сейчас помню.
— Быть такого не может.
— Я моложе Элспет на девять лет. Правда, теперь стремительно догоняю.
— Что ж поделаешь...
— Ты тоже, между прочим, моложе Джеймса.
— Джеймсу девяносто четыре. Мне в июле будет восемьдесят шесть.
— Почему, интересно, принято считать, что мужчина должен быть старше?
— Так уж мужчины устроены.
— Ладно. Не помню, спрашивал я или нет: как вы познакомились?

Джессика пришла в замешательство. Роберт подумал: «А вопрос-то скользкий. Жметесь, будто я интересуюсь, какой у нее размер бюста».

— Познакомились мы во время войны. Я была ассистенткой Джеймса в Блечли-Парке.⁸²

— Серьезно? Я понятия не имел. Значит, вы были дешифровщиками?

— Ну, мы скорее работали... по административной линии. — Джессика поджала губы, как будто сболтнула лишнее.

— Я считал, у вас юридическое образование.

— За такую долгую жизнь много чего можно успеть. Я всерьез занималась теннисом, вырастила троих детей. В какие только авантюры не вязывалась.

— И еще спасала это кладбище.

— Ну, не в одиночку же. Молли, Кэтрин, Эдвард... много было отзывчивых людей. В насущных делах помощь лишней не бывает. Кстати, можно тебя попросить по пути домой бросить эти конверты в почтовые ящики Энтони и Лейси? Чтобы нам на марки не тратиться.

— Конечно.

Джессика вздохнула:

— Признаюсь, строчить все эти письма довольно утомительно. — Поставив кружку, она протянула к нему обе руки. — Ну-ка, помоги старухе выбраться из кресла.

До вечера Роберт сидел в мавзолее Стратконы у входа на Восточный некрополь, продавал билеты и глазел на садовников, подрезавших деревья. День тянулся нескончаемо, и Роберт успел поразмыслить насчет слов Джессики. Наверное, Валентина для него и вправду слишком молода. Наверное, лучше оставить ее в покое и жить, как прежде, воспоминаниями об Элспет. Впрочем, эти воспоминания никуда не делись: Элспет оставалась кровоточащей раной. Но Роберт поймал себя на том, что теперь думает о ней реже и что приезд близнецов совпал с ослаблением ее неизбывного присутствия. Он устыдился, словно часовой, сдавший врагу сторожевую башню. «Но Элспет и сама бы не захотела, чтобы я провел всю оставшуюся жизнь в трауре. Или как?» Они с ней напрямую не обсуждали этот вопрос, но ему было одинаково мучительно и погружаться в воспоминания, и впускать Валентину в свои мечты, где раньше находилось место только для Элспет. Он жил с неотступным чувством вины. От этого возникала путаница в мыслях, хотя и не лишенная приятности.

Как-то утром Роберт застал Валентину на заднем дворике, сидящую с термосом чая. Он закрывал за собой зеленую дверь и не замечал постороннего присутствия пока не услышал:

— Доброе утро.

— Фу, черт, — вырвалось у него: оступившись, он едва не сломал ногу. — То есть доброе утро.

Кутаясь в клетчатый халат, Валентина сидела босая на низкой каменной скамье.

— Ой, извините.

— Не замерзли? — День обещал быть теплым, но на рассвете воздух еще не прогрелся.

— Сейчас стало холодно. У меня чай остыл.

— Пойдемте-ка в дом.

Она посмотрела на окна второго этажа:

— Джулия еще спит.

Валентина осторожно ступала по влажному мху; Роберт придержал для нее дверь. Когда она проходила у него под рукой, ему показалось, что он поймал птичку.

— Дать свитер или что-нибудь теплое накинуть?

— Нет, не нужно, мне бы еще чаю.

Поставив чайник, Роберт пошел переодеваться в сухое. Когда он вернулся, Валентина стояла у его письменного стола.

⁸² *Блечли-Парк* — старинное поместье в графстве Букингемшир, где в годы Второй мировой войны находился главный центр дешифровки.

— Кто эти женщины?

Вся стена над рабочим столом Роберта была увешана открытками, журнальными вырезками, распечатками из интернета и ксерокопиями книжных иллюстраций — сплошь женские портреты. Они расходились от центра лучами, образуя прямоугольный рисунок, и были сгруппированы по несколько штук, словно обозначения солнечных систем в этой женской галактике.

— Сейчас скажу: это Элеонора Маркс, дочь Карла. Это миссис Генри Вуд. Это Кэтрин Диккенс...⁸³

— И все похоронены на Хайгейтском кладбище?

— Совершенно верно.

— А мужчин там не хоронили?

— Мужчины у меня вот здесь. — Он указал на другую галактику, раскинувшуюся на соседней стене. — Когда работа стопорится, предпочитаю отвлекаться на женщин; мужчины в больших количествах слишком удручают.

Валентина включила настольную лампу, чтобы рассмотреть получше. Тут засвистел чайник, и Роберт помчался на кухню. Когда он вернулся, неся заваренный для Валентины чай, она сказала:

— Вот эту мы видели в галерее «Тейт». — Она указала на открытку, прикреплённую в самом центре, — Это кто?

— Это «Офелия» Миллеса. Натурщицу звали Элизабет Сиддал.

Когда Валентина повернулась к нему, Роберт почувствовал, что краснеет. Она заметила:

— Здесь много ее портретов.

— Эта девушка была возлюбленной Данте Габриэля Россетти. Он писал ее раз за разом. Муза всех прерафаэлитов. Я и сам ею немного увлечен.

— У вас прямо тяга к мертвым девушкам, — сказала Валентина.

Она хотела пошутить, но Роберт нахохлился:

— Не потому, что они мертвы. Хотя недостижимое всегда привлекает.

— Ясно. — («Как это понимать?»)

Расчистив от бумаг место у себя на столе, Роберт сел на стул. Валентине он предложил вертящееся кресло, и она сделала полный оборот, выставив перед собой босые ступни и стараясь не расплескать чай из кружки. У нее был такой ребяческий вид, что Роберт скрепя сердце заставил себя смотреть в сторону. «Очевидно, в данный момент мертвые девушки — не главная моя проблема».

Валентина сказала:

— Как-то пусто у вас.

— Согласен. Эта квартира для меня слишком велика. И, если уж на то пошло, дороговата.

— Почему тогда вы здесь живете?

— Это все из-за Элспет.

Валентина усмехнулась и сделала еще один оборот:

— Очень знакомо. — Вытянув вперед босую ступню, она остановила вращение, а потом стала медленно крутиться в другую сторону. — Вы сюда переехали только потому, что она тут жила?

— Вообще говоря, мы познакомились в саду, у подъезда. Я зашел в калитку, потому что увидел надпись «Сдается квартира», а мне как раз требовалось жилье поблизости от кладбища, потому что я, так сказать, грезил маленькой дверцей в садовой стене... Хотел

⁸³ *Кэтрин Диккенс* — дочь уважаемого шотландского журналиста и прозаика Джорджа Хогарта, жена Чарльза Диккенса. Супруги разъехались через восемнадцать лет совместной жизни из-за постоянных измен мужа. Разрыв с женой стоил Диккенсу добрых отношений со многими старинными друзьями и сузил его круг общения, но не нанес ущерба его писательской репутации.

списать номер телефона агентства; тут откуда ни возьмись выскакивает Элспет и говорит: у меня, мол, есть ключ, не хотите ли посмотреть квартиру? Я, конечно, ей в ответ: «Да, буду признателен», потому что и в самом деле хотел посмотреть. Она меня провела в дом. Мне сразу стало ясно, что квартира великовата, но что может быть привлекательнее, чем миловидная девушка в пустой квартире... — Погрузившись в свои мысли, Роберт на время забыл о Валентине. — Оглянуться не успел, как переехал сюда жить. Хотя, должен признаться, я был настолько глуп, что лишь многие годы спустя понял: это она меня выбрала, а не наоборот. Молодо — зелено.

— И когда это было?

Роберт прикинул в уме.

— Почти тринадцать лет назад.

— Давно. — «Нам тогда восемь было». Валентину вдруг осенило: — А почему вы не жили вместе? По-моему, места более чем достаточно. Нелепо как-то: две огромные квартиры для двоих одиноких людей. А у вас и мебели почти никакой.

— Да, мебели у меня самый минимум, правда? — Роберт смотрел на коленки Валентины. — Элспет не горела желанием съехаться. Прежде она с кем-то жила, но только мучилась. Мне кажется, потом она бы и рада была, когда нуждалась в постоянном уходе. По-моему, до нее дошло, что нам было бы хорошо вместе. Я вполне самодостаточен, и она была такой же. Любила побыть одна и всегда знала, что я под боком, только позови.

— Наша мама точно такая же.

— Неужели?

— У меня такое впечатление, что отец еще не разобрался, понимаете, вроде как мама просто в гости зашла, пока еще не освоилась, но потом, типа, раскроется и как бы обозначит свое присутствие. — Валентина подняла на него взгляд. — А Элспет похоже себя вела?

Роберт ответил не сразу, запутавшись в ее грамматике.

— Похоже, — ответил он. — Бывало, уносились за тридевять земель, даже находясь рядом.

Ему вспомнилась такая особенность: после секса он, обмякший и потный, не успевал даже лечь рядом, как Элспет, казалось, забывала о нем напрочь.

— Вот-вот. А Элспет любила командовать? Наша мама всегда и во всем главная.

— Хм. Наверное, любила, но я не возражаю, когда мной командуют. У нас в роду было засилье тетушек, и в детстве меня постоянно шпыняли женщины. — Он улыбнулся. — У меня такое впечатление, что и Джулия любит командовать.

— Но мне это не нравится. — Валентина скорчила гримасу. — Я сама никого не трогаю и не хочу, чтобы мной помыкали.

— Разумно.

— Который час? — спохватилась Валентина. Она выпрямилась и в непонятном волнении поставила кружку на стол.

Роберт посмотрел на часы.

— Полвосьмого, — сообщил он.

— Семь тридцать? Мне пора. — Она встала.

— Постой, — не выдержал Роберт, — В чем дело? — Он вскочил со стула и остановился к ней лицом.

— Джулия начнет возникать, если проснется, а меня нет.

Роберт колебался. «Она сама придет. Не удерживай». Валентина еще не успела развернуться к выходу, а на него уже нахлынуло нестерпимое одиночество. Он пошел за ней к дверям черного хода. Она взялась за дверную ручку. Повисла неловкая пауза.

— Может, как-нибудь поужинаем вместе? — предложил он.

— Хорошо.

— В эту субботу?

— Договорились.

Она медлила. Роберт подумал, что надо бы ее поцеловать; так он и сделал. Поцелуй

удивил его: много лет он не целовал никого, кроме Элспет. Поцелуй удивил и Валентину: так она еще ни с кем не целовалась — у нее поцелуи всегда вызывали теоретический интерес, а не телесные ощущения. Она так и застыла с поднятым кверху лицом, полураскрыв губы и зажмурив глаза. Роберт подумал: «Она лишит меня покоя, и я не стану противиться». Притворив за собой дверь, Валентина зашлепала по лестнице. В квартире сверху щелкнул дверной замок. Роберт не сходил с места, пытаясь разобраться в том, что произошло, но в голове поплыло, и он сдался. Глотнув спиртного, он завалился спать.

В следующую субботу, дождавшись вечера, Роберт надел костюм и предстал перед дверью близнецов. Валентина выскользнула к нему и шепнула:

— Идем.

В зеркалах прихожей он успел заметить Джулию, одиноко застывшую в призрачном свете. Роберт хотел помахать, но Валентина заспешила вниз по лестнице, и он устремился за ней. Подняв голову, он увидел, что Джулия высунула голову из квартиры. Она полоснула его взглядом и захлопнула дверь.

Внизу поджидало заказанное такси-малолитражка.

— В Сохо, «Эндрю Эдмундс», — сказал Роберт водителю.

Они проехали через Хайгейт-Вилледж и Кентиш-Таун. Приглядевшись к Валентине, Роберт узнал наряды Элспет — черное бархатное платье и белый кашемировый палантин, — которые напомнили ему совсем другой, давно минувший вечер. Даже туфельки — и те прежде носила Элспет. «Что она хочет этим сказать?» Потом до него дошло, что Валентина, скорее всего, не привезла из Америки свою одежду. Он с досадой подумал, что близнецы получили от Элспет достаточно денег, чтобы купить себе новые вещи. В одежде с чужого плеча Валентина выглядела старше, как будто отчасти сама преобразилась в Элспет. Она смотрела в окно.

— До сих пор не могу сориентироваться.

Посмотрев мимо нее, Роберт подсказал:

— Кэмден-Таун.

Валентина вздохнула:

— По мне, все одинаково. И такая скученность.

— Не любишь Лондон?

Она покачала головой:

— Я бы и рада полюбить. Только мне здесь неуютно.

Роберт даже не задумывался о том, что по прошествии года она, по всей вероятности, захочет уехать; теперь в нем всколыхнулась настоящая потребность убедить ее, какое это желанное место — Лондон.

— Не могу представить, как можно жить в каком-то другом городе. Впрочем, я здесь вырос. Если куда-нибудь переселюсь, буду как отрезанный ломоть. Здесь все мои воспоминания.

— Понимаю. У меня такое же отношение к Чикаго.

Она посерьезнела, и это вызвало у него улыбку.

— Не рано ли тебе ностальгировать? Я — другое дело, старый, замшелый историк, песок сыплется. А ты должна искать приключений.

— Вам сколько лет? — спросила она.

— Через две недели стукнет тридцать семь, — сказал он.

А про себя отметил, что она не стала протестовать, когда он обрисовал себя стариком. Валентина улыбнулась:

— Значит, отпразднуем.

Сначала Роберт подумал, что это относится к ним двоим, но потом понял, что она говорит о себе и Джулии. Реакцию Джулии нетрудно было представить, поэтому он сказал:

— Думаю, у нас на кладбище будет чай с пирожными; может, вы тоже зайдете, со всеми познакомитесь?

— Хорошо. — Она заулыбалась. — Именинное чаепитие на кладбище — это что-то новенькое.

— Ну, особых торжеств не будет, просто чай с какими-нибудь угощениями. А так — ни подарков, ничего.

Они стали наперебой вспоминать прежние дни рожденья: «Тогда нас впервые повели в цирк...», «В конце концов пришлось мне делать промывание желудка...», «Джулия так разозлилась...», «В то утро зашел мой отец, а я его раньше не видел...»

— Это как?

Роберт запнулся; у него не было уверенности, что он готов прямо сейчас поведать ей эту историю. Он все время забывал, что они едва знакомы.

— Ну, видишь ли... Мои родители не состояли в браке. Вообще-то у отца в Бирмингеме была другая семья. А тут он прикатил на «ламборгини» и повез нас в Брайтон, на целый день. Тогда я впервые увидел море.

— Странно. Почему он столько лет не показывался?

— Он занят собой, детей не особенно любит. Хотя нелепо, конечно: у меня пятеро единокровных братьев и сестер. Мать говорит, он потому приехал на меня посмотреть, что она в кои веки решилась попросить у него денег. После этого он стал изредка навещать, привозил какие-то никчемные подарки... Человек он своеобразный и совершенно ненадежный. В детстве я боялся, что он заберет меня у матери и мы с ней больше не увидимся.

Валентина покосилась на Роберта. «Он что, шутит?» Если так, то она, видимо, чего-то не поняла. Такси притормозило у ресторана. Валентина ожидала увидеть большое, плотно задрапированное, солидное заведение, но оказалась в крошечном, тесном зале с почерневшей от времени деревянной обшивкой и низкими сводами. У нее появилось редкое ощущение, будто сама она выросла до небывалой величины. Вот, значит, что такое настоящий Лондон; вот куда лондонцы ходят ужинать. Ее охватили смешанные чувства: она торжествовала, что пришла сюда не как туристка; радовалась, что она здесь, а Джулия — дома; терялась, не зная, как поддержать разговор с Робертом. Что полагается отвечать, когда человек говорит, что боялся, как бы его не похитил родной отец? Что бы на это сказала Джулия? Когда их усадили за маленький столик, между шумной компанией деловых людей из Сити и литагентом, который обхаживал редакторшу, Валентина спросила:

— А почему у тебя были такие подозрения?

Оторвавшись от меню, Роберт переспросил:

— Какие?

— Ну, насчет отца. Ты же сказал...

— Ах да. Теперь-то я понимаю, что у него и в мыслях этого не было, но он постоянно отпускал какие-то шуточки, повторял, как здорово было бы нам с ним вдвоем перебраться в северном направлении... В моих глазах он смахивал на гоблина. Вплоть до юности я его опасался.

Валентина вытаращила глаза, потом спряталась за меню и промолчала. «Как он спокойно об этом говорит. Какая бы ни была у человека семья, он ничему не удивляется». Она почувствовала себя — пожалуй, впервые — несмышленной малолеткой с Запада.

«Это я хватил через край», — понял Роберт.

— Для начала бокал вина? — предложил он. — Выбрала что-нибудь?

Разговор сперва не клеился, но они сошлись в пристрастии к «Монти Пайтону»,⁸⁴ обменялись кладбищенскими историями, посмеялись над выходками Котенка и оценили суп из фенхеля. К концу вечера они уже чувствовали себя друг с другом легко или, во всяком случае, более непринужденно, чем раньше.

⁸⁴ «Монти Пайтон» — группа британских комиков, в 1969–1974 гг. выпускавшая популярную телепрограмму «Летающий цирк Монти Пайтона».

Этому одинокому вечеру не было конца. Сначала Джулия решила подняться к Мартину, но была страшно раздосадована, что ее бросили, а потому решила: ну и пусть, чем хуже, тем лучше. И хорошо, что телевизор сдох.

Разогрев банку томатного супа, она устроилась в столовой и за едой начала читать «Счастливого Джима»,⁸⁵ который хранился у Элспет в кабинете. Элспет, сидя напротив, не спускала с нее глаз. «Супом не займись, это же первое издание, с автографом». Элспет ругала себя, что не оставила близнецам более подробные инструкции. Без злого умысла они варварски обращались с ее сокровищами: лежа в ванне, читали редкие издания «Тристама Шенди»⁸⁶ и «Вильетт»,⁸⁷ записывали в сумочки памфлеты Даниэля Дефо, чтобы читать в метро. Элспет так и подмывало выхватить у Джулии книгу. *А мне, собственно, какое дело? Это всего лишь книга, ее читают, радоваться надо. Меня не должно волновать, что Валентина носит мою одежду, ужинает с Робертом, но это меня волнует, да еще как.* Джулия доела суп, закрыла книгу, убрала со стола и вымыла посуду. Стала играть с Котенком, но Котенку это вскоре наскучило, и он ушел спать в гардеробную. Тогда Джулия легла на диван в гостиной и уставилась в потолок, а когда вконец извелась, включила компьютер. Два часа убила в интернете, написала мейлы своим забытым школьным подружкам. Элспет обиженно протиснулась к себе в ящик. В десять вечера Джулия приняла ванну. В десять тридцать понадеялась, что Валентина с минуты на минуту будет дома. Ближе к полуночи, трижды набрав ее номер, она запаниковала. Элспет следила, как Джулия мечется из угла в угол, и предчувствовала... что? Беду. Опасность. История повторялась с досадными вариациями. Элспет пыталась представить, куда Роберт мог повести Валентину — его любимые бары, заветные маршруты... *Возвращайся домой, возвращайся, чтобы я за тобой приглядывала.* Джулия лежала в постели без сна и кипела от злости. Элспет сидела у окна. Они ждали.

— Хочешь, прогуляемся по Южному берегу? — предложил Роберт.

Он расплатился по счету, и они собирались выходить из ресторана. Валентина заколебалась. Ее смущали туфли. Остроносые, на шпильках, да еще на полразмера велики.

— С удовольствием, — ответила она.

До Вестминстерского моста они доехали на такси. На улицах — удивительное дело — было безлюдно. Их шаги гулко отдавались от тротуара, с противоположной набережной доносился смех. Зрелище ночного Вестминстера было для Валентины в диковинку. «Когда нет толпы, здесь намного приятнее». Роберт повел ее через мост и вниз по ступеням. Стоя у парапета, они смотрели на Темзу и здания парламента. Прямо над Биг-Беном зависла низкая оранжевая луна. Роберт привлек Валентину к себе. Она напряглась. Так они постояли несколько минут, и каждый пытался прочесть мысли другого. Наконец он сказал:

— Пойдем дальше? Мне кажется, ты озябла.

— Да, есть немного, — ответила она.

Они поднялись по тем же ступеням. При ходьбе Валентине было как-то спокойнее. Она не знала, как принято себя вести в таких ситуациях: предполагала, что они будут целоваться, а вдруг он захочет большего? Не рассчитывает ли, что она пойдет к нему? Неужели он не понимает, что это исключено? Который теперь час? Задержись она еще немного — Джулия с ума сойдет. Она и так на стенку лезет, а потом просто взбеленится... Украдкой Валентина

⁸⁵ «Счастливого Джима» (1954) — роман английского писателя Кингсли Эмиса (1922–1995), представителя литературного течения «Сердитые молодые люди».

⁸⁶ «Тристам Шенди» (в действительности — «Тристрам Шенди») — роман английского писателя Лоуренса Sterne (1713–1768).

⁸⁷ «Вильетт» (1853) — роман Шарлотты Бронте (1816–1855).

пыталась взглянуть на часы Роберта. Потом вспомнила, где находится, и подняла глаза на Биг-Бен. Почти полночь. Они миновали мосты Ватерлоо и Блэкфрайарс. Ноги у нее горели. Он рассказывал о выставке, которую посетил в отделе современного искусства галереи «Тейт». Валентина с тоской провожала глазами каждую скамейку. На подходе к Лондонскому мосту она не выдержала:

— Может, присядем?

— Ох, прости, — спохватился он. — Совсем забыл, что ты на шпильках.

Опустившись на скамью, Валентина сбросила обувь. Она размяла пальцы ног, покрутила ступнями. Роберт наклонился и поднял ее туфли. Он так и застыл, держа в каждой руке по туфельке. Внутри они были теплыми и немного влажными.

— Бедные твои ножки, — выговорил он.

— Туфли чужие, — сказала она.

— Знаю. — Он поставил туфли Элспет рядом с собой. — Ну-ка. — Он вытянул руки. — Давай сюда лапы.

Посмотрев на него с сомнением, она все же подчинилась. Он развернул ее так, чтобы она, опираясь на локти, положила ступни ему на колени.

— Можешь снять чулки?

— Только не смотри, — сказала она.

Он принялся массировать ей ноги. Вначале она следила за его движениями, но потом запрокинула голову, и теперь ему было видно лишь тонкую шею и маленький заостренный подбородок. Он сосредоточился на ее подошвах, чувствуя, что достиг нового уровня раскованности: делал массаж ног молоденькой девушке в общественном месте. «Хотелось бы знать, не полагается ли за такое арест?» Но все мысли тут же улетучились. Мир сжался до этой скамейки: в нем были только ее ступни и его руки.

Валентина подняла голову. Она полностью расслабилась и поплыла. Роберт наклонился и поцеловал ее ноги.

— Процедуры закончены, — сказал он.

— Боже мой, — вырвалось у нее. — Кажется, я не смогу идти.

— Я тебя понесу, — сказал он и не обманул.

Было уже почти два часа ночи, когда Джулия и Элспет услышали шаги. Джулия выпрыгнула из постели, еще не решив, как быть — встречать Валентину на пороге или ожидать в спальне. Элспет полетела в прихожую и увидела медленно открывающуюся дверь; а еще она увидела, что Роберт несет Валентину на руках; увидела, как он бережно опускает ее на босые ноги, увидела, как Валентину, с туфельками в руках, слегка качнуло — и узнала то самое, что произошло однажды с ней самой. Валентина вглядывалась в темноту квартиры. Потом обернулась к Роберту и помахала одними пальцами. Он насмешливо поклонился, вернул ей чулки и пошел к себе. Валентина шагнула через порог и заперла дверь. А потом бесшумно пробралась в спальню.

Элспет осталась в прихожей. Ей не улыбалось быть свидетельницей неминуемой ссоры. *Это мы уже проходили.* Ей хотелось вырваться из квартиры, побыть одной, разобраться в своих мыслях. Хотелось догнать Роберта и умолить его... *А о чем мне просить? Что я ему скажу?* Элспет жаждала глотнуть чего-нибудь покрепче и хорошенько выплакаться в ванне. Она жаждала выскочить на улицу и до изнеможения идти куда глаза глядят, потом рухнуть в постель. Но вместо этого потащилась к себе в кабинет и стала смотреть в сад, залитый лунным светом. *Отпусти меня,* молила она ту силу, что удерживала ее взаперти. *Пойми, я хочу умереть; умереть по-настоящему и уйти.* Она выжидала, но ответа не было. *Господи, кем бы Ты ни был, умоляю, отпусти меня.* Это не помогло. Ей стало ясно, что никто ее не слышит. Оставалось полагаться только на себя.

Неся в руках чулки и туфли, Валентина прокралась в спальню. Джулия в пижаме сидела на кровати и болтала ногами. При появлении Валентины она обернулась:

— Тебе известно, сколько сейчас времени?

- Нет.
- Почти два часа ночи.
- Ой.

Джулия соскочила с кровати. Валентина подумала: «Полезет в драку — зафигачу в нее туфлями». Они стояли лицом друг к другу, не решаясь выговорить те слова, которые разожгут ссору. Джулия подумала: «Надо лечь спать — да и все». Но не удержалась и выдала:

— Это все, что ты можешь сказать? «Ой»? — Она стала передразнивать неумелое притворство Валентины. — «Ой, ой, ой».

Валентина пожала плечами:

— У нас что, комендантский час? Ты здесь вместо мамы? Да хоть бы и так: мне двадцать один год. — («Ну что, съела, Джулия?»)

— Могла бы для приличия сообщить, в котором часу вернешься: я же беспокоюсь. — («Я больше, чем мама. Ты от меня просто так не отделаешься».)

— Это твои проблемы. Ты прекрасно знала, где я и с кем. — («Ты мне не указ».)

— Ты отправилась поужинать. Ужин не затягивается до двух часов ночи! — («Где ты шлялась целых семь часов?»)

— Я ходила на свидание, а остальное тебя не касается. — («И отвяжись».)

— Нет, касается! Что на тебя нашло? — («У нас друг от друга секретов никогда не было».)

— Тебе не кажется, что уже пора жить собственной жизнью? — («Господи, да отвянь ты, Джулия».)

— Естественно! Мы и так живем собственной жизнью, только вместе... — («Валентина!»)

— Я не о том! — Валентина швырнула туфли через всю спальню. Они безобидно запрыгали по ковру. — Ты прекрасно понимаешь — я хочу сама распоряжаться своей жизнью. Я хочу стать собой! Мне надоело быть полуличностью. — У нее брызнули слезы. Джулия сделала шаг вперед, но Валентина вскрикнула: — Не прикасайся ко мне! Не смей!.. — И выбежала в коридор.

Джулия осталась стоять с закрытыми глазами, опустив руки. «Завтра одумается. Сделаем вид, что ничего не произошло». Она вернулась в постель и стала прислушиваться, пытаясь определить, где находится Валентина. Потом ее сморил сон; ей приснилось, что она пришла к Мартину и бродит одна по его квартире, нащупывая бесконечные тропинки среди нагромождения коробок.

Валентина устроилась на ночь в гостевой спальне. Постель, как выяснилось, отсырела; Валентина чувствовала себя порочной от того, что легла спать в нижнем белье. «Не помню, чтобы я когда-нибудь спала одна». На самом деле она так разнервничалась, что не могла уснуть. Ссора с Джулией не давала ей покоя; вечер, проведенный с Робертом, отступил на многие недели назад и вспоминался как смутная и желанная передышка в настоящей битве. Саму себя она теперь видела здравомыслящей и несломленной. «Я одержала победу, — молча повторяла она. — Высказала все, что накипело. Так ей и надо. Знала ведь, что правда на моей стороне. Теперь все пойдет по-другому».

Наутро близнецы, избегая смотреть друг на друга, встретились в кухне. Они приготовили яичницу и тосты, вместе позавтракали в холодном свете столовой и обменялись парой слов. Все стало на свои места, но прошлого уже было не вернуть.

ВИТАМИНЫ

— У вас нездоровый вид, — сказала Джулия Мартину несколько дней спустя. — Я вам куплю витамины.

— Слышу голос Марики.

— Это хорошо или плохо?

Они сидели у Мартина в кабинете. День клонился к вечеру; Валентина ушла с Робертом на кладбище, и Джулия, как заблудшая овечка, притащилась к Мартину, громко жалуюсь, что все ее бросили, и втайне рассчитывая посмотреть с ним телевизор. Оказалось, у Мартина срочное дело; она маячила рядом, изнывала от скуки, но не теряла надежды.

Мартин с улыбкой развернулся вместе с креслом. В тусклом свечении монитора он выглядел пришельцем из другого мира; Джулия даже нашла его красивым, но понимала, что это красота распада. Его лицо отливало синевой, а руки в теплом свете настольной лампы казались кроваво-оранжевыми.

— Это приятно. Люблю, когда обо мне заботятся, но в меру. Чрезмерная опека тоже ни к чему.

У Джулии назревал план.

— Конечно, конечно, это так. Но если я куплю витамины, вы не откажетесь их принимать?

Мартин опять повернулся к экрану. Он составлял сетку для кроссворда. От щелчка мышкой три квадрата сделались черными.

— Трудно сказать. Мне не упомянуть, когда пора глотать таблетки.

— А я буду напоминать. Возьму это на себя.

— Что ж, все лучше, чем впихивать в себя фрукты-овощи.

— Решено, завтра же поеду в «Бутс». — Джулия помедлила. — Вы всю ночь работать собираетесь?

— Да, нужно было начать еще вчера, но я отвлекся на другое. А послезавтра уже сдавать. — Мартин сделал пометку в рукописном наброске кроссворда. — Если хочешь включить телевизор — прошу.

— Нет, я одна смотреть не люблю. Пойду к себе, почитаю.

— Уж извини, что я такой плохой компаньон, но мне — кровь из носу — надо закончить, иначе редактор явится сюда с дубинкой.

— Да ничего.

Когда Джулия переступила порог своей квартиры, ее план принял реальные очертания.

— Так нельзя, — сказала Валентина, когда Джулия с ней поделилась. — Нельзя пичкать человека лекарствами без его ведома.

— Почему это? Он же говорит, что отказ от лечения — один из симптомов его болезни. Я осторожно. Он и сам обрадуется, когда таблетки подействуют и он сможет выходить на улицу.

— А побочные эффекты? А вдруг у него аллергия? И вообще — как ты достанешь лекарство от навязчивого невроза?

— Мы с тобой пойдем к врачу и разыграем спектакль. Я перелопатила массу источников — симулировать эту болезнь проще простого. Скажу, к примеру, что невыносимо боюсь змей. Можно еще и брови выщипать.

— Что значит «мы с тобой»? Я никуда не пойду. — Валентина вцепилась в подлокотники кресла, словно опасаясь, как бы Джулия не потащила ее силком.

Джулия пожала плечами:

— Не хочешь — не надо. Я и одна могу.

Это оказалось не так-то просто, но Джулия правдами и неправдами раздобыла рецепт на анафранил. Пересыпав капсулы в пузырек из-под витаминов, она как-то вечером явилась к Мартину сразу после ужина.

— Вот видите, я не забыла, — похвалилась она, потрясая флакончиком.

Он склонился над какими-то фотоснимками, погрузившись в чужой язык.

— Как, простите? А, привет, Джулия. Что это? Спасибо, очень мило с твоей стороны. Поставлю возле компьютера, чтобы не забывать.

— Нет, — сказала Джулия, — я их буду держать у себя и выдавать по часам. У нас ведь был уговор, помните?

— Разве? — удивился он.

Джулия сходила на кухню и принесла стакан воды. Когда она протянула Мартину одну капсулу, он положил ее на ладонь и стал разглядывать. Потом поднял недоверчивый взгляд на Джулию, но ничего не сказал.

— А принимать кто будет? — нервно спросила она.

На капсуле была надпечатка: «Anafranil 25 mg»; Джулия понадеялась на близорукость Мартина.

— А? Да, в самом деле. — Он положил капсулу в рот и запил водой. — Спасибо, сестричка.

Джулия засмеялась:

— Улучшение налицо.

Она игриво погремела склянкой и пошла вниз. Валентина сидела на полу в кабинете Элспет, вперившись в ее ноутбук.

— Ты его погубишь, — сказала Валентина.

— Глупости. О чем ты говоришь?

— Смотри. — Валентина развернула экран к Джулии, которая села на пол рядом с ней. — Читай, здесь перечислены побочные эффекты.

Джулия стала читать. «Ухудшение зрения, запоры, тошнота, рвота, аллергические реакции, учащенное сердцебиение...» Список был длинным. Она перевела глаза на Валентину:

— Я много времени провожу рядом с ним. Больше, чем способен любой врач. Надо будет за ним понаблюдать, вот и все.

— А если у него случится инфаркт?

— Скажешь тоже.

— А какое-нибудь недомогание? Он же тебе не признается, если вдруг станет импотентом или не сможет сходить по-большому.

— Я определила ему очень маленькую дозу.

Валентина вышла из Сети и закрыла ноутбук. Потом она поднялась с пола.

— У тебя совсем крыша съехала, — бросила она Джулии. — Нельзя решать за других. А без бровей ты просто страхолюдина.

— Ты, между прочим, даже не удосужилась к нему зайти, — рассердилась Джулия, но Валентины уже рядом не было.

Джулия слышала, как она прошла по коридору, закрыла за собой парадную дверь и спустилась по лестнице.

— Ну и ладно, — сказала Джулия. — Катись. А там видно будет.

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

День рождения Роберта оказался безоблачным и даже целительным. Накануне он лег спать в разумное время и с рассветом вскочил с постели в необычно радостном нетерпении. «Да-да-да, да-да-да, бла-бла-бла, бла-бла-бла, С ДНЕМ РОЖ-ДЕ-НИ-Я...» — распевал он, принимая душ, а потом позавтракал яйцом в мешочек и ломтиком тоста. Утро он провел восхитительно — перерабатывал главу диссертации, посвященную Стивену Гири, архитектору Хайгейтского кладбища. В контору он явился до полудня и вместе с Джеймсом рылся в архиве до двух часов, пока не пришло время экскурсии. Казалось, его приветствовали все знакомые памятники: «Когда-нибудь пробьет и твой час, но только не сегодня». Вернувшись в контору, он обнаружил, что в нижнем офисе никого нет, кроме директора кладбища Найджела и какой-то молодой четы — они обсуждали организацию похорон младенца. Роберт, поспешно ретировавшись, поднялся наверх.

В уголке на одном из конторских стульев примостилась Валентина. Джессика разговаривала по телефону; Фелисити заваривала чай и приглушенно беседовала с камнерезом по имени Джордж о его работе над каким-то мемориалом; сверху, из архива, Джеймс окликал Джессику; Эдвард делал ксерокопии, а Фил вынимал из коробки торт.

Смущаясь, вошли Томас и Мэтью, и в офисе вдруг стало непривычно тесно, потому что могильщики редко присоединялись к остальным, да к тому же отличались богатырским телосложением.

— Оцени, — сказал Фил. — Я заказал, чтобы нам глазурью изобразили Египетскую аллею.

— Ну и ну, — протянул Роберт. — Как же это... неаппетитно.

— Что правда то правда, — согласился Фил. — Серая глазурь не каждому по нутру.

При виде торта Фелисити расхохоталась. Все тут же перешли на шепот, памятью об убитых горем родителях, которых принимал внизу Найджел.

— Блеск, — сказала она, понизив голос, и принялась втыкать в торт маленькие розовые свечи.

Джессика повесила трубку и распорядилась, не обращаясь ни к кому в отдельности:

— Соблюдайте приличия.

Она подмигнула Валентине и пошла вниз.

Джессика и Фелисити были единственными, не считая Роберта, с кем Валентина уже встречалась. Роберт, войдя, приветствовал ее улыбкой, и Валентина приободрилась. Она с удивлением наблюдала, как Роберт трепался с Филом и парировал шуточки Томаса и Мэтью насчет неуклонного приближения его смертного часа. Так зоологи наблюдают за редким животным в естественной среде обитания. От застенчивости Роберта не осталось и следа. Он подозвал к себе Валентину и, одной рукой приобняв ее за плечи, стал знакомить с собравшимися. Валентину взволновало, что друзья Роберта воспринимают их как единое целое, но будь на его месте Джулия, у Валентины это вызвало бы только раздражение.

Из архива спустился Джеймс, который бочком присел за стол жены. Вскоре появилась и сама Джессика, а за нею — Найджел.

— Ого, — изумился он. — По какому случаю праздник?

— По случаю двадцатого апреля, Найджел, — сказала Фелисити. — Ты разве не захватил костюм?

— Сегодня у Роберта день рождения, — напомнил Джеймс.

— Да, в самом деле, — невесело произнес Найджел. — К сожалению, мыслями я не здесь.

— Обо всем договорились? — спросил Джеймс.

— Разумеется, — ответил он. — Хоронить будем в понедельник, в одиннадцать.

На контору опустился темный покров; детские похороны удручали всех и каждого. «Когда мы хороним детей, — подумал Роджер, — всякий раз начинается дождь. — Потом он сказал себе, что это не так. — Но зонт на всякий случай прихватчу».

— Ох ты, — поразился Найджел, заметив торт. — Это что за ужас?

— Эй, — возмутился Фил, — попрошу не оскорблять кондитерское изделие. — Он сфотографировал торт на мобильник. — Для архива.

Фелисити зажгла свечи. Все сгрудилось вокруг Роберта, который с нескрываемым удовольствием слушал, как ему поют «Happy Birthday». Валентина пела вместе со всеми; у нее было такое чувство, будто эти люди — ее давние знакомые: Фил, весь в татуировках, одетый в кожаный тренч; Джордж в рубашке с закатанными рукавами, рассказывавший бархатным голосом про карандашный эскиз, который он не выпускал из почерневших от графита пальцев; Эдвард, похожий на героя черно-белого фильма, исполненный достоинства, в костюме, при галстук, сцепивший перед собой руки, как в церкви; улыбчивые Томас и Мэтью — в высоких сапогах и подтяжках; печальный Найджел, выводящий слова с таким видом, как будто это была тяжелая миссия, чреватая пагубными последствиями; Фелисити, добрая и звонкоголосая; Джессика и Джеймс, поющие с хрипотцой, как надтреснутые флейты, — все хором распевали «Happy birthday to you». Под конец Роберт зажмурился, пожелал себе «когда-нибудь снова стать счастливым» — и задул все свечи, кроме одной. Зашелестели озабоченные вздохи; тогда он еще раз набрал воздуха и со второй попытки задул последний огонек. Аплодисменты, смех. Разрезав торт, Роберт

протянул первый кусок Валентине. В одной руке она держала бумажную тарелку, в другой — пластмассовую вилку — и наблюдала, как он раздает покрытые глазурью ломтики.

Фелисити уже наливала чай в разномастные конторские кружки и фарфоровые чашечки. Роберт попробовал торт: серая глазурь на вкус оказалась не хуже любой другой. Он исподволь бросил взгляд на Валентину и заметил, что она, молчаливая и торжественная среди общего веселья, не сводит с него глаз. Внезапно ее лицо озарилось улыбкой, и у него отлегло от сердца: прошлое уходило в тень, и все его мысли были теперь о будущем. Роберт протолкнулся к Валентине и остановился рядом; они ели торт и блаженно молчали под гул именинной вечеринки. «Все будет хорошо», — подумал он.

Джессика не спускала с них глаз. «Как она похожа на Элспет, — крутилось у нее в голове. — Просто мороз по коже». Перед ее мысленным взором появилась супружеская чета — несчастные родители, только что покинувшие контору. Выходя за кладбищенские ворота, они поддерживали друг друга, словно борясь с ураганом, который норовил свалить только их. Роберт с Валентиной просто стояли рядом, но Джессике почудилось такое же единение. «Кажется, он вполне счастлив. — Она сделала глоток чаю. — Надо думать, все обрзается».

ПРИЗРАЧНЫЕ ПОСЛАНИЯ

Элспет занималась пылью. У нее не укладывалось в голове, почему она так поздно оценила возможности этой субстанции. Легкая, подвластная ее скромным силам, пыль представляла собой идеальный канал общения.

Когда близнецы впервые оказались у нее в квартире, Джулия машинально провела пальцем по крышке рояля, оставив на гладкой поверхности узкую полоску. Блестящий след действовал Элспет на нервы, и теперь она с усердием принялась возвращать пылинки на место, чтобы заровнять этот бездумный укор; тут-то ее и осенило, что перед ней настоящая *tabula rasa*.⁸⁸ Пыль была рупором, способным усилить ее отчаянный зов. Элспет настолько разволновалась, что уплыла к себе в ящик и стала обдумывать новые возможности.

Что же им сказать, раз уж есть такая возможность? «Помогите, я умерла». Нет, не годится — чем они ей помогут? Не стоит бить на жалость. Но и пугать их не следует. Пусть знают, что это я, а не чей-нибудь розыгрыш. Она сделала ставку на Роберта. Вот кому надо написать послание — уж он-то не усомнится, что она здесь.

На следующий день было воскресенье. Утром пошел дождь, и слабый свет, проникавший в гостиную, совсем потускнел. Элспет проплыла над роялем. Если бы кто-нибудь обрел способность ее видеть, то заметил бы одну правую руку и лицо.

Сидя в столовой, близнецы неторопливо прихлебывали кофе и доедали остатки тостов с джемом. Элспет слышала их отрывочные, вполне дружелюбные фразы — утренние обсуждения предстоящих вылазок. Это ей было неинтересно, и она обратила все свое внимание на серую от пыли поверхность.

Для пробы Элспет прижала к ней кончик пальца. Где-то она вычитала, что домашняя пыль состоит главным образом из омертвевших клеток человеческой кожи. *Выходит, я пишу на своем бывшем теле.* Пыль оказалась податливой, мягкие частицы расступались, и она прочертила блестящую дорожку. Простота этого действия привела ее в восторг; писать нужно было продуманно, чтобы Роберт сразу понял, что к чему. Чтобы вывести пару строк, ей потребовался целый час. Близнецы уже отправились на прогулку. За работой Элспет мурлыкала себе под нос, восхищаясь завитушками собственной подписи и безупречными знаками препинания. С огромным усилием она включила торшер, который раньше освещал ноты. *Так они сразу заметят,* возликовала она и совершила триумфальный полет по квартире, проникая сквозь стены и скользя по потолкам. Ей даже удалось запустить кусочком сахара в голову Котенка, дремавшего на стуле, наполовину задвинутом под

⁸⁸ Чистая доска (лат.).

обеденный стол. *Какое дивное утро!*

Роберт провел этот день — кстати, первое мая — у входа на Восточный некрополь, направляя толпы людей, преимущественно китайцев, к могиле Карла Маркса. Вечером он, выжатый как лимон, уселся за компьютер. Уставившись на экран, он хотел разобраться, чем именно не устраивает его третья глава. Тон изложения звучал диссонансом: это было завлекательное, если не легкомысленное повествование об эпидемиях брюшного тифа и холеры. Мыслимое ли дело? Непонятно, с какой стати у него вообще прорезался такой интерес к эпидемиям.

Он начал выделять красным наиболее существенные абзацы — и тут услышал настойчивый стук в дверь.

На площадке стояли помрачневшие сестры-близнецы.

— Поднимись к нам, — сказала Валентина.

— А что случилось?

— Хотим тебе кое-что показать.

Джулия шла вверх по лестнице позади Валентины и Роберта. Она еще на что-то надеялась и отдавала себе в этом отчет.

В квартире горел яркий свет. Двойняшки подвели Роберта к роялю и отступили назад. Он узнал почерк Элспет:

ПРИВЕТ, ВАЛЕНТИНА И ДЖУЛИЯ!
Я ЗДЕСЬ.
С ЛЮБОВЬЮ,
ЭЛСПЕТ.

А ниже —

РОБЕРТ: 22 ИЮНЯ 1992. Э.

У Роберта помутилось в голове. Он протянул руку, чтобы коснуться этого послания, но Валентина перехватила его запястье.

— Как это понимать? Что за дата? — спросила Джулия.

— Это... известно только ей и мне.

— Она включила торшер, — сообщила Валентина.

— И что произошло в тот день? — не унималась Джулия.

— Почерк — в точности как у мамы, — сказала Валентина.

— Что произошло...

— Это личное, договорились? Касается только нас двоих, — отрезал Роберт.

Близнецы переглянулись и сели на диван, сложив руки на груди. Роберт вновь и вновь перечитывал послание. Ему вспомнился тот первый день: он зашел в сад перед домом и стал записывать номер телефона агентства, приведенный в объявлении о сдаче квартиры. Элспет следила за ним из окна. Потом она помахала; он помахал ей в ответ; она исчезла, чтобы тут же появиться рядом с ним — очевидно, сбежала по лестнице, перепрыгивая через ступеньки. На ней было открытое белое платье; убранные назад волосы скрепляла заколка. Элспет выскочила из дому в дешевых резиновых шлепанцах — какое-то у них было название? Когда она поднималась на крыльцо, он увидел ее пятки. Квартира — его квартира — пустовала. Элспет водила его из комнаты в комнату, но разговор у них завязался совершенно не о том. Что они говорили друг другу? Слова уже стерлись из памяти. Он помнил только, что все время шел за ней следом и поедал глазами крылышки-лопатки, которые открывало белое платье, нежные позвонки, сбегавшие в глубь выреза, длинную молнию, туго стянутую талию и колокол юбки. В то лето ее кожу позолотил легкий загар. Потом они поднялись этажом выше, в ее квартиру, выпили в этой самой гостиной имбирного пива, а после оказались у нее в спальне; он потянул язычок молнии вниз, и платье упало, как пустая скорлупка. Его ладони согревало тепло ее кожи. Некоторое время спустя он действительно снял здесь квартиру, но

в тот вечер даже не вспомнил, зачем пришел, потому что видел перед собой только ее босые ступни, локоны, выбивавшиеся из-под заколки, чистое лицо и движения рук. «Я схожу с ума, Элспет. Не могу... Не знаю, что и думать».

Он неотрывно смотрел на ее послание. Валентина молча сказала: «Ко мне у него таких чувств нет». Джулия выжидала. Ему подумалось, что рядом, вполне возможно, стоит Элспет. Кошечка вспрыгнула на диван и устроилась на подлокотнике. Сложив лапки под грудь, она следила за людьми, явно не задумываясь о призраках.

Наконец Роберт решился:

— Элспет?

Всех троих по очереди обдало каким-то мимолетным глубинным холодом.

— Можешь нам что-нибудь написать? — спросил Роберт.

Близняшки поднялись с дивана. Все взгляды устремились на крышку рояля.

То, что произошло дальше, напоминало замедленные кадры рисованного фильма. Пыль сама по себе расступалась; невидимая рука выводила буквы: ДА.

Элспет видела, что Роберт силится примирить прошлое с настоящим, что он взволнован и охвачен тревогой. Валентина не сводила с него глаз; Джулия не сводила глаз с Валентины. *Вот оно как*, подумала Элспет. *Всем нам тяжело*. Она начала слоняться по комнате и двигать вещи. Закачались двери, дрогнули гардины. Роберт даже оторвался от созерцания писем, потому что она несколько раз включила и погасила настольную лампу.

— Иди сюда, родная, — позвал он, и она подлетела к нему, охваченная внезапным счастьем.

Он почувствовал только непонятную близость, холодное дуновение. «Как же я раньше не догадался? Все это время она была здесь, а я ее даже не приветил». Роберт вспомнил бесчисленные посещения ее могилы: он часами просиживал на ступенях фамильного склепа Ноблинов и говорил обо всем, что приходило на ум; потом его мысли обратились к их с Валентиной ночной прогулке, в которой теперь чудилось что-то глупое, едва ли не тошнотворное. «Но ведь я не верил, что она здесь. Не верил?» Он долго качал головой. Потом спохватился и взял себя в руки.

— Расскажи нам, как... С чем это можно сравнить?.. Как ты? — Роберт сказал бы гораздо больше, если бы не присутствие близнецов.

Элспет вытянулась на рояле и стала обдумывать его вопросы. *Как я? Ну, как: мертвая. Да, стараюсь не раскисать. Хм...* В задумчивости она начертила маленькую завитушку. Роберт помнил, что во время телефонных разговоров она покрывала страницу за страницей точно такими же спиралями. «Значит, ты здесь, и вправду здесь».

Валентина и Джулия, непосвященные, следили за изгибом спирали. «Мы — прямо как овцы, которые видели рождение младенца Христа», — размышляла Джулия. А Валентина хотела понять, часто ли Элспет оказывалась рядом с ними. «Что она про нас вызнала? Понравились мы ей или нет?» Ей стало не по себе. Валентина старалась припомнить, не случалось ли им в разговоре неуважительно отзываться об Элспет. В детстве близняшки нередко пугали друг друга Боженькой, который видит всю правду. Как ни старайся быть хорошей... Она по-прежнему смотрела на Роберта. Но он даже не покосился в ее сторону. Сейчас он ждал только нового послания от Элспет.

Буквы проступали медленно. ОДИНОКО. В ЛОВУШКЕ. РАДА, ЧТО ЗДЕСЬ В. И ДЖ. СКУЧАЮ.

— Можем мы вам как-то помочь? — спросила Джулия.

КНИГИ. ИГРЫ. ВНИМАНИЕ.

— Внимание к вам?

ДА. ГОВОРИТЕ СО МНОЙ, ИГРАЙТЕ.

Элспет заторопилась, буквы стали крупными и неровными. Крышка рояля показалась безграничной.

В этот миг кошечка прыгнула на рояльные клавиши, а оттуда, после краткой какофонии — на середину крышки; письма Элспет смахнуло, как метелкой.

— Фу, — воскликнула Валентина, сгребая ее в охапку, — плохая девочка.

Она швырнула кошку на диван. Та, не выдержав грубого обращения, обиженно залезла под рояль.

Пыль осталась только по краям. Элспет начала писать на нотном пюпитре: Р — СЕАНСЫ — ПЛАНШЕТКА?

— Правильно, у викторианцев планшетки были в большом ходу. И бесконтактное письмо; кроме того, в медиума вселялись духи, которые говорили его устами. На самом деле медиумы только делали вид. Это был сплошной обман, Элспет.

ПУСТЬ.

— Хорошо, как скажешь. Попробуем?

ПЛАНШЕТКА?

— Надо приготовить доску. — Он повернулся к близнецам. — У вас найдется большой лист бумаги? Нам потребуется тетрадь, ручка и стакан, который заменит нам планшетку.

Джулия сбегала на кухню и вернулась, неся высокий стакан для сока и шариковую ручку. Валентина принесла тетрадь и несколько листов писчей бумаги, вынутых из принтера. Она соединила их скотчем.

Роберт написал алфавит, расположив буквы в три ряда. В верхних углах разместил слова ДА и НЕТ. Лист бумаги он разложил на кофейном столике, а в центре установил перевернутый вверх дном стакан.

Элспет подумала: *Стакан тяжеловат будет.* Она попыталась сдвинуть его с места, будто легким подземным толчком, но не переместила ни на дюйм.

Роберт задумался:

— Надо бы найти что-нибудь почти невесомое. Может, крышечку от бутылки?

Джулия еще раз сбегала на кухню и принесла голубой защитный ободок, который утром сорвала с молочной бутылки.

— Лучше быть не может, — сказал Роберт.

Он положил его на место стакана, и ободок запрыгал по бумаге; «Скачет, как водяной клоп: радуется, что из мусорного ведерка вытащили», — фыркнула про себя Джулия. Когда Элспет писала свои послания на крышке рояля, ее нетрудно было представить здесь, в комнате; но когда она начала двигать пластиковый ободок, им стало казаться, будто он сам по себе ожил и пришел в движение. Джулия и Валентина устроились на ковре возле кофейного столика. Роберт сел на диван и склонился над доской. Ободок застыл в ожидании, словно прислушивался. В это время кошечка вылезла из-под рояля и, перебирая задними лапами, изготовилась для прыжка. *Уберите эту тварь,* подумала Элспет. Как будто услышав ее слова, Валентина встала, отнесла свою питомицу в столовую и закрыла дверь.

Вернувшись на прежнее место, Валентина спросила:

— Что значит «в ловушке»? Вы постоянно находитесь в квартире? — На самом деле она хотела спросить «Вы круглые сутки за нами подглядываете?», но сдержалась.

Разорванное пластиковое колечко двигалось медленно. Никто его не подталкивал; оно целеустремленно находило кратчайший путь по прямой. ДА НЕ МОГУ ВЫЙТИ. Когда ободок останавливался у очередной буквы, Роберт заносил ее в тетрадь. Он пожалел, что не учел знаки препинания.

— А небеса существуют? — спросила Джулия. — Ну, в том смысле, как в церкви рассказывают.

ДАННЫХ ЗА И ПРОТИВ НЕТ БУДУ ЖДАТЬ

— Ничего себе, — сказала Джулия. — Вечно, что ли? У вас что-нибудь меняется?

НАБИРАЮ СИЛЫ

— И так бывает с каждым, кто умирает?

НЕ ЗНАЮ НО Я ТУТ

Элспет хотелось самой спрашивать, а не отвечать.

КАК ЭДИ — успела начертать она, пока Джулия не пристала со следующим вопросом.

Близнецы переглянулись.

— У нее все хорошо, — ответила Валентина. — Только она расстроилась, что вы запретили ей входить к нам в квартиру.

Голубое кольцо наобум закрутилось по бумажному полю. Наконец Элспет передала:

НЕ ГОВОРИТЕ ЭДИ

— Чего именно не говорить? — не понял Роберт.

ЧТО Я ДУХ ОБ ЭТОМ НИКОМУ

— Да нам никто и не поверит, — ответила ей Валентина. — Вы же знаете маму, она подумает, что мы вконец изоврались. Мол, что угодно, лишь бы ей назло.

ДА НАЗЛО ВЫ ЗНАЕТЕ ФРАНЦ ЯЗ

— Знаем, — сказала Джулия.

А ЛАТЫНЬ

— Нет, откуда?

VENI HUC CRAS R UT TECUM EX SOLO COLLOQUAR⁸⁹

Роберт расплылся в улыбке. Джулия возмутилась:

— Так нечестно — что еще за секреты?

А Валентина подумала: «У них вся жизнь — сплошные секреты». Ей стало дурно. Протянув руку, Роберт погладил ее по голове. Она подняла на него недоверчивый взгляд. Джулия и Элспет содрогнулись, и каждая устыдилась своей ревности, но по разным причинам.

От Элспет пришло:

УСТАЛА

— Еще бы, — сказал Роберт.

ДОБРОЙ НОЧИ

— Доброй ночи, родная.

— Доброй ночи, тетя Элспет.

Роберт и близняшки встали. Возникла общая заминка: в присутствии Элспет они не нашлись что сказать. Им всем хотелось куда-нибудь пойти, обменяться впечатлениями: как странно, невероятно, увлекательно, тревожно, а что будет дальше?

— Ну, что ж, всем доброй ночи, — повторил Роберт и ушел к себе.

— Доброй ночи, — эхом отозвались близнецы ему в спину.

У себя в квартире Роберт, ошарашенный увиденным, вперился глазами в потолок. А потом на него напал смех, и было уже не остановиться. Близнецы слышали его хохот. Они сидели за кофейным столиком и молча гоняли кольцо-планшетку по бумажной доске. Элспет полежала на полу в прихожей, послушала смех Роберта и не на шутку встревожилась. Когда он успокоился, она вернулась в гостиную. Легонько погладила каждую из девочек по макушке. *Доброй ночи, доброй ночи.* Элспет удалилась к себе в ящик и свернулась клубком в блаженном восторге.

На другое утро за окном была все та же унылая сырость. Лежа в постели, Роберт прислушивался к шагам близнецов. Он боялся, как бы они не застряли дома — погода не располагала к прогулкам. Их котенок прыжками носился по комнатам. «Вырос чуть больше крысы, а топает, как лошадь, — бывает же такое». Роберт выбрался из постели. Он сварил себе кофе, принял душ. Когда он выпил кофе и полностью оделся, в дверь постучались двойняшки.

— Пошли с нами в «Военный кабинет»,⁹⁰ — сказала Валентина.

— Мм, я бы с радостью, но работы много. Диссертацию безбожно запустил. Джессика

⁸⁹ Приходи сюда позже, Р., и мы с тобой поговорим наедине (*лат.*).

⁹⁰ «Военный кабинет» — отдел Военного музея Британской империи. Находится на Кинг-Чарльз-стрит в Лондоне. Для доступа посетителей открыты помещения, в которых во время Второй мировой войны работал Уинстон Черчилль.

вообще считает меня лоботрясом.

— Ну и что, пойдемте все вместе. — Джулия пустилась в долгие уговоры, прекрасно сознавая, что у нее получается неискренне.

Валентина смотрела умоляющим взглядом. Но Роберт вежливо от них отделался, и они ушли вдвоем. В окно ему было видно, как их огромный клетчатый зонт с трудом пролезает в калитку.

Он выждал, давая им время зайти в метро. Потом приготовил карандаш и блокнот, а вслед за тем достал из потайного ящичка ключ от квартиры Элспет. Поднявшись наверх, он отпер дверь.

В прихожей он помедлил, обдумывая, где лучше устроиться. Ему показалось, что самое удобное место — это обеденный стол: на нем можно свободно разложить планшетку с кольцом и блокнот.

— Элспет? — негромко позвал он. «Вероятно, еще спит. Но разве мертвые спят?» — Элспет, не сделать ли нам подобие самописца? Тебе тяжело двигать кольцо по всей планшетке. Как ты на это смотришь?

Прошло, как ему показалось, очень много времени: он занес руку над бумажным полем и молча ждал.

На него нахлынули воспоминания, связанные с этим самым столом. Когда он впервые остался у Элспет завтракать, она спросила: «Как тебе приготовить яйцо?» — и он ответил: «В мешочек». Он подсказал ей, сколько минут варить; сама Элспет предпочитала омлет. С тех пор она каждый раз подавала ему на завтрак идеально сваренное яйцо в мешочек на голубой подставке. Где, интересно, эта вещица? Роберт собрался пойти поискать, но его рука вдруг похолодела и слегка дернулась вбок. Он оглянулся, но ничего не увидел. Тогда, взяв со стола карандаш, он приготовился.

Заточенный грифель касался бумаги. Руку холодило. Карандаш начал двигаться по листу.

Круги, петли, острые углы — как данные сейсмографа. Время от времени Роберт ловил себя на том, что пальцы помимо его воли сами сжимают карандаш. Порой казалось, будто карандаш движется сам по себе. Роберт склонился над столом, чтобы ничего не пропустить. Бессмысленные значки становились все меньше, плотнее. Роберту вспомнилось, как в детском саду его учили азбуке: им раздавали толстые карандаши и шершавую бумагу. Пальцы заныли от холода.

О ЧЕМ ЗАДУМАЛСЯ

Карандаш, выпавший у него из руки, бессильно лежал на столе.

— О яйцах в мешочек, — глухо ответил Роберт.

Карандаш закрутился, как будто от смеха; а может, просто напоминал о себе. Роберт взял его в левую руку, чтобы немного отогреть правую.

РЖУНИМАГУ СКУЧАЮ

— Я тоже. Мало сказать. Я просто... ладно, это ерунда, Элспет. Я же не понимал. Все время видел тебя во сне: как будто ты жива, а я не вижу — не далее как на прошлой неделе приснилось, что я ищу тебя в «Сейнсбери», а ты превратилась в кочан салата, но я понятия не имею... а теперь, выходит, это недалеко от истины. Не в том смысле, что ты превратилась в кочан, а в том, что ты здесь, а я — ни сном ни духом.

ТЫ НЕ ВИНОВАТ

— Все время думаю, что не оправдал твоих ожиданий.

Я УМЕРЛА ТЫ НЕ ВИНОВАТ

— Умом я понимаю...

Тем временем близнецы сидели на кухонном полу, под дверью в столовую, и подслушивали. Джулия смотрела на дорожку грязных, мокрых следов, которые они оставили на линолеуме. «Надеюсь, он сюда не войдет — тут даже спрятаться негде». По мнению Валентины, лучше бы они и в самом деле пошли в музей. У нее не было желания визнавать, что Роберт будет говорить Элспет. Она посмотрела на Джулию: та скрючилась в неудобной

позе, чтобы прижать ухо к самой двери, и вся обратилась в слух. Шпионить было ее страстью.

Элспет сидела на столе, чтобы во время разговора видеть лицо Роберта. А он будто ослеп: не мог взять в толк, где она находится, и все время воздевал глаза к потолку.

— ...поэтому жизнь как-то не клеится, не вижу смысла... А теперь ты опять со мной, но не совсем. — Роберт помолчал, надеясь, что Элспет что-нибудь скажет. Но она не откликнулась, и он продолжил: — Может, я смогу прийти к тебе. Если бы я умер...

НЕТ

— Почему же нет?

ВДРУГ ТЫ ЗАСТРЯНЕШЬ В КВАРТИРЕ

— Ну...

ЕСЛИ ТЫ УМРЕШЬ Я ЭТОГО НЕ ВЫНЕСУ

Роберт понимающе кивнул.

— Поговорим о чем-нибудь другом.

Дыхание они слышали одновременно. Элспет написала: НЕ МОЛЧИ, и Роберт стал пересказывать историю, услышанную пару дней назад от Джессики, — какую-то адвокатскую байку из ее студенческого прошлого. Элспет подплыла к кухонной двери и просунула сквозь нее голову. Сначала она ничего не заметила. Потом опустила глаза — и увидела близнецов. Со смехом Элспет подлетела к Роберту. ШПИОНКИ, написала она. ПРИХОДИ В ДРУГОЙ РАЗ.

— Как я узнаю, когда приходить? — спросил Роберт.

Я ВСЕГДА ЗДЕСЬ, ответила Элспет.

— Давай прощаться, родная. Скоро полдень — я обещал помочь Джессике с выпуском журнала.

Я ТЕБЯ ЛЮБЛЮ

Он уже открыл рот, чтобы ответить тем же вслух, но спохватился и написал на бумаге: «Я тебя тоже. Всегда с тобой».

Элспет пробежала пальцами по его посланию. Она пожалела, что не может сохранить этот листок, но тут же решила: *Нет, это всего лишь вещь*. Роберт взял со стола блокнот и задвинул стул. Постоял в прихожей, оттягивая миг прощания. На него накатила волна холода. Его затошнило. Он подождал, пока пройдет дурнота, и вышел за дверь.

Вернувшись на кухню, Элспет полагала, что застывает там близнецов. Но увидела только дорожки грязи на полу. Выглянув в окно, выходящее на задний двор, она заметила Валентину и Джулию, которые бесшумно спускались по лестнице черного хода. Добравшись до низу, они побежали по мху и укрылись в боковом садике. А они хитрее, чем кажутся. Она не стала бы утверждать, что это вызовет какие-то сложности, но ею овладели смешанные чувства — гордость и настороженность, тоска по прошлому и недовольство. Жаль, что нельзя запереть их в чулане и порезвиться с Робертом. Она вздохнула. Мать из меня была бы никудышная.

Что составляет основу основ, если не потребность в понимании? Понимание — это неизбежность близости, эликсир любви. Роберт пил его взахлеб. Он часами разговаривал с Элспет: как только за двойняшками закрывалась дверь, Роберт и Элспет погружались друг в друга и с помощью карандаша и бумаги вновь переживали те часы, которые прежде казались обыденными, а теперь не имели цены и стали достойны увековечения в камне общих воспоминаний.

— Помнишь, как ты сломала палец на ноге?

В ГРИН-ПАРКЕ

— Впервые в жизни увидел, как ты плачешь.

ЖУТКАЯ БОЛЬ ТЫ БЫ ТОЖЕ ЗАПЛАКАЛ

— Возможно.

ТАКСИСТ ХОРОШИЙ БЫЛ

— Да. Потом мы все вместе объелись мороженым.
И НАПИЛИСЬ А ПОТОМ ГОЛОВА БОЛЕЛА ХУЖЕ ПАЛЬЦА
— Надо же, я это совсем забыл.

Или:

— Что бы тебе больше всего хотелось вернуть?

КАСАНИЕ. ТЕЛЕСНОЕ. ГОРЯЧИЕ НАПИТКИ — ЧТОБЫ СОГРЕВАТЬ ГОРЛО.
ВЕЩЕСТВЕННОСТЬ — ЧТОБЫ ПО-НАСТОЯЩЕМУ ДВИГАТЬ РУКАМИ И НОГАМИ,
ПОВОРАЧИВАТЬ ГОЛОВУ. ЗАПАХИ. НЕ МОГУ ВСПОМНИТЬ ТВОЙ ЗАПАХ

— А я сохранил кое-что из твоей одежды, но запах выветрился.

РАССКАЖИ, ЧЕМ ТЫ ПАХНЕШЬ

— Ну... Даже не знаю...

У РАЗНЫХ ЧАСТЕЙ ТЕЛА СВОИ ЗАПАХИ

— Конечно... руки пахнут карандашом и еще лосьоном — помнишь, ты сама мне покупала, огуречный... На обед у меня была колбаса со специями... Хм... сомневаюсь, что можно уловить собственный запах. Мы ведь и выражение своего лица не улавливаем, правда?

Я НЕ ВИЖУ СЕБЯ В ЗЕРКАЛЕ

— Ох. Как же тебе, наверное... тоскливо.

ДА

— Хочу тебя увидеть.

Я ТУТ СЛЕВА ПРИСЛОНИЛАСЬ К ТЕБЕ

— Ну-ка, ну-ка... Нет. Вероятно, ты в какой-то другой части спектра. В ультрафиолетовой? В инфракрасной?

ТЕБЕ НУЖНЫ ОЧКИ ПРИЗРАЧНОГО ВИДЕНИЯ

— Блестящая идея! Получим на них патент, и люди смогут гулять по улицам и разглядывать призраков: как те садятся в автобус, залетают в «Сейнсбери»...

А ТЫ БЫ ХОДИЛ В НИХ НА КЛАДБИЩЕ. ТАМ МНОГО ПРИЗРАКОВ?

— Затрудняюсь ответить. Вот ты, к примеру, не на кладбище, где естественно было бы ожидать встречи.

БЛИЗНЕЦЫ НА ПОДХОДЕ

— Господи! Тогда до завтра.

Или:

КАК ТЫ БУДЕШЬ ЖИТЬ? КАК СЕЙЧАС НЕЛЬЗЯ

— Почему это? Я счастлив. Ну, насколько это возможно.

ВАЛЕНТИНА В ТЕБЯ ВЛЮБЛЕНА

Роберт положил карандаш. Встал со своего места и сделал круг по столовой, обхватив себя руками, словно хотел согреться. Наконец он вернулся к столу.

— И что дальше?

НЕ ЗНАЮ

Он снова вскочил.

— У меня нет ответа, Элспет.

Забрав блокнот и карандаши, он ушел к себе. Элспет подумала: *Ответь, что любишь меня.* Прошло два дня, прежде чем Роберт снова появился в столовой, неся с собой блокнот.

— Я много думал, — сказал он и присел к столу, нацелив карандаш на бумагу и ожидая, когда в разговор вступит Элспет.

Она уже была на месте, но не выдала своего присутствия. А сама сидела напротив, через стол от него, на стуле с высокой прямой спинкой, прищурившись и сложив руки на груди.

В конце концов Роберт не выдержал:

— Элспет, я сделал попытку разобраться. Насчет Валентины. И... как-то растерялся.

Молчание. Роберт слышал, как вся его нервная система жужжит в голове. День выдался безветренный, унылый, дождливый, и в столовой было очень сумрачно.

— Ладно, я буду сидеть и разговаривать сам с собой. — Он помолчал. Элспет выжидала. — Элспет, а как ты представляла себе развитие событий? Ты умерла полтора года назад. Год я провел... просто... оплакивая тебя, хотел умереть, всерьез думал о самоубийстве, а когда стало чуть легче, приехали близнецы. Если ты мысленно вернешься назад, то вспомнишь: ты сама намекала, точнее, прямо говорила, причем не раз, что пришлешь мне двойняшек вместо себя. Но как только я стал смотреть на них, вернее, на Валентину, с этой точки зрения, ты появилась вновь — ну, не столько появилась, сколько обнаружила свое присутствие, и это великолепно, но сейчас мы, кажется, зашли в тупик.

У Элспет мелькнула мысль, которая никогда не приходила ей в голову при жизни. *Он хочет меня бросить*, подумала она. *Он меня разлюбил. Его выдал тон голоса.*

— Элспет, если бы я мог перенестись к тебе и забрать тебя с собой... если бы я знал, где и как тебя искать... и даже если бы я мог к тебе присоединиться, я бы это сделал.

Она подошла и остановилась рядом, боясь услышать следующую фразу — и боясь его перебить.

— Мы оба — ни пришей ни пристегни, ты согласна? Я заперт в клетке своего тела, ты заперта... в этой квартире, вообще без тела; без тела, без голоса... Я прихожу домой, просматриваю эти записи, страницу за страницей, и начинаю думать, что теряю рассудок.

Поймав его руку, она провела ломаную линию карандашом. Вскоре она совладала с собой и написала: **ХОЧЕШЬ, ЧТОБЫ У МЕНЯ БЫЛО ТЕЛО?**

— Так было бы привычнее, — ответил он. — Уж извини.

Элспет взмыла к потолку и стала смотреть на Роберта сверху вниз; она немного запуталась среди рожков люстры. Тогда она принялась перебирать хрустальные подвески, и Роберт поднял голову. *Можно подумать, я тучка и он ждет дождя.*

— Если ты захочешь, чтобы я бросил Валентину, я это сделаю.

Хочу ли я этого? — усомнилась она. — *Почему он перекладывает решение на меня?* Она взялась пальцами за одну из хрупких ламп, сделанных в форме язычка пламени. Лампа вспыхнула и взорвалась. Роберт отвернулся и прикрыл лицо руками, чтобы защитить глаза. Элспет показалось, что он просидел в такой позе целую вечность. Потом он негромко спросил:

— Зачем ты это сделала? — Он взял со стола карандаш и осторожно положил руку на листок бумаги, избегая осколков стекла.

ПРОСТИ ПРОСТИ ПРОСТИ. Я НЕ НАРОЧНО — ЗАДУМАЛАСЬ

— Ты зла на меня?

ОБИЖЕНА, РАССТРОЕНА, НО НЕ ЗЛА

— Не уходи, Элспет. Я сейчас должен убрать стекло. Это даст нам время подумать.

Сходив на кухню, он принес щетку и совок. Тщательно смел все осколки, ввернул новую лампочку, а потом опять сел за стол и уставился на бумагу. *Он так подавлен*, думала Элспет. *Какая ему радость маяться в потемках и переписываться с покойницей. В сказке ему на помощь пришла бы принцесса. А я что могу? Только отпустить.*

ВСЕ НОРМАЛЬНО, — написала она. — **ЕСЛИ ТЕБЕ ХОРОШО С ВАЛЕНТИНОЙ — ВПЕРЕД.**

— Элспет...

НЕ ЗАБЫВАЙ МЕНЯ

— Послушай, Элспет...

Но она уже вылетела из комнаты и не вернулась, чтобы продолжить разговор, ни в тот день, ни в один из многих следующих.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Пороговая чувствительность

Час был совсем ранний; Валентина, как это нередко бывало, проснулась раньше Джулии. Осторожно высвободившись из объятий сестры, она села в постели. Сквозь неплотно задернутые шторы проникал бледный, рассеянный свет. В спальне что-то шевельнулось. Валентина спросонья не сразу поняла, что к чему. Она подумала, что это Котенок, но Котенок спал у нее под боком на кровати. Приглядевшись, Валентина заметила, что с приоконного дивана поднимается плотное облачко, и тут до нее дошло: она сумела разглядеть Элспет.

Она наблюдала, словно с большого расстояния: Элспет мерцала и расплывалась. «Мамина копия», — подумала Валентина, но как только привидение оглянулось на нее через плечо, от него повеяло чуждым и непонятым. Элспет пошевелила губами, выговаривая неслышные слова, и поплыла в сторону кровати. Раньше Валентина не испытывала ни малейшего страха, но сейчас перетрусилась. От ужаса сонливость как рукой сняло, но тут Элспет исчезла. Валентину мазнуло по щеке холодком — вот и все. Она выпрыгнула из кровати, метнулась к дверям, кубарем скатилась по главной лестнице и остановилась — как была, в одной пижаме — возле почтовой корзины.

Роберт лег часа полтора назад и не сразу услышал стук в дверь. Его первой мыслью было: в доме пожар. В одних трусах он подбежал к дверям и, щурясь, высунул голову в холл.

Валентина спросила:

— Можно войти?

— А... минутку. — Он сходил в спальню, натянул брюки и вчерашнюю рубашку, вернулся в прихожую и распахнул дверь. — Доброе утро. — Потом пригляделся повнимательнее. — Что стряслось?

— Я видела Элспет, — сказала Валентина и расплакалась.

Роберт привлек ее к себе.

— Тише, тише, — выдохнул он ей в макушку. Она немного успокоилась. — Я месяцами пытался ее увидеть. Как она выглядела?

— Как мама.

— Что ж тогда плакать?

— Я впервые увидела привидение. Пойми: она мертвая.

— Да, понимаю.

Он повел ее на кухню, усадил за стол и принялся готовить завтрак. Валентина высморкалась в бумажное полотенце.

— По-твоему, она явилась тебе намеренно? — спросил Роберт. — Как это было, если поточнее?

Валентина покачала головой.

— Когда я ее только заметила, она сидела на диване и смотрела в окно. Вроде бы ничего не делала, чтобы привлечь внимание. Но когда она почувствовала мой взгляд, ее понесло ко мне, я перепугалась, и ее как ветром сдуло. — Валентина помолчала. — На самом деле, я сейчас подумала, — это, наверное, спросонья померещилось.

— Ага, — сказал Роберт. — То есть приснилось?

— Нет... не думаю. Возможно, это было... ну, понимаешь, так бывает, когда стараешься что-нибудь припомнить и ничего не получается, а потом, когда уже и думать об этом забудешь, оно раз — и всплывает в голове.

— То есть?

— То есть я забыла, что ее нельзя увидеть, — потому и увидела.

Роберт рассмеялся.

— Надо будет и мне попытаться. Впрочем, она со мной теперь не разговаривает, так что вряд ли мне повезет. Как она тебе показалась? Сердита на тебя?

— Сердита? Нет, она хотела что-то сказать, но без всякой злобы.

Тут закипела вода, и Роберт заварил чай.

— А вы с Джулией не вступаете с ней в контакт?

— Изредка. Но она не хочет рассказывать про то, что нам интересно.

Роберт с улыбкой накрывал на стол.

— Думаю, имело бы смысл позволить ей самой задавать вопросы: тогда с течением времени вы узнаете все, что угодно. — Он сел напротив Валентины.

— Может быть. Но по мне, лучше от тебя узнать.

— О чем именно?

— Сама не знаю... мы не уверены, но, кажется, между Элспет и мамой есть какая-то страшная тайна. Понимаешь, они близнецы, а друг дружку знать не хотели. Из-за чего?

— Не могу сказать.

— Не можешь или не хочешь? — спросила Валентина.

— Не могу. Не имею представления, почему их пути разошлись. Это было задолго до нашего с Элспет знакомства. Она почти никогда не упоминала вашу маму. — Он налил им чаю.

Валентина смотрела, как из ее кружки поднимается облачко пара.

— А что вам так приспичило? — спросил Роберт. — Мама помалкивает, Элспет старательно уничтожила все, что могло вызвать лишние волнения. Если, конечно, допустить, что между ними действительно была тайна.

— Мама боится, как бы мы чего-нибудь не прознали.

— Разве этого не достаточно, чтобы оставить все как есть? — Против своей воли он выговорил это с нажимом; Валентина даже вздрогнула. — Ты пойми. — Роберт взял себя в руки. — Человеку случается докопаться до таких подробностей, которых лучше не знать.

Валентина помрачнела:

— Кто бы говорил? Ты же историк. Только и делаешь, что докапываешься до чужих подробностей.

— Валентина, изучать быт викторианцев — это одно, а раскапывать скелеты в семейном шкафу — совсем другое.

Она не ответила.

— Вот слушай. Расскажу тебе поучительную историю. — Роберт отхлебнул чаю и пожалел, что заикнулся. Зачем ее посвящать в эти дела? Но она вся обратилась в слух, и он продолжил: — Когда мне было пятнадцать лет, на мою мать в один прекрасный день свалилось немалое состояние. Я стал допытываться: «Мам, откуда такие деньжищи?» — «Ах, умерла моя двоюродная тетушка Прю и оставила мне наследство». Среди наших близких действительно было засилье теток, но об этой я даже не слышал; род моей матери вел свое начало от крестоносцев, и, как повелось, ни у кого не было ни гроша. Но она стояла на своем. Прошло недели две; я включил последние известия — показывали интервью с каким-то новым министром: смотрю, а это мой отец. Правда, под другим именем, но это был он, собственной персоной. «Мам, — закричал я, — иди скорей сюда, погляди!» Мы с ней сидели рядом и смотрели, как он держится: учтиво, rispetабельно.

Валентина уже поняла, к чему он клонит.

— Значит, деньги пришли от твоего отца?

— Совершенно верно. Его карьера достигла такого уровня, когда любое слово моей матери, подхваченное бульварной прессой, грозило стереть его в порошок. «Двойная жизнь министра» — чем плохой заголовок? Поэтому он счел за лучшее откупиться, и больше я его не видел. Разве что в новостях.

Валентине стало ясно то, о чем она прежде не решалась спросить:

— Поэтому ты можешь позволить себе не работать?

— Ну, в общем, да, — протянул Роберт. — Но я планирую заняться преподаванием, как только закончу диссертацию. — Он вздохнул, — Лучше жить небогато, но хоть изредка видиться с отцом.

— Мне казалось, ты к нему относишься с неприязнью.

— Как сказать... Он не особенно любил детей, а я как раз достиг того возраста, когда

между нами стало возможно понимание — впрочем, это иллюзия.

— Ох. — Валентина подумала, что необходимо сказать нечто более веское. — Я очень сожалею.

Роберт взглянул на нее с улыбкой:

— Ты с каждым днем становишься все больше похожей на англичанку. Нет, сожалеть тут не о чем. — В кухне этажом выше застучали шаги Джулии. — Тебе нужно идти?

— Не сейчас.

— Давай тогда завтракать.

— Давай.

Роберт достал из холодильника яйца, бекон, масло и прочее.

— Как тебе приготовить яйца?

— Можно яичницу?

Пока жарилась яичница с беконом, Роберт достал тарелки и столовые приборы, расставил на столе джем, сок и под конец приготовил тосты. Валентина не сводила с него глаз: ее успокаивала его деловитость и восхищала новизна ощущений: впервые в жизни мужчина готовил ей завтрак и вдобавок делал вид, будто не замечает, что она сидит за столом в пижаме.

Разложив яичницу по тарелкам, Роберт тоже сел за стол. Они приступили к еде. Наверху громко топала Джулия.

— Кое-кто недоволен, — заметил Роберт.

— А мне-то что?

— Ну и ладно, — сказал он.

— Как я хочу уехать, — произнесла Валентина.

«Ты ведь только что приехала». Вслух Роберт сказал:

— А что тебе мешает?

Валентина уловила в его голосе — как описать?.. уж не обиду ли? — и поспешила оправдаться:

— Это не из-за тебя. Из-за Джулии. Она считает меня своей собственностью. Ведет себя... типа... как диктаторша.

После некоторого колебания Роберт выговорил:

— В конце года квартиру можно будет продать и жить в свое удовольствие.

Валентина покачала головой:

— Джулия ни за что не согласится. Она не допустит, чтобы я жила самостоятельно. Я связана по рукам и ногам.

— Проконсультируйся у Ксавье Роша — договорись о разделе долей. У вас достаточно средств, чтобы ты могла оставить квартиру сестре, а свою долю получить деньгами, — подсказал Роберт.

Валентина просветлела:

— А такое возможно?

— Это черным по белому написано в завещании. Разве вы его не читали?

— Читали, — неуверенно ответила Валентина, — но я пропустила, где мелким шрифтом.

— Элспет говорила, что напрасно обязала вас прожить здесь год. Ей за вас беспокойно.

— И когда же она такое говорила? — поинтересовалась Валентина.

— На прошлой неделе.

— Поздновато спохватилась.

— Согласен, — кивнул Роберт. — Ваш с Джулией разлад, очевидно, напоминает то, что произошло между ней и Эди, если, конечно, там что-то произошло.

Доев яичницу, Валентина утерла губы.

— Пусть бы она нам рассказала.

— Думаю, она бы и рада; мне кажется, это ваша мама хочет сохранить тайну.

— А ты бы что сделал на моем месте?

Роберт усмехнулся и пробежал взглядом по ее пижаме.

— Я бы много чего сделал, — ответил он. — Перечислить?

— Не надо. Ты же знаешь, я не о том.

Она покраснела. Роберт вздохнул.

— Для начала подружился бы с Элспет.

— Ну... — Она задумалась. — Боюсь я ее.

— Потому что для тебя она — холодный ветер и ничего более. При жизни она была потрясающей личностью.

— Почему Элспет с тобой не разговаривает?

— То есть?

— Ты же сам сказал, что она...

— Да-да, верно. — Он встал и начал убирать со стола. — Маленькое недоразумение. Уладим.

— А она была... на кого она была больше похожа: на Джулию или на меня?

Роберт покачал головой.

— Она ни на кого не была похожа. Решительная, как Джулия, но в то же время сдержанная, как ты. Невероятно сметлива, не упускала своей выгоды. Но преподносила любую интригу так, что я с радостью становился пешкой в ее игре.

— У меня волосы дыбом встают, когда я думаю, что она за нами следит, а мы даже не догадываемся о ее присутствии.

— А вы, памятуя об этом, старайтесь друг дружку не обижать.

— Чего она тебе про нас наговорила?

Роберт изобразил удивление:

— Я же не слепой.

Валентина густо покраснела, но ничего не ответила. Роберт сказал:

— По моим сведениям, Элспет и Эди условились, что Элспет будет держаться подальше от тебя и Джулии. Элспет, как мне кажется, считает, что она сдержала свое слово. — Он убрал в холодильник сок и масло. — Но теперь она, вероятно, захочет узнать вас поближе. Раз уж вы здесь. — Он открыл кран над раковиной. — Если это тебя успокоит, не так уж часто она летает по квартире. Она всегда любила уединение. Если вы снимете с полки пару книжек и положите так, чтобы ей сподручно было перелистывать страницы, или оставите включенным телевизор, она и вовсе перестанет вас беспокоить.

— Телевизор сломался, — напомнила ему Валентина.

— Давай им займемся, договорились?

Роберт стоял у раковины спиной к Валентине. Он поглядывал в окно и думал об Элспет: «Ты, наверное, сходишь с ума от скуки. Ни поговорить, ни почитать». Трудно было представить, какие чувства обуяли Элспет, когда Валентина бросилась от нее наутек. Повернувшись к Валентине, он спросил:

— Вы с Джулией не будете возражать, если я попозже к вам зайду, чтобы с ней пообщаться?

Валентина пожала плечами:

— Пожалуйста, нет проблем. А с чего это ты решил спросить? Ты и так от нас не вылезашь и постоянно с ней общаешься.

— Не думал, что вы в курсе.

— Мы же не слепые. — Она улыбнулась.

— Один — один.

Валентина поднялась из-за стола и, шлепая босыми ногами, подошла к Роберту.

— Спасибо, накормил.

У него были мыльные руки, и в тот момент, когда он поворачивался к ней, она чмокнула его в щеку.

— Так нечестно! — воскликнул он. — Давай-ка по-настоящему.

Каждый поцелуй становился для нее маленьким уроком. Роберту и самому это

нравилось, но он давно подумывал о том, чтобы перейти на более продвинутый этап обучения. Он залез мокрыми руками к ней под пижамную блузу и провел ладонями по нежным холмикам.

Она прошептала:

— Как хорошо.

— Бывает еще лучше, — предложил он.

— Ой, нет... не сейчас. — Она смущенно отступила.

Роберт только улыбнулся.

— Мне нужно идти, — сказала Валентина.

— Ладно.

— Я поговорю с Элспет.

— Замечательно, — одобрил он.

— И не буду наезжать на Джулию.

— Это тоже замечательно.

— Увидимся.

— Непременно.

Вернувшись к себе, Валентина застала Джулию за обеденным столом: полностью одетая, с зажженной сигаретой в руке, она читала газету и пила кофе.

— Привет, — сказала Валентина.

— Привет, — отозвалась Джулия, не поднимая головы.

— Мне противно, что ты куришь в квартире.

— А мне противно, что ты бегаешь трахаться с Робертом, пока я сплю, но тебе мое мнение по барабану, так ведь? — Джулия внимательно изучала газетную полосу.

— Я не... мы с ним не... и вообще это не твое дело.

Тут Джулия подняла глаза:

— Допустим. У тебя вся пижама мокрая.

Она затянулась сигаретой и выпустила дым в сторону Валентины. Валентина пошла в душ. Когда она оделась, Джулии дома не было.

Тогда Валентина приготовила стопку бумаги, пару карандашей и ручек. Она разложила изготовленную Робертом планшетку на кофейном столике и осторожно положила на середину пластмассовое кольцо.

— Элспет? — позвала она. — Ты здесь?

Планшетка зашевелилась.

ДОБРОЕ УТРО, сказалось кольцо.

На глазах у Валентины Элспет материализовалась, зависла над доской и стала сосредоточенно двигать кольцо. Потом она подняла глаза на Валентину и заулыбалась.

Валентина улыбнулась ей в ответ.

— Расскажи мне сказку, — попросила она.

ПРО ЧТО

— Как вы с мамой были маленькими.

Склонив голову набок, Элспет задумалась. Она поставила палец в центр кольца и несколько раз покрутила. Вслед за тем она опустилась на колени у кофейного столика и медленно начала выводить: ЖИЛИ-БЫЛИ ДВЕ СЕСТРЫ ЗВАЛИ ИХ ЭДИ И ЭЛСПЕТ...

ДОМАШНЯЯ СТОМАТОЛОГИЯ

Мартин извелся от зубной боли. Зуб ныл уже несколько дней. Теперь боль накатила, как паровоз, и все мысли были только об этом. Стоя перед зеркалом в ванной, Мартин запрокидывал голову, разевал рот и напрягал зрение, чтобы разглядеть виновника своих мучений, а в результате не удержался на ногах, упал на спину и зашиб голень о ванну. Он сдался и принял пару таблеток кодеина, которые доктор в свое время прописал Марике, когда нашел у нее смещение диска. После этого Мартин снова лег в постель.

В то же утро, ближе к полудню, раздался телефонный звонок. Поскольку телефон стоял на кровати, Мартину показалось, что дребезжание исходит от зуба — боль раздирала его изнутри. На самом деле это звонила Марика.

— Привет, морячок,⁹¹ как там на море?

— На море солоно, — ответил он. — Как поживаешь? — Он сел в постели и ощупью нашел очки.

— Что случилось? — спросила Марика. — У тебя какой-то смурной голос.

— Ох... зуб разболелся. — Ему стало немного стыдно: он хотел, чтобы его пожалели.

— Час от часу не легче.

В это субботнее утро Марика наслаждалась покоем своей квартирki и никуда не спешила: она сидела в уютном кресле с книгой на коленях и с мисочкой чипсов под рукой. В порыве благородства она решила позвонить Мартину. Его боль доносилась до нее из телефонной трубки, настоятельно требуя внимания.

— Ты принял какие-нибудь меры? Какой зуб болит?

— Верхний коренной. Справа. Такое ощущение, словно меня не переставая бьют по морде.

Они замолчали, потому что лекарства от зубной боли еще никто не придумал. Даже если бы Мартин мог выходить из дому, обратиться ему было некуда: доктор Прескотт уволился из государственной системы здравоохранения и открыл частную практику; Мартина он давно вычеркнул из списка своих пациентов. Впрочем, это не играло никакой роли, потому что доктор Прескотт не ходил по вызовам. В конце концов Марика предложила:

— Давай позвоним Роберту, а?

— Зачем?

— Возможно, он что-нибудь... нет, ладно.

Мартин прижал к щеке ладонь. Зуб нестерпимо дергало.

— Башка у него варит, но в стоматологии, думаю, он разбирается слабо.

Выбравшись из постели, Мартин потащился в ванную. Там что-то неуволимо изменилось, но он не мог понять, что именно, потому как зуб дергало все сильнее и нужно было срочно найти пузырек с таблетками кодеина — а, вот, нашел. Он проглотил две пилюли и поплелся обратно в постель. Улегшись поудобнее, он сообразил, что ступал босыми ногами по полу, не проверив его санитарное состояние. Хм. Тревоги не было, никакого усилия над собой не требовалось. Он сосредоточился на разговоре с Мариной.

— Что делать-то будешь? — спросила она.

— Может, поспать?

— Давай я все-таки позвоню Роберту.

— Звони — пусть берет плоскогубцы и поднимается ко мне.

— Фу, — ужаснулась она. — Лучше уж поспать.

Позже, одурманенный кодеиновым туманом, Мартин сел за кухонный стол и попытался затолкать в себя остывшую кашу. Он слышал шаги Роберта, который, спотыкаясь, пробирался сквозь темную квартиру и выкрикивал его имя.

— Я тут. На кухне, — с усилием выговорил Мартин.

— Приветствую, — негромко сказал Роберт с кухонного порога. — Марика говорит, ты прогневал зубную фею.

— Мм, — промычал в ответ Мартин.

— Слушай, если я запишу тебя к дантисту, ты сможешь выйти из квартиры?

Мартин медленно покачал головой.

— Подумай как следует.

⁹¹ *Привет, морячок...* (Hello sailor...) — широко распространенное в англоязычных странах шутливое приветствие, намекающее на повадки портовых проституток.

— Ты уж извини...

— Ничего страшного. Пойду сделаю пару телефонных звонков. Будем надеяться, скоро вернусь.

Время шло, а Роберт не возвращался. Мартин положил голову на стол и уснул. Когда он разлепил глаза, рядом сидела Джулия, которая читала вчерашний номер «Телеграф». Со стола уже было убрано.

— Меня Роберт прислал, — сообщила она.

— Время? — спросил Мартин.

— Около четырех, — сказала Джулия. — Чего-нибудь хочешь? Чайку?

— Да, пожалуйста, — попросил Мартин.

Джулия принесла с собой пакет замороженного горошка. Мартин с благодарностью прижал его к щеке. Джулия пошла заваривать чай.

— Там Роберт пришел, — сообщила Джулия.

Распрявившись, Мартин взъерошил волосы, отчего они встали дыбом и придали ему изумленное выражение.

— Мартин, — начал Роберт, — я привел Себастьяна.

Друг Роберта, Себастьян Морроу, владелец похоронного бюро, стоял на пороге кухни. Мартин всегда считал Себастьяна высокомерным; но сейчас у него был неуверенный, настороженный вид, невзирая на прекрасно сшитый темно-синий костюм и начищенные до блеска туфли. В руке он держал устрашающий кожаный саквояж.

— Вообще-то я собираюсь зубы лечить, — протестовал Мартин, — а не в гроб ложиться. Пока еще.

Роберт пояснил:

— Прежде чем заняться ритуальными услугами, Себастьян окончил стоматологический факультет в Бартсе.⁹²

Джулия поднялась со стула и, сложив руки на груди, отошла к дверям черного хода. «Только Роберт мог привести гробовщика, чтобы вырвать человеку зуб».

Мартин осведомился:

— А почему ты забросил стоматологию?

— Потому что покойники не кусаются, — ответил Себастьян. Поднял саквояж и спросил: — Ты позволишь?

— Прошу, — сказал Мартин.

Роберт застелил стол чистым полотенцем, и Себастьян достал медицинский инвентарь: шприцы для новокаиновых инъекций, флакон спирта, ватные тампоны, марлевые турунды. Роберт достал из посудного шкафа чашку и миску, а Себастьян облачился в безупречно белый халат. Он вымыл руки и натянул латексные перчатки.

В ожидании Роберта Мартин жаждал только одного — избавиться от зубной боли. Но теперь, наблюдая за этой подготовкой, он пришел в неописуемый ужас.

— Постой! — закричал он, вцепившись в запястье Себастьяна. — Мне нужно сначала... кое-что сделать.

— Мартин, — одернул его Роберт, — мы не можем целый день ждать, пока ты...

— Вот что, Мартин, — сказала Джулия, вырастая рядом с ним. — Я это сделаю за тебя, о'кей? А ты будешь давать мне указания, ага? — Наклонившись к Мартину, она выжидающе приблизила ухо к его губам.

Мартин колебался. «Хорошо ли это, если она будет вести счет вместо меня?» Он призвал на помощь незаменимого арбитра в таких делах — свой внутренний голос. Голос молчал. Наконец Мартин что-то прошептал на ухо Джулии, и та кивнула.

⁹² *Бартс* (полное название — «Бартс и Лондонская школа медицины и стоматологии») — медицинский факультет колледжа «Куин Мэри», который входит в Лондонский университет.

— Вслух? — только и спросила она.

— Нет, про себя, но стой передо мной, чтобы я тебя видел.

Себастьян сказал:

— Давай-ка устроимся поудобней.

Они с Робертом усадили Мартина так, чтобы он откинулся на спинку кресла, а затылком лег на телефонные справочники, стопкой уложенные на столе и накрытые полотенцем. Джулия нависала над ним с фонариком в руке и светила прямо в лицо. Она начала считать, молча шевеля губами. Мартин не сводил с нее взгляда и молился.

— Шире рот, — сказал Себастьян. — Ох, как все запущено.

Мартин крепко держал Джулию за руку, ожидая действия новокаина; другая ее рука заметно дрожала, и луч фонарика бегал по его лицу. Мартина охватило блаженство: боль отступала.

— Не ерзай, — приказал Себастьян, — а то мне не подобраться.

Последовало недолгое кровопролитие. Мартин закрыл глаза. Он слышал глухой хруст; во рту ворочалось инородное тело.

— Ну, вот и все, — сказал Себастьян и сам удивился.

От Мартина пахло гвоздичным маслом и спиртом.

Себастьян набил ему рот ватой.

— Прикуси, только аккуратно.

Мартин открыл глаза.

— Все, — объявил Себастьян, сверкнув улыбкой.

Мартин выпрямился. В миске лежал зуб: грязно-бурый, с окровавленным корнем, почему-то совсем маленький. Джулия не прекращала считать, и Мартин жестом позволил ей остановиться.

— Восемьсот двадцать два, — выговорила она.

— Почему так мало? — хотел спросить у нее Мартин, но у него онемела челюсть, и получилось неразборчиво.

Боль ушла, подготовив место для новой боли, которая дожидалась, когда прекратится действие анестезии.

— Ты гений, — прошамкал Мартин, обращаясь к Себастьяну.

— Не преувеличивай, — ответил Себастьян. — Зубы рвать — большого ума не надо. Хорошо, что получилось удалить целиком — моляр совсем гнилой.

— А в зубо врачебном кабинете удалось бы его сохранить? — спросил Роберт.

— Нет... Но при наличии аппаратуры мы бы узнали об этом до операции, а не после.

Себастьян начал ополаскивать инструменты. Джулия помогала. Уложив саквояж, он за руку попрощался с Мартином, который порывался ему заплатить.

— Ни в коем случае, всегда рад удружить. Пару дней не кури, прикладывай лед. А теперь я побежал — Роберт меня отловил в самый неподходящий момент.

Роберт вышел проводить Себастьяна. Когда он вернулся, Мартин полюбопытствовал:

— Чем это он занимался, когда ты ему позвонил? — Мартин вообразил Себастьяна, который склонился над мертвым телом, покоящимся на гладком лотке из нержавеющей стали, и орудует блестящими инструментами...

— Он пил чай в Вулси с обворожительной девушкой. Пока Себастьян удалял тебе зуб, она сидела у меня в квартире. Долго пришлось его уламывать. Потом он еще думал, где раздобыть новокаин. Кстати, нам нужно каким-то образом разжиться для тебя антибиотиками.

Мартин потрогал щеку.

— Спасибо тебе. Вам обоим спасибо. Вам троим. — Он поднял глаза на Роберта. — Пошлю ему бутылку виски. И тебе. — Мартин с кривой улыбкой повернулся к Джулии. — Тебе тоже?

Она улыбнулась:

— Нет, спасибо. От него лекарством отдает.

Тут Мартин вспомнил:

— Кстати, сестрица, где мои витаминчики?

Джулия пришла в замешательство.

— Еще не время.

— Знаю, но я устал и хочу лечь пораньше. Так что сделай одолжение...

— Ладно. — Джулия побежала за таблетками.

— Это вы о чем? — спросил Роберт.

— Видишь ли, — сказал Мартин, — она меня пичкает анафранилом. Делает вид, что это витамины, а я делаю вид, что повелся.

Роберт захохотал.

— В следующей жизни надо мне будет родиться красивой девушкой. Очень характерно: ради Марики ты этого не делал, меня не слушал, хотя я тебе плешь проел, а у Джулии стал образцовым пациентом. — Роберт наполнил электрический чайник и щелкнул кнопкой. — Поесть-то сможешь?

— Надо бы. — Мартин наблюдал за Робертом, который накрывал стол к чаю. — Если честно, я это делаю именно ради Марики.

— Вот как? А она об этом знает?

— Пока нет. Готовлю ей сюрприз.

Мартин опять схватился за щеку: там набухал флюс. Медленно поднявшись, он достал из морозильника горошек. Роберт забрал у него пакет, чтобы обернуть полотенцем. Прижимая к щеке холодный компресс, Мартин думал о Марике. Ему не терпелось позвонить ей и рассказать, как они вышли из положения, но он не хотел, чтобы это слышал Роберт. Наморщив лоб, Мартин вспомнил:

— Кажется, Себастьян сказал, что мне нельзя курить?

В кухню вернулась Джулия и покосилась на Роберта:

«Здесь еще?»

— Тебе нельзя курить и нельзя пить через соломинку, потому что рана должна затянуться, а всасывающие движения могут нарушить корочку.

Мартин охнул с таким отчаянием, что Роберт и Джулия не удержались от смеха.

— Что поделявает Валентина? — спросил Роберт.

Джулия изобразила письмо на невидимой бумаге.

— Правда? — переспросил Роберт. — Как ты думаешь, ничего, если я забегу?

— Не знаю, — сказала Джулия. — Она и меня-то не хотела допускать. Но ты попробуй.

А я тут чай заварю.

Роберт обратился к Мартину:

— Что понадобится — звони.

— Я в полном порядке, — сказал Мартин. — Еще раз спасибо, здесь свершилось... чудо.

— Что верно, то верно, — согласился Роберт и ушел, довольный собой.

Заварив чай, Джулия пошарила в холодильнике и на полках. Она нашла банку куриного супа с лапшой, и Мартин оживился:

— Да, то что надо. — У него заурчало в животе. — А твоя сестра занимается сочинительством?

Джулия смешалась. Элспет велела им держать язык за зубами, и они помалкивали. Ей давно хотелось поделиться с Мартином, но что-то ее удерживало; он бы все равно не поверил, счел бы ее лгуньей.

— Как бы да, — ответила она. — Ну там, мейлы сочиняет, не всерьез.

Она налила Мартину чаю и откупила суповую жестянку. Мартин отложил пакет горошка и обхватил горячую кружку, дожидаясь, чтобы чай немного остыл. Действие новокаина сходило на нет. Ощущение резиновых губ его раздражало, да и состояние между «больно» и «не больно» тоже оказалось не из приятных.

Джулия разогрела суп, испекла в микроволновке картофелину, накрыла на стол; ей в

голову лезли то Роберт с Валентиной, уединившиеся внизу с Элспет, то изящные, затянутые в латекс руки Себастьяна, сжимающие щипцы, то искаженная ужасом физиономия Мартина с разинутым по приказу Себастьяна ртом, то успокоенное выражение его лица и взгляд, направленный на ее губы, когда она начала считать вместо него. «Числа... Что в них такого? Почему счет действует на него как бальзам?» Она повернулась к Мартину. Он как-то обмяк, повесил голову и устался в никуда. «Расклеился. А может, он всегда такой, если не на людях».

Она поделила суп на двоих. Насчет Валентины, которая могла ждать ее к ужину, беспокоиться не стоило: с ней был Роберт. Мартин ел с большой осторожностью, стараясь не прикусить губу. После еды Джулия отсчитала таблетки, и он проглотил их, одарив ее кривой полуулыбкой.

— Благодарю, сестрица.

— Не за что, — ответила она и принялась убирать со стола, но через несколько мгновений заметила, что Мартин опять погрузился в уныние. — Что с тобой, Мартин?

— А... я понимаю, это мелочь, но меня угнетает запрет на курение. Конечно, бросать так или иначе придется, но момент не самый подходящий... то есть я постоянно бросаю курить, но как раз сегодня не планировал.

Джулия улыбнулась:

— Когда нашему отцу вырвали зубы мудрости, ему тоже запретили курить, так мама курила за него.

— Не вполне понимаю...

Джулия щелкнула пальцами:

— Где у тебя сигареты?

— В спальне.

Она вернулась с голубой пачкой и зажигалкой, подвинулась на своем стуле вплотную к Мартину и закурила сигарету.

— А теперь вот так...

Джулия набрала полный рот дыма, стараясь не затягиваться. Мартин разинул рот, и она выпустила туда дым.

— Ну? — спросила она.

Мартин кивнул, выпуская дым через нос.

— Кайф.

Джулия обняла его за плечи. Они склонились друг к другу. Она отвернула голову и поднесла сигарету к губам; огонек разгорелся сильнее. Мартин сидел с полузакрытыми глазами и полуоткрытым ртом. Джулия стала поворачивать к нему голову, и когда ее губы оказались в нескольких дюймах от его лица, она медленно выдохнула дым; Мартин втягивал его примерно с таким же звуком, с каким Валентина ловила воздух во время астматического приступа. Выпустив дым, Мартин хмыкнул.

— Что смешного? — спросила она.

— Ни на что я не годен, видишь? Даже курить — и то сам не могу.

— Глупости какие, — сказала Валентина и потрогала припухлость у него на щеке. — Как бурундук.

Мартин поднял брови. Джулия опять набрала в рот дыма. Он с жадностью потянулся к ней.

Спустившись на второй этаж, Роберт увидел, что дверь в квартиру близнецов не заперта. Он постучался и вошел. Где-то было открыто окно — в коридоре гулял холодный, сырой ветер. Валентина сидела на диване в гостиной, зарывшись в листки бумаги. На кофейном столике лежали планшетка и кольцо. Вечерний свет золотил все, к чему прикасался: блекло-розовый и сиреневатый бархат заиграл; юбка бледно-зеленого платья Валентины легла вокруг нее листом водяной лилии, а волосы, обрамлявшие лицо, наэлектризовались; в золоте заката очертания предметов сливались, и гостиная виделась Роберту сплошной непрерывной поверхностью, живописным полотном. Валентина, поджав

под себя одну ногу, устроилась в дальнем конце дивана. Ее взгляд был устремлен в противоположный конец, как будто там присутствовал незримый гость. Роберт замер на пороге и попытался, пожелал, понадеялся разглядеть невидимое. Но не сумел.

Валентина обернулась к нему. Прежде он как-то не замечал, насколько у нее изможденный вид: красные глаза, под ними темные круги.

— Тебе видно? — спросила она.

— Нет, — ответил он. — Расскажи... как она выглядит.

Улыбнувшись, Валентина сообщила:

— С твоим появлением принарядилась... — Она недоуменно покачала головой. — Почему не говорить, что тут такого? В общем, на ней голубое шелковое платье в талию, с юбкой-трапецией; короткая стрижка, волосы чуть вьются; кожа ужасно бледная, розовеют только руки и мочки ушей... На губах темная помада... Что еще ему рассказать?

— Разве ты ее слышишь?

— Нет, она знаками показывает...

Роберт стал медленно оседать на пол у вороха бумажных листов. Он облокотился на кофейный столик. Отсюда ему привиделось какое-то движение воздуха в том самом месте, где, по его расчетам, сидела Элспет: так бывает, если смотришь на свет через идеально чистый стакан и, наверное, если пытаешься увидеть музыку. Он тряхнул головой:

— Хоть убей, не вижу.

Планшетка пришла в движение. Валентина записала послание. ТЕПЕРЬ УЖЕ СКОРО.

— Ага, — сказал он, радуясь, что вернул себе расположение Элспет. Его взгляд скользнул по вороху бумаг. — О чем вы тут беседовали?

— О нашей семье, — ответила Валентина. — Элспет рассказывала, как они с мамой были маленькими, как росли в доме на Пилгримс-лейн.

— А разве от мамы вы об этом не знали?

— Почти ничего. Мама обычно рассказывала про Челтнем. Ну, типа, какое там было жуткое социальное расслоение, как заставляли форму носить. Джулия всегда говорит: лучше бы их в Хогвартс⁹³ отправили.

ТАМ БЫЛО ЛУЧШЕ ЧЕМ ДОМА

— Чем же там было лучше, Элспет? — спросила Валентина, но ответа не последовало.

От Валентины не укрылось, как Элспет смотрит на Роберта: слегка откинувшись назад, так что создавалась иллюзия, будто они не сводят друг с друга глаз. Через некоторое время Роберт повернулся к Валентине и сказал:

— Ваши дед с бабушкой держали их в ежовых рукавицах. Очевидно, в частной школе-интернате и то давали больше свободы; Элспет рассказывала, как они играли в школьном театре и как дурачили одноклассниц — ты же понимаешь, близнецам это нетрудно.

Валентина обратилась к Элспет:

— А вы с мамой одевались одинаково?

В ШКОЛЕ КАК ВСЕ А ТАК НЕТ ТОЛЬКО В РАННЕМ ДЕТСТВЕ

Валентину задевало, что Элспет с самого начала приклеилась глазами к Роберту. «Привыкла быть невидимой, но я-то ее вижу, а ей хоть бы что».

Уже не первый вечер, как только Джулия выходила за порог, Валентина и Элспет усаживались вместе и начинали вести сбивчивые беседы из вопросов и ответов. Валентина поражалась, насколько отличаются рассказы Элспет от тех, что они с Джулией слышали от матери. В устах Элспет все их детские приключения окрашивались темным цветом: пикник на природе заканчивался смертью одноклассницы, утонувшей в озере; Элспет и Эди всячески старались подружиться с соседским мальчиком, а того вскоре отправили в психиатрическую лечебницу. В каждой истории Элспет и Эди действовали заодно, между ними не случалось ни малейшей размолвки, ничто не предвещало разрыва; они были

⁹³ *Хогвартс* — школа-пансионат для юных колдунов, описанная в романах Дж. Роулинг о Гарри Поттере.

неразлучны и превосходили многих своих недоброжелателей умом и решительностью. От этих рассказов Валентина начинала тосковать по Джулии — не по такой, какую нынче видела рядом, а по той, какую знала в детстве: заступница, ее второе я. Драматизм каждой истории усугублялся мучительным перемещением планшетки. Элспет волей-неволей проявляла чудеса лаконичности. Ее рассказы напомнили Валентине о бело-синих изразцах, виденных в Почтовом парке.

Роберт поднял несколько листков.

— Не возражаешь?

Валентина посмотрела на Элспет; та пожала плечами. ТЫ ВСЕ ЭТО ЗНАЕШЬ, сообщила планшетка.

К записанным рассказам Валентина добавила только знаки препинания. НАМ БЫЛО ДЕВЯТЬ. ШЛИ ДОМОЙ, УВИДЕЛИ ОБЪЯВЛЕНИЕ: «ПРОДАЮТСЯ ЩЕНКИ». ЛЮБОПЫТНО, ЗАШЛИ, СПРОСИЛИ У ПРОДАВЦА. ЭТО БЫЛА ТАБАЧНАЯ ЛАВКА. ОН ПОВЕЛ НАС В САРАЙ. ТАМ ЩЕНКИ ГОНЧЕЙ. МЫ С НИМИ ДОЛГО ИГРАЛИ, ПОТОМ ЗАХОТЕЛИ УЙТИ, НО ОН ЗАПЕР ДВЕРЬ. На этом страница заканчивалась. Роберт вспомнил, что Элспет много лет назад и вправду рассказывала ему этот случай: они с ней гуляли вдоль Озерной улицы, где раньше находилась пресловутая табачная лавка. Валентина откопала следующую страницу и протянула ему. МЫ КРИЧАЛИ, НО ВСЕ ЗРЯ. СОБАКА НА НАС ЛАЯЛА. СТЕМНЕЛО. ТАБАЧНИК ОТПЕР САРАЙ. МЫ К ДВЕРЯМ, СБИЛИ ЕГО С НОГ — И ДОМОЙ.

«Больше похоже на сказку, — подумала Валентина. — Сколько здесь правды?» Раньше она залпом проглатывала такие истории, но теперь насторожилась.

Вспоминая холодный, уродливый сарай, скулеж щенков, испугавшихся их с Эди крика, Элспет смотрела на Валентину и думала: *Зачем я ей это рассказываю? Она устала, я ее растревожила.* Тогда она написала: ТЕПЕРЬ ТЫ РАССКАЗЫВАЙ — и улыбнулась со всей возможной добротой.

— Я? — У Валентины не было ни одной мысли. «Я жутко измочалена».

Сначала ей не терпелось выпроводить Роберта, чтобы они с Элспет могли продолжить разговор по душам. Потом захотелось спуститься с ним к нему домой и там целоваться, спрятавшись от Элспет. «А можно и одной сбежать — пусть себе любезничают».

— А чем Джулия занимается? — спросила она Роберта.

— Полагаю, вокруг Мартина суетится, — ответил он и рассказал им о страданиях Мартина и стоматологических подвигах Себастьяна.

На миг Валентина приревновала: Джулия оказывала внимание кому-то другому. Правда, она тут же решила: «Нет, меня это не волнует. Честное слово». Ее стало клонить вбок, плечо уперлось в спинку дивана, голова свесилась на грудь. Роберт спросил:

— Ты обедала?

— Нет. — Помнилось, она ела что-то на завтрак, но это было давным-давно. — Мы за продуктами не сходили. — Она подняла на него глаза, огромные на изможденном лице.

— То-то я смотрю — ты как голодающая, — заметил Роберт. «Точнее, умирающая с голоду. Сколько же времени ты здесь сидишь?» Он встал. — Элспет, Валентине пора ужинать.

Он протянул руки. Валентина ухватилась, и он поднял ее с дивана. У нее закружилась голова.

Элспет провожала их взглядом. На пороге Валентина обернулась и выговорила:

— Я скоро вернусь, Элспет. Только перекушу.

И дверь затворилась.

Поднявшись с дивана, Элспет переместилась к открытому окну. Она выжидала. Вскоре Роберт с Валентиной прошагали по дорожке и скрылись за калиткой. *Этого следовало ожидать,* сказала себе Элспет. *Она привыкла, чтобы за нее решали.* Сгущались сумерки. *Мне бы радоваться.* Элспет подняла глаза к бездонному небу. На улице зажглись фонари. *Все равно, хороший был день. Почти как в прежние времена.*

Когда вернулась Джулия, было уже совсем темно. Она прошла по всей квартире, щелкая выключателями, и стала звать: «Ты где, Мышь?» В гостиной она зажгла торшер у рояля и закрыла окно. Собрала в стопку бумаги, полистала, почитала. Элспет следила за ней в задумчивости. *Неприятно, когда твой разговор записывают. Похоже на прослушку — будто кто-то подключился к моему телефону. А впрочем, что здесь такого? Почему Валентине можно знать, а Джулии нельзя? У меня не должно быть любимчиков.*

Джулия отвлеклась от записей, словно чувствуя на себе посторонний взгляд.

— Ты здесь, Элспет? А Валентина где?

Элспет наклонилась над доской.

УЖИНАЕТ С Р, — сообщила она.

— Ясно, — протянула Джулия и обиженно плюхнулась на диван.

ЧТО У МАРИНА С ЗУБАМИ

Джулия просияла.

— Уже намного лучше. Его потянуло в сон, и я ушла.

ТЫ ВСЕМ ПОМОГАЕШЬ

— Стараюсь. — Джулия покачала головой. — А Валентина, кажется, мне этого простить не может.

БЛАГОДАРНОЙ БЫТЬ ТЯЖЕЛО

— По-моему, Валентине это не грозит. Так уж она устроена. Ее дело — болеть, а мое — за ней ухаживать.

ЕСЛИ ТЫ ЕЕ ОТПУСТИШЬ ОНА САМА К ТЕБЕ ПОТЯНЕТСЯ

— Знаю. Но почему-то не могу.

Элспет с изумлением заметила, что глаза Джулии наполнились слезами. Они посидели не двигаясь, не говоря ни слова. Через пару минут Джулия вышла. Элспет слышала, как она хлопает носом в ванной. Вернувшись в гостиную, Джулия спросила:

— Вот здесь написано — «травма головы». Это про кого? — Она развернула лист, чтобы Элспет было лучше видно.

ОНА СПРОСИЛА КАК УМЕР НАШ ОТЕЦ

— Понятно. Мы его уже не застали, да?

ДА ТОЛЬКО БАБУШКУ

— Мы ее не помним.

ОНА УМЕРЛА КОГДА ВЫ БЫЛИ МАЛЕНЬКИМИ

— Что они были за люди? Мама никогда о них не рассказывает.

ОН СЛОЖНЫЙ, ОНА КРОТКАЯ

Джулия помедлила. Обдумывая следующий вопрос, она принялась рисовать спирали. Элспет смотрела и думала: *Поразительно; неужели это заложено в генах — вот так водить карандашом по бумаге?*

— Элспет? А что произошло между тобой и мамой?

ПРОСТИ НЕ МОГУ СПОКОЙНОЙ НОЧИ

— Элспет?

Но Элспет исчезла. Пожав плечами, Джулия поплелась в спальню, опустошенная и взволнованная. Когда вернулась Валентина, она уже крепко спала; ей снились цифры и зубы.

Лежа в постели, Мартин прижимал телефонную трубку к здоровой щеке и в потемках считал гудки. Марика ответила после седьмого, и его захлестнуло чувство благодарности.

— Мартин?

— Привет, любовь моя. Рассказать тебе мою зубную эпопею?

— Я так беспокоилась. У тебя как будто полный рот жвачки.

— Это щека раздулась — в восемь раз. Ты в жизни не догадаешься, кого притащил ко мне Роберт...

У себя в постели Марика откинулась на подушки и слушала. «Как же он переволновался. А меня рядом не было. Подумать только, какие у Роберта знакомства:

дантист-гробовщик...» Каждому из них становилось тепло от звуков родного голоса. В разных городах они бок о бок лежали в темноте, и каждый думал: «На этот раз нам повезло». Они все крепче сжимали телефонные трубки и вместе гадали, сколько еще продлится их разлука.

ЗАБЛУДШИЕ

Сбившись с дороги, люди ведут себя двояко. Одни паникуют, и обычно с Валентиной бывало именно так. Другие смиряются с фактом и ждут, чтобы неизвестность сама подсказала им путь. Джулия была сама не своя до таких приключений; оказавшись в Лондоне, она искала их, где только можно. Если хочешь заблудиться, лучшего места, чем Лондон, не придумать. Извилистые улицы через каждые два-три квартала меняют названия, сходятся и расходятся, заманивают в тупик и внезапно выходят на площадь. Джулия придумала такую игру: доехать на метро до какой-нибудь станции с любопытным названием — «Тутинг-Бродвей», «Райслип-Гарденс», «Пудинг-Милл-лейн», — а потом идти куда глаза глядят. Выйдя на поверхность, она частенько испытывала разочарование. Названия на схеме линий метро наводили на мысль об уютном маленьком городишке из сказок Матушки Гусыни. Но сами городские районы под этими названиями являли собой довольно мрачное зрелище: лавчонки, торгующие навынос курой гриль, забегаловки со спиртным и букмекерские конторы не оставляли большого простора воображению.

Мысленная карта Лондона, составленная Джулией, начала заполняться диковинками: мемориал с фигурой принца Альберта в окружении домашнего скота и слонов;⁹⁴ магазин в Блумсбери, где продавались исключительно шпаги и трости; ресторан в крипте церкви Сент-Мэри-ле-Боу.⁹⁵ Она посещала Хантеровский музей,⁹⁶ где часами разглядывала мутные стеклянные банки с человеческими органами, экспозицию, посвященную антисептике, и скелет дронга.

Каждый день, возвращаясь домой, Джулия приносила с собой лондонские впечатления, обрывки услышанных разговоров, задумки на следующий день. В квартире она неизменно заставляла одну и ту же картину: Валентина, погрязшая в кипе бумажных листков, сидела на диване и не сводила глаз с планшетки, по которой скользил пластиковый ободок. Джулия рассказывала Валентине и Элспет, как провела день. Валентина передавала ей какие-то истории, почерпнутые у Элспет. Обоим приятно удивляло, что время, проведенное врозь, дает им множество интересных тем для вечерней беседы, хотя их разговоры нередко прерывал Роберт, который уводил Валентину с собой именно тогда, когда Джулии особенно хотелось провести вечер в компании сестры.

По утрам Джулия уговаривала Валентину пойти вместе с ней. Валентина почти соглашалась, но всякий раз под благовидным предлогом оставалась дома.

— Ты иди, — говорила Валентина. — А у меня не то чтобы недомогание, но слабость какая-то.

⁹⁴ ...мемориал с фигурой принца Альберта в окружении домашнего скота и слонов... — Огромный мемориал в честь принца Альберта (1819–1861), супруга королевы Виктории, находится в Кенсингтонском саду, неподалеку от Ройял-Альберт-холла. В центре статуя самого принца-консорта под высоким неоготическим каменным балдахином (высотой около 55 м); у постамента множество скульптурных изображений людей и животных, превышающих натуральную величину.

⁹⁵ ...ресторан в крипте церкви Сент-Мэри-ле-Боу. — Сент-Мэри-ле-Боу (тж. Церковь на Арках) — церковь в центральной части Лондона; стоит на арочных сводах древней крипты.

⁹⁶ Хантеровский музей — музей естественной истории в Лондоне. Назван в честь Уильяма Хантера (1718–1783), известного просветителя, врача-акушера, автора трудов по медицине и анатомии, а с 1762 г. — придворного врача королевы Шарлотты.

Вид у нее действительно был неважный. С каждым днем в ней оставалось все меньше жизни.

— Тебе бы на солнышко выйти, Мышь, — убеждала ее Джулия.

— Завтра, — отвечала Валентина.

Мартин застыл у входной двери. Его рука в перчатке уже легла на дверную ручку. Сердце колотилось, и он решил постоять, чтобы успокоиться. «Ты бесчисленное количество раз выходил в прихожую. Опасности там нет. На лестничной площадке никогда не случилось ничего страшного. Там никого и ничего нет, кроме стопок макулатуры». Он сделал глубокий вдох, полный выдох — и потянул на себя дверь.

В этот послеполуденный час лестницу заливал солнечный свет. В неподвижном воздухе плыли радужные пылинки. Мартин прищурился. «Видишь, обстановка благоприятная». Он внимательно изучил порог, связки старых газет, пол. Представил, как сделает шаг вперед, наступит обеими ногами на коврик и впервые за год, а то и более, постоит за пределами своей квартиры.

«Давай. Это всего лишь лестничная площадка. Роберт и Джулия останавливаются здесь изо дня в день. И Марика тут стояла. Марика хочет, чтобы ты начал выходить. Ты же разумный человек; прекрасно знаешь, что это безопасно. Заставишь себя выходить из квартиры — сумеешь увидеть Марику». Мартин вспомнил себя мальчишкой, который впервые поднялся на трамплин для прыжков в воду — и перетрусил. Когда он развернулся и начал спускаться по лестнице, одноклассники подняли его на смех. «Там никого нет. Даже если ты струсил, никто не узнает. А если получится, сможешь похвастать перед Джулией». Он попытался представить ее лицо, но вспомнил только губы, которые вели беззвучный счет, пока ему удаляли зуб.

Его прошибла испарина, и он достал носовой платок, чтобы вытереть лоб. «Шагай через порог». Ему стало трудно дышать. Мартин зажмурился. «Это просто идиотизм». Его затрясло. Попятившись и ловя ртом воздух, он закрыл дверь.

«Завтра. Сделаю еще одну попытку, только завтра».

ДЕВЯТЬ ЖИЗНЕЙ⁹⁷

Валентина и Элспет играли с Котенком Смерти. Выглядело это так: Валентина сидела на полу в коридоре, возле прихожей. Перед ней стояло ведро, полное шариков для настольного тенниса, обнаруженных в чулане. («Для чего они тебе, Элспет?» — спросила она, но Элспет только пожала плечами.) Элспет стояла в другом конце коридора. Котенку, как всегда, ее местонахождение было неизвестно, а потому, когда Валентина бросала шарик, он уверенно бросался следом и в полной растерянности наблюдал, как в самый последний момент шарик по воле Элспет ускользал у него из-под носа в самом неожиданном направлении. Вскоре Котенок входил в раж и как бешеный кидался на белые шарики, которые, казалось, жили своим умом: то взмывали вверх, то вдруг устремлялись в обратную сторону. Элспет преграждала Котенку путь, и он пробегал сквозь нее, приятно щекоча фантомную кожу и такой же скелет. Она ложилась на пол и пропускала сквозь себя шарики, а Котенок метался за ними из стороны в сторону. Валентина видела, что Элспет тянет руки, пытаясь поймать Котенка. Элспет забыла о своей бестелесности. Котенок пробегал сквозь ладони; руки ощутили плотность, а мизинец зацепил нечто гладкое и скользкое, похожее на рыбку. Этот улов извивался и норовил укусить. Элспет удержала Котенка. В этот миг Валентина увидела, что он упал на пол и застыл. Она подбежала. Котенок был мертв.

— Элспет! — Валентина бросилась на пол и схватила бездыханное тельце. — Что ты наделала! Немедленно оживи мою кошечку!

⁹⁷ *Девять жизней* — фрагмент английской поговорки о живучести кошек: «У кошки девять жизней».

Элспет все еще сжимала Котенка, который задергался и начал царапаться. Валентина не видела призрака своей любимицы, но заметила, как Элспет с кем-то борется.

— Верни ее к жизни! Сейчас же!

Удерживая барахтающегося Котенка, Элспет попыталась втиснуть его обратно, в обмякшую тушку. С таким же успехом можно было загонять живую форель в шелковый чулок. Котенок, которого держала Элспет, в ужасе рвался у нее из рук, а тот, которого держала Валентина, оставался неподвижно-податливым. Элспет боялась применять силу, чтобы не причинить вред Котенку, запихивая его в мертвое тельце. Потом до нее дошло, что Котенок испустил дух и останется мертвым, если не проявить твердость. Начать она решила с головы, а все прочее оставила на потом. Она будто держала в руках старинную фотокамеру с дальномером и пыталась свести два образа в один.

Жестом Элспет приказала Валентине опустить кошачье тельце на пол. У самой Элспет было отчетливое чувство, что призрак Котенка в ее руках вполне реален, неважно, из чего он сделан, — а был он точно таким же, как призрачное тело Элспет, и физическая сущность этого явления была ей понятна. С момента ее смерти Котенок стал для нее первым подвластным осязанию объектом, который существовал с нею вместе, а не в другом измерении. *Мне так одиноко*, думала она, запихивая кошечку в безжизненное тельце. *Охотно взяла бы ее себе.*

Котенок прекратил сопротивление и будто бы проникся намерениями Элспет. Она защищала на нем мелкие складочки, чтобы он занимал меньше места; ей вспомнилось, что ее мать точно так же защищала края пирога. Внезапно призрак Котенка исчез. Он погрузился в тельце. Пушистый белый комочек вздрогнул — и Котенок сел, качнулся из стороны в сторону и снова стал собой. Он воровато оглянулся, как ребенок, стащивший леденец, и начал вылизывать шкурку.

Сидя на полу, Элспет и Джулия во все глаза смотрели на Котенка, потом переглянулись. Валентина вышла. Вернулась она с планшеткой.

— Как это произошло? — спросила она Элспет.

ОНА ЗАЦЕПИЛАСЬ ОН ВЫПАЛ

— Что зацепилось?

ДУША

— Зацепилась за что?

Элспет оттопырила согнутый мизинец, как манерная дамочка за чаепитием.

Валентина погрузилась в задумчивость.

— А еще раз смогла бы?

ЛУЧШЕ НЕ НАДО

— Но при желании можно это повторить?

НАДЕЮСЬ НЕТ

— И все же, Элспет...

Элспет встала — точнее, она даже не вставала, а просто так, без промежуточных движений, вдруг удалилась из комнаты. Когда Валентина побежала следом на кухню, Элспет и вовсе исчезла. Котенок с пронзительным мяуканьем тыкался в ногу Валентины.

— С тебя как с гуся вода. Кушать хочешь?

Валентина приготовила миску, откупорила консервы, вывалила из банки щедрую порцию и вернула миску на обычное место. Котенок благоговейно ждал и набросился на еду со здоровым аппетитом. Валентина, сидя на полу, следила за каждым его движением.

Невидимая, Элспет стояла посреди кухни и наблюдала за Валентиной, которая наблюдала за Котенком. *О чем задумалась, Валентина?*

Валентина задумалась о чудесах. Кошечка, на вид совершенно обыкновенная, поглощала кошачий корм: это было чудо. «Кто бы мог подумать: десять минут назад ты была трупиком. А сейчас и в ус не дуешь. Тебе было больно, Котенок? Трудно было вернуться в свое тельце? Страшно?»

Открылась входная дверь: это вернулась Джулия.

— Мышь! Ты где?

Джулии ни слова, подумала Элспет. Она стыдилась, что лишила Котенка жизни, пусть даже на время.

— В кухне! — крикнула в ответ Валентина.

Джулия притащила мешки продуктов из «Сейнсбери», взгромодила их на кухонную стойку и начала разгружать.

— Ну, что тут? — спросила она.

— Да ничего. А у тебя?

Джулия завела нудный рассказ о какой-то сухонькой старушке в очереди, которая, похоже, ела исключительно птифуры с чаем «липтон».

— Гадость, — поддакнула Валентина, пытаюсь вспомнить, что такое птифуры.

— Маленькие пирожные, — пояснила Джулия.

— Ну, это ничего еще. — Встав с пола, она начала помогать Джулии.

Близнецы работали в беззловном молчании. Кошечка вылизала миску и куда-то ушла. Элспет стояла в углу, поодаль от близнецов, и размышляла, сложив руки на груди. *Это было невероятно. Это был... ключ... к чему-то... только к чему?* Об этом нужно было хорошенько подумать. Оставив близняшек на кухне, Элспет разыскала Котенка, дремлющего на диване, в теплом озерце солнечного света. Элспет свернулась рядом и проследила, как смежились кошачьи веки и замедлилось дыхание. Зрелище было милое, уютное, несовместимое с терзаниями Элспет. В комнату вошла Валентина и шепотом позвала: «Элспет?» — но Элспет не откликнулась и никак себя не обнаружила. Валентина прошлась по всей квартире, как будто они играли в прятки. За ней по пятам незримой тенью скользила Элспет.

ВЕСЕННЯЯ ЛИХОРАДКА

Как-то в ясный майский день Роберт сидел за письменным столом, пытаюсь выжать из себя хоть строчку. Он работал над главой, посвященной романистке миссис Генри (Эллен) Вуд. По его мнению, миссис Вуд была порядочной занудой. Он заставил себя перечитать «Ист-Линн», во всех подробностях изучил ее личную жизнь, но так и не сумел разжечь в себе хоть искорку интереса.

Во время экскурсий он всегда игнорировал миссис Вуд. Ее место было между Адамом Вортом и Джорджем Вумвеллом — не только по алфавиту, но и по плану захоронений; с его точки зрения, она была недостойна такой яркой, лихой компании. Роберт изгрыз ручку, пытаюсь решить, нельзя ли выбросить ее из диссертации. Нет, не получалось. В принципе, можно было бы акцентировать ее смерть, но и тут она подкачала: умерла от банального бронхита. Чертова баба.

Он был даже рад, когда Валентина отвлекла его своим приходом.

— Пошли гулять, — сказала она. — Весна на улице.

Как только они вышли за калитку, ноги сами понесли их в сторону кладбища. На Суэйнз-лейн до их слуха донесся голос одинокой тубы: это в Уотерлоу-парке музыкант упражнялся в гаммах. Каждая нота звучала как элегия. Суэйнз-лейн, стиснутая с обеих сторон высокими стенами, жила в вечных сумерках, даже когда над головой синело безоблачное небо. Валентина подумала: «Мы — как похоронная процессия из двух человек». Она испытала облегчение, когда они дошли до ворот кладбища и в ожидании остановились на солнце.

Ворота открыл Найджел:

— А мы на тебя сегодня не рассчитывали.

— Знаю, — ответил Роберт, — но в такую великолепную погоду нам захотелось посмотреть на полевые цветы.

Из конторы появилась Джессика:

— Если просто идете гулять, захватите грабли. Только не валандаться.

— Как можно!

Роберт взял для себя и Валентины переносные рации, грабли и большой мешок для мусора; пройдя через двор, они оказались на кладбище.

— Никуда не денешься, — сказал Роберт, сворачивая на аллею Диккенса. — Ты уж извини. Я не собирался загружать тебя работой.

— Ничего страшного, — ответила Валентина. — Хоть какая-то от меня будет польза. Граблями помахать даже приятно. Откуда здесь столько бутылок из-под воды?

— Да бывают любители — швырять их через стену.

Некоторое время они в дружеском молчании сгребали мусор, расчищая аллею и набивая мешок обертками от фастфуда и пластиковыми кофейными чашками. Валентине даже понравилось орудовать граблями. Прежде ей не доводилось этим заниматься. Она стала прикидывать, какие еще занятия пришлись бы ей по душе. Фасовка продуктов? Телемаркетинг? Как угадать? Возможно, стоило бы перепробовать как можно больше профессий — по неделе на каждую. Она представила себя гардеробщицей в Британском музее, но тут Роберт жестом подозвал ее к себе.

— Смотри, — шепнул он.

Она увидела двух небольших лисиц, которые, свернувшись колечком, спали на ворохе прелых листьев. Роберт подошел к ней сзади и обхватил одной рукой. Валентина напряглась. Он ее отпустил. Чтобы не потревожить лис, они отошли подальше по аллее и продолжили уборку.

Вскоре Валентина спросила:

— Что значит «валандаться»?

— Думаю, американцы выражаются точно так же. Джессика и Джеймс во время войны служили в Америке и набрались там американских словечек.

— А что это значит-то?

— Ну, медлить, лениться, дурочку валять. Или еще говорят «валандаться с кем-то» — тоже значит «валять дурочку», но в другом смысле.

Валентина вспыхнула.

— Джессика подумала?..

— А... мы с тобой, по-моему, не особенно похожи на парочку, восплававшую страстью к уборке мусора. — Он заглянул в мешок. — Имеем право остановиться. Давай-ка прогуляемся: грабли можно оставить тут, потом заберем.

Он взял ее за руку и повел на «Луг» — открытый, расцвеченный солнцем участок с ухоженными могилами.

Валентина сказала:

— До чего же хорошо на солнышке. По-моему, со дня нашего приезда все время было мрачно.

— Не может быть.

— Или просто ощущение такое. Как будто мрачность въелась в каждое здание, понимаешь?

— Угу.

Роберта это огорчило. «Как ни старайся, она никогда не полюбит Лондон. И меня тоже, если уж на то пошло».

Они шагали дальше. Некоторые могилы, как маленькие густые садики, пестрели свежей цветочной рассадой.

— Валентина? — позвал Роберт. — Объясни мне одну вещь. Почему каждый раз, когда я до тебя дотрагиваюсь, ты вся сжимаешься?

— С чего ты взял? — ответила она. — Вовсе нет.

— Хорошо, не каждый раз. Но сейчас, когда мы смотрели на лисиц, было именно так.

— Возможно. — Они свернули с луга обратно на аллею. — Мне показалось, это как-то... противоестественно. Неуважительно.

— Из-за того, что мы на кладбище? — уточнил Роберт. — Не знаю, не знаю... когда я

лягу в землю, мне будет только приятно, если на моей могиле люди станут заниматься любовью. Это будет напоминанием о счастливых временах.

— А ты сам готов этим заниматься на чужой могиле? У Элспет, например?

— Нет... разве что с самой Элспет. Только для этого надо исхитриться. Может быть, самому помереть?

— У мертвых, по-моему, секса не бывает.

— Это зависит от того, куда тебя занесет: в рай или в ад.

Валентина рассмеялась.

— Ты не ответила на мой вопрос. — Роберт ущипнул ее пониже спины, и она взвизгнула. — В аду — пресное совокупление, как в брошюрах «Радость секса», а в раю — бурные, неумные оргии, — предположил он.

— Все с ног на голову.

— Это в тебе говорит американское пуританство; разве в раю не процветают все величайшие наслаждения? Еда, питье, плотская любовь — если они греховны, то почему же без них невозможно выживание и приумножение биологического вида? Нет, на небесах, по-моему, бурлит нескончаемая вакханалия. Это внизу, в аду, приходится опасаться дурных болезней и мужской несостоятельности. Так вот, — он лукаво покосился на холодный профиль Валентины, — если ты не примешь меры, то отправишься в особую резервацию для девственниц.

— Это в раю или в аду?

Он пожал плечами:

— Кто его знает? Лучше не рисковать.

— Значит, надо мне поторапливаться.

— Да уж, пожалуйста.

Он остановился. Вбок уходила узкая тропка, которая вела к фамильному склепу Россетти. Сделав несколько шагов, Валентина замерла: она почувствовала, что Роберта рядом нет. Она обернулась, поймала на себе его взгляд и смущенно потупилась.

— Что — прямо тут? — Ее голос звучал едва слышно.

— Ну зачем же? — ответил Роберт. — Как ты заметила, это неуважительно. Кроме того, если пронюхает Джессика, меня упекут за решетку. Господи прости, она даже в шортах сюда не пускает.

— Думаю, дело ограничится увольнением.

— Это еще хуже. Куда я денусь? Придется устраиваться на работу. — Он тоже двинулся вперед, и Валентина пошла с ним в ногу.

— Валентина, тебе претят такие разговоры?

Она промолчала.

— Ты сама их поддерживаешь, а потом вроде как обижаешься. Я уже не... меня никто так не динамил... во всяком случае, со школьной скамьи. Очевидно, всему виной разница в возрасте. — Он вздохнул. — Впрочем, большинство моих знакомых девушек долго улаживать не приходилось. Славное было времечко.

Валентина покачала головой.

— Дело не в том, что мне нравится тебя динамить. — Она запнулась на этом жаргонном словечке и на своих мыслях. — Это все из-за Джулии.

Роберт бросил на нее непонимающий взгляд:

— При чем тут Джулия?

Валентина объяснила:

— Мы привыкли все делать вместе, все важное...

— Но ты мне постоянно твердишь, что хочешь самостоятельности.

— Не сердись, — выдавила она. — Я просто боюсь.

— Ну, это еще как-то можно понять.

— Да нет, это глупо, — сказала Валентина. — Я бы очень хотела от нее отделиться.

— Ты за ней что, замужем? Делай, как тебе лучше.

— Ты не понимаешь.

— Действительно, не понимаю. — Некоторое время они шли в молчании, потом Роберт сказал: — Подожди здесь, я грабли заберу.

Он побежал назад по аллее, оставив Валентину стоять на солнце. «Как хорошо на воздухе, — думала она. — На месте Элспет я бы летала здесь, а не торчала в квартире». Тут показался Роберт с граблями и мешком. Она смотрела, как он спешит к ней. «Я что-нибудь к нему чувствую? Кажется, да. Тогда почему бы...» Но это было невозможно. Она вздохнула. «Надо мне отделиться от Джулии». Роберт замедлил шаг.

— Пойдем в контору, чаю попьем.

— Давай, — согласилась Валентина, и они, испытывая одинаковую неловкость, направились в сторону двух часовен.

Джулию так и тянуло побегать по солнцу, но для этого нужна была компания, а Валентина успела смыться с Робертом. Она потащилась наверх, чтобы излить свою досаду на Мартина.

— Привет, красавица, — сказал он, когда она вошла к нему в душный, затемненный кабинет. — Одну минуту, я уже заканчиваю. Завари-ка нам чайку, сделай одолжение.

Джулия отправилась на кухню заваривать чай. Она всегда охотно доставала чашки с блюдцами, кипятила воду и совершала все остальные привычно-спокойные действия, связанные с чаепитием, но сегодня ее терпение кончилось. Она кое-как составила все необходимое на поднос и оттащила Мартина в кабинет.

— Спасибо, Джулия. Ставь прямо на стол и сама присаживайся. Вот так, чтобы нам было уютно.

Джулия плюхнулась на стул.

— Тебе не надоело жить в потемках?

— Нет, не надоело, — беззлобно ответил он.

— Зачем ты окна газетами залепил?

— По совету нашего дизайнера, — улыбнулся Мартин.

— Ну конечно.

Мартин разлил чай по чашкам.

— Что-то вы сегодня не в духе, мисс Пул.

— Да это из-за Валентины... шляется где-то с Робертом.

Он протянул ей чашку.

— А в чем проблема?

— Ну как же — она с ним крутит роман.

Мартин поднял брови:

— Вот как? Интересно. Он, кажется, для нее староват.

— А ты бы закрутил со мной, если бы не был женат? — спросила Джулия.

Мартин был настолько ошарашен, что не нашелся с ответом.

Джулия сказала:

— Надо понимать, что нет, правильно?

— Джулия...

Она поставила чашку, наклонилась и поцеловала его в губы. Мартин содрогнулся и окаменел.

— Не надо, Джулия, — выдавил он наконец. — Я женатый человек.

Встав со стула, Джулия обошла вокруг невысокой стопки коробок.

— Но Марика уехала в Амстердам.

— Тем не менее она моя жена. — Он вытер губы носовым платком.

Джулия сделала еще один круг.

— Она тебя бросила.

Мартин обвел рукой штабеля коробок и заклеенные окна.

— Ей здесь было невмоготу. Я ее не виню.

Джулия кивнула. Она почувствовала, что слишком горячее согласие будет оскорбительным.

У Мартина поневоле вырвалось:

— Ты очень привлекательна, Джулия. — (Она остановилась и подняла на него недоуменный взгляд.) — Но я люблю Марику, и никто ее не заменит.

Джулия опять стала ходить кругами.

— А что именно... какое это чувство? — Мартин не ответил, и она попыталась объяснить: — Я никогда никого не любила. Из парней.

Мартин встал из-за стола и провел ладонями по лицу. У него устали глаза, щетина требовала бритвы. Это было не навязчивое состояние, а какое-то ощущение неопрятности; к тому же время шло к пяти. Он покосился на компьютер: всего четыре. Все равно пора, пора бы в душ — если подстраиваться под возвращение Марики с работы. Но можно было и немного подождать. «Не хочет отвечать», — подумала Джулия и почему-то испытала облегчение.

Мартин заговорил:

— Такое ощущение, будто от моего существа отделился изрядный кусок и перенесся в Амстердам, где он — она — меня ждет. Знаешь такой термин: фантомная боль? — (Джулия кивнула.) — Так вот: на ее месте осталась боль. И эта боль питает другую, которая заставляет меня постоянно мыться, считать и так далее. Выходит, что разлука не дает мне отправиться на ее поиски. Понимаешь?

— А не станет ли тебе гораздо легче, если ты поедешь и найдешь ее?

— Несомненно. Да. Конечно, я был бы только счастлив. — У него на лице отразилось беспокойство, как будто Джулия собиралась тотчас вытолкнуть его за порог.

— Так в чем же дело?

— Джулия, тебе не понять.

— Ты мне не ответил. Я тебя спросила про любовь. А ты стал рассказывать, какое чувство испытал после отъезда жены.

Мартин снова сел. «Она еще совсем ребенок. Мы в ее годы уже были хозяевами вселенной — и никто не смел нам перечить». Джулия сцепила руки, словно хотела, как молотом, выбить из него ответ.

— Любовь — это... тревога, — сказал он. — Хочешь доставить радость и боишься, что тебя увидят таким, каков ты есть. В то же время хочешь, чтобы тебя знали. Иными словами... ты наг, стонешь во тьме, теряешь всякую гордость... Я хотел, чтобы она видела меня и любила, хотя знала как облупленного, а я знал ее. Теперь ее рядом нет, и мое знание неполно. Целыми днями пытаюсь представить, чем она занимается, что говорит, с кем общается, как выглядит. Стараюсь восполнить потерянные часы, но чем дольше разлука, тем это труднее — неизвестность множится. Приходится додумывать. На самом деле, я просто не знаю. Ничего больше не знаю.

Он свесил голову на грудь, и его речь стала неразборчивой. Джулия подумала: «Он относится к своей жене точь-в-точь как я к Валентине». Это ее испугало. Ее чувство к Валентине оказалось безумным, изломанным, невольным. Джулия вдруг возненавидела Марику. «Как она могла его бросить — он теперь съезжился в этом кресле, плечи вздрагивают... — Ей вспомнился отец. — А он к маме так же относится?» Она не могла представить себе отца в одиночестве. Джулия приблизилась к Мартину, который сидел понурившись, с закрытыми глазами. Она подошла сзади, склонилась над ним и обняла за плечи, прижавшись щекой к его затылку. Мартин напрягся, а потом медленно накрыл крест-накрест своими ладонями руки Джулии. Мыслями он обратился к Тео, но не смог припомнить, когда Тео в последний раз его обнимал.

— Прости меня, — шепнула Джулия.

— Что ты, что ты, — сказал Мартин.

Джулия его отпустила. Мартин встал и вышел из кабинета. Джулия слышала, как он хлопает носом где-то в дальней комнате. Вернувшись, он в своей обычной нелепой манере

протиснулся в дверь бочком и снова сел в кресло.

Джулия заулыбалась:

— А на выходе ты этого не сделал.

— Разве? Это плохо. — Мартин ужаснулся, но ненадолго.

«Это необходимо исправить», — подумал он, однако внутренней потребности не испытал.

Глядя на него, Джулия заплесала.

— Ты в последнее время идешь на поправку. Закидонов гораздо меньше стало.

— Правда?

— Честное слово. Не сказать, что уже совсем нормальный, но хотя бы не бегаешь мыться каждую минуту.

— Не иначе как витамины подействовали, — сказал он.

— Все может быть, — ответила Джулия. Какие-то нотки в голосе Мартина заставили ее насторожиться.

— Я сейчас отрабатываю выход на лестничную площадку, — сообщил он.

— Мартин, это же здорово! Покажешь, как получается?

— Э... пока еще не очень получается. Но я тренируюсь.

— Надо нам увеличить дозу витаминов.

— Что ж, мысль интересная.

Джулия тоже села.

— Если сможешь выходить, сразу поедешь в Амстердам?

— Да.

— И я тебя больше не увижу?

— Ты приедешь к нам в гости.

Он начал рассказывать ей про Амстердам. Джулия слушала, а сама думала: «Все может быть». Ей было и радостно, и тревожно: если Мартин выздоровеет, не станет ли он жутким занудой?

— Не возражаешь, если я сниму газеты с окон? — перебила она.

Мартин задумался. Внутренний голос не протестовал, но он все же заколебался.

— Давай не со всех сразу, хорошо? Посмотрим, что из этого получится.

Вскочив со стула, Джулия стрелой бросилась к окну, едва не упав на коробки, преграждавшие доступ. Она принялась срывать газетную бумагу и скотч. В комнату хлынул дневной свет. Мартин стоял сощурившись и смотрел на деревья и небо. «Боже праведный, опять пришла весна». Джулия закашлялась от пыли, которую сама же подняла.

— Ну как? — спросила она.

Мартин кивнул:

— Очень мило.

— Можно еще?

— Еще какие-нибудь окна? — Твердой уверенности не было. — Дай мне привыкнуть... к свету... для начала. А через пару дней продолжим. — Мартин остановился в нескольких шагах от окна. — Дивная погода, — выговорил он.

У него колотилось сердце. Мир давил на него тяжким грузом. Джулия что-то говорила, но он не слышал.

— Мартин?

«Господи, что это с ним?» Джулия схватила его за плечи и начала подталкивать к креслу. Мартин покрылся испариной и едва дышал.

— Мартин?

Он поднял руку, чтобы прекратить расспросы, и упал в кресло. Через несколько минут он сказал:

— Легкая паника. — И остался сидеть с закрытыми глазами и отрешенным лицом.

— Чем тебе помочь? — спросила Джулия.

— Ничем, — ответил он. — Просто посиди рядом.

Она села и стала ждать вместе с ним. Вскоре Мартин со вздохом сказал:

— Пришлось поволноваться, да? — И вытер лицо носовым платком.

— Извини меня. — Сегодня у нее все выходило невпопад.

— Тебе не за что извиняться. Ну-ка, давай переберемся поближе к солнышку.

— А разве...

— Все нормально. Только не вплотную к окну.

Они подвинулись.

Джулия сказала:

— Все время кажется, будто я что-то поняла, а на самом деле — ничего.

— Я и сам себя не понимаю; где уж тебе? — сказал Мартин. — В этом и есть сущность безумия, правда? Колеса автобуса отваливаются на полной скорости, и все теряет смысл. Точнее, не теряет смысл, а приобретает такой смысл, которого никому не понять.

— Но ведь ты уже пошел на поправку, — со слезами на глазах выдавила Джулия.

— Да, мне гораздо лучше. Поверь.

Мартин вытянул ноги, подставляя их солнцу. «Скоро лето». Он представил себе Амстердам летней порой: узкие домики вдоль каналов нежатся в скупое отмеренных лучах северного солнца; Марика, загорелая и оживленная, хохочет над его голландским произношением; это было давным-давно, но теперь лето приближалось вновь. Подавшись вперед, он протянул руку Джулии. Так они и сидели бок о бок в солнечном свете, любуясь весенним днем с безопасного расстояния.

ТРЕСК ПО ШВАМ

Валентина привезла с собой в Лондон швейную машинку, но ни разу к ней не притронулась. Машинка немим укором стояла в гостевой комнате, а потом стала являться Валентине во сне, несчастная и потерянная, как некормленная собачонка.

Зайдя в гостевую комнату, Валентина остановилась перед машинкой. «Если я хочу этим заниматься, значит, надо заниматься». Она уже посмотрела в интернете, где учат на дизайнеров модной одежды. Для зачисления требовалось представить свои работы. О том, чтобы поступить в колледж, она не заикалась больше месяца. «Поддам заявление и, если выдержу конкурс, пойду учиться — вот и все». Валентина открыла швейную машинку. Сходила в столовую, притащила стул; нашла чемодан с отрезами ткани и вывернула содержимое на кровать. Когда она брала в руки один кусок материи за другим, разворачивала, разглаживала и снова складывала, все ее мысли были об Эди. У Джулии на кройку и шитье не хватало терпения — она так ничему и не научилась. Валентина распутала тесьму, рассортировала катушки ниток. Нашла коробочку со шпульками, а потом и свои любимые ножницы. Теперь все необходимое было аккуратно разложено на кровати, а она стояла и думала, с какой стороны к этому подступиться.

Перед отъездом из Чикаго она раскроила две блузки. Самое время было бы их закончить. «Нет, — подумала она. — Нужно сделать что-нибудь новое. Причем не две вещи, а одну».

Дома у нее стоял портновский манекен, но не тащить же было его в Лондон. Она достала сантиметр и сняла с себя мерку. Бред какой-то. Похудела. Она разложила отрезы в три стопки: пойдет, не пойдет, возможно. В стопке «возможно» был кусок черного бархата. Она купила его в восьмом классе, во время недолгого увлечения «готами»; но Джулия терпеть не могла черный цвет, и бархат завалился у Валентины в шкафу. Теперь она прикинула: четыре ярда? На платье — в самый раз.

Она набрасывала фасон, когда появилась Элспет.

— А, привет, — сказала Валентина.

«Дверь, между прочим, была закрыта, — подумала она. — Могла бы сообразить, что мне хочется побыть одной».

Элспет изобразила рукой письмо, и Валентина открыла блокнот на чистой странице.

ЗАНЯЛАСЬ ШИТЬЕМ?

— Да. — Валентина показала ей набросок. — Мини-платье с пристроченной пелериной.

СЛИШКОМ МНОГО ВРЕМЕНИ ПРОВОДИШЬ С РОБЕРТОМ

Валентина пожала плечами.

МОЖНО ПОСМОТРЕТЬ?

— Как хочешь.

Валентина потеряла руки для согрева и вернулась к эскизу. Элспет, свернувшись на кровати, исчезла.

Проходил час за часом. Валентина попыталась сделать выкройку, но только расстроилась. Моделированию нужно было специально учиться в колледже. Посидев на полу над своим бумажным творением, она поняла, что оно никуда не годится, но помочь делу не смогла. «Какая же я тупица. Может, взять что-нибудь из гардероба Элспет да распороть, тогда станет ясно, где у меня слабина». В коридоре послышались шаги Джулии.

— Мышь? — (Валентина затаила дыхание.) — Мышка?

Дверь распахнулась.

— А, вот ты где. Слава богу. Шить надумала?

Джулии весь день не было дома — она бродила по Хэрни.⁹⁸ С нее текло на пол. Валентина только сейчас поняла, что на улице дождь.

— Ты без зонтика? — спросила Валентина.

— С зонтиком. Но все равно вымокла — льет как из ведра.

Джулия ненадолго вышла и вернулась в пижаме, с чалмой из полотенца на голове.

— Чего шьешь-то?

— Вот. — Валентина неохотно кивнула на эскиз.

Джулия внимательно изучила листок блокнота.

— Из этого, из черного?

— Угу.

— Ну что ж... Оригинально.

Валентина не ответила. Она лишь протянула руку, и Джулия вернула ей блокнот.

— Куда мы будем такое носить? Это костюм на Хеллоуин для Лолиты.

— Это экспериментальная вещь, — ответила Валентина.

— Тебе все равно материала не хватит. Надо бы найти магазин тканей. Сшей нам розовые. Это будет кайф.

— На одно платье вполне достаточно. В розовом цвете это смотреться не будет. — Избегая взгляда Джулии, Валентина сделала вид, что подправляет выкройку.

— Для чего шить одно платье?

— Для моего портфолио, — ровным тоном ответила Валентина.

— Зачем тебе портфолио?

— Для поступления. На факультет дизайна.

— Этого еще не хватало. Мы ведь с тобой договорились бросить эту затею. — Джулия обошла кругом выкройку и опустилась на колени, заглядывая Валентине в лицо. — Скажи, какой в этом смысл? У нас же куча денег.

— Мы с тобой ни о чем не договаривались, — сказала Валентина. — Это ты стараешься навязать мне свое мнение. — Она сложила выкройку, убрала карандаши и блокнот.

— А ты стараешься все делать без меня. Я тебя почти не вижу, ты никуда со мной не ходишь, а с Робертом шляешься каждый вечер. Целыми днями треплешься с Элспет. Можно подумать, ты меня ненавидишь.

⁹⁸ *Хэрни* — исторический район к северу от лондонского Сити. Населен в значительной степени иммигрантами.

Валентина в конце концов посмотрела на Джулию в упор:

— Это правда. Я тебя ненавижу.

— Не ври, — сказала Джулия. — Этого не может быть.

— Ты мне... как тюремщица. — Валентина выпрямилась в полный рост; Джулия осталась стоять на коленях. — Отпусти меня, Джулия. В конце года попросим, чтобы мистер Рош разделил между нами наследство. Я возьму деньгами, мне много не нужно, только чтобы на жизнь хватало... Ты живи как знаешь. А я поступлю в колледж или работать пойду — все равно. Я просто хочу найти себе дело, найти свой путь, повзростеть.

— Это невозможно, — отрезала Джулия.

Она тоже выпрямилась, и полотенце неуклюже съехало на один бок. Джулия швырнула его на пол. В нежно-голубой пижамке, с прилипшими к голове волосами у нее был жалкий младенческий вид.

— Валентина, ты даже не сумеешь о себе позаботиться! Пойми, в первый же день, когда тебе станет плохо, а меня не окажется рядом, ты просто отдашь концы!

— Прекрасно, — бросила Валентина. — Чем всю жизнь прозябать рядом с тобой, лучше сразу отдать концы.

— Прекрасно, — эхом повторила Джулия. На полпути к дверям она помедлила, чтобы поставить точку, но в голову не пришло ничего хлесткого. — Как скажешь. — Она с грохотом захлопнула за собой дверь.

Валентина смотрела ей вслед. «Что же дальше?» Она вдруг поняла, что Элспет возникла снова и по-прежнему сидит на кровати, уставившись на нее потрясенным взглядом.

— Уйди, — приказала ей Валентина. — Мне надо побыть одной.

Элспет послушно выплыла сквозь закрытую дверь. Валентина не сходила с места, теряясь в мыслях. В конце концов она стянула с кровати облюбованную ткань, нырнула в кипу отрезов и укрылась черным бархатом. «Я просто исчезну», — решила она. Дождь лил как из ведра. Валентина немного поплакала. Под бархатом было тепло и надежно; засыпая, она подумала: «Знаю. Знаю, что я сделаю...» — и в этом промежутке между сном и явью у нее созрел план.

ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Наутро Валентина стала смотреть, как читает Элспет. Накануне она оставила на ковре в гостиной штук шесть старых книжек в бумажном переплете, открытых на заломленных страницах. Прочитав один разворот, Элспет переходила к следующей книге и так далее. Ее любимые романы (такие как «Миддлмарч», «Эмма», «Молитва об Оуэне Мини»⁹⁹) перемежались с историями о привидениях («Поворот винта» плюс какие-то вещи М. Р. Джеймса¹⁰⁰ и Эдгара По) — таким способом она рассчитывала узнать побольше о жизни духов. Результаты ее слегка разочаровали. Освоив все открытые развороты, она возвращалась к первой книге и с усилием переворачивала страницу. Так же поступала она и с остальными. Валентине было видно Элспет лишь частично: голова, плечи, руки проступали вполне отчетливо, а надетый на ней джемпер растворялся где-то в районе грудной клетки. Над книгами она проплывала вверх ногами; будь все ее тело на виду, можно было бы подумать, что она свисает с потолка. Будь у нее кровь, та бы вся прилила к голове. Но в теперешнем виде Элспет чувствовала себя вполне комфортно.

— Хочешь, я буду перелистывать страницы?

⁹⁹ «Миддлмарч» — роман Джордж Элиот, опубликован в 1871–1872 гг.; «Эмма» — роман Джейн Остин, опубликован в 1816 г.; «Молитва об Оуэне Мини» — роман Джона Ирвинга, опубликован в 1989 г.

¹⁰⁰ М. Р. Джеймс — Джеймс, Монтегю Роудз (1862–1936) — английский ученый и писатель, автор рассказов о привидениях; считается непревзойденным мастером этого жанра. В отличие от своих предшественников, помещал истории о привидениях в реалистичный контекст современной ему жизни.

Элпет подняла глаза и отрицательно покачала головой. Она сделала жест культуриста, согнув в локте одну руку: *Тренировки мне на пользу.*

Валентина валялась на розовом диване с потрепанным томиком «Женщины в белом». Ей было сложно сосредоточиться на приключениях графа Фоско и Марианны, когда Элпет шуршала страницами в паре метров от нее. Положив книгу, Валентина села.

— Где Джулия?

Элпет ткнула пальцем в потолок. Валентина только и сказала «А-а», поднялась с дивана и вышла из комнаты. Вернувшись с планшеткой, она приложила палец к губам. Элпет не скрывала удивления. *Меня излишне предупреждать.* Она переместилась поближе к Валентине.

— Ты помнишь, что произошло с котенком? — спросила Валентина.

Элпет отвернулась. *Не хочу об этом говорить.* Но Валентине она ничего не ответила. Валентина не унималась.

— Можешь сделать то же самое со мной? Извлечь у меня... душу... а потом вернуть на место?

НЕТ, написала Элпет.

— Не можешь или не хочешь?

НЕТ НЕТ НЕТ. Она потрянула головой. *Что за идиотская мысль,* вертелось у нее на языке. Но вместо этого она написала: ЗАЧЕМ.

— Нужно. Тебе-то не все ли равно?

Элпет про себя решила: *Вот, наверное, каково иметь дочь-подростка: непомерные запросы, помноженные на беспочвенное самомнение.* Она ответила:

А ВДРУГ НЕ ПОЛУЧИТСЯ ТЕБЯ ОЖИВИТЬ

— Потренируйся на Котенке.

ДОВОЛЬНО ЖЕСТОКО

Валентина вспыхнула.

— Котенок ведь не пострадал. Ты уж для меня постарайся. Глядишь — и Котенка не придется лишний раз мучить.

СМЕРТЬ КЛЕТОК ПОВРЕЖДЕНИЕ МОЗГА КАК ЗНАТЬ ЧТО КОТЕНОК В НОРМЕ

— Ну хватит тебе, Элпет. Хотя бы подумай над этим.

Элпет пристально посмотрела на Валентину, а потом написала: ЗАБУДЬ — и исчезла.

Валентина погрузилась в раздумья. Легкий ветерок шевелил страницы книг на ковре. Валентина не поняла: это действительно ветерок — или Элпет. В отместку она перевернула все книги переплетами вверх. У нее с самого начала не было уверенности, что Элпет согласится. Но теперь, озвучив свой план, она решила всеми правдами и неправдами добиваться своего.

Джулия изводилась. Она сидела на лестничной площадке под дверью Мартина, вытянув перед собой одну ногу и согнув в колене другую, стоящую на ступеньке. Утро опять выдалось дождливым, и сероватый свет, казалось, припорошил новым слоем пыли всю площадку. Джулия слышала, как Мартин ворчит вслух у себя в квартире. Ей хотелось войти и нарушить его покой, но необходимо было выждать время. Она сменила позу, и теперь ее ступни упирались в башни старых газет, которые Мартин хранил на площадке. Башни, как оказалось, стояли не слишком устойчиво. Джулия представила, как они свалятся и накроют ее с головой. Раздавят. Мартин никогда ее не найдет — ему будет не открыть входную дверь. Ошибка. У него дверь открывается внутрь. Валентина подумает, что она сбежала; пожалеет еще. «Стану призраком; тогда она меня снова полюбит. Будет целыми днями сидеть передо мной с планшеткой — скучать не придется». Роберт отправится их искать и тоже попадет под газетную лавину; проломит себе череп и умрет. Джулия пнула ближайшую стопку, которая накренилась на соседнюю. Особого удовлетворения это не принесло.

«Скучища», — подумала Джулия. А уж скучать в одиночестве было совсем невыносимо. Джулия огляделась, но не нашла ничего, достойного внимания. Идти наверх

тоже не хотелось: Валентина по-прежнему с ней не разговаривала.

Мартин запел, и Джулия почувствовала, что это ему в радость. Песня была ей незнакома. Чем-то напоминала рекламный джингл. Джулия еще разок пнула газеты, но связки не повалились. «На работу, что ли, устроиться, — подумала она. — Тоже скучища, но хоть на людях буду». Ноздри уловили запах тостов, и на нее вдруг нахлынула безотчетная тоска. Еще один резкий пинок — и газеты повиновались: стопки беспорядочно посыпались ей на ноги и на живот. Это чем-то напоминало пляжную игру, но макулатура, в отличие от песка, больно тыкала ее острыми углами. Джулия немного выждала, надеясь получить удовольствие. «Ни фиги, — подумала она, — все без толку». Выбравшись из-под газетных завалов, она перешагнула через несколько связок и открыла дверь. Там Джулия пошла на голос Мартина, в кухню, где он готовился есть — вот именно — тосты.

На следующее утро Валентина и Элспет уселись вместе за планшетку. Элспет ответила не сразу.

НЕ ПОНИМАЮ, написала она.

— Я хочу уйти от Джулии, — пояснила Валентина.

Эта идея ее буквально преследовала, вытесняя все остальные мысли.

УХОДИ

— Она не отпустит.

ГЛУПОСТИ

— Когда вы с мамой разбежались...

У НАС НЕ БЫЛО ВЫХОДА

— Почему это?

Бесцельно покрутив кольцо, Элспет замерла.

— Если Джулия подумает, что я умерла, она меня сразу отпустит.

ДЖУЛИЯ НЕ ВЫНЕСЕТ ТВОЕЙ СМЕРТИ ЭДИ И ДЖЕК ТОЖЕ

О родителях Валентина не подумала. Нахмурившись, она тем не менее продолжила:

— Слушай, Элспет, у нас все получится. Я умру, Джулия, хочешь не хочешь, начнет жить в одиночку и со временем привыкнет. А ты по-быстрому вернешь меня в мое тело, и я буду жить-поживать — пойми, для меня наступит совершенно другая жизнь. Свободная.

Не сводя глаз с Валентины, Элспет задержала руку на планшетке. Сначала Валентина узрела в ее взгляде осуждение, потом задумчивость.

ДАВАЙ МЫСЛИТЬ ПРАКТИЧЕСКИ, написала Элспет. ТЫ ДОЛГО БУДЕШЬ БЕСТЕЛЕСНОЙ ПОХОРОНЫ ТЛЕН КЛАДБИЩЕ МЫ ВСЕ ЗДЕСЬ А ВДРУГ ТВОЙ ДУХ УЛЕТИТ КАК МЫ СОЕДИНИМ ТЕЛО И ДУШУ ТЕЛО НАЧНЕТ РАЗЛАГАТЬСЯ НЕ СХОДИ С УМА

— Попросим Роберта — он не откажется помочь.

ОТКАЖЕТСЯ

— Не откажется, если ты как следует попросишь.

Элспет не на шутку разволновалась: *Это катастрофа. Змей, яблоко, женщина: адское искушение. Ничем хорошим это не кончится. Откажусь. Без меня она не справится. Получив отказ, волей-неволей научится ладить с Джулией. Нет, нет и еще раз нет.* Элспет видела, что Валентина терпеливо, как примерная школьница, ждет ее решения. Скажу ей: не может быть и речи.

Пальцы Элспет легли на планшетку.

Я ПОДУМАЮ, сообщили буквы.

СЧИТАЛКА

Устроившись на заднем дворике, Валентина пила чай. Было хмурое майское утро; даже она редко поднималась в такую рань. Каменный выступ, на котором сидела Валентина, подернулся мхом; оставшийся от Элспет теплый стеганный халат не спасал от сырости.

Сбросив шлепанцы, Валентина поставила ступни на скамью и опустила подбородок на колени.

Элспет наблюдала за ней с приоконного дивана.

На кладбище трещали сороки. Две из них взлетели на стену и не спускали с Валентины глаз. При этом они переминались с ноги на ногу. Валентина тоже уставилась на птиц; ей вспомнилась считалка, услышанная когда-то от Эди:

Раз — грустинка,
Два — смешинка,
Три — с колечком,
Четыре — под сердечком,
Пять — слегла,
Шесть — умерла.

«Две — смешинка, — сказала себе Валентина. — Это к удаче». Она даже мысленно заулыбалась, но тут к двум сорокам присоединились три других, а через мгновение — еще одна, самая жирная и горластая: она плюхнулась в середину, и остальные бочком заковыляли в стороны, чтобы освободить ей место на стене. Валентина отвела глаза и стала смотреть в сторону окна. «Это кто там, Джулия, что ли?» В неосвещенной комнате маячило темное, как дыра, пятно. Валентина даже встала и, приложив ладонь козырьком, вгляделась повнимательнее. «Элспет? Нет, померещилось». Но первое впечатление не давало ей покоя: темное пятно в темноте... «Да нет там ничего. Элспет так себя не ведет; странность какая-то».

Сделав последний глоток, Валентина забрала чашку, блюдо, ложечку и вернулась в дом.

ПРОБА

Котенок Смерти спал у Валентины на подушке. В комнату проникали косые лучи послеполуденного солнца: они ложились на ковер, на край постели, но не дотягивались до Котенка. Весь белый, он почти сливался с наволочкой: *как на картинке — белый медвежонок в пургу*, подумала Элспет. Она выбрала себе место на солнце и, пропуская сквозь себя теплые лучи, наблюдала за спящим Котенком. *Я по твою душу*. Элспет была подавлена. Могла ли она вообразить, что когда-нибудь станет убивать спящее пушисто-белое создание? Но теперь оказалось, что она как раз из тех, кто перед этим не останавливается. *Не бойся, кошечка. Я сразу же тебя оживлю*. Элспет на пробу потянулась к Котенку, но тот не шелохнулся. Она почесала мягкое кошачье брюшко. *Как же у меня тогда получилось?* Она погрузила руку в белое тельце; недовольно мяукнув, Котенок заворочался, но не проснулся. Элспет без помех прощупала горячие кровеносные сосуды, внутренние органы, косточки, мышцы. Искала она зазубринку бестелесности; пальцы без труда должны были узнать душу, состоявшую из той же субстанции, что и сама Элспет. *Есть ли у нее постоянное место внутри тела? Или она подвижна? В прошлый раз она сама зацепилась за мой мизинец. Скользкая была, точно косточка авокадо, — как такую удержишь?* Котенок фыркнул и свернулся поплотнее. *Прости, кошечка. Прости*. Элспет поднялась пальцами выше, к легким, и тут Котенок проснулся.

Элспет отдернула руку. *Ты же невидима*. Но Котенку явно было не по себе: выгнув спину, он стал настороженно озираться по сторонам, а потом остановился у края широкой кровати и прислушался. В квартире было тихо: и Джулия, и Валентина ушли. Этажом ниже кто-то возился на кухне; Элспет знала, что это Роберт. Покрутившись на месте, Котенок переместился в изножье, опустил голову на сложенные перед собой лапки и сощурился. Элспет в ожидании сидела рядом.

Через несколько минут Котенок смежил веки. Элспет наблюдала, как его бока мерно

раздуваются и опадают. Кончик хвоста подергивался. *Теперь аккуратно.* Элспет погладила Котенка по голове; когда то же самое делала Валентина, Котенок всегда блаженствовал. Но сейчас он недовольно передернул ушками.

Котенка сморил сон. Элспет быстрым движением вспорола белое тельце, как Котенок мог бы вспороть коготками игрушку. Что-то зацепилось за палец — и кошачья плоть провалилась внутрь себя, как непропеченное тесто: в руках у Элспет выпустил когти злой, кусачий Котенок.

Если он меня оцарапает, заживет ли ранка? Элспет представила, как ее призрачная кожа свисает клочьями, и швырнула Котенка на кровать. Они устали друг на друга. Котенок враждебно зашипел. Элспет вздрогнула: *если я это слышу, значит?..* Она зашептала: «Все хорошо, кошечка» — и потянулась к зверьку. Котенок с шипением отпрыгнул. Он оглянулся, спрыгнул с кровати и исчез.

А дальше что? Как повторить возвращение к жизни? Элспет подумала про Валентину и вконец отчаялась. Она прилегла на кровать рядом с бездыханным кошачьим тельцем. Ну-ка, оживай, кошечка. Это всего лишь проба... Как же быть?.. Кошечка не подавала признаков жизни. Ее полуоткрытые глаза подернулись третьим веком. Она стала похожа на кошачью инопланетянку. Из рта свесился розовый язычок, голова неловко свернулась набок. *Прости, кошечка. Мне тебя так жалко, ужасно жалко.*

Куда же подевалась эта кошка? Не смылась ли из квартиры? Возможно, выпрыгнула на задний двор или белым облачком полетела на кладбище гонять призраков, воробьев и лягушат. Возможно, превратилась в кошачье привидение и шныряет по помойкам Саут-Гроув.¹⁰¹ Элспет поглаживала белую шерстку, утратившую, как ей казалось, живой блеск. Она погрузила пальцы в кошачий бок — и поразились перемене: там затеплилась жизнь, но это была та жизнь, что разъедает тело. Внутри зашевелились микроорганизмы, пожирающие мертвую плоть.

Отдернув руку, Элспет приподнялась с подушки. *Ничего не выйдет, Валентина. По-твоему не получится. После похорон тело будет не узнать: его тронет гниль. Ты умрешь от тлена. Умрешь от собственной смерти.*

Элспет сжалась в плоский лист и взмыла в воздух. Она не могла себе простить, что убила Котенка ради какой-то бредовой затеи. *Как же я на такое пошла? Бедная кошечка.* Элспет втиснулась к себе в ящик. Сжавшись в комок, она терзалась от собственной низости и жестокости, кляла себя последними словами и представляла, что будут говорить другие об ее изуверстве. Ответ пришел сам собой: *ничего*, потому что об этом злодеянии сможет догадаться одна Валентина.

ПОХОРОНЫ КОТЕНКА СМЕРТИ

Котенка обнаружила Джулия. Никогда прежде она не сталкивалась со смертью, и ее первая мысль была о Валентине: может, кошечка еще чудом проснется, может, Валентина ничего не узнает. Но Валентина не убивалась. «Ох», — только и сказала она, выслушав Джулию.

В чулане Джулия нашла деревянный ящичек с откидной крышкой. Когда-то в нем хранили столовое серебро, но теперь об этом напоминали только пустые отсеки, обитые бледно-зеленым бархатом. Родителям Эди и Элспет кто-то подарил серебряные приборы на свадьбу. Но в девяносто шестом их квартиру обокрали. У Джулии мелькнуло недоумение: зачем хранить пустой ящик, утративший свое назначение? Она перенесла его в спальню и поставила рядом с кошачьим тельцем.

Валентина откинула крышку.

— Не поместится, — сказала она.

¹⁰¹ Саут-Гроув — район Лондона вблизи Хайгейтского кладбища.

— Да, вот если бы котенка была в форме вилки... а так перегородки мешают. Погоди-ка, они, по-моему, вынимаются, — заметила Джулия.

Старый клей поддался легко, и Джулия вытащила деревянную вставку. Из ящика пахло плесенью. Валентина скривилась и зажала нос краем блузы.

— Набьем туда кошачьей мяты. А кошечку во что-нибудь завернем.

Джулия сходилa в гардеробную и раскопала голубой шелковый платок, оставшийся от Элспет. Валентина кивнула. Джулия разложила его на кровати. Валентина взяла кошечку на руки и перенесла на голубой шелк. Поцеловала кошачью макушку. Тельце уже слегка окоченело. Валентина завернула его в платок и уложила в ящик. Теперь ничто не напоминало, что Котенок совсем недавно был жив. В ящике лежал застывший, жалкий комок. Валентина опустила крышку.

Близнецы спустились вниз и молча постояли у Роберта под дверью. Валентина прижимала к груди ящик. Открыв им дверь, Роберт сказал:

— Я тут подумал и решил: закопаем на заднем дворе.

— С какой стати? — возмутилась Джулия. — За стеной огромное кладбище. Глупо получается: у нас же есть семейный склеп — туда и отнесем.

Близнецы переступили через порог и остановились в прихожей, будто собираясь тут же уйти. Роберт запер за ними дверь.

— Это невозможно по целому ряду причин. Во-первых, для наземного захоронения требуется особый гроб, а этот скоро придет в полную негодность. Во-вторых, там запрещается хоронить животных — это христианское кладбище.

— А если у нас христианское животное? — спросила Джулия.

— А если мы раздобудем правильный гробик? — спросила Валентина.

Роберт стоял на своем:

— Закопаем у садовой стены, а Джордж сделает небольшое каменное надгробье. Кошка будет лежать в двух шагах от кладбища, и вы сможете ее навещать в любое время.

— Ладно, — сказала Валентина; ее зазнобило. Хотелось поговорить с Элспет, но та куда-то исчезла.

Они втроем вышли на задний двор. Роберт принес лопату и несколько пар перчаток. Посоветовавшись с Валентиной, он начал копать. Ящик был невелик, но Роберт углубил яму на метр. Закончив работу, он про себя воздал должное труду похоронной бригады: «Томас и Мэтью управились бы в считанные минуты, а у меня пот в три ручья и руки стерты до кровавых мозолей». Он бережно опустил ящик на дно.

— Наверное... полагается что-нибудь сказать? — спросила Джулия.

— Ты имеешь в виду молитву? — усомнился Роберт, переводя взгляд с Джулии на Валентину.

— Прощай... Котенок... — произнесла Валентина.

И, подумав: «Я тебя люблю. Прости меня...», расплакалась.

Роберт и Джулия в нерешительности переглянулись: каждый полагал, что другой утешит лучше. Джулия сделала знак рукой: «Давай ты». Шагнув к Валентине, Роберт привлек ее к себе; она зарыдала в голос. Джулия не стала смотреть. Она отвернулась, направилась к дому и поднялась по пожарной лестнице. В квартире она сразу подбежала к окну: Валентина прижималась к Роберту. Роберт смотрел вверх, на Джулию. «Стушевался. Получил в подарок дорогую побрякушку, а радость изобразить не может». Джулия отошла от окна — пусть разбираются сами.

Два дня все избегали общения. Элспет не вылезала из ящика письменного стола и мучилась угрызениями совести; Роберт засиживался в конторе, изучая похоронные акты; Джулия вставала раньше обычного и уходила неизвестно куда; Валентина слонялась по квартире и не могла закончить черное платье с пелериной. Ей было трудно сосредоточиться, и выкройка не поддавалась никакой логике. Роберт помог близняшкам заказать новый телевизор, который доставили на следующий день после похорон Котенка. Валентина забросила костюмы, начатые для «Парада старины» и документальной передачи на тему

ислама. Мартин пребывал в счастливом неведении; он взхлеб работал над кроссвордами, а в перерывах осваивал лестничную площадку. Там он безболезненно продержался целых десять минут и даже дерзнул предположить, что когда-нибудь одолеет ступеньки.

За обедом Валентина не отрываясь смотрела очередную серию «Ист-эндеров»,¹⁰² тут наконец появилась Элспет. Невидимая глазу, она устроилась поодаль от телевизора и думала, как начать разговор. Сериал закончился. Щелкнув пультом, Валентина стала убирать со стола. Элспет, мучаясь от нерешительности, потащилась за ней на кухню, потом в спальню.

Валентина окликнула:

— Элспет? Я знаю, ты здесь. — Пальцы Элспет коснулись тыльной стороны ее ладони. Валентина перешла в гостиную и присела возле планшетки. — Что стряслось, Элспет?

СТРАШНАЯ ОШИБКА ИЗВИНИ

— Я ведь не просила тебя убивать кошечку насовсем, ты это понимаешь?

ПОНИМАЮ ХОТЕЛА ОЖИВИТЬ НО ОНА УБЕЖАЛА

— А сейчас она тут?

НЕ ВИЖУ

— Как только увидишь — дай мне знать, ладно?

ЭТО НЕ СКОРО СНАЧАЛА ОНА БУДЕТ ОБЛАЧКОМ

— Пускай.

Я ВИНОВАТА

— Я тоже. Это все из-за меня, Элспет. Напрасно я это затеяла.

ВСЕ ПЛАНЫ ЛЮДЯМ И МЫШАМ КРУШИТ СУДЬБА¹⁰³

— Ну да, понятно. — Валентина поднялась на ноги. — Устала я, Элспет. Пойду спать.

СПОКОЙНОЙ НОЧИ

— Спокойной ночи. — Валентина вышла.

Элспет услышала, как она чистит зубы в ванной. *Кажется, проехали*, подумала Элспет. *Оно и к лучшему*.

Утром следующего дня Джулия нашла Валентину на заднем дворе. Она сидела на скамье, подставив лицо солнцу, и смотрела на маленький земляной холмик над могилой котенка.

— Эй, привет, — окликнула Джулия.

— Привет.

— Думаю в «Либерти»¹⁰⁴ съездить. Хочешь со мной?

Валентина уже готова была сказать «нет», но вовремя сообразила: «Джулия терпеть не

¹⁰² «Ист-эндеры» — популярный британский телесериал, выходит с 1985 г.

¹⁰³ *Все планы людям и мышам крушит судьба* (англ. «The best-laid plans of mice and men»). — Перефразированная цитата из Роберта Бёрнса: «Задумки людям и мышам крушит судьба» (англ. «The best-laid schemes o' mice and men...»). Стихотворение Р. Бёрнса «Полевой мыши, гнездо которой разорено моим плугом» известно в переводе С. Я. Маршака:

...Ах, милый, ты не одинок,
И нас обманывает рок,
И рушится сквозь потолок
На нас беда.
Мы счастья ждем, а на порог
Валит нужда...

¹⁰⁴ «Либерти» — фирменный магазин тканей; существует с 1875 г.; расположен в здании тюдоровской эпохи. Ткани и тканевые изделия фирмы «Либерти» славятся высоким качеством и тонкостью проработки узора.

может „Либерти“; наверняка она это придумала ради меня». В «Либерти» на третьем этаже — Валентина знала — находился отдел мерного лоскута; там можно было неспешно бродить часами, выбирая небольшие отрезки тканей. Телевизор ей уже порядком надоел.

— Конечно хочу, — сказала она. — Поехали.

По дороге они почти все время молчали. Валентина с ног до головы оделась в черное — это были вещи из гардероба Элспет. Джулия не смогла ей соответствовать: она остановила свой выбор на бледно-розовом джемпере с капюшоном, короткой юбочке и колготках. «В розовом и черном мы неплохо смотримся, — думала она. — Не одинаково, но эффектно». Они сидели рядом в грохочущем поезде Северной линии; каждая кожей чувствовала другую, но не спешила открывать рот. В «Либерти» Валентина сразу нырнула в цокольный этаж, где помещался отдел тканей. Джулия плелась за ней следом и продумывала, что скажет Валентине, когда та снизойдет до разговора.

Настало время обеда, и близнецы отправились в кафе, где взяли на двоих сэндвич с беконом, зеленым салатом и ломтиками помидора и пакет чипсов. Джулия пила кока-колу, Валентина — чай. Молчание затягивалось, и Джулия нервничала все сильнее. В конце концов она не выдержала:

— А дальше какие планы?

Валентина пожала плечами:

— Не знаю. Наверное, домой.

— Да брось ты, — в утробу ей заворковала Джулия. — Такая чудесная погодка. Домой всегда успеем.

— Хорошо. — По тону Валентины было ясно, что ей совершенно все равно.

— Пошли прогуляемся.

— Пошли.

На улице Джулия двинулась в южном направлении. Как заметила Валентина, путеводитель ей больше не требовался. Вскоре они оказались в Сент-Джеймском парке.

— Давай посмотрим уток, — сказала Валентина; они сели на скамейку и стали смотреть на пруд с утками.

Джулия спросила:

— Почему ты на меня так злишься?

— Сама знаешь.

— Нет... Даже не догадываюсь. Мы всю жизнь вместе, и раньше нам было хорошо. Вернее, мы об этом и не задумывались, правда? Так выходило само собой. Мы хотели одного и того же, не собирались расставаться... помнишь?

Валентина покачала головой:

— Говори за себя. Это в твоём представлении мы так жили. Мы всегда делали только то, чего хотелось тебе. Ты принимала это как должное и ни разу не уступила. А то, чего хотелось мне, всегда отменялось. Например, учеба. Хоть в Корнелле, хоть в Иллинойском университете. Сейчас бы уже окончили. Нашли бы приличную работу. Но тебе не нравилось, когда у меня появлялись собственные интересы; ты немедленно шла на попятный и тащила меня за собой. Насколько я понимаю, тебе от жизни ничего не нужно, поэтому и мне не дозволяется к чему-то стремиться. Куда это заведет, Джулия? Ты не можешь вечно тянуть меня назад.

— Но у нас судьба такая — быть вместе. Я так тебе скажу: посмотри на маму и Элспет. Они не хотели разлучаться. Между ними встало что-то непреодолимое, и только тогда они разошлись в разные стороны, но вопреки своей природе, и обе потом жалели.

— Никто не мешал им воссоединиться, однако у них и мысли такой не возникало, — сказала Валентина. — Элспет с Робертом провели отпуск в Штатах, но даже не подумали заехать в Чикаго, потому что Элспет не хотела. Роберт считает, что мама запретила ей с нами общаться.

— Но суть в том, что они расстались не по своей воле.

— Какое нам до них дело? — бросила Валентина. — Я, например, хочу получить

образование. Я хочу, чтобы у меня был парень, я хочу выйти замуж и создать семью. Хочу стать модельером, хочу жить одна в собственной квартире, хочу съесть целый сэндвич, а не половинку. Последовательность не имеет значения, — добавила она.

— Да кушай ты свои сэндвичи, сколько влезет, — ответила Джулия.

Она хотела пошутить, но Валентина резко встала и пошла прочь. Джулия окликнула ее. Валентина скрылась из виду, и Джулия устремилась в ту же сторону. «Куда ее понесло? — встревожилась Джулия. — Города не знает, заблудится еще».

Выйдя из парка, Валентина помедлила, свернула направо и зашагала вдоль Молла. Джулия перешла на бег, чтобы с ней поравняться. Оглянувшись, Валентина прибавила шаг. На подходе к Трафальгарской площади она заговорила с бомжом, продававшим газету «Биг исью»;¹⁰⁵ тот стал размахивать руками, тыкать пальцем и, кажется, что-то для нее записал. «Метро ищет», — догадалась Джулия. Она решила выждать, пока Валентина сориентируется. «Сяду с ней в один поезд. Там она никуда от меня не денется». Валентина посмотрела через плечо, но ничего подозрительного не заметила — и пошла не в ту сторону. «Ты куда? Почему не на Черинг-Кросс? — Джулия шла за ней следом по Кокспер-стрит и Хеймаркету. — В черном ее почти не видно». Немного сократив расстояние между ними, Джулия, к счастью, заметила, что Валентина вошла в метро на станции «Пикадилли-серкус». Джулия бросилась за ней. У нее на глазах Валентина шлепнула по барьеру проездным билетом, проскользнула через турникет и бросилась к лестнице. Джулия не спускала с нее глаз, но решила поехать на эскалаторе и оказалась в нижнем вестибюле первой. Стиснув зубы, Валентина прошла мимо. Джулия, совершенно убитая, держалась на несколько шагов сзади.

Валентина поспешила на ту платформу, откуда поезда шли в западном направлении. «Какого черта ей там нужно?» Остановившись на расстоянии вытянутой руки, Джулия проговорила:

— Валентина. Это не наш поезд. Он идет в аэропорт Хитроу.

Валентина не отреагировала. «Она что, намылилась в аэропорт? У нее даже паспорта с собой нет. И в карманах пусто». Подошел поезд. Валентина шагнула в вагон. Джулия — за ней.

Когда двери закрывались, Валентина в последний момент протиснулась между створками и выскочила. Джулия успела заметить, что она стоит на платформе и с довольным видом провожает глазами удаляющийся поезд.

Роберт вернулся с кладбища около шести. Плеснув себе виски с содовой, он вышел на задний дворик, чтобы посидеть под прикрытием стены и отдохнуть. На скамье уже сидела Джулия. Ее лицо было мокрым от слез.

— Что такое? — спросил он, хотя примерно догадывался.

— Валентина потерялась, — всхлипнула Джулия и без подробностей рассказала ему о событиях этого дня.

— Ну, не знаю, — сказал он. — Если она от тебя смылась, это еще не повод бить тревогу.

Джулия отвела взгляд:

— Где ее носит?

— Понятия не имею, но к ночи появится.

Без особой уверенности Джулия кивнула:

— Да, наверное.

¹⁰⁵ «Биг исью» (англ. «Big Issue», букв. «Важная тема») — уличная газета, создаваемая профессиональными журналистами с целью привлечения внимания к проблемам бездомных и сбора средств в помощь лицам без определенного места жительства. «Биг исью» — это социальная программа, которая помогает бездомным получать легальный доход и интегрироваться в общество. Российский аналог — газета «Ночлежка».

Роберт протянул ей стакан:

— Выпьешь?

— Нет, спасибо.

— Тогда говори, чем могу помочь.

— Ничем. Но все равно спасибо. — Джулия ушла к себе, оставив Роберта теряться в догадках.

В семь часов Джулия спустилась этажом ниже и постучалась к нему в дверь.

— Есть новости? — спросил он.

— Нет. — Джулия стояла на площадке. — Что теперь делать? Может, в полицию заявить?

— Даже не знаю, — ответил он. — Не уверен, что...

Тут зазвонил телефон. Роберт схватил трубку.

— Алло?.. Слава богу, мы чуть с ума не сошли... Ты где?.. Уэст-Далидж? Как тебя туда занесло?.. Ладно, неважно, подожди, я посмотрю по карте... Приеду за тобой на такси, жди у входа, поняла?.. Нет, не надо, стой там. Да-да, не волнуйся. До встречи. — Он положил трубку и повернулся к Джулии. — Она будет ждать у Национального железнодорожного вокзала в южном Лондоне.

— Можно мне с тобой?

— Лучше не надо, — сказал Роберт. Взяв бумажник и ключи, он вышел на площадку. — Не обижайся, Джулия. Она... на грани нервного срыва.

— Все понятно. — Джулия отвернулась и побежала наверх.

Роберт поспешил на стоянку такси.

От Хайгейта до Уэст-Далиджа путь неблизкий, и у Роберта было время поразмыслить. «Надо бы связаться с их родителями. Я не возьму на себя такую ответственность. От Элспет толку мало. Позвоню Эди и Джеку, пусть приедут... и что сделают? Пристрелят девчонок... Я им не опекун... Тут нужен третейский судья...»

Когда автомобиль в конце концов притормозил у вокзала, Роберт вышел и остановился на тротуаре. Валентина, можно было подумать, материализовалась из тьмы: Роберт заметил, что к нему плывет голова, но тут же понял, что черная одежда просто не видна. Они не проронили ни слова. Валентина села в машину, Роберт опустился на сиденье рядом с ней.

На дорогах было почти пусто. Водитель болтал на хинди по мобильнику. Первые несколько миль они молчали. Когда такси переезжало через Темзу, Роберт спросил:

— Как себя чувствуешь?

— Я приняла решение, — спокойно сказала Валентина. — Но мне понадобится твоя помощь.

Роберт занервничал. Впоследствии он ругал себя, что не приказал таксисту остановиться, не отправил ее домой одну; надо было бежать от нее сломя голову, нестись до разрыва сердца по улицам южного Лондона. Вместо этого он спросил:

— Какая же?

Очень тихо, чтобы не услышал водитель, Валентина повела рассказ о том, как Элспет оживила Котенка. Роберт слушал с нескрываемым раздражением.

— Не понимаю, — сказал он. — Котенок издох.

— Это случилось не в тот раз. Элспет стала упражняться. Котенку не понравилось, он убежал, и Элспет не сумела вернуть его в тельце.

— Что значит «стала упражняться»? Упражняться в чем?

— Я как раз собиралась к этому перейти. У нас был план...

Она изложила ему этот план очень тихо, почти шепотом, с легким американским акцентом, и Роберт ужаснулся. Он шарахнулся в сторону:

— Ты сумасшедшая.

Она положила узкую ладонь ему на колено.

— Вот и Элспет вначале так сказала. Но потом она хорошенько подумала, и мы обсудили все подробности. Ты сам с ней поговори...

— Да, будь уверена, я с ней поговорю от души. — Он стряхнул ее руку с колена, потом сжалился и задержал ее в своей ладони. — Э... Валентина. Ты не должна допускать... видимо, не следует возлагать принятие решений на Элспет.

— Это почему?

— Она... хитрая. У нее внутри одной идеи прячется другая.

— Она ко мне очень добра.

Роберт покачал головой:

— Элспет не добрая. Даже при жизни была не очень-то... она была остроумна, красива, фантастически изобретательна в пост... в поступках, но после смерти, по-моему, утратила очень важное качество — сострадание, или, если хочешь, сопереживание, какую-то человечность... боюсь, ей нельзя доверять, Валентина.

— Но ты же ей доверяешь.

— Потому что я идиот.

Они опять замолчали и до конца поездки не произнесли ни слова.

Валентина отказывалась идти домой, и Роберт предложил ей переночевать у него. Дождавшись, пока она заснет, он поднялся на второй этаж и постучался в дверь. Джулия открыла тотчас же.

— Входи, — сказала она.

Он остановился в прихожей. Ему не хотелось садиться и заводить долгий разговор.

— Она у меня; только что заснула, — сообщил он.

— Хорошо.

— Джулия, — начал он. — У тебя не возникало ощущения, что Валентина... склонна к суициду?

— Это она нарочно, — поспешила ответить Джулия.

Роберт собрался уходить.

— Как знать. Ты... последи за ней. — Он стал спускаться вниз и только от своей двери услышал, как Джулия заперлась на замок.

Войдя в квартиру, он сразу пошел к телефону. В Лейк-Форесте, очевидно, было около семи вечера. Он представил, как чета Пул садится ужинать в блаженном неведении относительно замыслов своей дочери, которая спланировала собственную смерть и возвращение к жизни. Поднеся трубку к уху, он сообразил, что не знает их номера. Может, спросить у Джулии? Нет, лучше не надо; утром можно будет справиться у Роша.

Роберт бодрствовал почти всю ночь: смотрел без звука футбол, потом программу об американской фолк-музыке. В какой-то момент его сморило прямо в кресле. Проснувшись, он обнаружил исчезновение Валентины. Он побежал вверх и увидел, что близняшки завтракают — и, по всей видимости, мирно. Валентина сварила ему кофе.

— Какие у вас на сегодня планы? — поинтересовался он.

— В общем-то, никаких, — ответила Валентина.

— Съездили бы в супермаркет.

— У нас продуктов полно, — сообщила Джулия.

— Или на экскурсию.

— Ты собираешься поговорить с Элспет? — спросила Валентина.

— Как ты догадалась? — ласково протянул он.

Валентина растерялась, но ничего не сказала. После завтрака Джулия поднялась проводить Мартина, а Валентина, взяв с собой чашку чая, спустилась на задний двор. Оставшись в столовой, Роберт позвал:

— Элспет. Подойди ко мне.

Щеку обдало холодом. С карандашом и бумагой наготове он сел за стол.

— Элспет, что ты задумала?

Я?

— На пару с Валентиной. Она открыла мне ваш план.

ЭТО ЕЕ ПЛАН.

— Да она дальше своего носа ничего не видит, Элспет, ты же понимаешь: это добром не кончится. Во-первых, в мертвом теле начнутся химические процессы.

ПУСТЬ СЕБАСТЬЯН ЕЕ НЕ БАЛЬЗАМИРУЕТ.

— Я имею в виду природные химические элементы. Многочисленные железы выделяют всякую гадость, которая разлагает тело. Кроме того, существуют газы, бактерии...

ТРУП НАДО ДЕРЖАТЬ В ХОЛОДЕ. ПРИ ТЕМПЕРАТУРЕ, БЛИЗКОЙ К НУЛЮ.

— Элспет, это к делу не относится. Даже говорить об этом не стоит. Через шесть месяцев Валентина сможет забрать свою половину наследства и уйти. Если она не пожелает знаться с Джулией, никто ее не заставит.

А ЕСЛИ ОНА РАНЬШЕ НАЛОЖИТ НА СЕБЯ РУКИ?

— Она этого не сделает, — заявил он с преувеличенной уверенностью.

ТЫ ДАВНО НЕ СМОТРЕЛ ЕЙ В ГЛАЗА? ОНА ФАНАТИЧКА.

— Сегодня же позвоню ее родителям. Пусть забирают девчонку домой.

Я ПРЕДЛАГАЛА ЭТО В. ОНА НЕ ПОЕДЕТ.

— Почему? Вообще говоря, ее согласия и не требуется, правда? Эди и Джек при необходимости положат ее в клинику; у меня такой власти нет.

У НИХ ТОЖЕ.

— Элспет, я не собираюсь пособничать тебе в этом деле, а без меня ничего не выйдет.

ЕСЛИ У НАС ПОЛУЧИТСЯ, ТЫ БУДЕШЬ ОБЯЗАН ПОМОЧЬ, ИНАЧЕ ОНА УМРЕТ.

Роберт потерял дар речи. Отложив карандаш, встал и начал ходить вокруг обеденного стола. На столе сидела Элспет и следила за ним глазами. *Ты все такой же*, любовно подумала она. В конце концов он сел.

— Какая тебе корысть? — спросил он. — Ты ревнуешь?

НЕТ.

— Ты действительно собираешься ее убить?

Я НАУЧИЛАСЬ ДЕЛАТЬ ЭТО ГЛАДКО И НЕЗАМЕТНО.

— Не сомневаюсь. — Роберт догадывался, что достаточно будет задать единственный вопрос, чтобы обнажить противоречие, которое скрывал в себе этот чудовищный план, но не понимал, как облечь его в слова. — Это... плохо, Элспет.

ВОЗМОЖНО. ТОЛЬКО ОНА НЕ ОТСТУПИТСЯ.

— Она сама ни за что себя не убьет.

А ЕСЛИ?

Ее доводы вернулись к исходной точке. «Но ведь есть же способ разорвать этот круг и найти решение?»

— Забудем это, — взмолился он. — Поклянемся друг другу этого не делать, тогда и она призадумается.

А ЕСЛИ ОНА СЕБЯ УБЬЕТ?

Он не ответил.

ХОТЯ БЫ ВЫСЛУШАЙ, ЧТО ИЗ ЭТОГО МОЖЕТ ПОЛУЧИТЬСЯ.

Заполняя страницу за страницей аккуратным почерком Элспет, Роберт все более отчаивался. «Я не буду в этом участвовать», — твердил он себе. Но по всему выходило, что будет.

НА ГРАНИ

Воскресным вечером, после закрытия кладбища, Джессика и Роберт сидели в компании Джеймса на террасе, выходящей в сад позади дома Бейтсов. День выдался безумный — в ясную июньскую погоду туристы валили толпами, а гиды в большинстве своем разъехались на отдых; Роберту и Филу пришлось выдвирать из Восточного некрополя пару здоровенных и весьма агрессивных режиссеров вместе с их актерами; какие-то люди прибыли из Манчестера и пожелали немедленно узнать местонахождение бабушкиной могилы. Только сейчас Бейтсы и Роберт смогли перевести дух и расслабиться, потягивая виски.

— Видимо, надо повесить на ворота еще одно объявление, — сказал Джеймс. — «Трудоемкие запросы о местонахождении родственных могил выполняются только при наличии свободного времени у персонала».

— Мы бы и рады помочь, — добавила Джессика. — Но люди должны предварительно звонить по телефону. А когда они появляются в конторе и с порога требуют, чтобы мы все бросили и разыскали могилу, — это уже слишком.

— Они считают, что у нас все данные хранятся в компьютере, — предположил Роберт. Джессика посмеялась.

— Лет через десять, возможно, так и будет. Эвелин и Пол уже пальцы стерли, забивая информацию в компьютер, но у нас сто шестьдесят девять тысяч записей...

— Это понятно.

— Роберт и Фил сегодня просто герои, — обратилась Джессика к Джеймсу. — Они не только выдворили наглых киношников, но еще и провели по четыре экскурсии каждый.

— Бог ты мой. А куда делись все остальные экскурсоводы?

— Бригитта у своей мамы в Гамбурге, Мэрион и Дин проводят отпуск в Румынии, Себастьян день и ночь занят у себя в похоронном бюро из-за жуткой автобусной аварии в Литтл-Уоппинге, Аника подхватила от дочки грипп. Нас осталось всего трое, Молли, бедная, весь день работала на входе Восточного некрополя.

Роберт опустошил свой стакан, и Джессика подлила ему еще.

— Да, — протянул Джеймс, — это, по-моему, самая большая сложность с волонтерами. Им ведь не прикажешь отменить отпуск по причине нехватки экскурсоводов.

— Не прикажешь, — согласилась Джессика, — но хотелось бы, чтобы забота о кладбище была у них на первом месте...

— Ты же знаешь, что так оно и есть, — возразил Роберт, — они приезжают сюда за тридевять земель, неделю за неделей.

— Знаю. Это я от усталости, вот и все. День был жутко длинный.

Роберт вытянул ноги:

— С другой стороны, если бы меня заставили ежедневно проводить по четыре экскурсии, я бы, глядишь, и восстановил форму.

— Вид у тебя такой, будто ты совсем не видишь свежего воздуха, — внимательно оглядела его Джессика. — Тебе нужен витамин D. Похоже, это переутомление.

— Надо мне купить ноутбук. Мог бы сидеть на солнышке среди могил на «Лугу» и кропать потихоньку.

Он часто по утрам встречался здесь со мною,
Когда спешил на холм зарю предупредить.¹⁰⁶

— Ах, как романтично. Можно будет тебя снимать для рекламы ноутбуков.

— Как там твоя диссертация продвигается? — спросил Джеймс.

— Малой скоростью. В последнее время мне было не до нее.

— Разве у тебя нет конкретного срока? Я думал, ученый совет уже забеспокоился, — сказал Джеймс.

— Сложность в том, что чем глубже я исследую тему, тем больше разбухает текст. Иногда мне кажется, что диссертация будет размером с Хайгейтское кладбище: могила за могилой, год за годом, каждая травинка, каждый папоротник...

¹⁰⁶ Он часто по утрам встречался здесь со мною, /Когда спешил на холм зарю предупредить. — Томас Грей, «Элегия, написанная на сельском кладбище» (1783). Цитируется один из двух переводов В. А. Жуковского, дата создания: май — сентябрь 1802 г., опубл.: «Вестник Европы», 1802, № 24, с посвящением А. И. Т-у (Андрею Ивановичу Тургеневу). Дата создания второго перевода: май — июль 1839 г., опубл.: «Современник», 1839. Т. 16, под заглавием: «Сельское кладбище. Греева элегия. Новый перевод В. А. Жуковского».

— Но, Роберт, в этом нет необходимости! — с нажимом воскликнула Джессика; он даже удивился. — Нужно описать события и показать их значимость — тебе не надо полностью воссоздавать на бумаге все, что ты узнал. Ты же историк — история неизбежно выбирает одно и отбрасывает другое.

— Так и делаю. Но сбору материала не видно конца — не могу заставить себя подвести черту.

Поджав губы, Джессика отвела взгляд.

— Мы можем как-то посодействовать? Сколько страниц у тебя написано? — спросил Джеймс.

Роберт замешкался с ответом:

— Тысяча четыреста тридцать две.

— Это же здорово — осталось всего ничего: отсечь лишнее, — рассудил Джеймс.

— Не получится, — возразил Роберт. — Я только-только подошел к Первой мировой войне.

— Вот как, — произнес Джеймс.

Роберт покосился на Джессику. Она разглядывала сад, чтобы не наговорить лишнего.

— Кладбище — это средоточие многих историй, — стал объяснять им Роберт, — а не какой-то одной. Нужно учитывать социальные, религиозные и санитарно-гигиенические факторы. Биографии людей, похороненных здесь... расцвет и закат «Лондонского кладбищенского управления». Тут и вандализм, и создание «Общества друзей Хайгейтского кладбища», и огромная работа, проделанная им с момента основания. Все нужно свести воедино. А потом еще эти сверхъестественные явления, о которых люди...

— Вот уж эту чепуху точно не следует упоминать! — Расправив плечи, Джессика повернулась к нему лицом.

— Как реальный факт — нет, но это часть современных исторических представлений...

— С душком.

— ...причем лишь малая часть. Но все эти безумства ускорили создание «Общества друзей». И я не хочу выкидывать события лишь потому, что нам они не нравятся.

Джессика вздохнула.

— Как известно, «история пишется победителями». А в битве за Хайгейтское кладбище «Друзья» победили. Так что у нас есть право сказать свое слово в нашей истории.

Роберт не угадал источник; ему показалось, это цитата из Мишеля Фуко.¹⁰⁷ Он задумался над словами Джессики, но Джеймс пришел на помощь:

— Уинстон Черчилль.

— Да, точно, — откликнулся Роберт.

«Но я-то марксист», — подумал он. Однако спорить не стал, потому что Джессика всегда неловко отзывалась о Карле Марксе (во всяком случае, о его присутствии на Хайгейтском кладбище). Роберт был не уверен, что сейчас сумеет отстоять современные тенденции в академическом марксизме. Вместо этого он резко сменил тему:

— Я раздумывал о сути памяти. О воспоминаниях...

Бейтсы переглянулись, но промолчали. Роберт и сам точно не знал, что собирался сказать.

— Мы, к примеру, начали компьютеризацию, — наконец проговорил он. — Расчищаем старые надписи. А Джордж у себя в мастерской вырезает имена на новых и новых плитах...

— И что? — не понял Джеймс.

— Ради чего? — спросил Роберт.

¹⁰⁷ *Мишель Фуко* (1926–1984) — французский философ, культуролог, историк. Создал первую во Франции кафедру психоанализа, был преподавателем психологии в Высшей нормальной школе и в университете города Лилль, заведовал кафедрой истории систем мышления в Коллеж де Франс. Книги Фуко по вопросам медицины, а также о тюрьмах, о проблемах безумия и сексуальности сделали его одним из самых влиятельных мыслителей в современной французской литературе.

— Ради членов семей, — ответила Джессика. — Мертвым все равно.
— И ради историков, — добавил с улыбкой Джеймс.
— А вдруг мертвым не все равно? — продолжал Роберт. — Вдруг они еще там или где-то поблизости?..

— Ну... — Джессика посмотрела на него. «С ним что-то не так. Он близок к помешательству». — Роберт, у тебя все в порядке? Не хочу показаться назойливой, но мне за тебя беспокойно.

Роберт устался на свои колени.

— А как дела у близняшек, все хорошо? — поинтересовался Джеймс. — Ты скажи, если мы суем нос не в свое дело, но нам показалось, ты слегка запутался...

Подняв глаза, Роберт увидел, что Бейтсы пристально смотрят на него и хмурятся.

— Близнецы на грани разрыва. Если я правильно понимаю, Валентина хочет отделиться от Джулии, а Джулия требует, чтобы Валентина прекратила все отношения со мной. Но главное не в этом.

Что-то у него внутри противилось этим признаниям; он боялся осуждения и знал, что ему не поверят. «Если я ни с кем не поделюсь, у меня просто башка треснет. Может, они и поймут, даже если не поверят». На террасе было тихо. Только вдаль слышалось карканье вороны. Потом и оно стихло; теперь все трое сидели в безмолвии и чего-то ждали.

— Я пришел к выводу, что и после смерти что-то есть, — начал Роберт. — Думаю, некоторые скитаются тут рядом... или вроде как застряли... — Он перевел дыхание. — Я разговаривал с Элпет. Она у себя в квартире и не может уйти.

— Ах, Роберт...

В голосе Джессики зазвучала неподдельная печаль. Он знал, что тревожит ее не Элпет, а он сам — оттого, что ему изменяет рассудок.

— Близнецы тоже с ней говорят, — обмолвился Роберт.

— Хм, — начал Джеймс. — А как по-твоему, с нами она бы согласилась побеседовать? Как вы с ней общаетесь?

— Она с нашей помощью водит карандашом. Когда устаем, используем планшетку. Элпет очень холодная, так что мы долго не выдерживаем.

— А вы ее видите?

— Валентина видит. А Джулия и я — нет, не знаю почему. — («Я бы все отдал, чтобы увидеть ее».)

Джессика сказала:

— Похоже, на тебя это не слишком благотворно влияет. — Судя по всему, она хотела выразить много больше.

— Да. Это так.

— Может, стоит тебя отправить в отпуск, — продолжила она. — Смена обстановки пойдет тебе на пользу. И витамины. Пожалуй, кладбище — это не совсем то, что тебе сейчас нужно.

— Еще виски? — предложил Джеймс.

— Да, спасибо.

Впоследствии Роберт подумал, что все они выпили лишнего. Он протянул стакан. Джеймс плеснул туда немного воды и щедрую порцию виски.

— Но Элпет на кладбище нет, — сказал Роберт. — Я никогда не встречал тут никого, кроме лис, туристов и подсобных рабочих.

— Вот и славно, — откликнулся Джеймс. — Мне было бы жаль покойников, если б они торчали под открытым небом в ненастную погоду. Хотя, сдается мне, жизнь после смерти довольно скучна, если веки вечные ошиваться в четырех стенах, не зная, чем себя занять.

— Видимо, на первых порах так и было. Но в последнее время она стала... более деятельной. Вчера на моих глазах Валентина играла с Элпет в криббидж. И Элпет выиграла.

Джессика покачала головой:

— Допустим, твой рассказ — чистая правда; заметь, пожалуйста, что я его нахожу весьма неправдоподобным. Но кому от этого лучше?

Роберт пожал плечами.

— Сдается мне, — сказал Джеймс, — положение у тебя пиковое. Истории такого рода мужчине до добра не доводят. — (У Роберта на языке вертелось: «Можно подумать, тебе известны другие истории такого рода», но он лишь бросил на Джеймса озадаченный взгляд.) — В книгах описано. И в мифах. Эвридика. «Веселое привидение»¹⁰⁸ и та изящная вещица Эдит Уортон...

— «Гранатовое зернышко»,¹⁰⁹ — подсказала Джессика.

— Вот-вот, спасибо. И любовник, и обманутый муж — оба всегда терпят крах.

— Я просил ее убить меня, чтобы нам с нею быть вместе. Она отказалась.

— Еще бы она не отказалась! — взвилась Джессика.

— Так не пойдет, — сказал Джеймс. — Позволь нам помочь тебе. Мы возьмем да и увезем тебя на отдых.

— А кто же будет главным над покойниками? — с улыбкой спросил Роберт.

— Да какая разница? — ответила Джессика и подумала: «Ну и шуточки у него». — Найджел и Эдвард разделят обязанности. Куда поедет? В Париж? В Копенгаген? Мы, например, никогда не бывали в Рейкьявике; говорят, в это время года там просто восхитительно.

— Давайте поедет туда, где солнце и жара, — предложил Джеймс.

Беседа получилась невеселая. Роберт утомился, и от одной мысли о поездке куда-то дальше Хайгейта у него разболелась спина. Он протянул Джессике стакан, и она подлила ему виски.

— В Испанию, — не унималась Джессика. Они с Джеймсом улыбнулись, обменявшись взглядом. — Или, может, на побережье Амальфи?¹¹⁰

— Вполне возможно, — ответил Роберт. — Одно лучше другого. Звучит как сказка. — «Почему бы и нет? — подумал он. — Я могу просто уйти в сторону. А они втроем разберутся. Пусть бы двойняшки помирились и жили долго и счастливо вместе с Элспет...» У него вырвался вздох. Он знал, что никуда не уедет. Это только на словах просто. — Давайте обсудим наши планы.

— Для начала нужно поесть, — сказала Джессика. — У меня живот уже прилип к позвоночнику.

— Я склоняюсь к «Маяку»;¹¹¹ не возражаете, если я сделаю заказ по телефону? — спросил Роберт. — Кроватки с чесночным соусом? — Поднявшись, он неуверенной походкой направился в дом позвонить.

Джессика и Джеймс, не произнося ни слова, ловили шаги Роберта, доносившиеся из их

¹⁰⁸ «Веселое привидение» (1945) — фильм-комедия, режиссер Дэвид Лин. В главной роли Рекс Харрисон. По сюжету, писатель Чарльз Кондомин со своей второй женой Рут приглашает медиума провести сеанс связи с потусторонним миром в его доме. Медиум мадам Аркати невольно вызывает дух его покойной первой жены Эльвиры — язвительной и капризной блондинки, которая сразу невзлюбила новую супругу Чарльза. С этой минуты несчастный мужчина становится заложником своего эксперимента. Враждующие жены доводят его до грани безумия. Фильм снят по популярной комедийной пьесе Нозла Кауарда.

¹⁰⁹ ...та изящная вещица Эдит Уортон... «Гранатовое зернышко»... — Эдит Уортон (1862–1937) — автор более 20 романов и 10 сборников рассказов, первая женщина-писательница, удостоенная Пулицеровской премии. Написала повесть о привидениях «Гранатовое зернышко» в конце 1930 г. Название навеяно мифом о Персефоне, описанным Овидием в поэме «Метаморфозы».

¹¹⁰ Амальфи — приморский город у Салернского залива в итальянской провинции Салерно.

¹¹¹ Я склоняюсь к «Маяку»... — Аллюзия к заглавию романа В. Вульф «К маяку» (см. прим. 76).

дома. Они слышали, как он поднял трубку телефона в холле и своим обычным негромким голосом заказал еду.

— Может, с кем-нибудь проконсультироваться? Позвоним Энтони...

Джессика прикрыла глаза руками. «Я так устала».

— Не знаю. Что положено делать, когда твоему дорогому молодому другу являются привидения?

— Не кажется ли тебе, что он нам открылся в надежде на помощь?

— На какую помощь — на психиатрическую?

Джеймс замялся:

— Он говорил о самоубийстве.

— Не думаю. Как я поняла, он пытался перепоручить это грязное дело Элспет. — Джессика фыркнула.

— Мне это совсем не нравится.

— Мне тоже. Думаешь, он согласится поехать с нами?

Джеймс вздохнул:

— А что мы будем делать, если за границей, в гостиничном номере, у него случится нервный срыв?

— Но сидеть сложа руки тоже нельзя.

Тут вернулся Роберт:

— Спустишь под горку, заберу наш заказ. — Его голос звучал вполне бодро, как ни в чем не бывало.

Джеймс предложил ему денег, но Роберт, поблагодарив, сказал, что угощение с него. «Париж. И Рим. Саскачеван». Напевая это себе под нос, Роберт вышел на улицу и направился в сторону Арчвей-роуд. Вскоре он прибавил шагу: в воздухе быстро холодало. «Аделаида. Каир. Пекин. Куда бы я ни сбежал, она так и будет ошиваться в той в квартире, придумывая, как бы ей воскреснуть. — Это его насмешило. — До чего дошел! Бреду по улице и ржу, как Петер Лорре.¹¹² — Ему пришлось остановиться и прислониться к газетному киоску; от смеха его согнуло пополам. — Канкун, Буэнос-Айрес, Патагония. Могу перейти через дорогу, сесть в метро — и через час буду в Хитроу. Никто и не узнает. — Он распрямился, тяжело дыша и закрыв глаза. — Боже, как мне плохо». Он так и стоял несколько минут — с закрытыми глазами, обхватив себя руками за плечи. Потом Роберт открыл глаза. Вселенная накренилась на один бок, но тут же встала на место. Очень медленно он пошел под гору. «Надо взять себя в руки. Я должен принести еду. Джеймс и Джессика будут волноваться». На него глазели прохожие. «Проблема в том, что я... слишком ответственный. Она знает, что я это сделаю, потому что в противном случае... если я не сделаю...» Он едва не прошел мимо рыбного ресторана, но в силу привычки зашел внутрь и даже сумел расплатиться. Когда он, обессиленный, тащился обратно в гору, его посетила мысль: «Я должен прочесть дневники. Элспет дала мне их сама, и я должен их прочесть». Он стал повторять снова и снова: «Дневники, дневники». Когда он вернулся в дом Бейтсов, кровати уже остыли, а Джессика и Джеймс сидели на кухне и ели суп. Джессика постелила ему в гостевой спальне.

Наутро, мучаясь от похмелья, он выполз из постели с таким чувством, будто забыл что-то важное. Джессика заставила его выпить тошнотворную смесь из банана, помидора, водки, молока и соуса «табаско». Потом она приготовила яичницу и сидела с ним, пока он ел.

¹¹² *Петер Лорре* (нем. Peter Lorre, в русском языке встречаются также написания: Питер Лорре, Питер Лорр, Питер Лорри и др.; 1904–1964) — киноактер. Настоящее имя — Ладислав (Ласло) Левенштайн. Вступил в театр импровизации Якоба Морено; импровизационный метод позднего основателя «психодрамы» существенно повлиял на выразительные средства Ладислава. Он на протяжении всей своей жизни серьезно увлекался психоанализом. Прославился ролью маньяка-убийцы в фильме Фрица Ланга «М» (1931); в 1934 г. в Лондоне сыграл обаятельного злодея в фильме А. Хичкока «Человек, который слишком много знал». В США пользовался популярностью как характерный персонаж триллеров и приключенческих фильмов.

Джеймс уже ушел на кладбище.

— Мы с Джеймсом вчера все обсудили и пришли к выводу, что ты нуждаешься в уходе. Может, поживешь пару дней у нас?

У Роберта екнуло сердце. Вот тот удобный предлог, которого он искал; слова согласия почти соскользнули с его языка, когда он подумал: «Подождите. Если я останусь у вас, то не смогу по ночам ходить на кладбище».

— Можно, я подумаю? — сказал он вслух.

— Конечно, — откликнулась Джессика. — Мы никуда не денемся.

Он поблагодарил ее и покинул их дом с чувством человека, потерпевшего кораблекрушение и упустившего спасательную шлюпку.

Следующим же утром Роберт вспомнил о своем решении прочитать дневники. Дрожа, он положил коробки на кровать и стал разбирать бумаги.

«Просто считай, что собираешь материал, — говорил он себе. — Они не кусаются». Дневники начинались с семьдесят первого года: Элспет и Эди было по двенадцать лет. С облегчением он обнаружил, что записи обрываются на восемьдесят третьем, задолго до его появления на сцене; Роберт не жаждал читать о себе самом. Дневники представляли собой мешанину из школьных сплетен, суждений о прочитанных книгах, размышлений о мальчишках; некоторые отрывки были зашифрованы. Хозяйка дневника затевала длинные диалоги и споры сама с собой; внезапно Роберта осенило, что Элспет и ее сестра-близняшка вели дневник вместе. Текст производил странное впечатление бесшовной ткани. От этого Роберту стало не по себе. На полях стояли какие-то символы, появлявшиеся только во время каникул и, вероятно, имевшие отношение к родителям; был даже план неосуществленного побега. Но Роберт и без того знал, что жизнь Элспет в семье нельзя было назвать счастливой: ничего нового он для себя не открыл, если не считать какой-то неотвратимой печали, пронизавшей обычные девчоночьи интересы — нетбол, школьный спектакль и так далее. В последних томах описывались занятия в университете, вечеринки, первая квартира близнецов. Появился и Джек — сначала как один из многих симпатичных и подходящих молодых людей, а потом как главное действующее лицо. Будучи единственным ребенком, Роберт всегда интересовался отношениями в тех семьях, где росли братья или сестры. И Элспет, и Эди избегали писать о себе в единственном числе: всегда «мы» — мы пошли в кино, мы сдали экзамен. Роберт с трудом пробивался сквозь их записи, плохо понимая, что же он ищет в юношеских дневниках Элспет.

Бомба была заложена в последней тетради; под обложкой Элспет спрятала конверт с надписью «Большие, темные, жуткие тайны». Под заглавием был неумело нарисован череп с костями. Череп улыбался. «Ох, Элспет. Я не хочу этого знать». Роберт держал конверт, думая сжечь его. Но потом зачем-то вскрыл.

Дорогой Роберт, надеюсь, ты не рассердишься. Как-то раз ты сказал, что не хотел бы обнаружить в моих записях никаких убийственных секретов, — но, к сожалению, без этого не обойтись. «Убийственные» — не совсем подходящее слово, скорей «нелепые». Так или иначе, милый, это дело прошлое — все случилось задолго до нашего с тобой знакомства.

Меня зовут Эдвина Ноблин.

Я поменялась местами с моей сестрой-близняшкой Элспет в 1983 году. По сути, это была ее затея, но я не смогла повернуть события вспять и тем самым разрушить ее счастье. Да я и сама была не без греха.

Как тебе известно, Элспет была обручена с Джеком Пулом. В период между помолвкой и свадьбой Джек начал оказывать мне знаки внимания — чем дальше, тем больше. Элспет решила его испытать.

Я рассказывала тебе множество историй про то, как мы с Элспет выдавали себя друг за дружку. Но ты никогда не видел нас вместе — мы были невероятно похожи, просто как две капли воды. Каждая знала другую, как саму себя. А в юности мы даже не могли отделить себя друг от друга: если Элспет бывало больно,

плакала я.

Так вот, когда рядом появлялся Джек, Элспет становилась мной. Он не мог нас различить, но влюбился в «Эди». Разорвал помолвку с Элспет и стал уговаривать «Эди» сбежать, уехать с ним в Америку под видом Элспет.

Что она могла поделать? Ее унизили, довели до белого каления. Но ведь она сама заварила эту кашу. Она прибежала ко мне. Мы решили, что она превратится в Эди, а я стану Элспет, и жизнь пойдет своим чередом.

К сожалению, все оказалось непросто. Я переспала с Джеком (единственный раз — мы напились на какой-то вечеринке — просто глупая ошибка, любимый мой, беспечность и алкоголь) и забеременела. В результате я уехала с Джеком в Америку. Прожили мы с ним почти год, хотя женат он был на Элспет. Я родила близнецов, морила себя голодом, чтобы сбросить вес после родов, вела хозяйство и чуть не свихнулась от скуки, досады и ощущения какого-то фарса. Когда близнецам исполнилось четыре месяца, я привезла их в Лондон, «показать бабушке». А через некоторое время в Лейк-Форест с близнецами вернулась Элспет (теперь Эди). С тех пор я их не видела. Только в мечтах. По словам Элспет, они очень похожи на нас с ней.

К тому времени, когда я вернулась в Лондон, Джек мне чертовски опостылел, да к тому же я затаила злобу на Элспет, что она настояла на родах (я хотела сделать аборт). Ситуация была жуткой. Такое случается только по молодости и глупости. Трудно представить, чем бы закончился наш обман, узнай о нем Джек. Никогда не могла понять, как его угораздило просмотреть различия, пусть мелкие, между моим телом и телом Элспет. А может, он знал и просто помалкивал? Мы решили сделать так, чтобы Джек больше не имел возможности видеть нас вместе. До сих пор не могу поверить, что нам это сошло с рук.

Изредка Элспет посылала мне письма и фотографии близнецов. Я никогда ей не отвечала и нарушила молчание только в прошлом году, как тебе и говорила. Думаю, жизнь с Джеком не принесла ей счастья. В ее письмах была тоска по Лондону, по старым друзьям, по мне. Пока она не вышла замуж, я уговаривала ее бросить его или рассказать всю правду. Но ей не хватило духу. Если когда-нибудь вы с ней познакомитесь, ты, возможно, меня поймешь.

Вот так я и стала Элспет. Не думаю, что это сильно повлияло на мою жизнь. Жаль, что мне так и не довелось повидать близнецов. Было очень тяжело отдавать их в ее руки. Никогда не забуду, как я стояла в Хитроу и смотрела, как она идет с ними на посадку. Я проплакала несколько дней. Хотелось бы еще раз увидеться с Элспет. Страх и гордыня так и не подпустили нас друг к другу.

Роберт, других секретов от тебя у меня нет. Хочу верить, ты меня не осудишь. Надеюсь, при встрече с близнецами ты узнаешь в них частицу меня, и это напомнит тебе о счастливых временах.

Твоя любящая

Элспет (Эди)

Р. S. Честное слово, я готова была написать завещание в твою пользу, если бы ты захотел. Но я знала, что тебе этого не захочется. Люблю тебя. Э.

Это было написано за неделю до ее смерти. Роберт сидел на кровати с письмом в руке, пытаясь разобраться, что к чему. «Значит, это была сплошная ложь?» Нет, конечно нет. Но он даже не знал ее имени. «Так кого же я любил?»

Он сложил все тетради в коробки и отнес их в каморку за кухней; плотно закрыв дверь, он попытался выкинуть письмо из головы, но оно назойливо вторгалось в его мысли, чем бы он ни занимался. После того случая Роберт стал все чаще выпивать и все реже выходить из своей одинокой квартиры.

ПРЕДЧУВСТВИЯ

Валентина и Элспет часами обсуждали подробности своего плана. Все должно было выглядеть естественно, как бы само собой. Элспет придумала способ, как Валентине

получить наличные с их совместного с Джулией счета; эту сумму можно будет растянуть на год, а то и на два, при условии что Валентина не станет транжирить и денег не хватятся до окончания похорон. Валентина нашла в квартире несколько книг по анатомии и открыла их для Элспет на полу гостевой спальни. Для них обеих это стало почти игрой: предугадать все мыслимые трудности, усыпить бдительность Роберта, не вызвать подозрений у Джулии. «Что, если?..» — произносила одна, и они, как детективы, принимались обсуждать очередную сложность, пока не находили решения. У них появились понятные им одним шутки, свой секретный язык. Занятие было необычайно увлекательное; вернее, оно было бы увлекательным, задумай они спланировать пикник или вечеринку-сюрприз — да все, что угодно, только не смерть Валентины. Элспет поражалась тому азарту, с которым Валентина уточняла все детали плана, и полному равнодушию, с которым она просчитывала чужое горе. *Но и я не лучше. Стала ее пособницей. Она бы на это не решилась, если бы только знала... А вдруг не получится? А вдруг получится?* Элспет наблюдала за Валентиной и спорила сама с собой. Она думала: *Так нельзя; это страшное зло.* Но каждый вечер приходил Роберт и забирал Валентину то на ужин, то на прогулку. Возвращались они поздно и каждый раз перешептывались в прихожей. Элспет ожесточалась сердцем.

ДЕНЬ ВОСКРЕШЕНИЯ ИЗ МЕРТВЫХ

Роберту снилось, что на Хайгейтском кладбище наступил День воскрешения.

Он стоял на верхней ступени, у захоронения извозчика Джеймса Селби. Тот сидел на своей могильной плите, не обращая внимания на тяжелую цепь, тянувшуюся через его грудь от одного углового столбика могилы к другому. Селби курил трубку, нервно постукивая ногой в ботинке о землю.

Вдалеке протяжно запели трубы. Повернувшись, Роберт увидел, что над кладбищенской аллеей появился длинный балдахин из красной ткани, а грязь, гравий и слякоть застланы белым шелком. Стояла зима, и белизна шелка почти сливалась с пологом снега, укрывшего могилы. Сквозь деревья он видел, что все аллеи задрапированы красным и белым. Роберт не сразу понял, что куда-то движется. С волнением он глянул под ноги, опасаясь, что его грязные подошвы замарают шелк, но оказалось, они не оставляют следов.

Подойдя к зоне отдыха, он увидел накрытый для пиршества стол. Еды не было, только фарфор, приборы, пустые бокалы для вина и пустые стулья. Трубы смолкли, и Роберт слышал шум деревьев. Раздавались какие-то голоса, но он не мог разобрать, откуда они доносятся.

Садись, поступил приказ, но донес его не голос, а скорее мысль, откуда ни возьмись пришедшая ему в голову. В ряду столов он занял место с краю и стал ждать.

Духи собирались медленно, ступая нетвердым шагом по шелковым дорожкам. Они столпились вокруг столов, полупрозрачные, одетые в саваны и развевающиеся покровы — свои лучшие выходные наряды. Воздух полнился привидениями. *Более ста шестидесяти девяти тысяч людей были похоронены на этом кладбище.* Роберт усомнился, что им хватит места за этими столами. Призраки дрожали в утреннем свете. *Похожи на медуз.* Среди них прокатилась волна недовольства: они были голодны, а еды не было. Ему померещилась Элизабет Сиддал, и он стал подниматься, мечтая с ней поговорить, но чья-то рука легла ему на плечо, удерживая на месте.

Привидений собралось видимо-невидимо. Прибавилось и количество столов. У него за спиной раздался хорошо знакомый, долгожданный голос.

— Роберт, — окликнула Элспет. — Ты что тут делаешь?

— Сам не знаю. Ищу тебя? — Он попытался обернуться, но его опять остановили.

— Нет... не делай этого. Я не хочу... Только не здесь... — Ее прижало к нему.

Ему стало неудобно и тесно. Внезапно он почувствовал, что нечто ужасное, какой-то монстр стоит позади него и впивается ему в туловище своими мерзкими руками.

Он выкрикнул ее имя так громко, что близнецы проснулись у себя в спальне этажом

выше; так громко, что сама Элспет тут же перебралась на пол и не один час лежала прямо над его кроватью, в медленно бледнеющем сером свете, ожидая, когда же он позовет ее снова.

ПОСЛЕДНИЙ ЗВОНОК

Зазвонил телефон. Эди протянула руку и приложила трубку к уху, но не спешила отвечать. Она лежала, свернувшись клубком, на своей стороне кровати; было почти девять утра. Джек давно ушел на работу.

— Мам?

Эди села и пригладила волосы, словно Валентина могла ее видеть.

— Алло? — Ей удалось притвориться, будто сна у нее — ни в одном глазу. — Валентина?

— Привет.

— Как жизнь? Где Джулия?

— Наверху. Тусуется с Мартином.

Эди почувствовала облегчение: «С ней все в порядке. С ними обеими».

— Мы в воскресенье ждали вашего звонка. Где вы были?

— Ой... извини. Мы просто... потеряли счет дням, понимаешь?

— Надо же! — воскликнула Эди, обидевшись на такое невнимание. — Так в чем дело?

— Ни в чем... Просто захотелось тебе позвонить.

— Солнышко мое. Так как дела?

— Так себе. Тут дождливо, мрачновато.

— У тебя грустный голос, — сказала Эди.

— Разве? Не знаю. У меня все нормально. — Валентина сидела в саду позади дома, дрожа от измороси. Она не хотела, чтобы их разговор услышала Элспет; для июня было ужасно холодно, и ей приходилось делать над собой усилие, чтобы не стучать зубами. — А у вас с папой что нового?

— Ничего особенного. Правда, папа на днях получил повышение, так что вчера вечером мы отмечали. — Эди слышала щебет птиц в трубке. — А ты сейчас где?

— На заднем дворе.

— Понятно. А вы с Джулией как проводите времечко?

— Джулия уже выучила весь город. Может ходить без карты.

— Замечательно... — А про себя Эди подумала: «Что-то она не договаривает». — Но тут же решила, что это неизбежно: «Они уезжают и вскоре отдаляются. Создают свой мир, и тебе в нем места нет».

Валентина что-то спросила насчет выкройки платья, которое задумала сшить; Эди попросила прислать эскиз по электронной почте, не подумав, что у близнецов нет сканера.

— Ну ладно, неважно, — ответила Валентина. — Ничего страшного.

— Точно с тобой все в порядке? — переспросила Эди. И подумала: «Голос у нее какой-то не такой».

— Точно. Мне пора, мам. Люблю тебя. — («Если не закончу разговор, я разревусь».)

— Счастливо, солнышко. Я тоже тебя люблю.

— Пока.

— Пока.

Валентина набрала рабочий номер отца и попала на автоответчик. «Перезвоню попозже», — решила она и не оставила сообщения.

С ПОЛИЧНЫМ

Почти рассвело. Джессика стояла у окна в помещении кладбищенского архива и смотрела во внутренний двор перед Колоннадой. В хранилище было темно. Большую часть

ночи она пролежала без сна, переживая из-за письма, которое написала одному из управляющих кладбищем. В конце концов она встала и, черкнув Джеймсу записку, отправилась в архив, чтобы внести исправления в текст письма, но при том, что у нее в голове крутились отдельные фразы, способные убедить управляющего пойти навстречу ее просьбе, ей никак не удавалось логично выстроить свои доводы. Джессика облокотилась на подоконник, сцепив перед собой пальцы и выставив локти в стороны. В предрассветных сумерках над Колоннадой темнели расплывчатые очертания деревьев и надгробий. Внутренний двор напомнил ей пустую сцену. «Так много надо сделать, — думала она. — И никто не понимает, сколько уже сделано. Каждый булыжник этого двора уложен нашими руками...»

Внезапно кладбищенский двор озарился ярким светом. «Лисы, — решила Джессика, и посмотрела по сторонам, пробуя отыскать их взглядом. — Это сработали датчики движения». Но вслед за тем увидела мужчину, идущего через двор. Казалось, вспыхнувшее освещение его несколько не беспокоило: он не прибавил шагу и не свернул с пути. Джессика вытянула шею, чтобы его разглядеть. Это был Роберт.

«Чертов мальчишка. Ему было ясно сказано не ходить через эту дверь!» Джессика изо всех сил забарабанила по холодному стеклу, от злости не замечая боли в скрюченных артритом пальцах; позже она, вероятно, удивилась, что рука у нее распухла и дрожит. Роберт шагал вперед как ни в чем не бывало. Схватив ключи и фонарь, Джессика спустилась по лестнице и вышла через контору во двор. Остановившись около арки часовни, она громко окликнула его по имени.

Роберт остановился. «Попался, голубчик». Джессика решительно направилась к нему. Он думал: «Не упала бы — слишком торопится». Забыв включить фонарик, она выставила его перед собой, как оружие. Спohватившись, Роберт двинулся ей навстречу, чтобы сократить расстояние между ними. Они встретились около ступеней Колоннады, словно это было кем-то срежиссировано. Джессика молчала, с трудом переводя дыхание. Роберт ждал.

— Ну и что ты тут делаешь? — наконец выговорила она. — Ты же знаешь, это запрещено. Мы не раз это обсуждали, а ты тут как тут — шляешься на рассвете по кладбищу, хотя не имеешь на это никакого права! Я тебе доверяла, Роберт, а ты меня подвел.

Она стояла с непокрытой головой, рассерженная, взъерошенная, и уничтожала его взглядом; на ней была одежда, в которой она обычно работала в саду. Роберт был поражен, заметив блестящую на ее щеке слезу. Это его растрогало.

— Правила для всех одинаковы! Они существуют по юридическим причинам и по требованиям безопасности! — Джессика сорвалась на крик. — Если у тебя есть ключ, это еще не дает тебе права шастать сюда по ночам! На тебя могли напасть, ты мог провалиться в яму. Мог споткнуться о корягу и заработать сотрясение мозга — у тебя даже рации нет! И это еще не все: на тебя мог упасть памятник, да мало ли что — страховые компании пустили бы всех нас по миру, если бы узнали, при каких обстоятельствах ты поранился или погиб! Да ты просто эгоист несчастный, Роберт!

Они смотрели друг на друга. Роберт тихо произнес:

— Может, пойдем в контору и там поговорим? А то ты мертвых разбудишь.

Джессика окончательно вышла из себя. «Он что, не понимает, как это серьезно? Ну, я ему покажу!»

— Нет! Мы не пойдем в контору, и говорить нам не о чем! Я забираю у тебя ключ, давай сюда. — Она протянула руку, в которой держала связку своих ключей. — А ты выйдешь через главные ворота. — Роберт не шелохнулся. — Я кому сказала?!

Он бросил ключ ей в ладонь и пошел в сторону ворот. Она следовала за ним, словно конвоир за арестантом. Когда они подошли к воротам, она сама отперла замки; он потянул на себя тяжелую створку, выскользнул наружу и закрыл за собой ворота. Они смотрели друг на друга через решетку.

— Что дальше? — спросил он.

— Уходи, — тихо произнесла она.

Кивнув, он стал удаляться по Суэйнз-лейн. Джессика смотрела ему вслед. «Что дальше? — У нее колотилось сердце. — Никто, кроме меня, его не видел — и знать им не надо». Она провожала его глазами, пока он не скрылся из виду за взгорком. У Джессики возникло желание догнать его, чтобы сказать — что? «Прости меня»? Разумеется, нет. Он всех их поставил под удар, бездумно, беспечно... Она стояла у ворот, разрываема эмоциями, но не могла отделить одну от другой: злоба, обида, тревога, озабоченность, негодование. Ей было трудно разобраться в себе. «Надо сейчас же с ним объясниться, — подумала она, а потом: — Но ведь его никто не прогонял». Повернув ключ в замке, она медленно пошла в контору. Был шестой час утра. В такое время Джеймс обычно уже не спал. Она взялась за телефонную трубку, но передумала.

Сидя в своем кресле, Джессика наблюдала, как в помещение проникает рассвет. «Я была права, — думала она. — Совершенно права». Когда окончательно рассвело, она пошла готовить себе чай. Поглощенная своими мыслями, уставшая, она разлила молоко и подумала: «Это знак. Или образ». Она покачала головой. «Что же будет дальше?»

ВИТАМИНЫ

Мартина как заколодило. Весь день он бился над криптографическим кроссвордом, посвященным трехсотлетию Карла Линнея,¹¹³ но изящных определений подобрать не удавалось, а потому все сделанное казалось низкопробным и примитивным. Он встал и потянулся.

Тут раздался стук в дверь. Мартин отозвался:

— Да? — и обернулся. — А, Джулия. Заходи.

— Нет, — ответила гостья, ступив через порог. — Я Валентина. Сестра Джулии.

— Подумать только! — обрадовался Мартин. — Наконец-то! Приятно познакомиться. Спасибо, что зашли... может, чаю?

— Нет, не могу... я на минутку. Хотела сказать... насчет витаминов, которые вам дает Джулия, понимаете?

— А что такое?

Она собралась с духом:

— На самом деле никакие это не витамины. Это лекарство. Анафранил называется.

— Я в курсе, милая, — доброжелательно сказал Мартин. — Но все равно спасибо за предупреждение.

— Вы действительно знали? — удивилась Валентина.

— Это написано на каждой капсуле. Я и раньше принимал анафранил, его ни с чем не спутаешь.

— А Джулия знает, что вы в курсе? — улыбнулась Валентина.

Мартин заулыбался в ответ:

— Не уверен. Думаю, об этом нашем разговоре лучше умолчать — так, на всякий случай.

— Это понятно, я вовсе не собиралась ей рассказывать.

— Тогда и я не буду.

Она уже повернулась, чтобы уйти, когда Мартин спросил:

— Точно не останетесь?

— Нет... не могу.

— Ну, тогда заходите еще, в любое время.

¹¹³ *Карл Линней* (1707–1778) — шведский врач и натуралист, создатель единой системы растительного и животного мира. Автор известной классификации растений и животных. Открыл около полутора тысяч новых видов растений (общее число описанных им видов растений — более десяти тысяч) и большое число видов животных. Член Королевской академии наук Швеции (с 1739 г., один из основателей академии), Парижской академии наук (с 1762 г.) и ряда других научных обществ и академий.

— Хорошо. Спасибо, — ответила Валентина.

Когда она пробиралась через лабиринт коробок, он слышал звук ее удаляющихся шагов, а потом шаги смолкли — она ушла.

ПА-ДЕ-ТРУА¹¹⁴

По прошествии времени Роберт подумал, что это было похоже на балет.

— Ты готова? — спросил он.

Элспет не хотела, чтобы Валентина соглашалась. Она была бы рада остановить это мгновение — до того, как осуществится задуманное, до искушения, до катастрофы, до своих вынужденных действий.

Роберт смотрел на Валентину. Та не шелохнулась. Он раздумывал, не стоит ли открыть окно: для июня погода была необычно прохладная, но как знать, сколько пролежит тело, пока не вернется Джулия? Сгущались сумерки; на кладбище перекликались вороны. Джулия была наверху. Валентина закрыла глаза. Она стояла у себя в спальне, держась одной рукой за спинку кровати. Другая ее рука сжимала и отпускала ингалятор. Она открыла глаза. Роберт был в каких-то двух шагах. Элспет сидела на диванчике у окна, опершись локтями на колени и подперев руками подбородок; ее склоненное набок лицо выражало печальную задумчивость. Валентина задержала взгляд на Элспет, и ее охватило сомнение.

Помедлив, Роберт все же шагнул в ее сторону. Валентина обняла его за пояс и спрятала лицо у него на груди. Она гадала, останется ли у нее на щеке круглая вмятинка от рубашечной пуговицы и сохранится ли после ее смерти. Он не поцеловал ее. Она решила, что его смущает присутствие Элспет.

— Да, я готова, — ответила она.

Отступив назад, на середину ковра, лежавшего на полу спальни, она сделала вдох из ингалятора. Элспет подумала: *На вид она уже кажется бестелесной — просто тень в этом тусклом свете.*

Роберт попятился к порогу. При всем желании он не мог бы выразить своих чувств — он просто ждал, что будет дальше. Он не верил, что это случится; он этого не хотел. *Не надо, Элспет...*

Валентина зажмурилась и тут же снова открыла глаза; она посмотрела на Роберта — он вдруг отодвинулся куда-то далеко-далеко; ей вспомнилось, как родители наблюдали за их с Джулией прохождением через пост службы безопасности в аэропорту О'Хара в день их отъезда из Чикаго. Вдруг ее пронзило холодом. Элспет прошла сквозь нее, просто вступив в ее тело; это напомнило Валентине старые стереоскопические снимки, которые требовали совмещения двух изображений. «Я умру от холода». Она почувствовала, как ее поймали, отгородили, взяли в плен. Ой! Провал в небытие. Потом она воспарила над своим телом, рухнувшим на пол. Ах... Элспет, опустившись на колени у мертвого тела, подняла на нее взгляд.

— Иди сюда, солнышко, — позвала она.

Совсем как мама. Жуть какая-то. Она попыталась двинуться к Элспет, но обнаружила, что не может даже шевельнуться. Поняв это, Элспет сама приблизилась и взяла ее на руки. Теперь Валентина стала крошечной, она умещалась в ладонях Элспет, как мышка. Последней ее мыслью было: это как заснуть...

А Роберт лишь увидел, что Валентина обмякла. Она упала: колени подогнулись, голова свесилась. Сложившись пополам, она с глухим стуком и треском ударилась об пол. В наступившей тишине слышалось только дыхание Роберта. Он так и остался стоять в дверях и

¹¹⁴ *Па-де-труа* (фр. *pas de trois*, «танец втроем») — музыкально-танцевальная форма. Чаще всего исполнителями па-де-труа являются две танцовщицы и один танцовщик (как, например, в балете Чайковского «Лебединое озеро»).

не поспешил к ней, потому что не понимал, что происходит, — но какие-то невидимые события точно происходили, — и не знал, что делать дальше. Рухнув на ковер, девушка так и лежала без движения. Наконец, заставив себя пересечь комнату, он опустился на колени около Валентины. Крови не было. Он не понял, есть ли у нее переломы; казалось, она вся переломана, но прикоснуться к ней он не мог; она лежала так, как упала, и он знал, что дотрагиваться до нее нельзя.

Сверху Элспет следила за его взглядом. А сама осязала Валентину, тяжелую и облачную, зажатую в ее руках. *Верни ее назад, сейчас же. Верни ее, пока не поздно...* Ей хотелось, чтобы Роберт уложил Валентину ровно, выпрямил ее ноги и соединил руки. Тело лежало на правом боку, голова была запрокинута, руки выброшены вперед, плотно сжатые коленки согнуты. Глаза закатились, рот открылся, обнажив мелкие зубки. Положение тела казалось Элспет неправильным, оскорбительным. Ей хотелось к нему прикоснуться, но руки у нее были заняты. *И что теперь? Если я отпущу, она просто рассеется? Мне бы какую-нибудь коробочку...* Она вспомнила про свой ящик. *Точно, положу ее туда.* Она возьмет Валентину к себе в ящик. Там они будут вместе и смогут переждать.

Роберт поднялся на ноги. Вышел из комнаты. Он дорого бы дал, чтобы, еще не доходя до порога, забыть все увиденное. Положив ладонь на дверную ручку, он остановился.

— Элспет? — позвал он. Ответом было мгновенное ощущение холода на щеке. — Я тебя не прошу.

Молчание. Ему почудилось, что она у него за спиной; он не поддался искушению обернуться и посмотреть. Открыв дверь, он спустился к себе; взял на кухне бутылку виски и не заметил, как стало темнеть; теперь осталось дожидаться, когда Джулия вернется от Мартина, обнаружит тело и горестно зарыдает.

Джулия спустилась к себе часом позже. Свет во всей квартире был выключен. Она прошла по комнатам, щелкая выключателями и крича:

— Мышка?

«Где ее носит?»

— Мышь?

«Не иначе как внизу тусуется».

В квартире было холодно и странно пусто, словно вся мебель превратилась в мираж. Переходя из комнаты в комнату, Джулия легонько коснулась столешницы, провела пальцами по спинке дивана и книжным переплетам, удостовераясь, что вещи на своих местах, в целостности и сохранности.

— Элспет?

«Куда все запропастились?»

Войдя в спальню, она включила свет. Перед ней лежала скрюченная Валентина, будто замершая в мучительном танце. Джулия медленно двинулась вперед; подошла к Валентине и села подле нее. Дотронулась до ее губ, щек. Увидев ингалятор, зажатый в руке Валентины, отпрянула и сама непроизвольно прижала руку к груди.

«Мышка?» Валентина, как могло показаться со стороны, высматривала что-то под потолком; она запрокинула голову и вытаращила глаза, будто прямо у нее над головой разворачивалось удивительное зрелище.

— Мышь? — Валентина не отвечала.

У Джулии вырвался жалобный стон. Ощувив на лице холодное прикосновение, она яростно отмахнулась:

— Пошла вон, Элспет! Убирайся! Где она? Где она? — Теперь Джулия зарыдала в голос.

А Элспет сидела рядом с ней на полу. Она видела, как Джулия оплакивает сестру, обняв ее тело. *Я не по своей воле, Джулия.* Она подумала о своей сестре, о том, что кому-то предстоит сделать телефонный звонок. Наблюдая за Джулией, Элспет понимала, что ничего хорошего больше не будет. *Я виновата, виновата во всем. Прости меня. Мне очень, очень горько.*

Элспет и Валентина вместе переживали в ящике; тем временем медицинская бригада зафиксировала факт смерти Валентины; врач, которого Элспет видела в больнице, выписал справку о смерти по естественным причинам; потом Себастьян забрал тело из квартиры, Роберт стал звонить Эди и Джеку; Джулию сотрясали рыдания. Это были часы неподвижности, света и тьмы.

Длинный разговор Роберта с Себастьяном закончился взаимным неприятием и непониманием.

— Я могу понять ваше нежелание ее бальзамировать, — говорил Себастьян. — Могу понять отказ от макияжа; с этим все ясно. Но с какой стати вы требуете, чтобы я накачал ее гепарином?

— Это антикоагулянт.¹¹⁵

— Я знаю. Но вы же не планируете хранить тело в криогенной камере?

— Пожалуй, нет. Но мы хотели бы попросить заполнить гроб льдом.

— Роберт!

— Сделай мне одолжение, Себастьян. И пожалуйста, держи ее в холодильной камере как можно дольше.

— Зачем? Роберт, не нравится мне все это.

— Тут ничего такого нет...

Себастьян был настроен скептически:

— Извини меня, Роберт. Либо выкладывай, что у тебя на уме, либо ищи кого-нибудь другого.

Роберт заговорил:

— Ты мне не поверишь; это невероятно. Просто бред. — Себастьян молчал; Роберт глубоко вздохнул и попробовал привести свои мысли в порядок. — Ты веришь в привидения?

— Представь себе, — тихо выговорил Себастьян, — верю. У меня было несколько... интересных случаев. Но, мне помнится, ты-то как раз не веришь... в привидения.

— Пришлось поверить.

Роберт рассказал Себастьяну про Элспет. Но ни словом не упомянул про задуманный план; только объяснил, что Элспет поймала душу Валентины, когда та умерла, а теперь собирается вернуть ее обратно в тело и оживить.

Себастьян высказал несколько возражений. (Самым серьезным было: «Почему же Элспет не оживила ее немедленно?») — и Роберт не нашелся что ответить, кроме как: «Не знаю»). Наконец Себастьян согласился сделать все возможное, чтобы сохранить Валентину в холоде, и дал слово ничего не сообщать семье в случае неудачи. Но даже после этого Роберт, уходя, был далеко не уверен, что Себастьян не позвонит Джессике и не донесет в полицию, как только завернет за угол.

На другое утро прилетели Эди и Джек.

Стоя у окна, Роберт наблюдал за их приближением. Они скрылись в доме, и до него донеслись звуки их шагов по лестнице. Элспет запретила Джеку и Эди входить в ее квартиру, но сейчас этот запрет никого не мог остановить. Роберт гадал, чем сейчас занимается Элспет; он хотел напиться до отключки, до потери пульса — все, что угодно, лишь бы не встречаться с родителями Валентины. Но он уже дал согласие пойти с ними в похоронное бюро.

В такси они почти не разговаривали. Роберту было невозможно смотреть на Эди из-за ее поразительного сходства с Элспет. Единственным заметным отличием был ее американский выговор. Джулия пребывала в глубоком оцепенении. Она сидела около отца, склонив голову ему на плечо. Эди начала тихонько плакать. Убитый горем Джек обнял ее и посмотрел на Роберта. Тот сидел на откидном месте напротив всех троих. Остаток пути он изучал ботинки

¹¹⁵ *Антикоагулянт* — лекарственное вещество, угнетающее активность свертывающей системы крови.

Джека.

Когда они приехали в похоронное бюро, их встретил Себастьян. Он повел Эди и Джека в морг. Роберт с Джулией остались в кабинете Себастьяна.

— Как ты? — спросил ее Роберт.

— Лучше всех, — ответила Джулия, не глядя на него.

Себастьян вернулся с Джеком и Эди. Он начал мягко рассказывать обо всех процедурах и типах захоронения, о ценах на погребение и кремацию, о необходимых справках и подписях. Роберт слушал и старался хранить невозмутимость. Он не подумал, что у родителей Валентины могут быть свои представления о том, как распорядиться ее останками, и что Себастьян по закону обязан довести до их сведения все юридические возможности. У Роберта бешено застучало сердце. «А вдруг они решат ее кремировать?»

— Мы хотим забрать ее домой — у семьи Джека есть участок на кладбище в Лейк-Форесте. У озера Мичиган. Там ее и похороним, — выговорила Эди.

Себастьян кивнул и начал рассказывать о правилах транспортировки. «Ну вот и все, — думал Роберт. — Я сделал попытку, но ничего не вышло». Теперь это уже было не в его власти.

Как ни странно, положение спасла Джулия.

— Нет! — воскликнула она. Все взгляды устремились на нее. — Я хочу, чтобы она осталась здесь.

— Но, Джулия... — возразила Эди.

— Это не тебе решать... — подхватил Джек.

Джулия покачала головой:

— Ей хотелось быть похороненной на Хайгейтском кладбище. — Ее глаза стрельнули в сторону Роберта. — Она сама так говорила.

— Это правда, — подтвердил Роберт.

— Пожалуйста, — взмолилась Джулия.

В конце концов было решено, что Валентину, согласно ее воле, похоронят в семейной усыпальнице Ноблинов.

В ящике Элспет спрессовала Валентину в мягкий, бесформенный комочек, чтобы та не рассеялась, и прижала ее к себе. *Ну вот, Валентина, мы тут, словно детеныши в сумке кенгуру... подождем, что будет дальше.* Она прикидывала, что известно Валентине и что вспомнится позже. Когда сидишь с младенцем, точно так же не знаешь, о чем думает сейчас это крошечное существо и способно ли оно вообще думать. Элспет, к примеру, не помнила первых дней своей жизни после смерти. Все происходило постепенно; не было момента пробуждения или внезапного возвращения сознания. Крепко прижимая к себе Валентину, она пела ей песенки, болтала о том о сем. Валентина была похожа на гул, на вибрацию бытия, но ни слова, ни мысли не доносилось до Элспет. Ей вспоминалось, как двойняшки были еще совсем крохами. Они никогда не спали и не ели одновременно; вместе с молоком они высасывали из нее все запасы энергии; даже тогда они казались неразделимыми, но разными. *Зато сейчас ты смогла полностью отделиться, Валентина.* В ящике ничего не происходило. Шли дни. Вскоре — хотя время мало что значит для призраков — вскоре должен был наступить день похорон. Пора событий.

ДЕНЬ ВОСКРЕШЕНИЯ ИЗ МЕРТВЫХ

В день похорон Роберт стоял у двери Мартина в восемь утра, заваленный рассыпавшимися газетами. Он попытался сложить их в пачки, но оставил эту затею, когда появился Мартин.

— Входи.

Они прошли через квартиру на кухню. Роберт сел за стол, а Мартин включил электрический чайник. Мартин приятно удивил Роберта: он выглядел вполне вменяемым и

каким-то домашним — по контрасту с тем, что происходило внизу. «Если Мартин здесь — самый нормальный, то это конец света».

— Похороны сегодня, в час дня.

— Знаю.

— Ты пойдешь? Нет, если не можешь, ничего страшного, но мне кажется, Джулия будет тебе признательна.

— Не знаю. Если соберусь — позвоню им.

— Значит, будем считать, что не придешь?

Мартин пожал плечами. У него в руках были две коробки с чаем. Роберт указал на «Эрл Грэй». Мартин положил по пакетiku в каждую чашку.

— Как Джулия?

— Приехали ее родители. Наслушавшись Элспет, я уж начал думать, что это будут огнедышащие чудовища о трех головах, но они привели Джулию в чувство, и все трое... как бы это сказать... тоскуют вместе. Нам всем трудно поверить... они слоняются по квартире, будто ожидают прихода Валентины... Джулия — как сомнамбула.

— Н-да. — Мартин залил чайные пакеты кипятком. Роберт стал смотреть на пар. — Они остановились в квартире?

— Нет, в гостинице.

— Так что, Джулия в квартире одна?

— Да. Родители хотели забрать ее к себе, но она пожелала остаться дома. Почему — не понимаю.

— Ей не следует оставаться одной.

— Я, собственно, по этому поводу и пришел. Хочу попросить, чтобы ты сегодня вечером позвал Джулию к себе и приютил ее, пока я не скажу, что ей можно вернуться.

Мартин отнесся к этому скептически:

— Зачем?

С тем же напускным простодушием Роберт ответил:

— Джулию нельзя оставлять одну.

— Конечно нельзя. Но не лучше ли ей побыть с родителями?

— В крайнем случае можешь и родителей сюда пригласить.

— Шутишь? Думаешь, я приведу сюда Эди и Джека? Ты по сторонам-то смотрел?

— Я — разумеется, а ты, по-моему, нет. — Роберт сменил тактику. — Послушай, Мартин, это вопрос жизни и смерти: тебе придется помочь мне продержатъ Джулию несколько часов за пределами ее квартиры. Я не могу рассчитывать на Эди и Джека.

— Что ты задумал?

— Ты не поверишь, если я расскажу.

— А ты попробуй.

— Это что-то типа спиритического сеанса.

— Надумал вызвать Валентину? Или Элспет?

— Вроде того.

Мартин возмущенно тряхнул головой:

— Не сказал бы, что это самый удачный момент. Если тебе приспичило поиграть в эти игры, неужели нельзя подождать?

— Нет, ждать невозможно.

— А почему Джулии нельзя находиться дома?

— Я не вправе говорить. И ты тоже помалкивай.

— Нет. Уволь.

— Почему же нет?

Мартин встал и начал мерить шагами кухню. Роберт внезапно пожалел, что не сделал этого первым, но не могли же они оба расхаживать из угла в угол одновременно. Это было бы по меньшей мере странно.

— Если Джулия останется в неведении, от нее не убудет, — сказал Роберт. — Вот что:

предлагаю тебе сделку. Продержи у себя Джулию сколько нужно — и получишь то, о чем можешь только мечтать.

Мартин опять сел.

— И что же это? — недоверчиво спросил он.

— Адрес Марики в Амстердаме.

Мартин вскинул брови. В очередной раз встал и вышел из кухни. Роберт слышал, как он топает по коридору к себе в кабинет. Через некоторое время Мартин появился с зажженной сигаретой в одной руке и картой Амстердама в другой.

— Ты вроде бросил? — удивился Роберт.

— Еще раз брошу, через полчаса. — Мартин разложил карту на столе. Роберт заметил, что карта испещрена значками и надписями, частично стертыми. Мартин указал на красный кружок в Йордане. — Это здесь.

Роберт прищурился, разбирая мелкий шрифт.

— Близко, но не попал. — Они уставились друг на друга. Роберт ухмыльнулся. — А с чего ты выбрал это место?

— Мне ли ее не знать? Она достаточно осторожна, чтобы не болтать лишнего, но я все помню. Мы жили неподалеку, на Тведе Лельедварсстрат.

— Могу дополнительно скинуть тебе ее электронный адрес.

— У Марики нет электронной почты.

— Есть. Уже больше года.

— Больше года?

— Короче, предлагаю тебе ее адрес, мейл и вид квартиры.

— Она прислала тебе снимок своего жилья?

— И не один. Она не упоминала, что завела кошку?

— Неужели правда? — задумчиво спросил Мартин.

— Серая кошечка, зовут Иветтой. Спит у Марики на подушке.

Мартин сидел молча, курил и разглядывал карту.

— Ладно, уговорил. Что мне надо делать?

Роберт объяснил. Все действительно было просто; единственная простая вещь за целый день.

Проснувшись в тесном гостиничном номере, Джек увидел, что Эди стоит в ночной рубашке у французского окна¹¹⁶ и разглядывает голубое небо над шиферными крышами Ковент-Гардена. Он лежал, глядя на нее, и боялся нарушить ее раздумье. В конце концов он встал и направился в ванную. «Странно все-таки устроена жизнь. Вот я пошел отлить, потом залезу под душ, побреюсь, как в любой другой день — будто на отдыхе. Ну почему мы ни разу не приехали их проведать?» Стерев с шеи остатки пены для бритья, он вернулся в комнату. Эди по-прежнему стояла у окна. Теперь она склонила голову. Джек подошел и встал позади нее, положив руки на ее голые плечи. Она чуть повернулась к нему.

— Который час? — спросила она.

— Четверть девятого.

— Можно звонить Джулии.

— Наверняка она уже давно не спит.

— Да.

Они не двигались; на Эди давила тяжесть его рук.

— Сейчас я позвоню, — сказала она.

Ее сотовый тут не работал — пришлось набирать номер на гостиничном телефонном аппарате, ошибаясь и неловко набирая вновь.

— Джулия? Просто хочу услышать твой голос.

¹¹⁶ *Французское окно* — застекленная дверь, ведущая на балкон или в сад.

— Привет, мам. Боже, я не знаю, что мне делать, мама.

— Мы подумали, что сможем приехать пораньше. Мне немоготу оставаться в этом номере.

— Приезжайте прямо сейчас, ладно? Я одна и не знаю, куда себя деть.

— Да-да, вот только оденемся и поймаем такси. Скоро будем у тебя.

Эди захлестнуло волной несуразного счастья. «Я нужна ей». Она улыбалась, когда вешала трубку. Деловито поспешив к чемодану, она стала одеваться для церемонии прощания. Джек остановился у шкафа и уставился на одинокий темный костюм. На минуту он забылся; утонул в шерстяной ткани, темнеющей в глубине шкафа. Очнувшись, он потянулся за костюмом. «Чувствую себя стариком». Пиджак оттягивал ему плечи, словно был подбит металлом. Он смотрел, как суетится Эди: причесывается, надевает серьги. «Не хочу выходить на улицу». Он сел на кровать, держа в руке пару носков. Заметив, что он сидит без движения, Эди поторопила:

— Быстрее, она ждет.

И это брошенное вскользь единственное число обрушилось на него бесповоротным осознанием смерти Валентины.

Джулия поджидала их внизу, в холле. Сквозь узкое решетчатое окно она смотрела, как родители открыли ворота и прошли по дорожке через сад. Этот июньский день выдался ясным; в солнечном свете фигуры выглядели увеличенными и четкими. Родители напомнили Джулии картинку из одной детской книжки. «Девочка ведет за собой медведя». Джулия открыла дверь, и в холл ворвался порыв ветра, сбросив почту Роберта на пол. Она не стала подбирать.

Обняв Джулию, Эди сказала:

— Ты еще не одета?

Джулия оглядела свой спортивный костюм:

— Я не хотела ждать вас наверху. У меня такое чувство, что квартира меня выживает.

— Перебейся к нам в гостиницу, — предложила Эди.

Джулия покачала головой:

— Я должна остаться тут. С Валентиной. Она наверняка где-то здесь.

Джек наклонился к Джулии, и она обняла его за шею.

— Идемте, — сказала она.

Они двинулись вверх по лестнице. Джулия поднималась первой.

Войдя в квартиру, они в нерешительности остановились.

— Ты хорошо покушала? — спросил Джек. У него подвело живот, но, думая о еде, он чувствовал себя виноватым.

— Да так, — уклончиво ответила Джулия. — Тут, кажется, остались какие-то продукты. Вы поешьте. Я пойду одеваться.

Эди пошла с ней. Накануне, в день прибытия, Эди утратила чувство реальности из-за переживаний и разницы во времени. Все ее мысли были о Джулии. Но сейчас она обратила все свое внимание на квартиру. Ей вдруг явственно почудилось присутствие Элспет — в обстановке, в безделушках, в выборе краски для стен, в косых лучах падающего из окон света, в самом воздухе. Казалось, кто-то сохранил их детство, чтобы выставить в музее. Эди содрогнулась. Она стояла на пороге спальни, когда Джулия стала снимать спортивный костюм. Джулия разложила свое лиловое платье, белые чулки и черные лакированные туфли. Точь-в-точь такой же комплект она вчера выбрала для Валентины.

— Не надо, — попросила Эди.

— Что?

— Не надевай то же самое, что приготовлено для нее. Я не могу, надень что-нибудь другое, пожалуйста.

— Но...

— Прошу тебя, Джулия. Это чересчур.

Посмотрев на Эди, Джулия сдалась. В нижнем белье она прошла в гардеробную и

начала бросать вещи на кровать, срывая их с вешалок.

Элспет слышала их разговор. Она выбралась из ящика и стала медленно пробираться в спальню. Валентину она по-прежнему сжимала в ладонях. Вчера Элспет держалась особняком. Всю ночь она сбивчиво оправдывалась сама перед собой. *Я больше никогда ее не увижу. Она будет в помраченном сознании. Не хочу ее видеть. Я сама виновата. Она тут, и я должна ее увидеть. Если она узнает, то никогда меня не простит. Трусиха, трусиха. Убийца.* Казалось, ее настроение передалось Валентине: та притихла — маленькое испуганное облачко, закутанное в темные мысли Элспет. А сама Элспет, разобравшись в своих чувствах, украдкой двигалась к спальне.

Эди и Джулия стояли по разные стороны кровати, роясь в куче одежды. *Ох... вот и ты.* Элспет стояла в дверях и наблюдала. Валентина просветлела и, казалось, затрепетала, как сердце. *Эх ты. Как же так? Как ты допустила, чтобы такое случилось с тобой?* В последний раз она видела свою сестру-близняшку в восемьдесят четвертом: они рыдали в объятиях друг друга в аэропорту Хитроу, а крошки-девочки спали в двухместной коляске рядом с ними. *Прошел двадцать один год, и вот как все обернулось... Тебя не узнать. Постарела, но есть еще что-то, сильнее. Что же это? Что произошло?* Элспет смотрела и думала: *Он не заботился о тебе; ты сама вынуждена была о себе заботиться. Никто не любил тебя так, как я. Если бы мы были вместе... О Элспет!*

Она пробиралась по стенке. Джулия это заметила и остолбенела, не сводя с нее глаз. *Ты видишь меня, Джулия? А Валентину?* Элспет села на диванчик у окна и попыталась стать еще более незаметной. Валентина извивалась и билась у нее в руках. Джулия подошла туда, где сидела Элспет, и протянула руку к Валентине. Валентина успокоилась, когда Джулия коснулась ее пальцами. Джулия закрыла глаза.

— Мышка?

— Что ты делаешь? — спросила Эди; Джулия стояла у окна с вытянутой рукой. — Джулия?

— Она тут! — воскликнула Джулия и разразилась слезами.

— Что? Нет, Джулия... иди ко мне, вот так.

Эди подошла к Джулии и обняла ее. В дверях появился Джек, и Элспет поразило, насколько старше и мягче он выглядит — одомашненный. Эди посмотрела на него через плечо Джулии и слегка покачала головой. Он ретировался. Элспет слышала, как он прошел через всю квартиру и спустился вниз. *Вышел покурить,* подумала она, неотрывно следя взглядом за Джулией и Эди. Джулия больше не плакала. Они стояли обнявшись и слегка покачивались вперед-назад. Элспет завидовала. Потом устыдилась. *Она ее мать. Это ничего не значит. Слишком поздно, теперь ничего не исправиишь.* То, что казалось раньше важным, потеряло всякий смысл. *Мы считали себя умнее всех. А оказались идиотками. Все разрушили.* Элспет размышляла, можно ли что-нибудь исправить. *Если бы вернуть Валентину, если бы двойняшкам уехать домой? Она бы заставила Валентину поехать с Джулией. Любой ценой. Вся эта скорбь — понапрасну.* Она поднялась и вышла из комнаты. Ощувив внезапный приступ острой тоски, она поняла, что на самом деле это чувство исходило от Валентины; а Элспет жаждала остаться, побыть с Джулией и Эди. *Прости. Я больше не могу выносить их вида. Тебе придется уйти со мной.* Элспет приблизилась к окну кабинета и стала смотреть на улицу невидящим взглядом, крепко прижимая к груди свою вырывающуюся дочь.

Когда раздался стук в дверь, Роберт подумал, что увидит Джулию. Но оказалось, это Джек.

— Пустишь? Меня выставили, вот я и подумал, может...

«Не хочет оставаться один», — понял Роберт.

— Конечно. Входи.

До этого Роберт сидел за письменным столом, уставившись на свою необъятную рукопись. Все, что угодно, было лучше, чем оставаться одному. Он повел Джека на кухню.

— Что ты будешь? Чай? Кофе? Виски?

— Да. Последнее.

— Вода? Лед? — Роберт достал два стакана и бутылку.

— Первое — да, второе — нет, спасибо.

Роберт налил в графин воды и поставил перед Джеком. Они сели друг напротив друга. Кухня, выгоревшая на солнце, просторная, выглядела до странности веселой. Джек прикидывал, найдется ли в этом доме квартира, где можно перекусить. Роберт перехватил его взгляд, устремленный на пустые буфетные полки.

— В последнее время есть совершенно не хочется. Но могу сделать тосты, будешь?

— Еще бы. Наверху — хоть шаром покати. Джулия совсем отошала.

Роберт не ответил, но встал и начал готовить тосты. Открыв холодильник, он достал банку джема и банку мармита¹¹⁷ и вернулся за стол. Джек отклонился на спинку стула. Стулья на кухне были в стиле начала пятидесятых — тонкие, из металлических трубок и винила. Роберт опасался, не сломается ли такой стул под весом Джека. Он опять поднялся и достал столовые приборы.

Джек заговорил:

— Скажи, я могу задать тебе личный вопрос?

Роберт буркнул что-то невнятное и сел на место.

— Кем ты был для Элспет? Бойфрендом? Второй половиной? Гражданским мужем — или как тут у вас говорится?

— Да. Я был — для Элспет. Ее творением — вот слово, которое ты ищешь.

Щелчок тостера, вытолкнувшего поджаренный хлеб, напугал их обоих. Роберт положил три ломтика Джеку и один себе. Подал тарелку Джеку. Они стали в молчании намазывать джем. Ни один не проронил ни слова, пока Джек не дожевывал все тосты. Роберт протянул ему четвертый ломтик — свой, оставшийся нетронутым. Джек подумал: «Ему хоть трава не расти». Роберт подумал: «Сейчас меня вырвет».

Джек плеснул себе виски и добавил воды. После чего опять взялся за свое:

— А Элспет когда-нибудь рассказывала тебе, что произошло между ней и Эди?

Роберт покачал головой. «Огорошил, дружище».

— При жизни — нет. Но она оставила мне свой архив, в том числе и дневники. И еще личное письмо, объясняющее некоторые вещи.

— Ага. Вряд ли ты мне их покажешь, верно? Письмо, например.

— Ну, ты же видел завещание Элспет. Она категорически не хотела, чтобы ты и ее сестра получили доступ к архиву.

— Угу.

Джек доедал последний тост. Роберт не сводил с него глаз.

— На самом деле мне нужен ответ на один-единственный вопрос. Все остальное я знаю, — произнес Джек.

— И что это за вопрос?

— Зачем они это сделали?

Роберт не ответил.

— Я просто хочу понять смысл этой маразматической игры, в которую мы играем столько лет. Насколько я могу судить, никто никого не одурачил, но по каким-то причинам всем нам приходится делать вид, будто мы — ни сном ни духом.

— В каком смысле?

— Ты разве не знаешь, что они поменялись?

— Знаю, но Элспет считала, что тебе это неизвестно.

— Нет, она как раз знала, что мне все известно. Я хочу сказать, беременность сильно

¹¹⁷ *Мармит* — густая бутербродная паста из дрожжевого экстракта (отходов при производстве пива), типичный английский продукт.

повлияла на ее фигуру — вероятно, только Эди этого не понимала... Может, Элспет насылала на нее порчу? Слушай, я понимаю, ты мне всего не расскажешь, — продолжал Джек. — Ну а если я тебе изложу, как сам это понимаю? А ты, допустим, будешь слегка поднимать бровь, если услышишь что-нибудь похожее на правду. Можем так сделать?

— Ну давай.

— Ладно. — Джек отхлебнул виски. — Я вообще-то с утра не пью.

— Я тоже. — («Разве что в последнее время».)

Теперь и Роберт налил себе виски. Он опасался, что от запаха его вырвет, но пошло хорошо. Он осторожно выпил до дна. «Люблю запах напалма поутру». ¹¹⁸

— Итак, — начал Джек. — Восемьдесят третий год. Эди и Элспет Ноблин снимают квартиру в Хаммерсмите и ведут богемный образ жизни, который дорого обходится их матери. Близняшки только что закончили Оксфорд, я получил место в лондонском отделении банка — того самого, где работаю по сей день. У меня состоялась помолвка с той, которая известна нам с тобой как Эди, но в те времена ее звали Элспет. Дальше я буду называть сестер их нынешними именами, чтобы избежать путаницы.

— Валяй.

— Элспет, твоя Элспет, меня недолюбливала. Открытой враждебности, конечно, не проявляла: у нее была типично британская манера — сам знаешь, если с тобой не хотят знаться, тебя обдадут холодом. Вроде бы не ссорились, но она понимала, к чему все идет: я собирался увезти ее сестру в Штаты. Не знаю, сказывалось ли на ваших с Элспет отношениях то, что у нее есть сестра-близняшка.

— Да не особенно. Эди уехала. Элспет ее почти не вспоминала. Но, глядя на Джулию и Валентину, я многое для себя уяснил.

Роберт мог только догадываться, что именно сказала родителям Джулия о его отношениях с Валентиной.

— Ну, известно же про близнецов: мол, никто и никогда не восполнит потерю брата или сестры. Я про то, что мы с Эди, конечно, любим Валентину, но Джулия... даже представить не могу, как она будет жить дальше... — Джек посмотрел на свои руки. Роберту стало трудно дышать. — Так вот. Близнецы, Эди и Элспет, начали вести себя странно. Ты просто не видел их вместе. Они, конечно, были очень похожи, но не в такой степени, как сами думали. Когда они выдавали себя друг за дружку, это всегда чувствовалось — притворство не скроешь. Ну, то есть, чтобы быть собой, никаких стараний не требуется, но когда одна из сестричек Ноблин притворялась другой, ее старания можно было учуять за версту. Итак, Эди стала выдавать себя за Элспет — именно так: моя невеста начала притворяться своей сестрой... даже заигрывала со мной; твоя Элспет ни за что бы на это не пошла, потому что я — правда, без видимых причин — ей не нравился.

— На кой это понадобилось?

Джек покачал головой:

¹¹⁸ «Люблю запах напалма поутру». — Данная фраза является цитатой из монолога подполковника Билла Килгора в фильме «Апокалипсис сегодня», когда он обращается к Уилларду с известной речью: «Чувствуешь запах? Это напалм, сынок. Больше ничто в мире не пахнет так. Я люблю запах напалма поутру. Однажды мы бомбили одну высоту, двенадцать часов подряд. И когда все закончилось, я поднялся на нее. Там уже никого не было, даже ни одного вонючего трупа. Только запах напалма! Весь холм был им пропитан. Это был запах... победы! Когда-нибудь эта война закончится». В качестве звукового сопровождения невероятно выразительно в этой сцене использована тема «Полет валькирии» из оперы Вагнера «Валькирия» (1870). Когда вертолеты подавляют все очаги сопротивления в селении и противник продолжает отстреливаться только из джунглей, подполковник Килгор вызывает самолеты, которые выжигают все окрестные джунгли напалмом. «Апокалипсис сегодня» — кинофильм о войне во Вьетнаме. Фильм снят в 1979 г. Фрэнсисом Фордом Coppолой по сценарию самого Coppоло, Джона Милиуса и Майкла Герра, написанному по мотивам повести Джозефа Конрада «Сердце тьмы» (1902). Главная сюжетная линия фильма — рассказ о капитане ЦРУ Уилларде, посланном в джунгли Камбоджи, чтобы устранить сошедшего с ума полковника Курца, который командует отрядом из местных жителей и обвиняется в убийстве нескольких американцев.

— Моей жене всегда не доставало уверенности. Она была слабее сестры, но спустя годы ей удалось перенять кое-что из ее характера. Я думаю, она проверяла меня, хотела посмотреть, как я себя поведу.

— И как же ты себя повел?

— Разозлился. А потом совершил большую ошибку. Я им подыграл.

— Ага.

— В самом деле. Так что, бла-бла-бла... все осложнилось. Я на девяносто девять процентов уверен, что к алтарю со мной пошла Эди. Моя Эди, ты понимаешь. А подмена произошла перед нашим отлетом в Чикаго.

Роберт представил, как Элспет сидит рядом с Джеком в самолете.

— Элспет до ужаса боялась летать.

— Они обе такие. Вот почему мы с Эди не навещали девочек, хотя сейчас это звучит как бред сумасшедшего. А выдало их другое.

Роберт ждал объяснения. Но вместо этого Джек сказал:

— Прошу тебя... ответ должен быть в бумагах Элспет. Иначе почему она так уперлась, чтобы нам их не показывали?

Роберт ответил:

— Не понимаю... что ты надеешься там найти? Элспет забеременела, ты — отец; сестры, заикленные на себе, тут же решили, что надо просто поменяться документами, и все будет отлично.

— Я никогда не спал с Элспет, — выдавил Джек.

«У меня сейчас башка лопнет», — подумал Роберт.

— Минуту, — сказал он.

Поднявшись из-за стола, он направился в каморку для прислуги, нашел последнюю коробку с дневниками и с письмом Элспет и принес на кухню. Он вытащил тетрадь и начал перелистывать страницы, ища нужную запись.

— «Апрель, День дураков, тысяча девятьсот восемьдесят третий год», — прочитал он вслух и передал дневник Джеку. — На вечеринке, в Найтсбридже. Ты сильно напился. В дураках вроде бы должна была остаться Эди.

Джек держал тетрадь на расстоянии вытянутой руки и читал.

— А имя-то мое здесь не упоминается.

— Они вели дневник вместе, — ответил Роберт. Склонившись над плечом Джека, он указал на запись, следующую за прочитанной. — Это ответ Эди.

«Будь ты проклята. У меня может быть хоть что-нибудь свое?» — читал про себя Джек. В замешательстве он поднял взгляд.

— Они хотели как лучше, но не просчитали возможных последствий, — объяснил Роберт. — Не думаю, что это было направлено против тебя.

— Нет, конечно, — сказал Джек. — Просто я им подвернулся. — Он положил дневник на стол, закрыл глаза и стиснул зубы.

Роберт думал: «Он и вправду не знал о своем отцовстве. Боже мой». Вернувшись мыслями к Валентине, он ощутил беспомощность и ярость. У него отнялся язык. Наконец, указав на один из дневников, он сказал:

— Хочешь — можешь пролистать.

— Нет, спасибо, — ответил Джек. — Я узнал все, что хотел.

Он поднялся из-за стола, растерянный и слегка захмелевший. Посмотрев друг на друга, оба отвели глаза, не понимая, как вести себя дальше.

— Увидимся в Лодердейл-хаус, — сказал Роберт.

— Да-да. Мм... спасибо.

Тяжелым шагом Джек направился к выходу. Роберт прислушивался к его медленному подъему по лестнице. Открылась и захлопнулась дверь. Взяв бумажник и ключи, Роберт вышел купить цветы.

Прощание с Валентиной было устроено в Лодердейл-хаус, особняке шестнадцатого

века, где когда-то жила Нелл Гвин;¹¹⁹ сейчас в нем помещались художественная галерея, зал для свадебных торжеств, кафе. Для прощальной церемонии сняли просторное помещение на втором этаже, где проводились уроки рисования с натуры и занятия йогой. Зал был только наполовину обшит деревом и наполовину обставлен мебелью, как будто у плотников обеденный перерыв затянулся на десятилетия. Напротив входа на деревянной подставке стоял усыпанный белыми розами гроб. Остальное пространство занимали складные стулья. Джулия сидела между родителями в первом ряду и смотрела в окно. Она вспомнила, что кто-то рассказал им историю о том, как в этом особняке Нелл Гвин выронила из окна своего ребенка. Но Джулия не могла вспомнить, почему это случилось и какое окно оказалось роковым.

Гроб был белым, с простыми стальными защелками. Себастьян ходил по залу — поставил на конторку графин с водой и пустые стаканы, расположил только что доставленные венки перед гробом. Джулия подумала, что своей необычайной деловитостью и противоестественным спокойствием он похож на дворецкого. «Никогда не встречала дворецкого». Себастьян мельком взглянул на Джулию, словно прочел ее мысли, и невозмутимо ей улыбнулся. «Я сейчас разревусь, а если начну, потом будет не остановиться». Ей захотелось провалиться сквозь землю. Себастьян поставил коробку с салфетками рядом с конторкой. «Он этим занимается постоянно, это его работа». Джулия никогда не думала, что и она, и люди, которые ей знакомы, смертны. Покойники на кладбище были просто камнями, именами, датами. «Любимой маме». «Преданному мужу». Элспет — это забава, салонное развлечение; для Джулии она никогда не была по-настоящему живой. «А Валентина сейчас вот в том ящике». Этого не могло быть.

«Приди ко мне, — думала Джулия. — Явись мне, Мышка. Подойди, обними. Будем сидеть рядом и выводить наши секреты на планшете. Или, если не сможешь, просто посмотри на меня. Больше мне ничего не нужно. Где ты? Ведь не здесь же. Но у меня нет ощущения, что ты ушла. Ты — моя фантомная боль, Мышка. Я тебя жду не дождусь. Я все забуду. Какая же я дура, Мышка. Явись мне, найди меня, вернись, где бы ты ни была. Будь со мной. Мне страшно».

Джулия взглянула на свою мать. Эди сидела такая сухая, чопорная; руки с побелевшими костяшками пальцев сжимали маленькую сумочку. «Ей тоже страшно». Отец грузно восседал на стуле рядом, от него сладко пахло табаком и алкоголем. Джулия прильнула к нему. Джек взял ее за руку.

Один за другим входили какие-то люди и рассаживались на складных стульях. Джулия повернулась посмотреть, кто это, но почти всех видела впервые. Пришли их знакомые по кладбищу. Джессика и Джеймс сели позади Пулов. Джессика погладила Джулию по плечу:

— Здравствуй, дорогая моя.

На ней была маленькая черная шляпка с вуалью — как будто звезды попались в сети. «Мышка была бы в восторге от этой шляпки».

— Здравствуйте.

Джулия не знала, что еще сказать: она выжала улыбку и повернулась лицом к гробу. «Мне было бы легче, если бы я могла сесть сзади».

Распорядительница, с папкой в руках, стояла в дверях, наблюдая, как люди рассаживаются. На ней был какой-то красный балахон, ниспадавший складками с плеч. Джулии было интересно, что произойдет дальше. Панихиду они заказали светскую. Роберт организовал ее через Британское гуманистическое общество. Он спрашивал у Джулии, не захочет ли она сказать несколько слов. У нее в сумочке лежала несколько раз сложенная, исправленная и исчирикканная речь. Все эти словеса были такими неправильными, неуместными, какими-то нечестными. Мартин заранее прочитал текст и помог ей кое-что

¹¹⁹ *Нелл Гвин* (1650–1687) — актриса, родилась в Англии; свои лучшие роли сыграла в пьесах Джона Драйдена; в 1669 г. оставила сцену; была любовницей Карла II. Образ Нелл Гвин впоследствии вдохновил многих драматургов, написавших о ней пьесы.

переформулировать, но все равно речь не передавала того, что хотела сказать Джулия. «Неважно, — убеждала себя Джулия. — Валентина все равно не услышит».

Облаченная в красное распорядительница начала говорить. Поприветствовав всех собравшихся, она произнесла какие-то мирские истины, призывающие к утешению. Вслед за тем она предложила тем, кто знал Валентину, сказать о ней несколько слов.

На трибуну поднялся Роберт. Он вглядывался в заполненный лишь наполовину зал. Пулы расположились в нескольких метрах от него, стойчески внимая. «Валентина, прости меня». Он откашлялся, поправил очки. Когда он наконец заговорил, его голос зазвучал сначала слишком тихо, потом слишком громко. Роберт дорого бы дал, чтобы оказаться где-нибудь в другом месте и заняться чем-нибудь другим.

— Я прочту стихи Артура Уильяма Эдгара О'Шонесси,¹²⁰ — объявил он. Руки твердо держали лист бумаги.

Для новой милой я привез
кусты в мой старый сад.
Поверх былых умерших роз
посажен новый ряд.

Но мне не стало веселей.
Мой сад и гол и сух.
В нем бродит дух минувших дней,
Любимый прежде дух.

Ее улыбка холодна.
Она кидает в дрожь.
И где ни явится она,
все то же — да не то ж.

То с белых роз ее шажки,
касания и взгляд
сбивают все их лепестки,
то красные — белят.

Роберт не стал читать стихи до конца. Посмотрев на присутствующих, сидящих на складных стульях, он уже хотел было продолжить, но потом передумал и неожиданно вернулся на свое место. Стихи, прочитанные им, смутили людей, в комнате поднялся гул. Джессика думала: «Какая бестактность. Словно он за что-то винит Элспет. Вместо того чтобы говорить о Валентине». Эди и Джек не сводили глаз с белого гроба. Джек так и не понял, что же подразумевал Роберт.

Джулия разозлилась, но пыталась успокоиться; она подошла к конторке. Ей казалось, что руки-ноги двигаются сами по себе. Развернув свою речь, она начала говорить, ни разу не подглядев в листок.

— Мы далеко от дома... Спасибо, что пришли, несмотря на краткость нашего знакомства... — («Что еще я хотела сказать?») — Мы с Валентиной близнецы. Ни одной из нас не приходило в голову, что мы можем разлучиться. Мы этого не предполагали. Собирались всегда быть вместе... В детстве мама с папой привели нас в Линкольн-парк, видимо, не все знают: это такой огромный зоопарк в центре Чикаго. Там на фоне небоскребов показывают эму, жирафов и другую живность. А мы разглядывали тигра. Он,

¹²⁰ Артур Уильям Эдгар О'Шонесси (1846–1881) — английский поэт. В тексте приводится отрывок из его стихотворения «Сад. Прощание» (вольный перевод В. М. Кормана).

единственный, жил на фоне рисованного пейзажа: наверное, тигру внушали, что он в Китае — или где там его родина. Валентина просто влюбилась в этого тигра. Она стояла около него целую вечность, просто смотрела, а тигр подошел ближе и тоже стал на нее смотреть. Так они и стояли, глядя друг на друга; через какое-то время он кивнул — или просто тряхнул головой — и отошел. А потом Валентина мне сказала: «После смерти я стану этим тигром». Так что я теперь думаю: возможно, она и вправду стала тигром, но, надеюсь, не за решеткой, потому что на самом деле она ненавидела зоопарки. — Джулия глубоко вздохнула. «Плакать нельзя». — С другой стороны, нам тогда было по восемь лет, а позднее у нас изменились представления о загробной жизни.

«Ох, только не это», — встревожился Роберт. Джулия продолжала:

— Я точно не знаю, как именно Валентина воспринимала смерть. С тех пор как мы сюда переехали, она, по-моему, даже увлеклась этим вопросом, но это, скорее всего, по той причине, что мы жили около кладбища, нам было по двадцати одному году и смерть как бы не имела к нам никакого отношения. — До этого Джулия обращалась к цветочной композиции у дальней стены зала, но сейчас она перевела взгляд на свою мать. — Как бы то ни было, она сама, наверное, не сильно расстраивается. Я не хочу сказать, что она желала смерти, но ей была близка особая красота этого кладбища, и, если уж этому суждено было случиться, я думаю, она будет счастлива покоиться там. — («Что еще? Я люблю тебя, не представляю, как жить дальше одной, ты была частью меня, теперь тебя нет, я тоже хочу умереть. Понимаешь?») — В любом случае, спасибо. Спасибо за то, что пришли.

Под шепоток присутствующих Джулия села на место. Себастьян поймал взгляд Роберта. Тот мог поклясться, что Себастьян посчитал это выступление слегка нестандартным. Слово опять взяла распорядительница, попросив двигаться в сторону кладбища, через Уотерлоу-парк, и еще раз поблагодарив всех за присутствие. Служители вынесли гроб из комнаты. Присутствующие ждали, чтобы идти вслед за семьей Пулов; когда же те остались сидеть, после молчаливого обсуждения все встали и, по двое, по трое, стали выходить из помещения. Пока зал не опустел, Пулы не двигались. Роберт поджидал их на лестничной площадке. Наконец Себастьян предложил Эди свою руку. Он думал о том, как она выдержит церемонию погребения.

— Хотите воды?

— Нет. Нет.

Джек и Джулия встали. Эди посмотрела на всех троих. «Я не могу пошевелиться». Склонившись к ней, Джулия прошептала:

— Оставайся. Я тоже побуду здесь.

Эди покачала головой. Ей хотелось, чтобы все закончилось, чтобы время остановилось. У нее в ушах еще звучали стихи про пустой и голый сад; она представляла, как в преддверии ночи бродит одна среди мертвых цветов там, где похоронены Валентина и Элспет; ей казалось, что если она будет сидеть тихо-тихо, если все оставят ее в покое, то она услышит, как они говорят с ней. Она никак не могла отделаться от захватившего ее видения. Наклонившись, Джек помог Эди встать со стула и заключил ее в объятия. Она разрыдалась. Себастьян вышел на площадку и присоединился к Роберту. Они слышали, как плачет Эди. Выйдя из зала, Джулия прошла мимо, не удостоив их взглядом, и спустилась вниз.

«Что же мы наделали?» Слезы Эди словно растворили отстраненность Роберта, его решимость просто пережить этот день, его веру в собственную порядочность. Он — негодяй. Теперь сомнений в этом не было. Ему оставалось только одно — довести план до конца, но сам план был необдуман и пронизан отвратительной эгоистичностью.

— Нет, — произнес он.

— Что? — не понял Себастьян.

— Ничего, — ответил Роберт.

Джессики преследовало неотвязное чувство дежавю. Вновь они собрались у семейного склепа Ноблинов. Разве что вместо зимы было лето; Найджел встречал катафалк,

могильщики были наготове, оцепеневший Роберт застыл рядом с Филом и Себастьяном. Отпевания не было; женщина из Гуманистического общества произнесла несколько слов. Гроб с телом Валентины стоял на полу склепа, чтобы вскоре быть помещенным в нишу, под нишей с гробом Элспет. Ноблины держались вместе; мать повисла на руках отца и Джулии. Себастьян поспешно принес откуда-то стулья. Все трое рухнули на них, не отводя взглядов от двери склепа. «Жалко их. Она была так молода». Джессика перевела взгляд на Роберта, с которым не разговаривала с тех пор, как застукала его на кладбище. Она прошептала Джеймсу:

— Не дай бог он сейчас упадет в обморок.

Роберт, бледный как полотно, покрылся испариной.

Джеймс кивнул и взял Джессику за руку, будто это она нуждалась в поддержке.

Прощание окончилось. Найджел запер дверь склепа. Люди устремились по дорожке к выходу. В Лодердейл-хаус приготовили кофе, закуски, напитки. Джек Пул разговаривал о чем-то с Найджелом; Джулия и Эди молча ждали. Роберт в одиночку побрел за остальными. Его окликнула Джессика. Поглядев через плечо, он заколебался. Но в конце концов вернулся назад и подошел к ней.

— Мы глубоко скорбим, Роберт, — сказала Джессика.

Он покачал головой.

— Это моя вина, — ответил он.

— Нет, — возразил Джеймс. — Ты не виноват, такое случается. Ужасное несчастье.

— Это моя вина, — повторил Роберт.

— Не вини себя, дорогой, — отозвалась Джессика.

Она занервничала. Что-то не то сквозило в его взгляде.

«Мне давно казалось, что он теряет рассудок, но теперь, как видно, уже потерял. Это стихотворение... Боже праведный».

— Пора идти, — сказала она.

Нога за ногу, они двинулись мимо Египетской аллеи в сторону Колоннады.

В Лодердейл-хаус больше всех говорили те, кто Валентину почти не знал. Джек увел Эди в «Вотреверс», чтобы она могла прилечь. Джулия сидела, пришибленная и молчаливая, в окружении нескольких молодых представителей Общества друзей Хайгейтского кладбища; Фил, подав ей чай с бутербродами, топтался неподалеку — на случай, если что-нибудь понадобится. Наконец появился Роберт.

— Может, проводить тебя домой? — спросил он. — Или Себастьян подбросит, если хочешь.

— Как скажешь, — отозвалась она.

Посмотрев на нее, Роберт решил, что лучше будет посадить ее в машину. Джулия отключилась; глаза ее были пусты: казалось, она не понимает, о чем ее спрашивают. Он помог ей отвязаться от «друзей». В молчании они вышли на улицу и ждали, пока подъедет Себастьян.

— А сколько прошло времени, пока Элспет не стала призраком? — тихо спросила Джулия, глядя в сторону.

— По-моему, она сразу стала призраком. Она говорит, что некоторое время была чем-то вроде тумана.

— Мне кажется, сегодня утром появилась Валентина. В спальне. — Джулия покачала головой. — Я прямо чувствовала ее.

— А Элспет была с ней? — спросил Роберт.

— Не знаю. Мне ее не видно.

— Мне тоже.

Подъехала машина. Храня молчание, они поехали вверх по склону.

Казалось, этот день никогда не кончится. Роберт неподвижно сидел за письменным

столом без единой мысли в голове. Ему хотелось выпить, но он боялся, что его развезет и дело пойдет наперекосяк, поэтому он просто сидел молча и ничего не делал. Эди спала на кровати близнецов. Джек сидел на диванчике, у почти зашторенного окна, слушал тихое посапывание жены и читал первое американское издание повести «Старик и море». Джулия поняла, что не может оставаться в доме. Выйдя на задний двор, она села на скамью, положила подбородок на колени и обхватила себя руками. Мартин тренировался смотреть в окно. Заметив Джулию, он после некоторого колебания постучал в оконное стекло и поманил ее. Она вскочила и побежала к пожарной лестнице. Он услышал глухой звук ее шагов и отпер заднюю дверь как раз тогда, когда подросла Джулия. Она молча прошла в квартиру и села на кухонный стул.

— Ты сегодня что-нибудь ела? — спросил он ее.

Она покачала головой. Он стал готовить сэндвич с сыром. Налил полный стакан молока и поставил перед ней. Потом зажег плиту и сунул сэндвич в духовку, чтобы расплавился сыр.

— Ты пользуешься плитой, — отметила Джулия.

— Я решил, что это безопасно. Вызвал газовщиков, чтобы мне ее подключили заново.

— Здорово, — улыбнулась она. — Делаешь успехи.

— Витамины творят чудеса. — Мартин порылся в карманах в поисках зажигалки, достал из пачки сигарету и прикурил. Потом сел на второй стул. — Ну, как ты? Прости, я не пришел на похороны твоей сестры.

— Я и не ожидала, что ты придешь.

— Роберт меня звал... Я даже вышел, постоял на площадке, но дальше идти не смог.

— Да ничего, все нормально. — Джулия представила, как Мартин стоит один среди газетных залежей и безуспешно пытается спуститься по лестнице.

Целый день Мартин ломал голову, как убедить Джулию заночевать у него в квартире. Он предусмотрел самые разные диалоги, но сейчас просто выпалил:

— А что ты делаешь вечером?

Джулия пожала плечами.

— Ужинаю с родителями — скорее всего, в кафе «Руж». Потом — не знаю. Думаю, они вернутся в гостиницу.

— Не лучше ли и тебе с ними?

Джулия упрямо помотала головой. «Я не ребенок».

— Может, тогда побудешь у меня? Чтобы не оставаться одной.

Джулия представила себе Элспет, крадущуюся по квартире, и ответила:

— Да, я бы с удовольствием. — Она отпила молока.

Они не проронили больше ни слова, пока не зазвенел таймер; Мартин с осторожностью извлек из духовки подрумяненный сырный сэндвич, положил его на тарелку и поставил перед Джулией. Она смотрела на сэндвич и молоко, а сама думала, как это непривычно, когда вокруг нее хлопочет другой человек, а не наоборот. Мартин погасил сигарету, чтобы Джулия могла спокойно подкрепиться. Когда она закончила, он убрал со стола и предложил:

— Хочешь поиграть в скрэббл?

— С тобой? Нет уж, это нечестно.

— А в картишки перекинуться?

Джулия колебалась.

— Нехорошо как-то играть, когда она... ну, ты понимаешь. Даже думать об этом не хочется.

Мартин предложил ей сигарету. Она взяла; он поднес зажигалку и сказал:

— По-моему, игры для того и были придуманы, чтобы люди не свихнулись от тягостных мыслей; но у меня есть другая идея: давай сами устроим поминки, поскольку я пропустил те, что были. Расскажешь мне о Валентине?

Сначала он подумал, что она не ответит. Ее хмурый взгляд сосредоточился на кончике сигареты. Но вскоре Джулия с трудом заговорила; он вытягивал из нее каждую историю до

тех пор, пока слова не начали складываться в образ Валентины, которому теперь суждено было жить в памяти Джулии. Рассказ ее длился не один час, Мартин оплакивал девушку, с которой познакомился лишь мимолетно, причем совсем недавно; а день между тем незаметно перешел в вечер.

Поскольку Джессика забрала у него ключ, Роберт взял ключ Элспет. Этим ключом, отпирающим дверь в садовой стене за домом, она не пользовалась — со дня их знакомства он висел без дела у нее в кладовке. Ключ от склепа Ноблинов он забрал из ее письменного стола еще неделю назад. Оба ключа, вместе с третьим, от квартиры близнецов, переключивались в карман его плаща. Роберт стоял у окна, выходящего в сад перед домом, и ждал, когда стемнеет.

Джулия и ее родители прошествовали по дорожке, отправляясь куда-то ужинать, и скрылись за воротами. «Сейчас, — подумал Роберт. — Либо сейчас, либо никогда».

Он вышел через дверь черного хода, но запирать ее не стал. Проходя через задний дворик, Роберт поднял глаза на окна Мартина, хотя знал, что они заклеены газетами. «Что бы это значило? Кое-где газеты отлеплены». В кабинете Мартина горел свет; в остальных комнатах было темно. Роберт проскользнул в зеленую дверь, оставив ее приоткрытой.

Самый короткий путь к усыпальнице Ноблинов лежал напрямик через Ливанский круг и Египетскую аллею. Роберт включил фонарик, чтобы идти быстрее. Светил месяц, но деревья накрывали всю аллею чернильной тенью. Выключив фонарь, он прислушался. Страх не было. Он даже поймал себя на том, что ему приятно находиться на кладбище. До его слуха доносились только обычные ночные звуки: шуршание шин — несколько машин проехало вверх и вниз по склону — да жужжанье насекомых, приглушенное прохладой ночи. Свернув с аллеи, Роберт направился в горку, к склепу Ноблинов.

Ключ проворачивался с трудом. Надо было смазать замок. Наконец Роберт смог распахнуть дверь. Войдя внутрь склепа, он надел пару латексных хирургических перчаток и прикрыл за собой дверь, на случай, если кого-нибудь принесет сюда в этот час. Хотя они, надо думать, больше испугаются, чем он. Он опустился на колени перед гробом Валентины. Роберт чувствовал себя громадиной, вторгшейся в это тесное пространство, — как Алиса, внезапно выросшая в домике кролика и просунувшая руку в дымоход. Гроб был поставлен в нишу, и Роберт стал тянуть его на себя, пока не счел, что для дальнейших действий достаточно. «Достойного способа сделать это не существует», — подумал он, вытащив из кармана отвертку и принимаясь откручивать крышку гроба. Казалось, это займет целую вечность. К тому времени, когда он приподнял крышку, с него градом лил пот. Когда он открыл гроб, раздался такой звук, будто кто-то откупорил огромную банку с маринованными огурцами.

Тело Валентины покоилось под белым шелком. «Кажется, ей удобно». Наклонившись над гробом, Роберт подхватил Валентину на руки; она была словно пушинка. Тело немного увлажнилось от упакованного в полиэтиленовые мешки льда, который Себастьян спрятал на дне гроба. Она еще не утратила гибкости, хотя стала очень холодной. Себастьян был настоящим мастером: от Валентины не исходило ни малейшего запаха разложения. Роберт не знал, куда ее положить. Постояв в замешательстве, он повернулся и опустил ее на пол. Достав из гроба лед, он выбросил его в кусты, затем положил вывинченные болты в гроб и прикрыл крышку. После этого задвинул пустой гроб обратно в нишу. Подобрав отвертку и фонарик, Роберт осмотрелся — не осталось ли где каких-нибудь следов его пребывания; все было чисто. Он снял плащ и расстелил его на полу. Потом положил на него тело Валентины и завернул. Теперь она была спрятана.

Вспомнив, что ключи остались в кармане плаща, он выудил их оттуда и переложил в карман рубашки. Наконец Роберт поднял Валентину. Он нес ее, прижимая к себе, положив ее голову себе на плечо. Обнимая ее одной рукой, другой он открыл дверь и осторожно выбрался наружу, опасаясь, как бы не ударить свою ношу. Заперев за собой дверь, он выключил фонарик и в темноте пошел обратно.

«Даже не верится: без сучка, без задоринки. Я-то всегда представлял себе эту авантюру — похищение тел — необычайно трудоемким делом. Правда, мне не пришлось копать. В прежние времена гробокопатели таскали с собой потайные фонари, лопаты и много чего другого». Роберт едва сдержался, чтобы не ухмыльнуться. Или не начать посвистывать. «Я не в себе. Вернусь домой — надо будет выпить». Он свернул на Египетскую аллею. Во мраке он мог лишь чувствовать, как тело Валентины раскачивается в такт его шагам. Он замедлил ход, еще крепче прижав ее к груди.

Дойдя до Ливанского круга, он стал подниматься по ступеням. Наверху ему почудились чьи-то вздохи. Он замер, затаил дыхание, но больше ничего не услышал.

Наконец он оказался в Катакомбах. Подойдя к зеленой двери, он легонько толкнул ее от себя. На заднем дворике было пусто. У Мартина в кабинете по-прежнему горел свет — будто время остановилось, будто ровным счетом ничего не произошло. Окна в спальне близнецов были освещены; шторы задернуты. Роберт вошел во двор, запер дверь и побежал по мху. Очень скоро он был у себя. С него капал пот.

«Что же я творю?» Положив Валентину на кухонный стол, он вытащил из холодильника бутылку водки. Собрался хлебнуть прямо из горла, но помедлил, взял с полки стакан, плеснул в него щедрую порцию и выпил залпом — на пару со своим отражением в окне. Позади себя он видел очертания спеленутого тела Валентины, напоминавшего мумию, выставленную в музее. Налив себе еще водки, он выпил половину. И только потом запер дверь черного хода.

«Давай же, милая».

Роберт осторожно перенес Валентину на свою постель. Вначале он положил ее поперек кровати: теперь она лежала параллельно изголовью, а ноги свисали через бортик. Развернув плащ, он тут же, в спальне, бросил его на стул. Казалось, ее маленькие черные туфельки, вместо того чтобы держаться на ступнях, сами парят над полом. Роберт нахмурился. Так нехорошо. Он нежно взял ее на руки и уложил, как спящую. Затем расправил на ней платье, удобно распрямил ее руки вдоль тела, помассировал пальцы. Голова Валентины болталась на подушке из стороны в сторону, словно маячила на лишенной позвонков шее. Примерившись, Роберт обеими руками повернул ей голову в удобное положение, чтобы не казалось, будто у нее сломана шея. Пригладил ей брови.

В квартире было холодно — этим летом каждая июньская ночь оказывалась холодной. Утром он заставил спальню цветами. В магазине его охватили сомнения: лилии или розы? Он остановился на розовых розах, потому что от запаха лилий его всегда мучило, и еще потому, что Валентина однажды довольно мечтательно отозвалась именно о розовых розах. Сейчас розы были везде — в вазах, в старых жестяных банках, в цветочных горшках, заимствованных сто лет назад у Элспет. Розы стояли по обеим сторонам кровати, на подоконниках, на кожухах, скрывающих батареи отопления. Цветы были того же оттенка, что розовые балетные пуанты — а может, розовые старушечьи пенюары. В прохладе спальни они будто бы дрожали, не распуская лепестков, не источая аромата. В Хэрни, у продавщицы уличного киоска, Роберт купил целый пакет свечей. На каждой было изображение какого-нибудь святого. Продавщица объяснила: нужно задумать желание, помолиться и дать свечам догореть до конца — тогда любое желание исполнится. Роберт надеялся, что это правда. Зажженные свечи перемежались с букетами роз.

Присев на кровать рядом с Валентиной, Роберт стал ее разглядывать. Его поразило ее совершенство. Он попытался вспомнить, что говорила Валентина про оживление Котенка. Под глазами Валентины пролегли темные круги; хотя на теле проступили голубоватые и отчетливо-красные пятна, она не походила на трупы, которые можно увидеть в учебных анатомичках и полицейских моргах, — раздутые, сочащиеся влагой, бесцветные и зловонные. Те трупы были отмечены изменчивостью: они стремились как можно скорее превратиться в неразличимую субстанцию, чтобы ничем не походить на людей. Валентина же в общих чертах оставалась сама собой, и он благодарил за это судьбу.

Он раздумывал, не стоит ли с ней заговорить. Как-то дико было сидеть рядом и

молчать. Ее волосы спутались. Чтобы отвлечься, Роберт начал их расчесывать. Очень осторожно, чтобы не дернуть, он приводил в порядок ее волосы. Белые и гладкие, они напоминали вощеные зубные нити. Расческа погружалась в их белизну, распутывая и разделяя пряди. Вначале у него дрожали руки, но потом его успокоила монотонность движений и красота блестящих волос Валентины. «Это, пожалуй, все, что мне нужно. Сидеть рядом и расчесывать ей волосы». Едва заметное сопротивление спутанных прядей под зубцами расчески было похоже на вздох, и, сам того не замечая, Роберт начал двигать рукой в такт своему дыханию, будто по ее волосам к ней шел воздух из его легких, будто каждый волосок теперь дышал за нее.

Наконец он заставил себя остановиться. Волосы ее лежали идеально, лучше и быть не могло. Роберт сидел неподвижно и прислушивался. За окном усиливался ветер. Где-то залаяла собака. Но Валентина хранила молчание. Роберт взглянул на часы. Было всего одиннадцать двадцать две.

Коротко звякнул телефон.

Джулия обессилела. За ужином Эди и Джек обсуждали похороны, вспоминали, каким был Лондон двадцать два года назад, предлагали либо пожить с Джулией, либо забрать ее с собой в Лейк-Форест; когда до них дошло, что она слишком подавлена, чтобы принимать решения, они впились в нее взглядами, словно хотели тут же утащить ее с собой, не дав доесть заказанный стейк с картофелем фри. Когда речь заходила о Валентине, им приходилось тщательно выбирать слова; каждому было трудно говорить о ней в прошедшем времени, поэтому разговор крутился вокруг да около. К тому времени, как Джулия, впихнув их в такси, дошла пешком до «Вотреверса», она уже готова была ползти к себе на четвереньках. «Нет, Мартин просил побыть с ним».

Когда она вошла в кабинет, Мартин сидел за выключенным компьютером; скрестив руки на груди, он склонил голову, словно молился.

— Мартин?

Он встрепенулся:

— А, наконец-то. Меня в сон клонит.

— Меня тоже. Просто хотела пожелать доброй ночи. Иду спать.

— Нет, погоди.

Мартин протянул руку. Уступив, она подошла к нему. Он сказал:

— Подумываю завтра уехать.

— Уехать? — Она не поверила своим ушам. — Как ты можешь уехать? Я же хотела...

А отложить нельзя?

Мартин вздохнул:

— Не знаю. Если откладывать, потом вообще ничего не получится, понимаешь? Но, может быть, завтра — это преждевременно. Не хочу тебя расстраивать.

Джулия наклонилась и обняла его за шею. Она сделала это импульсивно, не задумываясь, и Мартин повел себя так, как поступал с Тео, когда тот был маленьким: притянул Джулию к себе на колени. Она склонила голову ему на плечо. Так они и сидели. Мартин даже подумал, что она спит, но вдруг услышал:

— Я буду по тебе скучать.

— И я буду скучать, — ответил он и погладил ее по голове. — Но никакой беды нет: я наверняка скоро вернусь. Или ты приедешь в гости.

— Это совсем не то. Как раньше, уже не будет, — сказала она.

— Чем планируешь заняться?

— Не знаю. Чем люди занимаются в одиночку?

— Поехали со мной, — предложил он.

— Глупость какая. Ты едешь к Марики. Я тебе не нужна, — усмехнулась Джулия.

— Это почему же?

Она подняла лицо, и он поцеловал ее. Поцелуй был долгим; в конце концов Мартин

отстранился, тяжело дыша, и убрал ее руку с пряжки своего ремня:

— Не надо.

— Извини.

— То есть... я бы с радостью, Джулия... но анафранил... один из побочных эффектов...

— Ох...

— Потому я и отказывался его принимать.

— Прямо как пояс целомудрия, — хихикнула Джулия.

— Бесстыжая!

— Значит, Марики не стоит волноваться на мой счет.

— По большому счету — да, не стоит. — Мартин посерьезнел. — Пойми, Джулия, тебе не нужен старикан вроде меня. У тебя должен быть такой возлюбленный, каким был я тридцать лет назад.

— Знаешь что, Мартин...

— Вот увидишь, — добавил он.

Он начал вставать, и она соскользнула с его колен.

— Пойдем-ка, спую тебе колыбельную. — Взяв Джулию за руку, он повел ее в спальню. — Нет, подожди; надо кое-что проверить.

Он вытащил мобильник, нажал цифру два на скоростном наборе, дождался первого гудка и прервал связь. На дисплее высветилось «23:22».

Ей стало любопытно:

— Это зачем?

— На всякий случай, — ответил он. — Пошли.

Роберт удостоверился, что ключи у него в кармане.

Два из них он выложил на комод, а ключ от квартиры близнецов зажал в руке. Он поднял Валентину с кровати. Перед ним мелькнуло отражение в зеркале, словно кадр из фильма ужасов: зыбкое пламя свечей, густая тень у него на лице, закинута назад голова Валентины, словно выставленная напоказ шея, болтающиеся руки и ноги. «Я чудовище». Он почувствовал всю дикость этой ситуации, а потом ощутил глубокий, непередаваемый стыд.

Он крадучись прошел через всю квартиру. Нога Валентины ударилась об стену; Роберт вздрогнул и подумал: ощутит ли она ушиб, когда вернется в свое тело? Чуть приоткрыв входную дверь, он прислушался. По улице проезжали машины, от ветра дребезжали оконные стекла. Он вынес Валентину из квартиры и двинулся с ней наверх. У двери близнецов ему пришлось освободить руки; он перебросил тело Валентины через плечо, как полученный из химчистки костюм. Безуспешно провозившись с замком, Роберт сообразил, что дверь не заперта.

Он внес Валентину в неосвещенную гостиную. Когда его глаза привыкли к темноте, он осторожно положил тело на диван.

— Элспет? Валентина? — тихо позвал он.

Ответа не было. В ожидании он сел рядом и стал рассматривать тело в лунном отблеске своих наручных часов.

Элспет была тут как тут. Валентина неистово извивалась у нее в руках. *Не пытается ли она сбежать?* Элспет боялась разжать руки, боялась, что Валентина рассеется, или будет драться, или пойдет крушить все вокруг. *Успокойся, солнышко. Дай мне собраться.* Откладывать дальше было уже невозможно.

Роберт смотрел на грудь Валентины. Он ожидал увидеть признаки дыхания.

Элспет опустила на колени около тела. Оно было холодным, неподвижным и прекрасным. Элспет чувствовала, как Валентина постепенно успокаивается. Чувствовала присутствие Роберта — напряженного, несчастного, испуганного. Взглянула на тело, расслабленное в ожидании. Приняв решение, Элспет открыла руки.

Над телом Валентины повисла белая дымка. Элспет смотрела во все глаза и ждала, что будет дальше. Роберт ничего не видел, но ощутил внезапный холод. Он знал, что признаки

тут. *Дыши, Валентина.*

Ничего не произошло.

Через некоторое время он отметил изменения, произошедшие с телом. Появление чего-то необъяснимого. Слабые звуки, бульканье, журчание — ему почудилось, будто они приближались издалека.

Тело открыло рот и сделало срывающийся, астматический вздох, потом надолго замерло, выдохнуло и стало опять втягивать воздух с ужасающими хрипами. Вслед за тем оно начало раскачиваться из стороны в сторону; Роберт его удержал; тело забилося в конвульсиях, дыхание прекратилось. Потом внезапно раздался еще один судорожный вздох. Роберт держал руки Валентины, крепко прижимая их к бокам. Опустившись на колени, он накрыл ее своим туловищем. Кожаный диван был скользким, и он старался удержать ее от падения на пол. Нечто подобное электрическому разряду пронзило ее тело; конечности затрепетали; голова неистово дернулась назад и вперед.

Она взвыла: «У-у-у!» — и он зашептал ей, как ребенку: «Тсс, тсс»; тут она вздрогнула и открыла глаза. Роберт в ужасе отшатнулся от пустоты ее глаз. В них не было ничего живого, это был пристальный взгляд умалишенной, направленный сквозь него, в никуда. Глаза опять закрылись. Дыхание стихло. Он положил руку ей на грудь. Сердце билось.

Ему стало страшно.

— Элспет? — прошептал Роберт в пустоту комнаты. Ответа не было. — Я могу ее забрать? — Молчание.

Хриплый голос произнес его имя в темноте.

— Я тут, Валентина. — Она ничего не ответила. Он пригладил ей волосы. — Сейчас отнесу тебя вниз.

Не открывая глаз, она неловко кивнула, как полусонный ребенок. Он поднял ее с дивана; она попыталась обнять его за шею, но не смогла. Роберт вынес ее на лестницу. Ее тело потяжелело, обрело живую упругость и подвижность.

В своей квартире он снова положил ее на кровать. Вздохнув, она открыла глаза и посмотрела на него. Он склонился над ней. Она выглядела почти нормальной, просто изможденной и слабой. Хотя выражение лица стало другим. Он не мог понять, в чем тут дело. Она вытянула дрожащую от напряжения руку ладонью вверх. Он взял ее руку в свою; ее рука была довольно холодной. Она слегка потянула его: приляг ко мне.

— Подожди минутку, Валентина.

Он взял мобильник и набрал номер Мартина. Услышав гудок, сразу разъединился. После этого Роберт положил телефон и очки на прикроватный столик. Сняв ботинки, он обошел кровать и сел рядом с Валентиной. Она взглянула на него и просветлела: у нее на лице мало-помалу проступала робкая, косая улыбка. Вид у нее был вполне обыденный: лиловое платье, белые чулки. В некоторых местах на теле образовались багровые пятна; постепенно они становились розовыми. Отдававшую голубизной белую кожу стал заливать румянец. Он коснулся пальцами ее щеки. Плоть оказалась податливой, мягкой.

— На что это было похоже?

«Одиноко. Холодно. Безумно тоскливо».

— Я... скучала по тебе, — проскрипел ее голос; она говорила, как кукла чревовещателя, срывающимся, тонким голосом.

— Я тоже по тебе скучал.

Она опять протянула руку. Он лег подле нее, и она повернула к нему лицо. Роберт обнял ее. Она дрожала. Он понял, что она плачет. Это был вполне естественный звук: всхлипывающая в его руках девушка была настолько земной, что причина этих слез легко забылась; утешать ее было в порядке вещей. Отбросив сомнения, Роберт позволил себе поцеловать Валентину в ушко. Плакала она, как ему показалось, очень долго. Потом начала икать; он протянул ей бумажный носовой платок. Она вытерла нос, осушила глаза. Потом бросила платок на пол.

— Ну, все в порядке?

— Угу.

Она попыталась расстегнуть на нем рубашку, но пальцы ее не слушались. Он накрыл ее руку ладонью:

— Ты уверена?

Она кивнула.

— Нам лучше подождать...

— Умоляю...

— Валентина?..

Она жалобно, по-кошачьи мяукнула.

Роберт сам расстегнул рубашку. Потом раздел Валентину. Она пыталась помочь, но была слишком слаба; ему пришлось расстегнуть лиловое платье, стащить с нее трусики и осторожно снять кружевной бюстгалтер. На ее теле остались вмятинки от кружев и складок одежды. Она лежала, прикрыв глаза, и ожидала, когда он разденется. Одна из свечей погасла.

— Тебе холодно?

— Угу.

Он осторожно вытащил из под нее одеяла, забрался в постель и укрыл их обоих.

— Мм, — протянула она, — тепло.

Его поразил холод ее тела. Он провел рукой по ее бедрам; похожие ощущения вызывало у него мясо из холодильника в супермаркете.

Роберт не был уверен, сможет ли он заставить себя поцеловать ее в губы. У нее дурно пахло изо рта — какой-то гнилью; так пахло отдохлого ежа, которого он нашел в отопительной трубе кладбищенской конторы. Он предпочел поцеловать ее грудь. Какие-то части ее туловища казались более живыми, чем другие, словно душа еще не до конца распространилась по телу. Грудь Валентины, например, казалась Роберту более реальной, менее отстраненной от нее самой, чем ее руки; они дергались, как у испорченного робота. Он растирал их, надеясь согреть и вернуть к жизни, но, похоже, его старания были напрасны.

«Что-то не так», — подумал он. И привлек ее к себе. Она была такой маленькой и хрупкой, что Роберт вспомнил об Элспет в последние дни ее болезни; можно было подумать, она едва удерживается, чтобы не ускользнуть в никуда.

— Как ты себя чувствуешь? — снова спросил он.

— Жутко замерзла, — ответила она. — И устала.

— Не хочешь поспать?

— Нет...

— Я посижу рядом, чтобы с тобой ничего не случилось.

Он погладил ее шею, лицо. Она вопросительно смотрела на него. «Что-то изменилось. Ее голос. Ее глаза». Валентина кивком выразила согласие. Выбравшись из постели, Роберт задул все свечи. «Чего еще желать». Он зажег свет в коридоре и приоткрыл дверь, чтобы лучше видеть. Потом опять забрался под одеяло. Валентину бил озноб. Роберт прижался к ней и стал смотреть, как дым от погашенных свечей рассеивается в узкой полоске света.

— Я люблю тебя, Роберт, — прошептала она.

Тут вдруг запахнулась дверь в коридоры его памяти, и он уже был почти уверен...

— Я тоже тебя люблю... — ответил он.

Она поднесла свою непослушную руку к его лицу, не сводя с него глаз; выставив указательный палец, сосредоточенно и нежно коснулась его переносицы, скользнула пальцем вниз, по губам, по подбородку.

— ...Элспет.

Она улыбнулась и, расслабившись, закрыла глаза.

Лежа рядом с ней в темноте, Роберт увидел перед собой необъятность осознания и ужаса от содеянного.

Мартин курил, откинувшись на подушки. Джулия лежала, прижавшись к нему.

— Пой, — приказала она.

Мартин погасил сигарету в пепельнице на прикроватном столике. И запел:

— Slaap kindje, slaap; Daar buiten loopt een schaap; Een schaap met witte voetjes; Die drinkt zijn melk zo zoetjes; Slaap kindje slaap.

— Это о чем? — спросила она.

— Как сказать... «Спи, детка, спи; где-то гуляет маленький белый ягненок, он топает белыми ножками и пьет сладкое молочко».

— Чудесно, — успела выговорить Джулия, погружаясь в сон.

ОТПРАВЛЕНИЕ

Джулия проснулась еще до рассвета. Мартин, свернувшись клубочком, спал к ней спиной. Она тихонько встала, сходилла в туалет, оделась. Выскользнув из квартиры, спустилась вниз, сбросила одежду, натянула ночную рубашку. Легла в свою постель и уставилась в потолок. Через некоторое время она поднялась и пошла в душ.

Элспет проснулась в постели Роберта. Она протянула руку, но его уже рядом не было. На его месте лежала записка: «Куплю что-нибудь к завтраку. Скоро буду. Р.»

Лежа в постели, Элспет радовалась шелковистым простыням, вдыхала оставшийся на ее подушке запах Роберта, смешанный с ароматом свечей и роз, наслаждалась щебетом птиц и ощущением своей плоти.

Все тело болело, но это уже казалось мелочью. Суставы ныли, кровь застаивалась. Было трудно дышать — легкие словно заволокло густым киселем. «Ну и что? Я — живая!» Попытавшись сесть, она запуталась в простынях. Она знала, что нужно пошевелить руками и ногами, но они не слушались. Элспет засмеялась. Смех получился хриплым и каким-то булькающим; она умолкла. Ей удалось встать и даже сделать несколько шагов, придерживаясь за бортик кровати. Дойдя до изножья, она остановилась, покачиваясь и рассматривая себя в зеркале. Ох. Ох... На нее смотрела Валентина. «А чего ты ожидала?» Она подумала о той Валентине, что томилась наверху, в холоде и одиночестве. «Прости. Прости...» Она еще не до конца разобралась в своих чувствах. Это была безотчетная смесь ликования и раскаяния. Глядя в зеркало, на отражение, которое ей не принадлежало, она видела шикарный наряд с чужого плеча — свое новое тело. Оно было молодо, но движения и осанка выдавали старуху — сгорбленную, слабую, настороженную. «Смогу ли я с этим жить?» Она прижала руку к груди, туда, где должно биться сердце, но тут же опомнилась, сдвинула ладонь вправо и нащупала слабое биение. «О Валентина!»

Элспет перестала держаться за кровать. Ей хотелось принять ванну, и она неверным шагом поплелась в ванную комнату. Там она медленно опустилась на пол, потянулась к кранам и с трудом открыла воду. «Как в первые дни моей бестелесности. Ничего, я наберусь сил. Просто надо тренироваться». В ванну хлестала струя. Но Элспет не смогла дотянуться до затычки на дне, так что вся вода уходила в слив. Кое-как закрутив краны, она так и осталась сидеть на холодном кафельном полу, дожидаясь Роберта.

После завтрака Мартин упаковал чемодан. Он взял только самое необходимое, рассудив, что вскоре, по всей вероятности, придется ехать назад: либо Марика укажет ему на дверь, либо он попросту не сможет добраться до места, так зачем обременять себя лишней тяжестью? А если Марика его примет, тогда назад ехать вообще не понадобится. Если же у Марики кто-то есть, то Мартин — это он твердо решил — скорее бросится в амстердамский канал Принсенграхт, чем вернется домой без нее. По всему выходило, что ехать нужно налегке.

Он прошелся по комнатам, погасил свет, отключил компьютер. Квартира казалось чужой; у Мартина возникло такое ощущение, будто он оказался здесь впервые за много лет, просто видит во сне какую-то незнакомую квартиру, потерянную двойняшку его собственной, вместившую почему-то клоны всех его вещей. Через окно, там, где Джулия содрала газеты, пробивалось солнце. Вытянув руки, Мартин поймал в ладони солнечный луч.

Когда настало время ехать на вокзал, он постоял у порога, одной рукой взявшись за дверную ручку, а другой придерживая чемодан. «Все складывается отлично. Это просто лестница. Ты сюда уже выходил. Ничего страшного тут вовек не случилось. И начинать счет вовсе не обязательно». Мартину пришло в голову, что надо бы захватить хоть какие-нибудь перчатки. Он вернулся, нашел упаковку хирургических перчаток и положил их в карман пиджака. После этого он открыл дверь и ступил на площадку.

«Вот. Я вышел из квартиры». Мартин прислушался к себе. Немного теснит в груди, но ничего страшного. Он запер дверь. «Пока все идет хорошо». Он начал неуклюже спускаться вниз с чемоданом. Дойдя до площадки второго этажа, остановился, поцеловал свои пальцы и дотронулся ими до двери, над табличкой с именем Элспет. После чего продолжил спуск.

На первом этаже он постучался. Из-за двери до Мартина донеслись приближающиеся шаги, а потом дыхание Роберта.

— Это я, — тихо сказал Мартин.

Дверь отворилась лишь на палец; на Мартина уставился глаз. Он занервничал еще больше. Но тут дверь распахнулась, и Роберт жестом пригласил его войти. Мартин вошел, волоча за собой чемодан. Роберт запер дверь.

Мартина поразил его внешний вид. Перемена была трудноопределима, но разительна, словно Роберта подточила затяжная болезнь: под глазами пролегли темные круги; он как-то ссутулился, словно от боли.

— Тебе нездоровится? — спросил Мартин.

— Все нормально, — ответил Роберт и заулыбался. Получилось довольно натужно. Роберт прочистил горло. — Каких только чудес я не насмотрелся за последние дни, но сейчас просто сражен наповал. Куда это ты намылился?

— В Амстердам, — сообщил Мартин. — Ты точно в порядке?

— Все под контролем, — ответил Роберт. — А Марика знает, что ты к ней едешь?

— Нет, не знает, — ответил Мартин. — Но если вспомнить, она сама меня приглашала.

— Хотел бы я увидеть ее лицо, когда она поймет, как ты храбро штурмовал такси, поезда, автобусы — и все ради нее. Да она в обморок упадет. — Он снова улыбнулся.

Мартину почему-то захотелось уйти, немедленно. Но прежде нужно было кое-что уточнить. Он выдавил:

— Скажи, Роберт, тебе случайно не известны причины, по которым мне стоило бы отменить поездку? У Марики?.. Она?..

— Нет, — твердо сказал Роберт. — Марика не такая. Не думаю, что у нее кто-то есть.

— Ну, тогда... — Повисла пауза.

— Вопрос, конечно, интересный.

Мартин протянул руку. Роберт пожал ее, но тут же понял свою оплошность, потому что Мартин отшатнулся.

— Адресок, — напомнил Мартин.

— Извини. Вот, держи. — Роберт отдал Мартину приготовленный конверт.

Вскрыв его, Мартин пробежал глазами адрес:

— А ведь я был близок, согласись!

— Только на пару улиц ошибся. Потрясающе.

Мартин почувствовал, что Роберт ждет его ухода.

— Ладно, пойду. В общем... спасибо.

— Э-э-э... да не за что.

Мартин уже было повернулся, чтобы уйти, но напоследок спросил:

— Все разрешилось благополучно?

— Что «все»?

— Сеанс. Вопрос жизни и смерти. — Мартин едва касался дверной ручки, а сам думал о Джулии.

— Вначале пошло наперекосяк, но в конечном счете... получилось интересно, — ответил Роберт. — Кстати, каким образом ты столько времени удерживал Джулию наверху?

— Изолента плюс личное обаяние. — Мартин открыл дверь и вышел в холл.

Роберт сказал ему вслед:

— Ты позванивай. Держи нас в курсе. — Когда он закрывал дверь, его улыбка сделалась более естественной.

Взглянув на часы, Мартин понял, что надо поспешить. Эта мысль подтолкнула его через холл к выходу, не оставив места сомнениям. На середине садовой дорожки обернулся и поднял взгляд. Из окна гостиной на него смотрела Джулия. Он помахал ей; она помахала в ответ. Он перевел взгляд ниже, и увидел, что кто-то — *Джулия?* — маячит в темном окне гостиной первого этажа... «Ну нет, откуда там Джулия? Странно, однако. Странно». Покачивая головой, он поднял глаза на Джулию и улыбнулся. Она провожала Мартина взглядом, пока тот не вышел за ворота, без труда неся свой чемодан. «Что он там высмотрел?» — задумалась Джулия.

Элспет проводила глазами Мартина. «Прощай, дружок». Она слышала, как в комнату вошел Роберт. Он встал позади нее.

— Сподобился, — негромко сказал он.

— И в самом деле, настоящий подвиг. Могу представить, как ему страшно.

— По виду не скажешь. Джулия накачала его таблетками.

— Ясно. Надеюсь, они помогут ему продержаться до встречи с Марикой.

— Мартин был на твоих похоронах, — сказал Роберт.

— Правда? Как трогательно. И смело.

— Очень смело.

— Роберт. А почему только «интересно»? — спросила она.

— Не понял?

— Ты сказал Мартину, что в конечном счете получилось «интересно». Ты бы предпочел, чтобы здесь оказалась Валентина, а не я?

— Мне трудно будет оправдать себя за то, что я пожертвовал Валентиной, чтобы получить тебя.

Элспет не без усилия повернулась к нему лицом:

— Как ты думаешь, что произошло сегодня ночью?

Они стояли почти вплотную, но Роберт ее не касался.

Он смотрел на нее сверху вниз и медлил с ответом.

— Я ничего не видел, пока ты не вошла... в тело Валентины. Но знаю одно: ты теперь здесь, а ее нет. И что я должен думать?

— Она не справилась. Ей не хватило сил. Я могла бы ее вернуть, если бы мы взялись за дело сразу после ее смерти — или же если бы она сравнялась со мной по силе, но у меня ушли месяцы, чтобы научиться управлять какой-то зубной щеткой, не говоря уже о собственном теле. — Она приложила ладонь к груди. — Сначала нужно заставить функционировать все органы, не давая им поблажек и не отступая от намеченной цели. Нужно научиться дышать легкими, которые не умеют дышать. Нужно разогнать кровь по венам. Нужно запереться внутри себя и стать телом. А Валентина была просто дымкой. Она повисла над телом, а потом рассеялась. Вот я и подумала: «Не пропадать же добру».

— По-твоему, она сознательно это сделала? Думаешь, просто решила не возвращаться?

— Не знаю. Я плохо помню это состояние.

— Значит, это был сплошной обман. Ничего и не могло получиться, ее уже было не вернуть... почему ты не сказала?

— А мне-то откуда было знать? Мы же не ученые; просто сами, сообща, прикинули, как будет лучше. А она так или иначе лишила бы себя жизни.

— Нет... она могла бы куда-нибудь уехать. Ей хотелось всего лишь отделиться от Джулии, но не умирать.

— Она была в тебя влюблена, — сказала Элспет. — Пыталась стать для тебя идеальной девушкой, а ты любил привидение. Теперь привидение ожило, а Валентина сама стала

привидением. — Она помолчала. — И что ты собираешься делать дальше?

— Не знаю. Даже не могу... Элспет, сейчас я презираю себя за то, что имел к этому отношение.

— Хочешь бросить меня ради своего нового призрака?

Роберт отвернулся. Они говорили очень тихо, боясь, как бы не подслушала Джулия, и это еще больше усилило его страхи; эта приглушенная перепалка в темной гостиной внезапно показалась ему мучительно нелепой.

— Ты сам этого жаждал... сам хотел, чтобы я вернулась...

Он не нашелся с ответом.

Джулия стояла под дверью Роберта. «Я знаю, ты там». За дверью было совсем тихо. Она не решалась постучать. Просто стояла и разглядывала маленькую табличку с фамилией Фэншоу. «Что там высмотрел Мартин?» Она искала какой-нибудь благовидный предлог для своего появления. В голову ничего не приходило. И все же она постучалась.

В гостиной Элспет и Роберт притихли, обратившись в слух. Наконец Элспет сделала ему знак глазами. Он наклонился к ней, и она зашептала ему на ухо:

— Я выйду через черный ход. Узнай, что ей нужно.

Роберт помог ей разуться и проводил до пожарной лестницы. Там Элспет присела на ступеньку, едва переводя дыхание и не выпуская из рук туфли.

Движения Роберта замедлились. На мгновение он застыл у порога, потом отпер замок и приоткрыл дверь. В холле стояла Джулия. У нее был изможденный и безумный вид: сбившийся набок халат, застегнутый не на ту пуговицу, сложенные перед собой руки, как у кающейся грешницы.

— Привет, Джулия. — («Прости меня, Джулия. Я убил твою сестру».)

— Привет. — («Ты какой-то взвинченный, Роберт».)

— Как ты? — («Я не хотел убивать. Она сама настояла».)

— Можно войти? — («Что ты там прячешь?»)

— Э-э-э... да, конечно. — («Все получилось не совсем так, как она задумала».)

Джулия вошла в коридор. Сделав несколько шагов, она обернулась:

— Я могу осмотреться?

— Зачем?

Она не ответила; вместо этого вбежала в гостиную, на миг замерла, метнулась в общую комнату, через столовую в коридор и оттуда в спальню. Тяжело дыша, она остановилась и принялась разглядывать свечи, розы, обгоревшие спички, смятую постель. Потом она ринулась в ванную и выскочила оттуда с расческой. Среди зубцов серебрились нити, похожие на переливающиеся усики какого-то глубоководного чуда.

— Это волосы Валентины.

— Допустим.

— Где она?

— Джулия...

— Я знаю, но... что-то не так. — Джулия вертелась, пытаясь разглядеть, отыскать какое-нибудь объяснение. — Не могу представить, что она мертва.

— Верю, — кивнул Роберт.

— Она тут.

— Не выдумывай, — ответил он. — Джулия... я понимаю, с этим трудно смириться, но ее больше нет.

— Неправда, — бросила Джулия.

Она принялась обходить квартиру по второму кругу. Роберт не отставал ни на шаг.

— Не хочешь позавтракать? — спросил он. — Могу предложить яйца и апельсиновый сок.

Она ничего не ответила, продолжая кружить по комнатам, будто скорость движения могла подсказать ей ответ. В столовой она повернулась к Роберту:

— Это ты виноват. Ты ее убил.

Она попала в самую точку; он даже не смог возразить. Вытянув руки по швам, он приготовился выслушать приговор.

— Все из-за тебя... если бы не ты... Сначала ты убил Элспет, а потом Валентину.

Он понял: она всего лишь хочет уколоть его побольнее.

— Элспет погубила лейкемия. У Валентины была астма. — («До чего же искусно язык обходит острые углы. Какие обтекаемые выражения».)

— Но... я до сих пор не знаю. Отчего она умерла?

— Понятия не имею, Джулия.

Она смотрела на него, будто требуя продолжения. Внезапно она бросилась прочь. Роберт слышал, как она хлопнула входной дверью и побежала вверх по лестнице.

Это невыносимо. Ему хотелось сбежать на кладбище, избавиться от ощущения реальности, от этой изломанности. Но на лестнице черного хода его ждала Элспет. Он пошел за ней. Когда он открыл дверь, она сидела, съежившись, на нижней ступеньке, жалкая и обмякшая. Он подхватил ее на руки и молча внес в квартиру. Уложив ее на свою кровать, он сел рядом и отвернулся.

— Придется нам переехать, — сказал он.

— Хоть сейчас, — с облегчением ответила Элспет. — Как скажешь, так и будет.

Роберт вышел из комнаты. Она слышала, как он набирает номер телефона. «Куда это мы собираемся?»

— Джеймс? Я могу зайти? Нет, не один... Объясню при встрече... Нет, ситуация не совсем обычная... Да-да. Спасибо, уже выходим.

Мартин продумывал эту поездку бессчетное количество раз. Одни детали виделись ему вполне реально и отчетливо, другие оставались смутными. О воздушном сообщении не могло быть и речи. Он понимал, что не сможет сидеть пристегнутым на высоте десяти километров над землей; у него будет разрыв сердца. Получалось, что ехать надо поездом.

Для начала ему пришлось уговорить себя сесть в такси. Водитель терпеливо ждал, а потом придерживал дверцу, чтобы Мартин мог несколько раз вылезти из машины и залезть обратно. Просидев какое-то время с закрытыми глазами, Мартин в конце концов счел, что требования безопасности соблюдены, а посему можно и посмотреть в окошко. «Это мир. Машин-то, машин — сколько незнакомых машин». Такие модели Мартин видел только в рекламе — и вот, пожалуйста. Черный «приус» подрезал его такси, и у ближайшего светофора началась ожесточенная перебранка. Мартин опять закрыл глаза.

Вокзал Ватерлоо, полностью перестроенный, его ошеломил. Мартин приехал за час до поезда. Медленно-медленно он шел вперед через открытое станционное пространство, глядя строго перед собой и считая шаги. Его обтекал людской поток. В недрах своей тревоги Мартин сумел распознать зернышко радостного волнения, удовольствия от своего возвращения в мир. Он думал о Марике: что она скажет при встрече и как будет им гордиться. «Вот видишь, родная. Я приехал». Мартин задрожал от холодной, неживой суеты вокзала. Бессознательно закрыв глаза, он вытянул вперед шею, будто в предвкушении поцелуя. Прохожие бросали на него недоуменные взгляды. Он застыл перед вокзальным табло, воображая объятия Марики.

У него был куплен билет первого класса на поезд «Евростар» — в один конец, наудачу. Теперь он томился в зале ожидания, сторонясь других пассажиров. В конце концов он смог выйти на перрон и отыскать свое место в торце вагона. В поезде было совсем не так шумно и грязно, как ему помнилось. Мартин склонил голову, сцепил пальцы и начал считать про себя. Ехать предстояло пять часов. Хорошо еще, что не нужно было пересаживаться на паром. Поезд шел по рельсам. Никаких тебе воздушных ям, никакой болтанки по морю. «Сиди себе спокойно, только не пропусти пересадку в Брюсселе, а по прибытии опять возьми такси». Это было выполнимо.

Дверь открыла Джессика. На пороге стоял Роберт, держа на руках, как вначале показалось Джессике, раненую девочку; он держал ее под мышки, будто опасался выронить. Несмотря на мягкую погоду, хрупкая фигурка была с ног до головы замотана шарфом, как саваном. Роберт склонил над ней голову и лишь слегка поднял лицо, посмотрев на Джессику с выражением неизбывной печали.

— Роберт? Что случилось? Кто это?

— Прости, Джессика. Мне больше некуда пойти. Я подумал, что вы сможете нам помочь.

Фигурка повернула голову; Джессика увидела лицо. — («Джулия? Нет».)

— Эди?

— Здравствуй, Джессика, — сказала она и попыталась выпрямиться, устоять на ногах.

Было в этой фигурке что-то от новорожденного жеребенка, шатающегося, но уже готового бегать.

— Это Элспет, Джессика, — произнес Роберт.

Джессика выставила вперед руку и оперлась надверной косяк. Ее охватило то редкое чувство, когда восприятие мира переворачивается и приходится допускать — хотя и безотчетно — такие вещи, которые прежде казались выдумкой.

— Роберт, — воскликнула она, — что ты наделал?

Из глубины дома раздался голос Джеймса:

— Джессика, что там у тебя?

Помолчав, она откликнулась:

— Ничего, Джеймс.

Она уставилась на них, изумленная и перепуганная.

— Но как такое возможно?

— Спроси что-нибудь полегче. — Роберт осознал всю чудовищность своей ошибки. — Джессика, прости меня. Я вернусь, когда все тщательно обдумаю. Только прошу... пожалуйста, не говори ничего ни Джулии, ни ее родителям. Думаю, им лучше не знать.

Он поднял Элспет на руки и повернулся, чтобы уйти.

— Роберт, погоди, — окликнула Джессика.

Но он уже шагнул в неизвестном направлении. Ручонки Элспет обнимали его за шею. Когда Джеймс вышел в прихожую, странная парочка уже была на тротуаре, под прикрытием живой изгороди.

— Что случилось? — спросил он.

— Пошли в дом, — сказала Джессика. — Я должна тебе кое-что рассказать.

Мартин сидел в поезде, а мир проплывал мимо. «Снаружи все неподвижно: крыши, трубы, граффити, небоскребы и велосипедисты; скоро появятся овцы и бескрайнее небо, какое бывает только в сельской местности... Раньше я думал, что есть два мира, внутренний и внешний, но, возможно, это немного ограничено; я уже не тот человек, каким был вчера вечером, а когда окажусь в мире Марики, буду вовсе не тем, за кого она выходила замуж, и даже не тем, кого она бросила... Как же мы узнаем друг друга после всего, что произошло? Как же мы сможем совместить наши миры, которые убегают, когда мы движемся им навстречу? — Мартин обхватил пальцами флакончик из-под витаминов, который Джулия сунула ему в карман. — Все так хрупко и так великолепно. — Он закрыл глаза. — Вот оно... вот будущее... и вот оно опять...»

На вокзале в Брюсселе он купил сэндвич с ветчиной и солнечные очки; ему было тревожно, а дополнительная защита успокаивала. В витрине того же киоска он рассмотрел свое отражение. Бонд... Джеймс Бонд. В поезде «Талис» народу было больше, чем в «Евростаре», но соседнее кресло пустовало. Еще три часа. Он принялся за сэндвич.

Мартин выгрузился из такси у подъезда Марики. Он стоял в кривом, узком переулке и пытался вспомнить, случалось ли ему бывать тут прежде. Решил, что нет. Шагнув к дверям, он нажал на звонок рядом с именем Марики. Ее не оказалось дома.

Мартина охватила паника. У него не было предусмотрено такой возможности. Он в деталях рисовал себе эту сцену, представлял, как и что будет, но не мог предвидеть, что придется какое-то время околачиваться на улице. Он подергал дверную ручку. Сердце бешено запрыгало. «Нет. Не будь идиотом... дыши ровно...» Присев на чемодан, он стал дышать.

Марика свернула в переулок, ведя за руль велосипед; поглощенная своими мыслями и поисками ключей в сумочке, она не сразу увидела запыхавшегося человека, примостившегося у подъезда. Когда она подошла ближе, он поднялся и окликнул:

— Марика.

— Мартин... *oh, goh... je bent hier!* — Ей мешал велосипед; она поспешно прислонила его к стене и повернулась к Мартину.

— Ты приехал, — сказала она.

— Да, — ответил он и протянул к ней руки. — Как видишь.

Они поцеловались. Там, под лучами солнца и доброжелательными взглядами случайных прохожих, Мартин заключил Марику в объятия, и годы улетучились прочь. Он вновь нашел ее.

— Пошли в дом, — предложила она.

— Пошли, — согласился он. — А выйти-то мы сможем?

— А как же? — с улыбкой ответила Марика. — Конечно сможем.

КОНЕЦ ДНЕВНИКОВ

Эди и Джек провели в Лондоне две недели. Каждый день они появлялись в «Вотреверсе» еще до завтрака и увозили Джулию в гости к старым знакомым или в поездку по Лондону, каким Эди помнила его в ранней юности, на заре банковской карьеры Джека, во времена их романа. Джулия была признательна, что ее хоть чем-то занимают, хотя темп казался ей нарочито быстрым, и были моменты, когда она перехватывала удивленный взгляд отца, адресованный матери, как будто истории, которые та рассказывала, не совсем совпадали с его воспоминаниями.

Однажды, когда Эди и Джек заехали к дочери, к ним вышел Роберт и перехватил их в саду перед домом.

— Эди, — сказал он, — мне надо с тобой переговорить. Можно тебя — буквально на секунду.

— Я подожду наверху, — сказал Джек.

Роберт повел Эди к себе. Квартира оставляла впечатление пустоты и заброшенности; хотя особого беспорядка не было, Эди поняла, что часть вещей уже вывезена.

— Переезжаешь? — спросила она.

— Да, перебираюсь мало-помалу, — ответил Роберт. — Мне тут невозможно оставаться — почему-то.

Он провел ее через всю квартиру в каморку для прислуги. Это помещение фактически пустовало, за исключением нескольких коробок, заполненных большими тетрадами, фотографиями и всевозможными бумагами.

— Это мне оставила Элспет, — показал он. — Не хочешь забрать?

Эди оцепенела. Она сложила руки на груди, будто защищаясь, и стала разглядывать коробки.

— Ты сам-то прочел? — спросила она.

— Частично, — ответил он. — Я подумал, тебе они больше понадобятся.

— Мне они не понадобятся, — произнесла Эди, глядя на него в упор. — У меня к тебе просьба: сожги их, ладно?

— Сжечь?

— Будь моя воля, я бы развела большой костер и спалила все разом. Вместе с мебелью. Элспет даже сохранила нашу с ней кровать; я глазам своим не поверила, когда вошла в ее

спальню.

- Хорошая кровать. Всегда любил ее.
- Так ты сожжешь эти бумаги? — напомнила Эди.
- Сожгу.
- Вот спасибо, — улыбнулась она.

Роберт впервые увидел ее улыбку; она мучительно напомнила ему улыбку Элспет. Потом Эди развернулась к дверям, и он пошел ее провожать через всю квартиру. У порога он спросил:

- А Джулия останется тут?
- Похоже на то, — ответила Эди. — Мы думали, она захочет вернуться, но нет. Ей кажется, что она предаст Валентину, если съедет из этой квартиры. — Эди нахмурилась. — Она стала очень суеверной.

— Неудивительно, — сказал Роберт.

Эди помолчала.

— Еще раз спасибо; это большая любезность с твоей стороны. Могу понять, почему Элспет и Валентина были к тебе равнодушны.

Роберт покачал головой:

— Прости...

— Все хорошо, — сказала Эди. — Все будет хорошо.

Позже, когда Пулы отправились по своим делам, Роберт вытащил коробки в сад за домом и сжег их содержимое, листок за листком. Наутро, заметив среди мха выгоревший круг, Эди порадовалась.

Унылым днем в середине июля Джек и Эди сидели в самолете, отправляющемся в Чикаго, и ждали вылета. Перед тем как объявили их рейс, Эди успела выпить пару рюмок, но даже это не помогло. Ее лицо, спина и подмышки были мокрыми от пота. Джек протянул ей руку, и она сжала его пальцы.

- Спокойно, — сказал он.
- Я просто ненормальная, — покачала она головой.
- Джек пошел на осознанный риск:
- Ну что ты, Элспет, любимая.

Самолет тронулся с места. Ее настоящее имя прозвучало так неожиданно, что у нее от изумления отвисла челюсть. Но стоило им взлететь, как она почти позабыла о своем страхе, и Лондон остался позади.

- Ты давно знаешь? — спросила она, когда самолет выровнялся.
- Очень давно, — ответил он.
- Я думала, ты меня бросишь... — выдавила она.
- Никогда, — произнес он.
- Прости меня, — сказала Эди. — Я так виновата.

Она заплакала, размазывая по щекам слезы, икая и неудержимо всхлипывая — словом, так, как никогда себе не позволяла, — будто оплакивала всю свою жизнь. Джек смотрел на нее и гадал, что будет дальше. Стюардесса спешно принесла упаковку салфеток.

- Боже, стыд какой, — выговорила Эди.
- Ничего страшного, — успокоил ее Джек. — В самолете — одни американцы. Им все до лампочки. Они кино смотрят.

Он поднял разделяющий их подлокотник, и она прильнула к нему, чувствуя внутри пустоту и странное удовлетворение.

REDUX¹²¹

¹²¹ Вернувшийся, возвращающийся (*лат.*).

Джулия проснулась поздно, разбитая от мучивших ее кошмаров. Пару дней назад Эди и Джек неохотно уехали домой в Лейк-Форест. Их отъезд Джулия восприняла с облегчением, но сейчас в квартире было удручающе тихо; казалось, «Вотреверс» опустел. Было воскресенье, так что она натянула на себя вчерашнюю одежду (то есть ту, в которой ходила и позавчера, и три дня назад) и вышла в угловой киоск у автобусной остановки, чтобы купить «Обсервер». Вернувшись, она обнаружила большой мотоцикл, перегородивший подход к воротам. Джулия раздраженно пробралась мимо него. Она прошагала к крыльцу и вошла в дом, не догадываясь, что за ней наблюдают.

Заварив чай, она вскрыла пачку шоколадного печенья. Добавила в чай молока, поставила все на поднос, не забыв прихватить сигареты, и отнесла в столовую. Призрак Котенка, сощутив один глаз, лежал, свернувшись клубочком, на свежей газете. Опустив поднос на стол, Джулия протянула руку прямо сквозь Котенка, схватила газету и начала разбирать ее на рубрики. Посмотрев на нее с укоризной, кошечка принялась вылизывать у себя под хвостом, задрав одну лапу вверх. Она слегка напоминала виолончелистку, но Джулия ее не видела и потому не отпустила свою обычную шутку.

Развернув газету, Джулия жевала печенье. Подумала про Элспет — интересно, где она и чем занимается; вот уже пару недель Джулия не замечала ее присутствия, если не считать внезапных порывов холодного ветра и мигающих лампочек. Прочитав интересующий ее раздел, Джулия не стала возвращать его на место: Мышки не было; Мышка не собиралась читать газету и упрекать сестру в эгоизме. Джулия закурила. Котенок покривился и спрыгнул со стола.

Газета была прочитана от корки до корки; Джулия курила четвертую сигарету, когда вдруг услышала какие-то звуки. Вроде, шаги: она подняла голову и уставилась на потолок, откуда и доносился шум. «Мартин? Мартин вернулся?» Затушив сигарету прямо в чашке, Джулия выбежала из столовой на площадку и очертя голову ринулась вверх по лестнице.

Дверь в квартиру Мартина была приоткрыта. У Джулии заколотилось сердце. Она сделала шаг.

На пороге она замерла, прислушиваясь. В квартире было тихо. Джулия слышала щебет птиц за окном. В полумраке по-прежнему громоздились пыльные коробки и пластиковые контейнеры. Сперва Джулия подумывала окликнуть Мартина; но потом решила, что туда мог забрести неизвестно кто. Она стояла в нерешительности, вспоминая ту первую ночь, когда Мартин залил их квартиру и она застала его за мытьем пола в спальне. Это случилось так давно; тогда была зима. А сейчас лето. Джулия медленно и бесшумно пошла по комнатам. Все тихо. Окна по большей части все так же заклеены газетами. Там, где газеты были сорваны, сквозь оконные стекла проникал поток солнечного света; газетные листы валялись там, куда она их бросила. Джулия прокралась через гостиную и столовую. На кухонном столе кто-то оставил крышку от пивной бутылки и открывалку. Джулия не помнила, чтобы Мартин пил с утра, но тут же подумала, что, вероятно, уже и не утро; она ведь проснулась довольно поздно.

Пройдя по коридору, она заглянула в кабинет. Там, у письменного стола Мартина, стоял высокий, угловатый парень и что-то читал, поднеся листок к свету. Сцена напомнила Джулии картину Вермеера.¹²² Незнакомец стоял спиной к Джулии. На нем были джинсы, черная футболка и мотоциклетные ботинки. Волосы довольно длинные, темные. За чтением парень вздыхал и проводил рукой по волосам. Случись Джулии хоть раз повстречаться с Марикой, эти вздохи и жесты однозначно указали бы, кто стоит перед ней. А так она

¹²² Там, у письменного стола Мартина, стоял высокий, угловатый парень и что-то читал, поднеся листок к свету. Сцена напомнила Джулии картину Вермеера. — Ян Вермеер, тж. Вермеер Дельфтский (1632–1675), — нидерландский художник, мастер бытовой живописи и жанрового портрета. Наряду с Рембрандтом и Франсом Халсом является одним из величайших живописцев золотого века голландского искусства. Здесь имеется в виду его картина «Девушка с письмом» (конец 1650-х гг.).

терялась в догадках, пока он не повернулся к ней лицом.

— Ой! — воскликнула Джулия.

Молодой человек вздрогнул. Еще секунду они смотрели друг на друга, потом Джулия сказала:

— Прошу прощения.

Одновременно с ней молодой человек спросил:

— Ты кто?

— Я Джулия Пул. Живу этажом ниже. Услышала шаги...

Он изучал ее с любопытством. Джулия поняла, какое зрелище предстало его взору: тощая, неумытая, растрепанная, небрежно одетая телка.

— Я Тео Уэллс. Сын Мартина и Марики. От отца больше двух недель не было никаких вестей. От мамы тоже. При том что они меня всегда... окружают вниманием. А теперь даже на звонки не отвечают. Вот я и примчался, а тут никого. Не иначе как отец куда-то умотал — согласись, это странно, правда? Я мог бы... нет, не понимаю.

Джулия улыбнулась:

— Он поехал в Амстердам, чтобы найти твою маму.

Тео покачал головой:

— Хочешь сказать, он сам, по доброй воле, вышел из квартиры? Сел в автобус или в поезд? Не может быть. В последний раз, когда я к нему приезжал, он даже из ванной боялся выйти.

— Ему стало лучше. Он принимал лекарства и понемногу шел на поправку. И вот решился поехать за Марикой.

Тео присел за стол Мартина. Джулия не могла отделаться от мысли о его сходстве с отцом: моложе, осанистее, размашистей, но лицо и руки — точь-в-точь. Странная вещь — гены. Она часто об этом думала. Ей пришлось в голову: а не уступает ли он отцу в другом отношении?

— Он ненавидел антидепрессанты, — сказал Тео. — Боялся побочных эффектов. Мы пытались его уговорить. А он всегда отказывался.

Тео провел руками по лицу, и Джулия подумала, что люди примерно таким же образом воспринимали их с Валентиной: смотрели на одну и непременно вспоминали другую. «Мышке это было ненавистно. Переплетение, путаница. Когда человек смотрит на нее, а видит меня». Джулия смотрела на Тео, а видела Мартина. Эта мысль ее взбудоражила.

— Он не знал. Я его обманула.

Она не могла понять, одобряет Тео ее хитрость или нет. Казалось, он погрузился в свои мысли.

— А это твой мотоцикл? — спросила она.

— Что? Да.

— Покатаешь?

— А тебе сколько лет? — ухмыльнулся Тео.

— Сколько надо. — Джулия вспыхнула. «Он думает, мне двенадцать». — Я твоя ровесница.

Его брови взметнулись вверх.

— Именно так, — подтвердила она.

— Докажи.

— Стой тут, — приказала Джулия. — Не уходи без меня.

— Нет вопросов, мне еще нужно кое-что раскопать. Если получится, конечно, — ответил Тео, обводя взглядом коробки.

Джулия сбежала вниз по лестнице. Скинула одежду, приняла душ и в растерянности остановилась у гардеробной. «А что бы выбрала Валентина? Нет, стоп. Что бы выбрала я?» Она надела джинсы, высокие коричневые замшевые сапоги Элпет и розовую футболку. Подкрасила губы, высушила волосы и пошла наверх.

Тео стоял на коленях возле штабеля коробок.

— Бесплезняк, — пробормотал он.
— Этого следовало ожидать, — сказала Джулия.
Тео обернулся к ней.
— Во это да, — протянул он. — Значит, покататься хочешь? У меня есть запасной шлем.
— Это здорово, — откликнулась Джулия. — Я с удовольствием.

ПОСЕЩЕНИЕ

На первых порах Валентина была почти ничем и почти ничего не знала. Ей было холодно. Она бесцельно слонялась по квартире, с нетерпением ожидая неизвестно чего.

Время в квартире текло очень медленно. Сначала Валентина особо не размышляла, но через пару месяцев стала понимать, что мертва, что Элспет куда-то исчезла, а сама она застряла тут с Джулией на веки вечные; когда она начала строить эти догадки, время замедлило свой бег, и Валентине показалось, будто воздух в квартире остекленел.

Котенок теперь стал ее постоянным спутником. Они вдвоем коротали дни в погоне за солнечными зайчиками, вместе валялись на ковре; вечерами присоединялись к Джулии, чтобы посмотреть телевизор, а ночью, когда она спала, устраивались на диванчике у окна и глазели на освещенное лунным светом кладбище. *Похоже на какой-то бесконечный сон, когда с тобой ничего не происходит, но зато можно летать.* Джулия, судя по всему, высматривала ее и ждала; иногда нерешительно окликала по имени или смотрела в ее сторону; тогда Валентина спешила убраться в другую комнату — она не хотела, чтобы Джулия знала об ее присутствии. Валентине было стыдно.

Лето сменилось осенью. Холодным дождливым вечером Валентина увидела Роберта, который шел по дорожке к дому. В саду стояла дощечка с надписью «Продается квартира» — так решили Мартин и Марика. Джулия была наверху: помогала Тео упаковать коробки для переезда.

Роберт отпер дверь. Маленькая карточка с напечатанным именем Элспет по-прежнему оставалась на своем месте, и его охватила тоска. Свои заляпанные грязью ботинки он оставил внизу и теперь бесшумно прошел по коридору в гостиную. Включив торшер возле рояля, он огляделся.

— Валентина?

Она стояла у окна. Хотела понять, что у него на уме.

— Валентина... прости. Я не знал.

Ей так долго мечталось его увидеть. Теперь он пришел, и она была разочарована.

Роберт стоял посреди комнаты; прислушиваясь, он склонил голову набок и опустил руки. Неподвижность. Ни дуновения холода, только пустота.

— Валентина?

Она размышляла, любил ли он ее хоть когда-нибудь.

А он ждал. В конце концов, не найдя никакого отклика, он повернулся и тихо вышел из квартиры. Она смотрела, как он ступает по дорожке и выходит за ворота, темный силуэт на фоне темноты. *Куда ты идешь, Роберт? Кто тебя там ждет?*

СЛУЧАЙНЫЕ ВСТРЕЧИ. ОТГОВОРКИ. ОТКРЫТИЯ

Глазея на витрины, Джулия шла по Лонг-Эйкр. Был солнечный январский день, суббота; Джулия проснулась с острым желанием выйти на люди, прошвырнуться по магазинам, купить подарок Тео или что-нибудь симпатичное для себя, чтобы прилично выглядеть, когда поедет к нему на выходные. Но в тот день Джулия надела неглаженные джинсы и толстовку, а сверху накинула пальто Элспет. Она чувствовала себя слишком тощей, словно ее тело не могло заполнить одежду. Джулия, как космонавт, переставляла ноги в дурых сапогах-луноходах. Она завернула в небольшой магазинчик «Нилс-ярд»,

изобилующий всякими розовыми вещичками: высокими кроссовками, боа из перьев, виниловыми мини-юбками. «Мышка бы точно потеряла тут голову», — подумала она. Джулия представила себя и Валентину в пушистых свитерах из ангоры и неоновых зеленых чулках в сеточку. В примерочной она приложила к себе свитер, но отражение получилось непривлекательным; девчонка, выглядывающая из зеркала, смахивала на Валентину, больную гриппом. Джулия отвернулась и повесила свитер обратно, даже не примеряя.

Выйдя на улицу, она остановилась, подумывая о кафе «Прэт», оставшемся позади, и стала вспоминать, с какой стороны пришла. Мимо нее проскочила девушка. От нее повеяло таким запахом — смесью лавандового мыла, пота и детской присыпки, — что Джулия невольно обратила на нее внимание. Девушка шагала быстро, уворачиваясь от туристов. Она двигалась уверенно, не задумываясь, обходя бомжей, торгующих газетами, и уличных музыкантов. По ее плечам рассыпались упругие темно-каштановые локоны, подпрыгивавшие в такт походке. На ней было алое платье и маленькая меховая накидка. Джулия увязалась за ней.

Чем дальше она шла следом за незнакомкой, тем сильнее волновалась. «Шерлок Холмс говорит, что спину нельзя замаскировать. Или это Питер Уимзи?¹²³ Неважно — со спины эта девушка выглядит точь-в-точь как Мышь. Хотя походка — не ее». Валентина никогда бы не стала так решительно пробиваться сквозь толпу. Девушка нырнула в картографический магазин «Стэнфордз», Джулия за ней.

— Скажите, у вас есть карта Восточного Сассекса? — У девушки был глубокий грудной голос, как у выпускницы Оксфорда или Кембриджа.

— Дорожная карта или подробная карта местности? — уточнил продавец.

— Наверное, подробная.

Джулия топталась возле прилавка с книгами об Австралии, в то время как продавец повел девушку вниз. Через несколько минут девушка вернулась, неся фирменный пакет, и Джулия смогла посмотреть ей в лицо.

Она была как Валентина — и в то же время не она. Сходство поражало точностью — и отсутствовало напрочь: у девушки были черты Валентины, но выражение лица оказалось чужим. Она была густо накрашена — темная помада, подводка. Глаза у нее были карие, лицо выражало уверенность, совершенно не присущую Валентине. Джулия сверлила ее взглядом.

Девушка устремила к дверям; она уже была готова выйти наружу, но Джулия не могла этого допустить.

— Извините меня, — сказала Джулия.

Девушка остановилась и обернулась, догадавшись, что обращаются именно к ней. Джулия увидела, что незнакомка беременна. Их глаза встретились: была ли девушка удивлена? Боялась? Или просто испугалась, что кто-то незнакомый схватил ее за руку?

— Простите? — произнесла девушка.

Джулия так пристально вглядывалась, что чувствовала, будто поедает это лицо. Ей хотелось стереть макияж, сорвать с нее одежду, чтобы проверить, на месте ли все знакомые родинки и следы от прививок.

— Вы делаете мне больно! — вскричала девушка.

Голос был незнакомый. Все, кто находился в магазине, притихли. Джулия услышала тяжелые шаги за спиной. Она отпустила руку девушки. Та поспешно открыла дверь, выскочила на улицу и заторопилась прочь. Джулия последовала за ней, но увидела, как девушка растворилась в толпе.

Элспет почти перешла на бег. Она тяжело дышала и уговаривала себя идти помедленнее. На ходу она ни разу не обернулась. Ей на глаза попалось кафе «Старбакс»; она зашла и села за столик. Когда сердце перестало трепыхаться, как бешеное, она пошла в

¹²³ *Питер Уимзи* — главный герой 11 детективных романов и 21 рассказа английской писательницы Дороти Л. Сейерс (1893–1957).

туалет, плеснула в лицо водой и подправила макияж. Потом внимательно изучила свое отражение. Проверку оно не прошло. Ее внешность изменилась, но, по-видимому, мало — несмотря на все ухищрения, Джулия заподозрила в ней свою сестру-близняшку. Узнала ли ее Джулия? Если да, то почему перестала преследовать; откуда эта неуверенность? Элспет представила себе лицо Джулии: такое худое, такое изможденное. Она облокотилась на раковину и склонила голову. Подбородок упирался в грудь, а между рук возвышался живот, словно красный воздушный шар. Заплавав, Элспет уже не могла остановиться. Ее маленькая меховая накидка стала мокрой от слез.

Когда она наконец вышла из туалета, за дверью уже собралась очередь из трех женщин, каждая из которых проводила Элспет неодобрительным взглядом. Элспет решила отложить все дела. Она нырнула в метро и через двадцать минут вышла на станции «Кингз-Кросс Сент-Панкрас». Пока она стояла на пороге крохотной квартирки, роясь в поисках ключей, Роберт успел открыть ей дверь.

— Где ты была? — спросил он. — Я уже начал волноваться.

— Нам придется уехать из Лондона, Роберт. Я встретила Джулию.

— Она тебя видела?

Элспет все ему рассказала.

— Не думаю, что она уверена на все сто. Но она чуть с ума не сошла и меня напугала. Да, надо срочно уносить ноги.

Они прошли в запущенную кухню. Элспет села за стол, подперев голову руками, а Роберт начал расхаживать туда-сюда. Кухня была такой тесной, что он мог сделать лишь несколько шагов в каждую сторону. Это хождение раздражало Элспет. И возвращало ее к мыслям о Джулии.

— Будь добр, перестань.

Роберт сел.

— Куда нам ехать?

— Америка. Австралия. Париж.

— У тебя даже нет заграничного паспорта. Мы не сможем улететь в другую страну.

— Тогда в Восточный Сассекс.

— Почему вдруг? — спросил Роберт.

— Там хорошо. Мы могли бы жить в Льюисе, а по воскресеньям гулять в дюнах. Почему бы и нет?

— Мы там никого не знаем.

— Вот именно.

Роберт вскочил и стал опять расхаживать из угла в угол, забыв, как Элспет только что его одернула.

— Может, нам стоит открыться. Тогда мы сможем жить у меня в квартире, и со временем все наладится.

Элспет посмотрела на него без всякого выражения. «Ты спятил». Через мгновение Роберт одумался:

— Нет, лучше не рисковать.

— Поселимся где-нибудь в маленьком домике. Ты закончишь свою работу.

— Это, каким же, черт возьми, образом я закончу диссертацию, если не смогу посещать кладбище? — Он сорвался на крик.

— А что тебе мешает посещать кладбище? — тихо спросила Элспет. Она почувствовала, как толкается ребенок.

— Джессика тебя видела, — ответил он. — Что я ей скажу?

Элспет нахмурилась:

— Скажешь ей ровно столько, сколько сочтешь нужным. Пусть она сама рассудит. Даже врать не придется — просто опусти некоторые детали.

Роберт смотрел сверху вниз на ее воздетое к нему лицо, взятое напрокат. «Так вот как ты добиваешься своего. Кто бы мог подумать».

— И давно ты собираешься переехать в Сассекс? — спросил он.

— О, с самого детства. Родители возили нас на фестиваль в Глайндборн,¹²⁴ и мы сходили с поезда в Льюисе вместе с разодетой публикой. Всегда хотела купить домик в деревне, именно там. На самом деле я бы хотела жить прямо в оперном театре,¹²⁵ но вряд ли такое возможно.

— Ну, не знаю, — досадливо бросил Роберт. — Я бы сказал, если ты смогла восстать из мертвых, то и жить могла бы, где пожелаешь.

— Но в твоей квартире мы жить не сможем, — возразила Элспет.

— Не сможем.

— В таком случае, — продолжала Элспет, — почему бы нам не съездить в Восточный Сассекс — просто осмотреться? Пригласив с собой агента по недвижимости?

— Ладно, — согласился Роберт. Схватив со стола ключи, он взял куртку.

— Ты куда?

— На улицу. — Надевая куртку, он повернулся к Элспет; ее лицо выражало такое смирение, какого он прежде у нее не замечал. — В библиотеку, — смягчился он. — У меня заказано несколько книг.

— Увидимся позже? — спросила она, словно не была в этом уверена.

— Ага.

Роберт шел по залитой солнцем Юстон-роуд и твердил себе: «Надо поговорить с Джессикой». У входа в библиотеку он подумал: «Не могу представить, что уеду из Лондона». Заперев вещи в шкафчик камеры хранения, Роберт поднялся в читальный зал. «Что я там буду делать?» Он сидел и ждал, пока разгорится лампа у него на столе; решение пришло само собой, и он громко рассмеялся его очевидности.

Роберт и Джессика закрылись в конторе. Рабочий день кончился; все работники кладбища ушли домой. Он рассказал ей все без утайки. Не выгораживая себя, постарался очертить все факты и причины. Джессика терпеливо слушала. Она сидела в сумерках, сцепив пальцы домиком, подавшись вперед и ловя каждое слово. Наконец он умолк. Джессика потянулась к цепочке настольной лампы и зажгла свет, создав аккуратное желтое пятно, не коснувшееся ни одного из них. Он ждал, что она скажет.

— Бедный Роберт, — произнесла она. — Все так прискорбно. Хотя, насколько можно судить, ты получил то, чего желал.

— Это и есть самая жестокая кара, — ответил Роберт. — Будь у меня такая возможность, я все бы вернул назад.

— Правильно, — согласилась она. — Но такой возможности у тебя нет.

— В том-то и дело. — Он вздохнул. — Ладно, пойду. Мы завтра уезжаем. Надо еще собраться.

Они встали. Джессика спросила:

— Вы вернетесь?

— Надеюсь.

Он включил верхний свет и медленно пошел за ней вниз по лестнице. Когда они уже стояли у ворот кладбища, она сказала:

— До свидания, Роберт.

Он расцеловал ее в обе щеки, выскользнул в приоткрытые ворота и зашагал в темноту. «Полубуйтесь на него», — думала Джессика. Она смотрела ему вслед, пока он не скрылся из

¹²⁴ ...на фестиваль в Глайндборн... — Имеется в виду ежегодный оперный фестиваль в Глайндборне, который проводится с 1934 г. в имении близ Льюиса, графство Сассекс, принадлежавшем основателю фестиваля, известному меценату Дж. Кристи.

¹²⁵ ...я бы хотела жить прямо в оперном театре... — Аллюзия к мюзиклу «Призрак оперы» (1986), созданному Эндрю Ллойдом Уэббером по роману французского писателя Гастона Леру.

виду. Заперев ворота, она еще постояла в неосвещенном дворе, слушая ветер и поражаясь человеческому безрассудству.

КОНЕЦ

Был первый день весны. Валентина сидела на диванчике у окна, выходившего на Хайгейтское кладбище. Косые лучи утреннего солнца заливали старый голубой ковер, проходя прямо сквозь нее. Птицы кружили над верхушками деревьев, усеянных набухшими почками; Валентина слышала шорох автомобильных колес на парковке у церкви Святого Михаила. Внешний мир сегодня был светлым, чистым и шумным. Валентина грелась на солнышке. Котенок вспрыгнул ей на колени; она гладила белую шерстку и наблюдала за голубями, выющими гнездо на крыше мавзолея Юлиуса Бира.

Джулия спала, разметавшись на кровати, словно пыталась захватить как можно больше места. У нее приоткрылся рот. Валентина встала, держа на руках Котенка, и подошла к кровати. Остановилась и стала смотреть на Джулию. Потом сунула палец ей в рот. Та не шелохнулась. Валентина вернулась к окну и села на прежнее место.

Через час Джулия проснулась. Валентины уже не было; приняв душ, Джулия оделась и в одиночестве выпила кофе. Ее беспокоила тишина в доме. Роберт съехал; квартира наверху никак не продавалась (возможно, потому, что все еще была битком набита коробками). «Собаку, что ли, завести? А как в Лондоне заводят собак?» У англичан пунктик насчет животных; может, здесь нельзя просто явиться в приют для бездомных собак и выбрать, какую захочешь. Может, требуется какое-то разрешение? Она представила, какие лица будут у людей, пристраивающих собак в хорошие руки, когда они увидят, что она живет как сирота в этом огромном и пустом доме под названием «Вотреверс». «Не проще ли уподобиться старым девам-кошатницам. Пусть гуляют сами по себе. Запущу их в квартиру Мартина, там у них будет парк аттракционов, „Диснейленд“. Они с ума сойдут от радости».

Джулия сидела в столовой за кружкой кофе. Обеденный стол скрывали завалы бумаг и ручек; листы были исписаны почерком Валентины. Сотрудники приюта, чего доброго, решат, что она не в себе. Джулия принялась собирать листы. Отнесла их на кухню и выбросила в мусор. Когда она вернулась в столовую, Валентина с Котенком на плече стояла у французского окна. Джулия вздохнула.

— Терпеть не могу беспорядка, — сказала она. — Жуткий вид.

Валентина проигнорировала это замечание и показала, будто пишет на ладони, — таким жестом обычно просят официанта принести счет.

— Ясно, — отозвалась Джулия. — Хорошо.

Она отхлебнула остывший кофе — пусть Мышь не думает, что перед ней тут будут ходить по струнке. Валентина терпеливо стояла около ее стула, Джулия опять села за стол, придвинула к себе чистый лист, взяла ручку и занесла ее над бумагой.

— Давай, — скомандовала она.

Валентина склонилась над столом, Котенок спрыгнул с ее плеча и встал на бумагу. Валентина согнала его и накрыла руку Джулии своей ладонью.

Я ПРИДУМАЛА

— Придумала что?

КАК ВЫЙТИ

— О. — Джулия не стала спорить, — Ну, хорошо. Как?

ВОЙТИ В ТЕЛО. ОТКРОЙ РОТ ИДИ НА УЛИЦУ

— Выйти на улицу и открыть рот?

Валентина покачала головой:

ОТКРОЙ РОТ ЗАКРОЙ РОТ ПОТОМ ИДИ

Джулия открыла рот, будто в кресле у стоматолога, потом закрыла его, сжав губы, и указала на окно.

— Так, что ли?

Валентина кивнула.

— Прямо сейчас?

Валентина кивнула опять.

— Дай хотя бы туфли надеть.

Валентина взяла Котенка Смерти и встала у входной двери, ожидая Джулию. В зеркалах ей померещилось собственное отражение, но уверенности не было.

Джулия вышла в прихожую, одетая в любимый жакет Элспет — из нежно-голубого кашемира, с перламутровыми пуговицами. Валентина посмотрела на нее долгим взглядом, а затем наклонилась и поцеловала Джулию в губы. Для Джулии это было как призрак прежних поцелуев Мышки. Она улыбнулась; на глаза навернулись слезы.

— Готова? — спросила Джулия, и Валентина кивнула.

Джулия широко разинула рот и закрыла глаза. Она почувствовала, что рот наполнился чем-то вроде густого тумана; она открыла глаза и постаралась не поперхнуться. «Как я буду дышать?» Вещество у нее во рту стало твердеть. Оно опускалось в горло; Джулия закашлялась и начала задыхаться. Казалось, в рот набился мех или волосяной ком. Она закрыла рот и постаралась восстановить дыхание; тут она почувствовала, что сгусток делается все меньше и тяжелей, освобождая пространство у нее во рту, умещаясь между языком и нёбом. У него был металлический привкус; он слегка подергивался, как егозливый ребенок, вынужденный сидеть на месте. Джулия осмотрелась. Валентина с кошечкой исчезли.

«Ну, вперед, подружки». Джулия вышла на лестницу. Валентина и кошечка съежились у нее во рту. Джулия сбегала по ступенькам и вышла из «Вотреверса»; непонятный сгусток все еще подрагивал у нее на языке. Обогнув дом, она побежала к зеленой двери в стене и немного повозилась с ключом. Наконец, отперев дверь, она ступила на кладбище и открыла рот.

Оттуда вылетела Валентина. Она ненадолго зависла в воздухе, разворачиваясь в утреннем ветерке, словно радужная струя из садового шланга. Котенок Смерти перемещался вместе с ней, а потом, на глазах у Джулии, они разъединились и исчезли.

Валентина и сама чувствовала, как ветерок ее расправляет и уносит все дальше от Котенка. Поначалу она ничего не видела и не слышала, но потом к ней вернулись и зрение, и слух. Джулия стояла, прижав руки к груди, и с печальной улыбкой смотрела на Валентину снизу вверх.

— Прощай, Валентина, — выговорила Джулия. По ее щекам бежали слезы. — Прощай, Котенок.

Прощай, прощай, Джулия. Котенок вывернулся из рук Валентины, прыгнул на крышу Катакомб и побежал в глубь кладбища. Развернувшись, Валентина последовала за ним.

Ее чувства были распахнуты настежь, точно окна и двери. Все говорило и пело для нее одной — трава, деревья, камни, насекомые, кролики, лисы; все замирало, когда мимо пролетал призрак; все приветствовало ее радостными возгласами, словно она побывала далеко от дома, а теперь совершала триумфальный полет. Она проплывала сквозь надгробные камни и заросли, наслаждаясь их плотностью и прохладой. Котенка она догнала под Ливанским кедром. Вместе они поплыли над Египетской аллеей, закружились над центральным проходом. Если там и были другие призраки, Валентина их не увидела; ее приветствовала сама природа, а не ангелы на могилах — те были просто камнями. Валентина проникала взглядом сквозь предметы, заглядывала внутрь. Она видела склепы, заполненные гробами; видела в гробах тела, неловко скрюченные, с молитвенно сложенными руками, — тела, давно превратившиеся в прах и тлен. Валентину охватило похожее на голод нутряное, исступленное желание отыскать собственное тело. Теперь они летели быстрее; мимо проносились неразличимые пятна зелени и камней; и вот наконец показался небольшой каменный домик с надписью «Ноблин»; маленькая железная дверь не представляла для Валентины никакой преграды; внутри была тишина, здесь находились гроб Элспет и ее тело, гробы и тела родителей Элспет, ее дедов и бабушек. Она увидела свой гроб и, еще даже не

коснувшись его, поняла, что он пуст. *Так значит, это правда.* У нее на глазах Котенок Смерти нетерпеливо терся мордочкой о белый угол. Валентина приложила руки к лакированной поверхности гроба Элспет, точь-в-точь как сделал когда-то Роберт. *Что же дальше?* Забрав Котенка, она выбралась наружу. В сомнении остановилась на дорожке.

Мимо шла маленькая девочка. Она что-то напевала себе под нос и размахивала в такт походке своей шляпкой, держа ее за ленточки. На ней было лавандовое платье, по моде конца девятнадцатого века.

— Здравствуйте, — вежливо поздоровалась она с Валентиной. — Вы идете?

— Куда? — не поняла Валентина.

— Там созывают ворон, — ответила девочка. — Собираемся полетать.

— А зачем нужны вороны? — удивилась Валентина. — Неужели вы не можете летать сами?

— Это совсем другое дело. Разве вы не знаете?

— Я новенькая, — объяснила Валентина.

— А-а. — Девочка пошла дальше, Валентина за ней. — Скажите, пожалуйста, вы американка? Откуда у вас такая кошечка? Тут ни у кого нет кошек, а при жизни у меня была кошечка Мейзи, но ее тут нет...

Валентина последовала за ней до диссентерского некрополя, где уже собралось множество призраков: они держались небольшими группами и мирно болтали. Здесь недавно произвели вырубку: участок был открыт небу, и только пни торчали между могилами. Призраки, взглянув на Валентину, отворачивались. Она подумала: может быть, нужно представиться? Девочка куда-то ушла. Теперь она возвращалась, ведя за собой грузного мужчину, одетого как для охоты на лис.

— Это мой папа, — представила его девочка.

— Весьма польщен, — обратился он к Валентине, — Не изволите ли к нам присоединиться?

Валентина колебалась; она боялась высоты. *А почему бы и нет,* подумала она. *Я ведь уже мертвая. Мне теперь все нипочем. Могу делать что захочу.*

— Да, — ответила она. — Я с удовольствием.

— К вашим услугам, — откликнулся мужчина.

Он поднял руку; жирная ворона спикировала прямо к ним и стала, каркая, расхаживать с важным видом. Валентина подумала: *Прямо как такси поймать.* Вскоре над ними кружили сотни ворон. Все призраки ужались до таких размеров, чтобы без труда запрыгнуть на ворону. Валентина поступила так же. Крепко сжав ворону коленями, она бесплотной правой рукой обняла ее за шею, а в левой удерживала Котенка.

Огромная стая ворон в один миг поднялась в воздух над Хайгейтским кладбищем, унося с собой призраков; их темные одежды и развевающиеся саваны хлопали на ветру не хуже крыльев. Они пронеслись над парком Уотерлоу, покружили над Хэмпстед-хит, но не стали задерживаться, чтобы поскорее достичь Темзы и лететь по ее течению на восток, мимо зданий парламента и Вестминстерского моста, мимо набережной Виктории, Лондонского моста, Тауэра, и дальше, и дальше. Валентина крепко держалась за свою ворону. Котенок мурлыкал у нее под ухом. *Я так счастлива,* с удивлением подумала она. Солнечный свет беспрепятственно проходил сквозь призраков, и только тени ворон омрачали речную гладь.

Потеряв из виду Валентину, Джулия еще немного постояла у стены, слушая птичий щебет. Потом она захлопнула зеленую дверь. Вернувшись в квартиру, сделала себе очередную чашку кофе. Она села на диванчик у окна и стала смотреть, как раскачиваются на ветру кладбищенские деревья, а среди зелени мелькают белые камни надгробий. Она слушала тишину дома, гул холодильника и щелчки, сопровождавшие смену цифр на старых радиочасах. «Точно: заведу собаку», — подумала Джулия. Она провела день за уборкой, а после ужина потрепалась по телефону с Тео. Довольная и одинокая, она улеглась в постель, и в эту ночь ей ничего не снилось.

Бывают же такие яркие дни: поля вокруг дома были изумрудно-зелеными, а небо Сассекса сверкало синевой, да так, что слепило глаза. Ближе к вечеру Элспет отправилась с ребенком на прогулку. У ребенка были колики, и, когда уже ничего не помогало, прогулки иногда его успокаивали. Аккуратно спеленатый, он мирно сопел, прижатый к ее груди. Элспет прошла по длинной подъездной дороге, ведущей к их тесному домику. Уже стемнело, но луна была почти полной, так что она могла видеть свою тень, скользящую перед ней по гравию. Со всех сторон ее окружало жужжанье летних насекомых — приглушенный хор, накрывший поля звуковым покровом.

Не одну неделю она пристально наблюдала за Робертом. После переезда на них обрушилась долгая череда неудач. Роберт не мог привыкнуть к простору и тишине; он скучал по кладбищу и под любым надуманным предлогом отправлялся на поезде в Лондон. С Элспет он почти не разговаривал; можно было подумать, он свил вокруг себя невидимый кокон своего собственного Лондона, где и обитал без нее. Необъятная рукопись так и лежала нетронутой у него на столе. Потом родился ребенок, и Элспет погрузилась в пучину повседневности: сон стал труднодостижимой роскошью, а кормление грудью оказалось сложнее, чем ей помнилось. Ребенок плакал, она обливалась слезами, в конце концов Роберт вроде как проснулся и заметил ее присутствие. Казалось, его удивило появление ребенка, будто раньше он считал, что Элспет просто шутит насчет своей беременности. К изумлению Элспет, рождение ребенка совершило то, чего не смогла добиться она сама: Роберт вернулся к работе над диссертацией.

Месяцами напролет он сосредоточенно корпел над рукописью посреди неизбежного хаоса. Элспет ходила на цыпочках, боясь разрушить это чудо, но он уверил ее, что в этом нет никакой необходимости. Объяснил, что шум, как ни странно, ему даже полезен.

— Слово работа действительно требует своего завершения, — повторял он, и принтер каждую ночь со стрекотом выдавал новые порции безупречно распечатанных страниц.

В этот вечер ее почему-то охватило тревожное ожидание: мир приспосабливался к новому течению жизни. Что-то должно было произойти; рукопись близилась к завершению. Элспет с ребенком на руках шла сквозь сумерки среди сладко пахнущих полей и ликовала: «Я тут. Я жива». Она дотронулась до нежной детской макушки своими прохладными ладонями. На нее нахлынуло неизбывное раскаяние — перед глазами возник образ Валентины, скрючившейся на полу в спальне. От этого образа не было ни спасения, ни защиты. Элспет нечем было ответить и нечем защититься от этого образа. Он вспыхивал в ее сознании, а потом угасал. Не останавливаясь, она шла вперед.

Домишко напоминал выдолбленную тыкву, которая в Духов день светится оранжевыми прорезями. Повсюду горел свет. Элспет миновала сад и прошла через черный ход на кухню. Жужжанье насекомых почти умолкло. В доме было очень тихо.

— Роберт? — позвала она, стараясь говорить шепотом.

Она перешла в гостиную. Никого. На письменном столе Роберта лежала аккуратная стопка бумаги. «История Хайгейтского кладбища». Все папки и черновики были убраны. Это выглядело как заключительная точка. Элспет улыбнулась:

— Роберт?

Его не было дома. Той ночью он не вернулся. Шли дни, и она в конце концов поняла, что он не вернется больше никогда.

БЛАГОДАРНОСТИ

Я не смогла бы написать «Соразмерный образ твой»¹²⁶ без исключительного великодушия Джин Пейтман, председателя Общества друзей Хайгейтского кладбища. Я не

¹²⁶ Так в оригинале. Прим. верстальщика

только почерпнула от нее массу ценных сведений об этом кладбище, но и получила возможность поработать там экскурсоводом; она также стала мне близкой подругой и вдохновительницей.

Далее, я очень признательна сотрудникам Хайгейтского кладбища: это Хилари Дибл-Роджерс, Ричард Кверк, Саймон Мур-Мартин, Павел Ксытя, Анета Гомулницка, Виктор Герман и Нил Люкстон, которые познакомили меня с похоронными традициями и обрядами и отвечали на мои бесчисленные вопросы с безграничным терпением и чувством юмора.

Особенно я обязана доктору Тони Джелиффу и Джону Пейтману, чьи исследования и знания были особенно важны для этой книги.

Большое спасибо Кристине Нолан, Сьюзен Нортон, Алану Петерсу, Эдди Дейли, Трейси Шевалье, Стюарту Торберну, Яну Келли, Мэри Оупеншоу, Джастину Бикерстету, Грегу и Бекки Говард, Джину Эттингеру, Джуди Роберте, Роуэну Дэвису, Кену Картеру, Бобу Триммеру, Кристиану Джилсону, Стиву Ханафину, Мэтью Придэму, Саманте Перрин, Алексу Малеру, Джудит Юилл и всем бывшим и настоящим гидам и друзьям Хайгейтского кладбища, кто любезно позволил мне ходить за ними по пятам во время экскурсий и стоять у них над душой, пока они занимались бумажной работой. Для меня было большой честью работать вместе с ними.

Слова любви и признательности адресую Джозефу Ригалу за его отчаянную смелость, силу духа и нестандартное мышление, а также за его чрезвычайно полезную редактуру. Спасибо Лорен Шотт Пирсон, Маркусу Хоффману и Говарду Сандерсу за их добрые советы и наставления как в жизни, так и в литературе. Спасибо Барбаре Маршалл и Майклу Стронгу. Также благодарю Каспиана Денниса из агентства «Эбнер Стайн» за дружбу и умелое посредничество.

Спасибо Дэну Франклину за мудрое редактирование, нестандартный подход и за исправление моих американизмов (ну кто же знал, что застекленные двери называются французскими окнами?). Помимо этого, хочу с любовью поблагодарить Рейчел Куньони, Сюзанну Дин, Хлою Джонсон-Хилл, Алекса Боулера, Лиз Фолей, Роджера Бретчелла и Джейсона Артура из издательства «Рэндом Хаус Англия»; спасибо Мэрион Гарнер и Луизе Деннис из издательства «Рэндом Хаус Канада». Также *Dank und Liebe* Гансу Юргену Балмсу, Изабель Купски и Бриджит Якобейт из немецкого издательства «С. Фишер ферлаг».

Благодарю Нэн Грэм за ее язвительные редакторские замечания и легкость в общении; буду рада поработать вместе еще. Спасибо Сьюзен Молдоу, Полу Уитлачу, Рэксу Бономелли и Кэти Монаган из издательства «Скрибнер».

Хочу выразить признательность фонду «Рэгдейл» и корпорации «Яддо» за предоставленное жилье, что дало мне время и место для работы; Национальной библиотеке Великобритании за помощь в исследовании. Также спасибо Хайгейтскому научному и литературному институту за плодотворные дни, проведенные в его библиотеке.

Огромное спасибо Лизе Энн Гурр, Этану Лавану и маленьким Гурр-Лаванам, Джонатану и Наталье, за их сердечное гостеприимство. Особая благодарность Лизе Энн Гурр за разрешение использовать ее историю про призраки деревьев, а также про Котенка Смерти. (Прости, пришлось его убить.)

С любовью благодарю Хейли Кэмпбелл, Нила Геймана, Антонию Роуз Лог и Дэвида Дрю за все восхитительные вечера на балете.

Спасибо Ноа Д. Фредерику за его перевод на латынь и помощь в других делах, связанных с переводом. Также благодарю Ану Риту Пирес за ее португальский перевод, использованный в сцене воображаемой поездки на такси Мартина и Марики. Спасибо Дэниелу Меллису за посредничество в организации этого перевода.

Особая благодарность Бертю Менко за его помощь с голландским языком и всем остальным, что связано с Нидерландами.

Спасибо Джону Падуру за совершенно необходимый план расположения комнат в моем воображаемом доме «Вотреверс», что спасло меня от многих промахов. Спасибо Джанет Лефли за долгие дни сочинительства и болтовни в «Копи»; спасибо Джесси Томасу,

Мэри Драбик, Каталине Саймон, Джезусу Мендесу и Джезусу Райесу за их чай с лимоном и симпатию.

Благодарю за вдохновение, советы, помощь в исследованиях и/или чтение рукописи: Лин Роузен, Уильяма Фредерика, Джонель Ниффенеггер, Рива Лерера, Берта Менко, Данеа Раш, Бенджамина Чандлера, Роберта Влодова и Кристофера Шнебергера. Спасибо Патрисии Ниффенеггер за помощь в наведении справок, а также Бет Ниффенеггер и Лоренсу Ниффенеггеру за их поддержку.

Спасибо Шерон Бриттен-Диттмер за ее дружеское отношение и борьбу с хаосом.

Также благодарю Эйприл Шеридан за ее выдержку и здравый смысл, за ее изумительное сочинительство и искусство, за помощь в моем творчестве.

ЗЕЛЕНАЯ КОРОБОЧКА

В конце каждой экскурсии по Хайгейтскому кладбищу один из сотрудников стоит у совершенно потрясающих кладбищенских ворот с зеленой пластиковой коробкой для пожертвований, и посетители на выходе обычно опускают туда мелочь. Средства идут на ремонт и восстановление кладбища — расходы на его содержание в 2009 году составили примерно тысячу фунтов стерлингов в день.

Если вы хотите помочь Обществу друзей Хайгейтского кладбища в его благородной деятельности, подумайте, пожалуйста, о том, чтобы сделать пожертвование. Для этого вы можете, вне зависимости от своего места жительства, зайти на сайт PayPal.com. Щелкните иконку «Send Money» и введите пэй-паловский адрес кладбища: donations@highgate-cemetery.org.

Спасибо,

Одри Ниффенеггер